

СТАТЬИ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ и М. И. МИХАЙЛОВ

(К истории их взаимоотношений)

Проф. Б. Козьмин

23 августа 1846 г. в одной из аудиторий Петербургского университета собрались в ожидании прихода профессора только что принятые на филологический факультет студенты-первокурсники. Все они были в новеньких, в первый раз надетых форменных сюртуках. Лишь один из них резко отличался своим одеянием от остальных. Его сюртук был потрёпанным и имел на себе следы продолжительного употребления.

Его сосед, заинтересованный его внешностью, спросил:

— Вы, вероятно, второгодник?

— Это вы предполагаете, видя на мне старый сюртук? — отозвался спрошенный.

— Да.

— А я купил его на толкучке¹.

Так впервые встретились два человека, жизненные пути которых в дальнейшем неоднократно пересекались.

Студентом в поношенном сюртуке был знаменитый впоследствии публицист и революционный деятель Н. Г. Чернышевский, незадолго до этого приехавший из родного Саратова в Петербург для завершения своего образования. Собеседником же его был известный в будущем поэт и журналист М. И. Михайлов, так же, как и Чернышевский, вписавший своё имя в историю нашего революционного движения 1860-х годов. Как и Чернышевский, Михайлов приехал в Петербург для поступления в университет. Однако здесь его постигла на первых же порах большая неудача: он срезался на экзаменах, и ему не оставалось другого выхода, как поступить в университет вольнослушателем.

Чернышевский и Михайлов понравились друг другу и очень скоро сблизились. Их сближению способствовало и то, что они являлись почти однолетками (Михайлов был на полгода моложе Чернышевского), и то, что в их интересах было немало общего. Оба они увлекались литературой. Правда, Чернышевского интересовала преимущественно литература политическая и историческая, а Михайлов занимался поэзией и беллетристикой. Тем не менее в разговорах друг с другом они находили немало тем, одинаково привлекательных для обоих.

Интерес к Михайлову поддерживался в Чернышевском также тем, что в лице своего молодого товарища по университету он впервые встретился с литератором, произведения которого уже печатались в журналах. Ещё в 1845 г., до приезда Михайлова в Петербург, в «Иллюстрации» Н. В. Кукольника, а затем и в других изданиях начали появляться его стихотворения и бытовые очерки. Михайлов в качестве начинающего и подающего надежды писателя приобрёл уже некоторую известность если ещё не в читательской массе, то в тогдашних литературных кругах. По свидетельству одного современного журналиста, Михайлов с самого появления его «в кругу литературной петербургской молодёжи приобрёл её любовь и всеобщую симпатию». «Добродушный, восторженный, увлекающийся, он всегда был готов пожертвовать собою для других, для тех

идей, которые он считал гуманными и справедливыми»¹, — писал впоследствии про Михайлова этот журналист. Людей, знакомившихся с Михайловым, пленяли в нём его любовь к литературе и преданность её интересам. К этому нужно прибавить, что уже в то время Михайлов поражал своих знакомых обширными сведениями в области истории художественной литературы, как русской, так и западноевропейской.

Сближало Чернышевского с Михайловым и то, что оба они вышли отнюдь не из верхов тогдашнего общества. Хотя и дворянин по паспорту, Михайлов в действительности являлся таким же «разночинцем» по происхождению, как и Чернышевский.

Его дед, крепостной крестьянин, был отпущен на волю помещицей, которой он принадлежал. Однако после её смерти наследники сумели, по формальным основаниям, вновь закабалить его. Дед Михайлова не хотел примириться с потерей полученной им свободы. Он резко протестовал против несправедливости, учинённой над ним. За это он попал в тюрьму и был подвергнут телесному наказанию. Всё это, вместе взятое, привело его к преждевременной смерти.

Отец Михайлова проделал незаурядную чиновничью карьеру. Начав службу канцелярским писцом, он кончил её на должности, в достаточной степени крупной по провинциальному масштабу, — на посту управляющего Илецким соляным промыслом. Получив от отца «приличное» состояние, он не только сохранил, но и приумножил его. Будучи человеком, интересовавшимся науками и литературой и обладавшим порядочной библиотекой, отец Михайлова дал своим детям хотя и домашнее, но весьма недурное по тем временам образование. При них состояли гувернёры — немец и француз, от которых М. И. Михайлов получил прекрасное знание иностранных языков. Поляк-повстанец 1830 г., отбывавший ссылку в Илецкой Защите, обучал М. И. Михайлова другим «предметам».

Михайлов был первым из товарищей по университету, с которым Чернышевский познакомился и сблизился. В письмах Чернышевского к родным, относящихся к 1846—1847 гг., фамилия Михайлова встречается довольно часто. Из этих писем видно, насколько Чернышевский заинтересовался личностью своего нового приятеля.

«Из своих товарищей был я только ещё у одного Михайлова, — общал 8 сентября 1846 г. Чернышевский отцу и добавлял: — Он очень умная и дельная голова»².

В одном из следующих писем (6 ноября того же года) Чернышевский писал: «Михайлов мне очень нравится: чрезвычайно умная голова. Из него выйдет человек очень замечательный»³.

В письме от 1 января 1847 г., сообщая отцу, что он ещё не успел завести в Петербурге таких близких и душевных друзей, какие были у него в Саратове, Чернышевский добавлял: «Правда, мы очень часто бываем друг у друга с Михайловым, но всё я ещё не так дружен с ним, чтобы говорить от души о том, что лежит на сердце»⁴.

Через несколько дней (4 января) Чернышевский сообщает отцу, что накануне он посетил Михайлова и что они занимались чтением «Отечественных записок» и приложения к «Современнику»⁵. Чтобы яснее было, что именно привлекало к себе внимание друзей, необходимо пояснить, что прибавление к «Современнику», вышедшее в начале 1847 г., содержало в себе знаменитый роман Герцена «Кто виноват?».

Ещё через несколько дней (10 января) Чернышевский в письме к

¹ Зотов В. «Петербург в сороковых годах». «Исторический вестник» № 5 за 1890 г., стр. 294.

² Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 62. М. и Л. 1928.

³ Там же, стр. 75.

⁴ Там же, стр. 87.

⁵ Там же, стр. 89.

отцу вновь упоминает о Михайлове, сообщая: «Редкий день проходит без того, чтобы Михайлов не был у нас или я у него»¹.

Подробнее на своих взаимоотношениях с Михайловым Чернышевский остановился в письме к отцу от 7 февраля того же года.

«Я не знаю, — писал он, — как вам хорошенько написать о моих отношениях с ним. Мы очень часто бываем друг у друга. Когда бываем, то очень не церемонимся или, как это сказать, — когда говорится, говорим, когда нет, и не стараемся говорить; он со мной откровенен, очень откровенен, но у него уже такой характер, не то, что у меня. Впрочем, и я с ним гораздо более откровенен, нежели с другими. Не любить его нельзя, потому что у него слишком доброе сердце. Но всё я ещё не столько знаю его, чтобы совершенно сказать, что считаю себя его другом. Сблизились мы очень скоро. Разумеется, чем больше я стал узнавать его, тем более стал любить, хоть и не скажу, чтобы всё в нём нравилось. Но всё же я его более всех других люблю»².

Итак, полной близости между Чернышевским и Михайловым не установилось. Было в характере Михайлова что-то такое, что сдерживало дружеские чувства Чернышевского и мешало установлению между ними полной откровенности. Несмотря на это ни с кем из товарищей своих по университету Чернышевский в это время не сблизился настолько, насколько с Михайловым.

Как мы видели из писем Чернышевского, он и Михайлов встречались друг с другом почти ежедневно, вместе читали и в дружеской беседе делились мнениями по интересовавшим их вопросам.

Дальнейшему росту их близости и дружбы помешало одно непредвиденное ими ранее обстоятельство: Михайлову пришлось бросить университет, покинуть Петербург и перебраться в провинцию. Сделать это побудили его стесненные материальные обстоятельства, в которых он оказался. Его тогдашний литературный заработок был настолько незначителен, что прожить на него не представлялось никакой возможности. Средства же, унаследованные от отца, умершего за некоторое время до переселения Михайлова в Петербург, при полном неумении его беречь деньги, быстро истощались. Любивший удовольствия и комфорт, Михайлов на первых порах вёл в Петербурге довольно широкую жизнь, не считаясь с находившимися в его распоряжении средствами. Однако вскоре ему пришлось задуматься о будущем. На помощь ему пришёл один из его родственников, проживавший в Нижнем Новгороде. Узнав о стеснённом материальном положении Михайлова, он нашёл для него место в нижегородском соляном правлении. Итак, Михайлову пришлось на несколько лет расстаться с Петербургом. На время порвалась и личная связь его с Чернышевским.

Однако они не забыли друг о друге и по временам обменивались письмами. Когда в феврале 1850 г. до Чернышевского дошёл слух о предстоящем возвращении Михайлова в Петербург, он отметил в своём дневнике: «Я этому был рад от души»³. Однако слух этот не оправдался, и в мае того же года Чернышевский напомнил о себе Михайлову письмом, написанным в весьма дружеских тонах⁴.

«Вот можете удостовериться, — писал Н. Г. в начале своего письма, — что ни время, ни расстояние не ослабляет дружбы... доказательство вечности моей дружбы и других чувств к вам у вас в руках: читайте и удивляйтесь».

¹ Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 90.

² Там же, стр. 99.

³ Чернышевский Н. Указ. соч. Т. I, стр. 503.

⁴ Это и другое, цитируемые ниже, письма Н. Г. Чернышевского к Михайлову, опубликованы по черновикам в приложении ко II тому его «Дневника», стр. 268—286. Изд. Общества политкаторжан. М. 1932. Письма Михайлова к Чернышевскому до нас не дошли.

И далее Чернышевский даёт своему другу краткий отчёт о своей жизни и о своём духовном развитии.

«С самого февраля 1848 года и до настоящей минуты,— писал Чернышевский,— всё более и более увлекаюсь в политику и всё твёрже и твёрже делаюсь в ультра-социалистическом образе мыслей. Главные предметы моего поклонения Луи Блан (которого почти не читал), к последователям которого я принадлежу, Прудон, Фейербах и т. д.¹ Ледрю Роллена тоже люблю, но он кажется мне немного, т. е. очень и очень много, отсталым человеком».

Такие откровенные признания в своих политических взглядах, непримиримо враждебных существовавшему в то время в России общественно-политическому строю, показывают, насколько доверял Чернышевский Михайлову и насколько он убеждён был в дружеских чувствах последнего.

При таких условиях, естественно, что когда осенью 1850 г. Чернышевский, возвращаясь после летних каникул из Саратова в Петербург, заехал в Нижний Новгород, он поспешил повидаться с Михайловым. Интересные сведения об этом свидании мы находим в дневнике сопровождавшего Чернышевского в его поездке А. Н. Пыпина. Чернышевский и Пыпин остановились на квартире Михайлова и пробыли там двое суток.

«Михайлов встретил нас очень дружелюбно,— пишет Пыпин,— он мне вообще очень понравился. Сейчас начался, конечно, живой разговор, в котором было перебрано всё, что только нужно было ныне передать друг другу, о чём потолковать, что обсудить... Вспоминали о старом и об университете, и о знакомых, товарищах, профессорах, обо всём. Наконец, разумеется, дошло и до политики: здесь опять толки. Литература также была не последним предметом разговора,— говорили и о собственных сочинениях Михайлова: он прочитал нам свои комедии: «Тётушка», «Дежурство» и отрывок — первую главу — из тогда ещё неоконченного романа или повести «Адам Адамыч»².

Чернышевский был очень доволен свиданием с Михайловым. В дневнике своём он резюмировал свои впечатления от встречи с Михайловым словами: «Он в самом деле порядочный человек»³.

По возвращении в Петербург Чернышевский неоднократно обдумывал план организации переезда Михайлова из провинции в столицу. К этому вопросу он не раз возвращался в письмах своих к Михайлову. В этих письмах он убеждает последнего расстаться с провинцией, приехать в Петербург, добиваться места преподавателя «словесности» в одном из столичных военно-учебных заведений и прочесть необходимую для получения такого места пробную лекцию. Чернышевский выражает уверенность, что лекция эта пройдёт блестяще: «Конечно, вы прочитаете её так, что произведёте фурор». «Едва ли найдётся между вашими слушателями-ценителями хоть один, который знал бы историю литературы так хорошо, как вы», — пишет Чернышевский. Если принять во внимание, что ценителями пробной лекции Михайлова должны были бы выступить опытейшие педагоги-словесники, станет ясно, насколько высоко ценил Чернышевский познания Михайлова в области истории литературы.

Чтобы облегчить переезд Михайлова в столицу, Чернышевский предлагал ему своё содействие как в смысле хлопот о месте, так и в материальном отношении.

«Я знаю,— писал он,— что главное деньги, но неужели вы не мо-

¹ Как известно, Чернышевский впоследствии коренным образом изменил отношение своё как к Луи Блану, так и к Прудону. Поклонником Фейербаха он остался на всю жизнь.

² Пыпин А. В. «Чернышевский и Пыпин в годы детства и юности». Сборник «Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, материалы и статьи», стр. 288—289, Саратов. 1928; ср. Пыпин А. «Мои заметки», стр. 45, 70. М. 1910.

³ Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. I, стр. 627.

жете привезти сюда каких-нибудь ста целковых, чтобы прожить 6—7 месяцев? Ведь 100, 120 р. сер., если вы захотите так жить, достанет на полгода. Кроме того, теперь вы найдёте себе здесь работу в журнале, в этом не сомневайтесь; так что прожить здесь вы будете мочь до получения места. Так сообразите-ка свои денежные средства и напишите мне. Если у вас может набраться столько денег, что за проездом сюда останется 100 р. сер., то приезжайте смело. Если не наберётся (чего я скорее ожидаю), то напишите мне, сколько именно будет у вас денег, и мы подумаем, как это устроить — а средство устроить найдётся наверное».

Из этих писем несомненно, что Чернышевский искренно желал приезда Михайлова в Петербург. Поэтому для него было большим огорчением, когда выяснилось, что его расчёты на получение Михайловым места преподавателя в военно-учебных заведениях невыполнимы. В письме от 25 января 1851 г. он сообщал Михайлову известие, которое разрушало все их расчёты и планы: «Для того, чтобы иметь право читать пробную лекцию в Штабе военно-учебных заведений, нужно теперь иметь степень по крайней мере действительного студента, если не кандидата». Михайлов же, как нам известно, университета не кончил.

Много помогал Чернышевский Михайлову и в устройстве его литературных дел. Он хлопотал по редакциям о напечатании произведений, которые присылал ему из Нижнего его друг. Однако цензурные условия той эпохи были настолько тяжелы, что далеко не всегда хлопоты Н. Г. Чернышевского увенчивались успехом. В одном из своих писем к Михайлову он писал:

«Присылайте мне что-нибудь с почтою, если у вас есть что-нибудь такое, где бы не говорилось ни о боге, ни о чорте, ни о царе, ни мужиках (все эти вещи — нецензурные вещи), где бы, наконец, не было никаких следов чего-нибудь жорж-зандовского, вольтеровского (которым обилует ваша «Тётушка»), григоровического, искандеровского и т. д.».

Весной 1851 г. по дороге из Петербурга в Саратов, куда он отправлялся для того, чтобы занять место учителя гимназии, Чернышевский опять проезжал через Нижний Новгород. Он рассчитывал вновь встретиться с Михайловым, но ожидания его не оправдались: он не застал своего друга дома, а ждать он не мог, так как его дорожные спутники торопили ехать далее. «Как я жалею, что не удалось нам повидаться с вами, нечего и говорить», — писал Чернышевский Михайлову из Саратова. И в этом — последнем из дошедших до нас писем Чернышевского к Михайлову — Чернышевский не менее откровенно говорит о своих думах и чувствах, чем в других, цитированных нами выше. Уничтожающий отзыв он даёт о своих товарищах по преподаванию в саратовской гимназии. «Учителя, — пишет он, — смех и горе, если смотреть с той точки зрения, с какой следует смотреть на людей, всё-таки потёршихся в университете, — или позабыли всё, кроме школьных своих тетрадок, или никогда и не имели понятия ни о чём. Разве, разве один есть сколько-нибудь развитой из них. А то все в состоянии младенческой невинности, подобные Адаму до вкушения от древа познания добра и зла... Они и не слышали ни о чём, кроме Филаретова катехизиса, свсда законов и «Московских Ведомостей», — православие, самодержавие, народность. Директор страшный реакционер, обскурант и абсолютист. Впрочем, — и это хуже всего — ког-что читал и не совсем малоумен, как обыкновенно бывают директора».

Переходя к самому себе, Чернышевский пишет: «Вы помните, что я был поглощён политикою, так что ничто, кроме её, и не занимало меня, — теперь продолжается то же самое, и не ослабевает, а разве усиливается».

В 1853 г. Чернышевский оставил Саратов и переехал в Петербург. Здесь он вновь встретился с Михайловым, который летом 1852 г. покинул Нижний Новгород и переселился в столицу, для того чтобы всецело

посвятить себя литературной деятельности. Теперь это был уже не начинающий литератор, каким знал его Чернышевский в студенческие годы, а писатель, уже определившийся, завоевавший себе известность в качестве талантливого поэта и беллетриста и большого знатока западноевропейской литературы. Михайлов стал желанным сотрудником для лучших журналов того времени. И «Отечественные записки» и «Современник» охотно печатали его. Особенно ценились стихотворные переводы Михайлова, в частности из Гейне. Имели успех среди читателей и критиков и его беллетристические произведения.

Знакомство Чернышевского с Михайловым возобновилось. Об этом свидетельствуют письма Николая Гавриловича к его родным. В письме от 13 июля 1853 г. Чернышевский сообщал, что на именинах его жены Ольги Сократовны присутствовали её дядя и Михайлов, которого Чернышевский называет «мой приятель»¹. В письме от 30 августа 1854 г. Чернышевский перечисляет гостей, посетивших его и Ольгу Сократовну в день именин их сына Александра, в том числе и Михайлова, которого он опять-таки именуется «мой приятель»². Характерно, что на эти семейные торжества приглашались только родственники Чернышевских; Михайлов же являлся единственным посторонним лицом среди гостей. Очевидно, в глазах Чернышевского он продолжал оставаться одним из самых близких людей в Петербурге.

Однако было бы ошибкой на этом основании преувеличивать степень близости Чернышевского с Михайловым. Как и в студенческие годы, что-то удерживало их дружеские чувства в известных границах. Несомненно, что некоторую роль в этом отношении играл характер Михайлова, который, по свидетельству даже его ближайших друзей, отличался «порядочной долей легкомыслия», свойственного «людям живого темперамента» и «быстрых переходов настроений», к числу которых принадлежал Михайлов. Чернышевский же, человек сдержанный и умевший хорошо владеть своими чувствами, всегда был внутренне далёк от людей такого типа. Наряду с этим на отношениях Чернышевского к Михайлову не могло не отразиться и расхождение в их политических настроениях. Чернышевский мог любить Михайлова как глубоко порядочного, проникнутого гуманными чувствами человека, и ценить его в качестве образованного, весёлого, остроумного и интересного собеседника. Смотреть же на него как на единомышленника у него не было оснований. А это не могло не отражаться на его отношении к Михайлову. Такой духовной близости, какая, например, была впоследствии у Чернышевского с Добролюбовым, между ним и Михайловым быть не могло.

Достаточно хотя бы кратко остановиться на развитии политических взглядов Михайлова, чтобы убедиться в справедливости только что сказанного.

Мы уже отмечали, что ещё в студенческие годы, когда Михайлов впервые встретился с Чернышевским, интерес к художественной литературе и, в частности, к поэзии превалировал над всеми его другими интересами. Политикой он занимался неизмеримо меньше. В связи с этим его общественно-политические взгляды отличались значительной неопределённостью и неформальностью. Как человек гуманный, Михайлов питал сочувствие ко всем угнетённым и страждущим. Его горячие симпатии были на стороне гонимых и обиженных судьбой. Всякая несправедливость волновала его и вызывала в нём негодование. Однако он был далёк от ясного понимания причин, порождающих теневые стороны окружающей его жизни, и не видел неразрывной связи между ними и коренными устоями тогдашнего общества. Зло в отношениях между людьми пред-

¹ Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 191.

² Там же, стр. 223.

ставлялось ему явлением случайным, преходящим, устранимым без переворота в существующих общественных отношениях.

В частности Михайлов искренно сочувствовал тяжёлому положению, в котором находилось в то время русское крестьянство, но он мало задумывался над тем, где надлежит искать выход из этого положения. К дворянству как классу этот дворянин по паспорту относился отрицательно, что нашло себе довольно отчётливое отражение в написанном им в 1847 г. стихотворении «Охотник», в котором он с иронией изображал типичного представителя господствующего класса, рисуящегося своим напускным либерализмом в Петербурге и за границей и быстро превращающегося в рядового крепостника по возвращении в своё поместье. Несмотря на симпатии к дворянству, Михайлов тем не менее был далёк от мысли о необходимости уничтожения этого класса.

Надо к этому добавить, что стихотворение «Охотник» стоит как бы особняком в творчестве тогдашнего Михайлова, так как он избегал затрагивать в своих стихах темы, имеющие общественное значение. Природа, любовь, женщина, интимные чувства человека — вот главные мотивы его поэзии, как оригинальной, так и переводной. Его стихотворения по своему содержанию не могли бы вызвать никаких возражений со стороны самых строгих и придирчивых представителей эстетической критики, стремящихся изолировать поэзию от общественной жизни.

Мало этого, в произведениях Михайлова, относящихся к первым годам его литературной деятельности, мы можем встретить подчас такие ноты, которые звучали в духе официальной идеологии того времени. Таково, например, стихотворение «Встреча» (1848 г.), в котором Михайлов воспевал крестьянина-солдата, в битве с врагом положившего жизнь «за веру, царя и отчизну». Таково же другое стихотворение того времени, «Я спел бы вам песню весёлую, други», в котором он призывал «кичливость ума» смириться перед богом, молча переносить горе и с верою обратиться молящий взор на небо.

О недостаточной разборчивости Михайлова в политическом отношении свидетельствует, между прочим, и тот факт, что в 1849 г. он счёл возможным предложить своё сотрудничество М. П. Погодину, редактору журнала «Москвитянин», стоявшего на позициях «теории официальной народности», и в письме к Погодину назвать его журнал «прекрасным»¹.

Правда, сотрудничество Михайлова в «Москвитянине» было не очень продолжительным; как уже указано выше, по приезде в 1852 г. в Петербург Михайлов получил возможность печатать свои произведения в лучших, наиболее передовых журналах того времени. Правда и то, что отмеченные выше реакционные срывы вскоре исчезли из поэзии Михайлова. Тем не менее и при второй встрече с Михайловым в Петербурге (в 1853 г.) Чернышевский нашёл его человеком с далеко ещё не определившимися политическими взглядами. Достаточно указать хотя бы на то, что в то время и значительно позже Михайлов находил возможным сотрудничать одновременно в органах самых различных направлений: и в «Современнике» Некрасова, и в постоянно враждующих с этим журналом «Отечественных записках», и в катковском «Русском вестнике», и в «Библиотеке для чтения» Дружинина и Писемского, и в «Русском слове», когда им руководил Аполлон Григорьев, и в ряде мелких журнальчиков без определённого направления, приноровленных ко вкусам и потребностям тогдашнего обывателя.

Наиболее близкими к Михайлову людьми в то время были поэты Я. П. Полонский, А. Н. Майков, Л. А. Мей, Н. Ф. Щербина и Н. В. Гербель. Всё это были «жрецы чистого искусства», брезгливо сторонившиеся от всякой злобы дня. В приятельских отношениях находился Михайлов и с А. В. Дружининым, возглавлявшим в качестве литературного критика

¹ Барсуков Н. «Жизнь и труды М. П. Погодина». Т. X, стр. 346.

дворянскую литературу в её борьбе с зарождавшейся литературой «разночинцев». Правда, и Чернышевский в те годы находил ещё возможным работать совместно со всеми только что перечисленными писателями, произведения которых постоянно печатались в «Современнике». Однако Чернышевский делал это лишь потому, что считал преждевременным рвать окончательно с представителями дворянского либерализма, не подготовив заранее на их место смену из представителей «разночинчества». Работая в одном журнале с ними, Чернышевский держался особняком от них; дружеских, интимных отношений между ним и ими никогда не существовало. Совершенно иное дело — Михайлов, который всецело примкнул к их литературному кружку и чувствовал себя в нём вполне своим. Насколько далёк был в эти годы Михайлов не только от политической программы Чернышевского, но даже и от его эстетических установок, ясно из следующих фактов. Летом 1857 г. Михайлов ездил в Москву и виделся там с Катковым. Последний пригласил Михайлова «принять непосредственное участие в издании «Русского вестника» на условиях, очень выгодных». Михайлов отклонил это предложение не по политическим соображениям, а, по его собственному объяснению, лишь из нежелания расстаться со своими петербургскими друзьями, в первую очередь с Шелгуновым. Сообщая обо всём этом поэту Я. П. Полонскому, Михайлов добавлял: «Душа у меня всегда будет лежать к «Русскому вестнику» из всех журналов наших»¹. Таким образом, органу весьма умеренного либерализма, каким был в эти годы журнал Каткова, Михайлов давал предпочтение перед всеми другими русскими журналами, в том числе и «Современником».

А вот и другой факт, не менее показательный. В начале 1858 г. Л. Н. Толстой, порвавший с «Современником», задумал совместно с А. В. Дружининым издание журнала, имеющего своей специальной задачей противодействие зловередному, с точки зрения Толстого и Дружинина, влиянию, оказываемому на русское общество некрасовским журналом. Провозглашая наслаждение искусством единственной целью искусства, проектируемый журнал должен был отгораживаться от общественной жизни и от служения потребностям общества. В одном из писем к Толстому Дружинин сообщал, что Гончаров, Писемский, Анненков, А. Майков, Авдеев и Михайлов «встретили эту мысль с великим одобрением»². Таким образом, Михайлов охотно соглашался принять участие в предприятии, открыто направленном против «Современника» и его руководителя — Чернышевского.

Эти факты бросают яркий свет на позицию, занятую Михайловым в литературной борьбе второй половины 50-х годов.

Однако политическое развитие Михайлова не остановилось на уровне, достигнутом к этому времени. В течение второй половины этого десятилетия его взгляды подверглись сильным изменениям, и эта перемена была направлена в сторону сближения с Чернышевским и с тем делом, которому посвятил себя последний. Помимо общих условий русской жизни того времени, отличавшейся тогда быстрым ростом социальных антагонизмов и обострением классовой борьбы, на Михайлова действовали в том же направлении и некоторые факты его личной биографии. Особенное значение в этом отношении имели, во-первых, начавшееся в 1856 г. его знакомство, вскоре перешедшее в исключительную дружескую близость, с Н. В. Шелгуновым и его женой, уже тогда критически относившимся к российской действительности, во-вторых, посещение в 1857 г. Урала и Оренбургского края, где Михайлов насмотрелся, по его выражению, много всяких «гадостей», и, наконец, в-третьих, поездка в 1858—1859 гг. в Германию, Францию и Англию, из которой Михайлов вынес

¹ Богданович Т. «Любовь людей шестидесятих годов», стр. 323. Л. 1929.

² Чуковский К. «Люди и книги 60-х годов», стр. 260. Л. 1934.

много чрезвычайно ярких впечатлений и которая впервые полностью раскрыла для него всю глубину отсталости, некультурности и азиатчины социально-политических порядков его родины.

В следующих выражениях Михайлов описывал впечатления русского туриста от западной жизни:

«Первое чувство, овладевающее каждым русским при переезде за границу, — чувство, что окружающая сфера более очищена и просветлена здесь цивилизацией, что жизнь приняла более правильный ход, уложилась в более свободные формы. Положим, более пристальный взгляд откроет и здесь многое множество несовершенств и возбудит сомнение в чистоте этой сферы и в живучести этих форм. Но только люди, верящие в совершенствование человечества лишь поставлением ему самых крайних идеалов, могут порицать то, что считается в настоящую минуту так называемыми «последними успехами цивилизации», могут сомневаться в прочности начал, выработанных доселе жизнью и наукой, и казнить их во имя своих преждевременных чаяний. Такие люди, может быть, и справедливы с той недостижимо высокой точки зрения, на которую они становятся, но в сфере жизни они слывут людьми непрактическими, и за ними пока не признаётся заслуги двигать общество».

Только что приведённые, весьма характерные во многих отношениях строки Михайлов писал в рецензии на книгу известного в то время московского либерального профессора И. К. Бабста «От Москвы до Лейпцига»¹. Эта книга была, как известно, прорецензирована и Добролюбовым на страницах «Современника». Сопоставление рецензий Михайлова и Добролюбова крайне любопытно; оно даёт возможность убедиться в том, насколько Михайлов даже после возвращения его из-за границы был далёк от той точки зрения, на которой стояли Добролюбов и Чернышевский.

Для Добролюбова книга Бабста — апология буржуазных порядков Запада. По его мнению, автор этой книги, превознося политические, культурные и технические достижения Западной Европы, сознательно закрывает глаза на теневые стороны её жизни. В частности он обходит полным молчанием тяжёлое положение западноевропейских рабочих и тот гнёт, которому они подвергаются со стороны капитала. Добролюбов указывает, что победа буржуазии над феодализмом не уничтожила эксплуатации трудящихся классов, а лишь изменила и усовершенствовала формы этой эксплуатации. Не отвергая преимуществ западноевропейских порядков по сравнению с русскими, Добролюбов тем не менее считал необходимым указать, что непременным условием действительного улучшения положения трудящихся является коренное изменение основ буржуазного общества — такое изменение, которое навсегда положило бы конец господству «дармоедов» и «тунеядцев» над трудящимися.

Как видим, Добролюбов стоит на совершенно иной точке зрения, чем Михайлов. Последний, в отличие от Добролюбова, не допускает сомнений в прочности начал, выработанных западноевропейской жизнью, и считает за мечтателей и утопистов людей, указывающих, подобно Добролюбову, на необходимость переустройства общества на более справедливых и совершенных началах.

Вслед за Бабстом Михайлов допускал чрезмерную идеализацию западноевропейских — и даже прусских в том числе — порядков. Михайлов не пожалел светлых красок для того, чтобы описать как можно более ярко положительные стороны прусских порядков. Конечно, он делал это с целью вызвать в умах читателей сопоставление этих порядков с порядком, господствующим в бесправной, рабской России, тем не менее картина, нарисованная им, давала в высшей степени искажённое изобра-

¹ Михайлов М. Рецензия на указанную книгу. «Русское слово» № 9 за 1859 г., стр. 49.

жение западной действительности. Ясно, что подобная апология буржуазного Запада на страницах «Современника» появиться ни в коем случае не могла. Чернышевский и Добролюбов совершенно иначе подходили к оценке европейской действительности и, непримиримо отрицательно относясь к крепостническому строю русской жизни, не находили, несмотря на это, нужным и возможным идеализировать буржуазный Запад.

Михайлов расходился с «Современником» в вопросах не только политики, но и эстетики. Это вполне ясно из его рецензии (1860 г.) на драму Писемского «Горькая судьбина», в которой он выяснял своё отношение к так называемой «обличительной литературе». «Отдавая полную справедливость честности обличительного направления», Михайлов вместе с тем указывал, что «только невозможность высказывать прямо то, что нужно, могла заставить выбрать для обличения такую несвойственную форму, как повесть, как поэма». «Дело искусства,— писал он,— не обличать, а анализировать и воспроизводить в художественно-верной картине факты действительности». Не дело художника — становиться «под знамя какой-нибудь партии». Партийность, по мнению Михайлова, нарушает цельность и непосредственность художнической натуры. Приветствуя начавшуюся в русской литературе реакцию против обличительного направления, Михайлов с удовлетворением констатировал: «Имена гг. Тургенева, Писемского, Островского и Гончарова опять стали на первом плане; имена Щедрина и Печерского, так недавно еще электризовавшие публику, отодвинулись на второй план»¹.

Переходя к вопросу о задачах литературной критики, Михайлов указывал, что она должна, с одной стороны, определить, насколько верно действительность воспроизведена художником, т. е. дать эстетическую оценку художественного произведения, с другой — произнести свой «суд над художественным произведением, как над явлением жизни», т. е. подойти к этому произведению с точки зрения общественной. Образцом критика, умело соединявшего в своих отзывах эстетическую оценку произведений литературы с оценкою общественной, был в его глазах Белинский. К современной же ему литературной критике Михайлов относился отрицательно. «Эстетики,— писал он,— ухватились за эстетические теории Белинского, дидактики принялись развивать его же положения об общественном значении искусства; и те и другие развили эти стороны до безобразных и смешных крайностей»².

Приведённые нами цитаты из рецензии Михайлова позволяют установить, что и в вопросах эстетики Михайлов расходился с критиками «Современника» по ряду весьма важных пунктов.

Если «Современник», как и Михайлов, выступал против засилья «обличительной литературы», то он делал это по совершенно иным мотивам, нежели Михайлов. Добролюбов нападал на обличителей за то, что они, бичуя отдельные злоупотребления и акты произвола, игнорировали и затушёвывали связь между ними и общими условиями русской политической действительности. Это один пункт расхождения Михайлова с критикою «Современника». А вот и другой: в отличие от Михайлова Добролюбов, как и Чернышевский, был сторонником боевой, направленной на переустройство жизни литературы. Ссообразно с этим он считал, что художник не может не быть партийным.

Не менее ясно расхождение Михайлова с критиками «Современника» и в вопросе о задачах литературной критики. Для Чернышевского и Добролюбова общественная задача критики стояла на первом плане. Осуждая, как мы видели, «дидактиков», доводящих якобы «до безобразных крайностей» положения Белинского, Михайлов, несомненно, имел в виду критиков «Современника», ибо в 1860 г. подобные высказывания относи-

¹ «Русское слово» № 2 за 1860 г., стр. 2—3.

² Там же, стр. 5.

тельно задач критики можно было встретить только на страницах этого журнала; вся остальная пресса того времени или отстаивала теорию «чистого искусства» или же занимала промежуточную, далёкую от полной ясности и чёткости позицию. Поэтому соответствующее место в рецензии Михайлова на «Горькую судьбину» приходится рассматривать как прямой выпад против литературно-критических выступлений Чернышевского и Добролюбова.

Итак, отгораживаясь от односторонних «эстетиков» с их теорией «искусства для искусства», Михайлов далеко ещё не освободился от влияния старой эстетической школы. Естественно, что при таких условиях руководители «Современника», несмотря на постоянное сотрудничество Михайлова в их журнале, не могли смотреть на него как на своего единомышленника. Поэтому не удивительно, что на страницах «Современника» можно было встретить иногда и неблагоприятные отзывы о Михайлове.

Так, например, в рецензии на «Повести и рассказы» С. Т. Славутинского Добролюбов, вспоминая о времени, когда русская литература с лёгкой руки Григоровича и Тургенева решилась «к мужикам обратиться»; писал: «За несколькими писателями, действительно наблюдавшими народную жизнь, потянулись целые толпы сочинителей, которым до народа и дела-то никогда не было, и думушки-то о нём никогда в голову не приходило, а теперь довелось писать о нём»¹. К числу таких «сочинителей» Добролюбов относил и Михайлова с его повестями из крестьянского быта «Ау» и «Африкан»².

Чтобы вполне уяснить отношение редакции «Современника» к Михайлову, приходится учесть и ту репутацию бонвивана и человека легкомысленного, которую заслужил себе Михайлов. Надо думать, что А. Я. Панаева выражала не только личное своё мнение, но и мнение, установившееся в редакционных кругах «Современника», когда в своих «Воспоминаниях» писала: «Михайлов был очень весёлого и живого характера, и на него смотрели, как на человека, который ни о чём другом не думает, как только о победах над женщинами»³. Отношение к Михайлову как к человеку, далёкому от активного участия в политической жизни, проявилось и в письме Добролюбова к Некрасову от 9 сентября 1861 года. Сообщая Некрасову о распространившихся по Петербургу слухах об аресте Михайлова (слухи эти были вызваны первым — безрезультатным — обыском, произведённым у Михайлова, и предшествовали его действительному аресту), Добролюбов писал: «Взять-то не за что — вот беда... Михайлова взять — ведь это курам на смех!»⁴. Добролюбов, только что вернувшийся в Петербург из продолжительного заграничного путешествия, не знал о том переломе, который за время его отсутствия пережил в 1861 г. Михайлов, и судил о нём по своим прежним впечатлениям»⁵.

С этим переломом, приведшим Михайлова в стены Петропавловской крепости, а затем на каторгу, нам необходимо познакомиться; последний год жизни Михайлова на свободе представляет для нас особенный интерес, ибо в течение этого года ему довелось вновь сблизиться с Чернышевским на почве общего дела.

¹ Добролюбов Н. Соч. Т. II, стр. 541—542. М. 1935. Надо, однако, сказать, что Добролюбов с большим одобрением отзывался о Михайлове как поэте-переводчике и особенно ценил его переводы из Гейне. См. Соч. Добролюбова. Т. I, стр. 336—337, 487. М. 1934.

² «Африкан» был напечатан в 1855 г. в «Современнике», а «Ау» — в том же году в «Москвитяине».

³ Панаева А. «Воспоминания», стр. 272. Л. 1927.

⁴ Шилов А. «Арест М. И. Михайлова и суд над ним». «Русское прошлое». Вып. 2-й за 1923 г., стр. 146—147.

⁵ Чернышевского, который один мог познакомить Добролюбова с революционной деятельностью Михайлова в 1861 г., в это время не было в Петербурге; он находился на родине, в Саратове.

Пережитый Михайловым перелом отразился как на его творчестве, так и на отношениях его к близким ему прежде людям. Сохраняя личную дружбу с людьми типа Полонского и Майкова, Михайлов далеко разошёлся с ними в политическом отношении. В то время как эти писатели прекратили сотрудничество в «Современнике», всё яснее определявшемся в качестве органа революционной демократии, Михайлов в отличие от них всё более сближался с этим журналом и в 1861 г. по приглашению Некрасова начал участвовать в его редакционных делах. По свидетельству близко знакомого с Михайловым беллетриста-этнографа С. В. Максимова, «он... не только был искренно и горячо предан нравственным интересам и успехам «Современника», как его самый неизменный сотрудник, но и как друг». «М. И., — сообщает далее тот же Максимов, — хлопотал и о новых сотрудниках и неустанно разыскивал, выслушивал и прочитывал всякие чем-либо выдающиеся литературные работы». «Современник», по словам Максимова, был для Михайлова «не на одних словах только некоторым святилищем». Этому журналу «он беззаветно отдал свою душу, хотя иногда ворчал и жаловался на кое-какие неудобства сотрудничества»¹.

Не уклоняясь от сотрудничества и в других органах прессы, он, однако, все наиболее крупные и яркие вещи свои направлял в «Современник». Не было почти ни одной книжки «Современника», в которой читатели не находили бы какого-либо произведения Михайлова. Здесь он печатал свои и стихотворения, и статьи по западной литературе, и письма из-за границы и, наконец, ряд на шумевших в своё время статей по женскому вопросу.

В этих последних статьях Михайлов выступал в качестве горячего сторонника эмансипации женщин. Стремление к освобождению женщины от уз, наложенных на неё в общественной и семейной жизни, он находил одним «из самых важных, самых характеристических явлений нашего века». «Коренное преобразование женского воспитания, общественных прав женщины и семейных отношений, — писал Михайлов, — представляется мне спасением от нравственной шаткости, которою, как старческою немощью, больно современное общество»².

В наши дни, просматривая статьи Михайлова, трудно даже представить себе, насколько велико было впечатление, произведённое ими в своё время на русское общество. Современному читателю, воспитавшемуся в совершенно иных отношениях к женщине, может показаться, что Михайлов своими статьями ломится в открытую дверь и тратит массу энергии на доказывание того, что и без его помощи для всех ясно. Действительно, Михайлов без конца говорит о необходимости уважения к женщине и признания её равноправности с мужчиной в общественной и семейной жизни; он подробно разбирает аргументацию противников женского равноправия, считающих женщину существом низшим по сравнению с мужчиной; он доказывает, что женщины имеют такое же право на образование, как и мужчины; он провозглашает, что традиционное преклонение перед «вечною женственностью» должно уступить своё место преклонению перед «вечною человечностью» и т. д. Все эти мысли, столь обычные для нас, были новостью для тех читателей, к которым адресовался Михайлов.

Этим и объяснялись громадное значение, которое придавалось его статьям, и шум, поднятый по поводу их в тогдашнем обществе. Реакционеры всех мастей приходили в ужас от статей Михайлова; они возненавидели их автора и начали травить его как проповедника безнравственности. Вот один весьма характерный пример: когда Михайлов проездом на каторгу находился в Иркутске, местный архиерей громко выражал

¹ Максимов С. «За А. Ф. Писемского». «Новое время» № 4880 за 1889 год.

² Статья «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе». Цитирую по отдельному изданию «Общепольного чтения», стр. 3, 10.

свёе удовлетворение по поводу расправы над Михайловым, говоря, что бог покарал его за желание «снять узду с женщины»¹.

В демократических кругах статьи Михайлова вызывали горячий энтузиазм. По выражению Шелгунова, они «произвели в русских умах землетрясение» и автор их был «провозглашён творцом женского вопроса»². О том, какое значение имели эти статьи Михайлова в глазах современников, можно судить хотя бы по отзыву о них известного публициста 60-х годов В. А. Зайцева, который однажды писал, что вопрос о женской эмансипации «окончательно решён в теории, благодаря этим статьям»³.

При таких условиях особенно интересно отметить, что редакция «Современника» не переоценивала значение статей Михайлова. Некрасов находил их «так себе»⁴, а Чернышевский, по свидетельству современников, относился к ним равнодушно⁵. Объясняя причины такого отношения Чернышевского, Шелгунов указывал, что он «женскому вопросу вообще не придавал особого значения», находя, что этот вопрос «хорош тогда, когда нет других вопросов». Во избежание неправильного толкования этих слов Шелгунова необходимо дать некоторые пояснения относительно их.

Нет нужды доказывать, что Чернышевский был убеждённым сторонником эмансипации женщин. Для этого достаточно вспомнить хотя бы историю его взаимоотношений с Ольгой Сократовной, построенных на глубоком уважении к женщине и на признании за ней права свободно располагать собой и своими чувствами. Однако Чернышевский хорошо понимал, что, как ни важен женский вопрос, перед современной ему Россией стоят вопросы ещё более важные и неотложные, а именно: освобождение крестьян и обеспечение их материального благосостояния и самостоятельности, с одной стороны, и уничтожение гнетущего русский народ абсолютизма — с другой. Исходя из этого, он считал нецелесообразным преувеличивать значение женского вопроса и заслонять им другие, более неотложные, нужды русского общества. Чернышевскому не могла нравиться тенденция Михайлова рассматривать женский вопрос изолированно от других проблем современности и в разрешении этого вопроса видеть чуть ли не необходимое условие правильного разрешения всей социальной проблемы. Действительно, Михайлов исходил из того, что перестройка общества невозможна без предварительной переделки его основания — семьи⁶. Другими словами, он считал необходимым начинать реформу общества с освобождения женщины.

Естественно, что с такой точкой зрения Чернышевский согласиться не мог. Но это ещё не значит, что он не придавал статьям Михайлова серьёзного значения. Иначе было бы невозможным самое печатание на страницах «Современника» целой серии статей по женскому вопросу.

Появление этих статей Михайлова в печати свидетельствовало, что автор их стал гораздо больше, чем прежде, интересоваться общественными вопросами. Это подтверждается и его стихотворениями 1860—1861 гг. как переводными, так и оригинальными. Именно к этому времени относятся его переводы знаменитой «Песни о рубашке» Томаса Гуда и «Песен о невольничестве» Г. Лонгфелло, которые в русских политических условиях звучали с максимальной актуальностью. Что касается оригинальной поэзии Михайлова, то только теперь, после выхода в 1934 г. полного собрания его стихотворений, сделавшего впервые доступным

¹ Михайлов М. «Записки», стр. 145. П., 1922.

² Шелгунов Н. «Воспоминания», стр. 104. П., 1923.

³ Зайцев В. Избранные сочинения. Т. I, стр. 361. М., 1934.

⁴ Выражение из письма Некрасова к Добролюбову от 1 января 1861 г., опубликованного в «Звеньях». Вып. 5-й, стр. 488, 1935 г.

⁵ Шелгунов Н. Указ. соч., стр. 104—105; ср. стр. 31; Пантелеев Л. «Из воспоминаний прошлого», стр. 312. М. и Л., 1934.

⁶ Михайлов М. Указ. соч., стр. 3.

читателям ряд «нецензурных» произведений Михайлова, мы получили возможность судить о том, какой остротой отличалась его политическая поэзия и насколько далеко вперёд он ушёл в своём политическом развитии к 1861 году.

Громадное революционизирующее влияние оказала на Михайлова реформа 19 февраля 1861 года. Познакомившись с её основаниями, он понял, что отмена крепостного права была обставлена правительством так, чтобы помещики как можно меньше пострадали от отмены их власти над крестьянами, и что, вырабатывая реформу, правительство очень мало считалось с интересами крестьянства. Михайлов понял, что в результате этого «освобождённые» крепостные и после реформы 19 февраля останутся в экономической зависимости от своих прежних хозяев.

Исключительно тяжёлое впечатление произвела на Михайлова жестокая расправа правительства с недовольным обманною «волею» и начавшим волноваться крестьянством. Объясняя во время следствия по его делу мотивы, толкнувшие его в ряды революционеров, Михайлов писал: «Не скрою, что выйти из сферы моей обычной скромной деятельности заставили меня горькая боль сердца при вести о печальных случаях усмирения крестьян военною силою и опасения, что эти случаи могут долго ещё повторяться в будущем». Расправа с крестьянами заставила Михайлова вспомнить о его деде, который умер, «не вынеся позора от назначенного ему незаслуженного телесного наказания»¹.

Как и большинство его современников из демократического лагеря, Михайлов в крестьянских волнениях 1861 г. усмотрел доказательство близости и неминуемости повсеместного восстания крестьян. Такая перспектива не пугала его, и он без колебания стал в ряды тех, кто был убеждён, что только победоносная революция принесёт окончательное разрешение крестьянского вопроса в благоприятном для населения деревни смысле. Познакомившийся с Михайловым в это время, П. В. Быков вспоминает: «Голос его слегка дрожал, когда он говорил, что народ просыпается, прозревает, и скоро нужно ждать дня, когда он поднимется и «растопчет многоголовую гидру» (подлинные слова его)»². К этому же времени относится сближение Михайлова с кружком революционно настроенных петербургских студентов, возглавлявшимся братом Л. П. Шелгуновой Е. П. Михаэлисом. П. Д. Боборыкин, случайно попавший в марте 1861 г. на одно собрание этого кружка, оставил в своих воспоминаниях несколько чрезвычайно интересных строк о его членах и о Михайлове. «Они,— пишет Боборыкин,— только что читали вслух текст манифеста (об освобождении крестьян.— Б. К.) и потом все начали разбирать его по косточкам. Никого он не удозлетворял. Все находили его фразеологию напыщенной и уродливой... Ждали совсем не того не только по форме, но и по существу. Сильнее и ядовитее всех говорил Михайлов. Он прямо называл всё это ловушкой и обманом и не предвидел для крестьян ничего, кроме новой формы закрепощения... Тон и содержание его протестов показывали, что этот человек уже «сжёт свои корабли»³.

Стихотворения Михайлова, относящиеся к началу 60-х годов, дают богатый материал для ознакомления с переломом в его политических взглядах.

Глубокой симпатией к русскому народу, «изнемогшему в вековом томлении, искущённому в вековом терпении», проникнуты эти стихотворения.

«Стонет и тяжко вздыхает
Бедный, забитый народ;

¹ Лемке М. «Политические процессы в России 1860-х годов», стр. 106—107. М. и П. 1923.

² Быков П. «Силуэты далёкого прошлого», стр. 149. М. и Л. 1930.

³ Боборыкин П. «Из полвека», стр. 173; ср. стр. 328. М. и Л. 1929.

Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовёт», —

писал Михайлов в известном стихотворении «Смело, друзья! Не теряйте», превратившемся позже в одну из любимых песен русской революционной молодёжи.

Михайлов призывает народ расстаться с надеждами на помощь со стороны царя и взяться самому за своё освобождение:

«О, сердце скорбное народа!
Среди твоих кромешных мук
Не жди, чтоб счастье и свобода
К тебе сошли из царских рук.

О помни! Чистый дар свободы
Назначен смелым лишь сердцам.
Её берут себе народы;
И царь не даст её рабам.

Восстань из рабства векового
Восстань, свободен и велик!»

Михайлов глубоко убеждён в близости революции. Обращаясь к пятерым повешенным декабристам, он выражает убеждение, что «пора та близка», когда победоносная революция создаст им «памятник несокрушимый» («Пятеро»).

В стихотворении «Dies irae» Михайлов пишет:

«Настаёт пора уплат кровавых,
Настаёт день страшного суда,
Кара злым и торжество для правых —
Лейся, кровь, пылайте, города!»

К либералам Михайлов относится с уничтожающим презрением. В этом отношении крайне показательна его эпиграмма «Конституционалист».

«Тошно из уст его слышать и самое слово с в о б о д а.
Точно как будто кастрат стал о любви рассуждать».

Вера в революцию и нетерпеливое ожидание её были настолько велики у Михайлова, что даже тогда, когда он находился уже на каторге, а в России торжествовала реакция, он не хотел расстаться с мечтой о победоносном восстании:

«И за стеной тюрьмы — тюремное молчание,
И за стеной тюрьмы — тюремный звон цепей;
Ни мысли движущей, ни смелого воззванья,
Ни дела бодрого в родной стране моей!
Так часто думаю, в своей глуши тоскуя,
И жду, настанет ли святой, великий миг,
Когда ты, молодость, восстанешь негодуя
И бросишь мне в лицо название: клеветник!»

Эти стихотворения Михайлова не оставляют никакого сомнения в том, что последний год своей жизни на свободе он по своим политическим взглядам в значительной мере приблизился к позициям, занятым Чернышевским и Добролюбовым.

Их литературные выступления сильно облегчили Михайлову переход на новые политические позиции. На их статьях он учился правильному пониманию нужд русского народа и задач, стоящих перед русским

обществом. Эти статьи помогли Михайлову переработать себя из либерала, каким он был ранее, в сторонника крестьянской революции.

По статьям, написанным Михайловым в 1861 г., можно проследить, как внимательно изучал он «Современник». Особенно сильное впечатление производили на него статьи Добролюбова. В его памяти крепко запечатлевались мысли, высказываемые этим писателем, и он в своих статьях неоднократно вспоминал произведения Добролюбова и повторял мотивы, развитые им. Приведём несколько примеров, подтверждающих влияние, произведённое Добролюбовым на Михайлова.

Открывая в № 1 «Современника» за 1861 г. новый отдел, посвящённый новинкам иностранной литературы, Михайлов считал нужным отгородиться от старого обычая, по которому журнальные обзоры стремились охватить все выдающиеся явления литературной жизни и охарактеризовать общее состояние современной литературы. «Современник», — писал Михайлов, — два года тому назад попробовал было обновить старый обычай серьёзных журналов; но его обзор, названное «Мелочами русской литературы», как нарочно, серьёзным-то людям и журналам и не понравилось. Желая сохранить себе благосклонное внимание этих почтенных людей и журналов, мы, разумеется, не станем разрывать всего старого хлама прошлогодней европейской прессы». Как видим, Михайлов хорошо помнил и нашумевшую в своё время статью Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года», опубликованную в №№ 1 и 4 «Современника» за 1859 г., и вызванные ею полемические выпады со стороны не только либеральной прессы, но и «Колокола» Герцена.

Известно, с каким ожесточением Добролюбов преследовал либералов за их фразёрство и готовность приходить в восторг от малейших проявлений российского «прогресса». Неоднократно он высмеивал в своих статьях фразу, которой либералы той поры обычно выражали своё восторженное настроение: «В настоящее время, когда...» В № 3 «Современника» за 1861 г. Михайлов поместил письмо «Из Берлина», в котором, между прочим, отмечал, что среди прусских либералов знаменитая фраза, прославленная Добролюбовым, находится в не меньшем употреблении, чем среди русских.

Только что названное письмо «Из Берлина» представляет особый интерес при сравнении его с известной уже нам рецензией Михайлова на книгу Бабста «От Москвы до Лейпцига». Из него видно, что от былой идеализации прусской жизни и прусских политических порядков у Михайлова не осталось и следа. Любопытно, что скептическое отношение Михайлова распространяется не только на прусское правительство, но и на «народное представительство». Рассказывая о своём посещении прусской палаты депутатов, Михайлов писал:

«Прения не только о сахаре и о евангелической церкви, но даже и о народном просвещении заключались преимущественно в повторении избитых общих мест и никак не могли поглотить всего внимания не только иностранца, но и туземца. Поэтому я имел достаточно досуга сосчитать с трибуны головы не лысые и не седые, которых едва ли было больше дюжины между слишком сотней депутатов»¹.

Для тех, кто помнит статью Добролюбова «Из Турина», напечатанную в том же номере «Современника», что и письмо Михайлова, совершенно ясно, что в данном случае Михайлов повторял Добролюбова, который издевался над буржуазной солидностью итальянских «народных представителей», подсчитывая «для развлечения» лысины, украшавшие их головы»².

¹ «Современник» № 3 за 1861 г., стр. 203, 205.

² Добролюбов Н. Соч. Т. IV, стр. 642. Под ред. М. К. Лемке.

О том, как ценил Михайлов Добролюбова, можно судить по его письмам к Шелгуновым, написанным осенью 1861 года. В одном из этих писем мы читаем: «Кстати, меня очень изумило, что в последнем «Современнике» нет ничего — бова. Что это значит? Не болен ли он?» Когда же подозрение Михайлова оправдалось и он узнал о тяжёлой болезни Добролюбова, то из-под его пера вылились следующие строки: «Вы не поверите, как у меня сжимается сердце за бедного — бова. Неужто его не спасут. Вот будет потеря-то страшная»¹.

Не забудем, что эти письма писались в тюремном заключении, когда, казалось бы, все помыслы Михайлова сосредоточивались на его собственной участи.

При том колебании политических взглядов, которое, как мы говорили уже выше, обнаружилось у Михайлова к началу 60-х годов, было вполне естественным, что он не мог ограничиваться исключительно литературной пропагандой своих взглядов и решился принять на себя активную роль в борьбе против самодержавия и крепостничества. Чрезвычайное обострение классовой борьбы, наступившее вслед за опубликованием реформы 19 февраля 1861 г., влекло Михайлова к непосредственному участию в революционной работе.

В литературе высказывалось мнение, что участие Михайлова в революционном движении являлось результатом не убеждения, а увлечения. Сторонники этого мнения указывали на то, что увлекающийся по своей натуре, стремящийся ко всему яркому, захлёстнутый общественным подъёмом, Михайлов, под влиянием своего друга Н. В. Шелгунова, примкнул к делу, остававшемуся для него, по существу своему, совершенно чуждым, лежавшим вне круга его интересов. Он действовал при этом под влиянием, скорее, порыва, может быть, даже моды, чем серьёзной обдуманности.

Такой взгляд на причины и характер участия Михайлова в революционном движении в настоящее время, когда нам стали доступны революционные стихотворения, написанные Михайловым в 1861—1862 гг., должен быть отвергнут. Не мода и не увлечение побудили Михайлова взяться за то, что он делал в 1861 г., а глубокое убеждение в безнадёжности всех иных путей, кроме революционного. Убедившись, что ни правительство, ни либералы разных мастей не имеют и в мыслях искренно пойти навстречу интересам крестьян и что только восстание может принести реальное улучшение положения народных масс, Михайлов логически пришёл к мысли о необходимости содействовать всеми способами, которые были в его распоряжении, приближению революционного взрыва. Иначе поступить он не мог, и всё поведение его на следствии, на суде и на каторге свидетельствует о том, что его революционная деятельность была отнюдь не результатом поверхностного увлечения. Несмотря на выпавшие на его долю испытания, Михайлов ни на минуту не раскаивался в своих действиях и не терял веры в конечную победу революции.

Вступив на путь активного революционера, Михайлов не мог не встретиться на этом пути с Чернышевским. К сожалению, мы располагаем очень скудными данными об их революционной деятельности; да и те данные, которые мы имеем, далеко не всегда заслуживают доверия. Тем не менее, нельзя не отметить, что, выйдя на революционный путь, Михайлов действовал отчасти совместно с Чернышевским, отчасти же с ведома его. Нет сомнений и в том, что Чернышевский не мог не приветствовать решимости своего старого друга не ограничиваться словами, а перейти к делу.

¹ Быков П. «Из переписки М. И. Михайлова», «Современник» № 9 за 1912 г., стр. 206, 209.

Сгруппируем то немногое, что достоверно известно нам об участии Михайлова в революционных событиях 1861 года.

Зимой 1861 г., когда окончательно выяснилось, что проводимая правительством крестьянская реформа не может удовлетворить нужды и надежды крестьянства, в кругах, близких к редакции «Современника», зародилась мысль о необходимости готовить революцию и призывать народ к насильственному захвату земли и воли. В связи с этим Чернышевским была написана прокламация, адресованная к бывшим помещичьим крестьянам, а Шелгуновым — к солдатам.

Ещё в конце 1860 г. в Москве возникла первая в России тайная революционная типография. Организована она была студентами Сулиным и Сорокко и корректором типографии «Московских ведомостей» Петровским-Ильенко. Ближе к этому делу стоял молодой поэт, произведения которого только что начали появляться в печати, Всеволод Костомаров. Зимой 1860—1861 г. Костомаров ездил в Петербург и, имея при себе рекомендательное письмо А. Н. Плещеева, посетил Михайлова, которому и рассказал о московской типографии; Михайлов познакомил Костомарова с Чернышевским.

Когда Чернышевский и Шелгунов написали свои прокламации, было решено напечатать их в московской типографии. Михайлов принимал самое деятельное участие в этом деле. Именно им эти прокламации были переданы: одна — Костомарову, другая — Сорокко для напечатания.

Весной или в начале лета 1861 г. Шелгунов написал ещё одну прокламацию — «К молодому поколению». По каким-то соображениям, он и Михайлов решили печатать эту прокламацию не в Москве, а в Лондоне, у Герцена. Можно догадываться, что причиной этого решения являлось замедление в печатании двух уже отправленных в Москву прокламаций. Типографский станок, имевшийся в Москве, был далёк от совершенства. К тому же после того, как на нём было отпечатано такое сравнительно большое издание, как огарёвский разбор книги барона Корфа о восшествии на престол Николая I, станок пришёл в совершенно негодное для работы состояние. Москвичи старались приобрести новый станок, но на это ушло немало времени. В результате этого и вследствие последующего предательства Костомарова переданные москвичам прокламации Шелгунова и Чернышевского так и не были напечатаны.

Полагаем, что именно в этих обстоятельствах и надо искать объяснение того, почему Шелгунов и его друг Михайлов решили прибегнуть к помощи лондонского станка.

Летом 1861 г. Михайлов для этой цели отправился в Лондон. Герцен отговаривал Михайлова от печатания шелгуновской прокламации. Содержавшийся в ней призыв к революции и к кровавой расправе с врагами и притеснителями народа казался Герцену несвоевременным и вредным для дела. Однако доводы Герцена не подействовали, и Михайлов настоял на печатании прокламации.

Она была отпечатана в количестве 600 экземпляров, и Михайлову удалось все эти экземпляры благополучно доставить в Петербург, куда он возвратился в середине июля. С распространением прокламации Михайлов не спешил: она была датирована сентябрём и именно до этого времени — до времени, когда в Петербург должна была возвратиться разъехавшаяся на летние каникулы молодёжь, — было решено отложить её распространение.

Провал московской типографии и вступление Костомарова, которому Михайлов показывал привезённую им прокламацию, на путь предательства привели к тому, что 1 сентября у Михайлова был произведён обыск. По небрежности производивших его прокламация обнаружена не была, и Михайлов остался на свободе. Тогда при помощи Михаэлиса и А. А. Серно-Соловьевича Михайлов спешно приступил к распростра-

нению прокламации. Вслед за этим 14 сентября у него был произведён вторичный обыск, а сам он арестован.

Является вопрос, насколько Чернышевский был в курсе всех этих действий Михайлова. Как по его собственным словам, так и по свидетельству Шелгунова, он не знал действительной причины поездки Михайлова в Лондон¹. Повидимому, как последний, так и Шелгунов имели какие-то основания скрывать от него написанную Шелгуновым прокламацию. Чем объяснялась такая таинственность, нам неизвестно. Можно только строить различные предположения на этот счёт. Наиболее вероятным представляется следующее.

Шелгунов и Михайлов допускали, что прокламация «К молодому поколению» вызовет отрицательное отношение и возражения со стороны Чернышевского. Дело в том, что в ней имелись установки, шедшие вразрез со взглядами руководителя «Современника». Автор прокламации развивал в ней, между прочим, ту мысль, что пути социально-экономического развития России коренным образом отличаются от путей, которыми шло развитие Западной Европы. В этом отношении он находился под несомненным влиянием идей Герцена, тех самых идей, против которых Чернышевский резко выступал в своей статье «О причинах падения Рима», напечатанной в № 5 «Современника» за 1861 год. Весьма вероятно, что такое явное расхождение прокламации со взглядами Чернышевского и побудило Шелгунова не показывать ему своей прокламации.

Однако если Чернышевский и не знал о цели поездки Михайлова в Лондон, то самая эта поездка не была для него тайной. Он сам на допросах во время следствия рассказал, что воспользовался поездкой Михайлова в Лондон для того, чтобы дать ему поручение к Герцену, «чтобы он не завлекал молодёжь в политические дела»². Несомненно, что к последним словам Чернышевского не приходится относиться серьёзно и что в действительности поручение, данное им Михайлову, состояло в чём-то ином. Однако самый факт этого поручения, стоящего в связи с конспиративной революционной деятельностью Чернышевского, стоит вне всяких сомнений, а это показывает, каким доверием в это время пользовался со стороны Чернышевского Михайлов.

Доверие это было взаимным. Со стороны Михайлова оно проявилось, между прочим, в том, что по возвращении из Лондона он счёл возможным раскрыть Чернышевскому действительную причину своей поездки. Это подтверждается свидетельством Л. Ф. Пантелеева, который рассказывает, что однажды в присутствии Михайлова к Чернышевскому пришёл один из сотрудников «Современника», пользовавшийся доверием Чернышевского (из дальнейшего выяснилось, что это был М. А. Антонович), и в разговоре высказал мысль, что «следует печатать за границей, а затем ввозить в Россию». Когда Михайлов ушёл, Чернышевский сказал: «Да ведь вы попали не в бровь, а прямо в глаз. Михайлов именно это и сделал»³.

Надо думать, что Чернышевский несмотря на несогласие своё с установками прокламации Шелгунова теперь, после того как она была уже напечатана и с опасностью для участников её издания привезена в Петербург, не находил себя вправе препятствовать её распространению. Тем более, что основным в этой прокламации были не её теоретические установки, а призыв молодёжи к революционной работе, которому Чернышевский не мог не сочувствовать. В то время, когда нелегальная литература была исключительной редкостью, революционеры нередко

¹ «Об этой прокламации никто не знал, кроме Михайлова и меня», — пишет Шелгунов. См. его «Воспоминания», стр. 33; ср. Лемке М. Указ. соч., стр. 312.

² Лемке М. Указ. соч., стр. 106—107.

³ Пантелеев Л. Указ. соч., стр. 313, 581.

распространяли издания, с содержанием которых они были не вполне согласны.

Как бы то ни было, прокламация «К молодому поколению» была распространена, а вслед за этим последовал арест Михайлова. Как же Чернышевский отнёсся к этому факту?

Такой вопрос необходимо поставить не только в целях изучения его отношения к Михайлову, но и потому, что в нашей литературе широко распространено мнение, что Чернышевский проявил более чем сдержанное отношение к Михайлову после его ареста и что позднее, на каторге, они встретились друг с другом, как совершенно чуждые люди. Построена даже особая гипотеза для выяснения причин охлаждения Чернышевского к Михайлову. Согласно этой гипотезе, Чернышевский настолько был недоволен прокламацией «К молодому поколению», что считал необходимым отмежеваться от её распространителя. Существуют и другие попытки объяснить причины, вызвавшие холодность Чернышевского. Одного только не хватает: никто из исследователей не дал себе труда проверить, насколько заслуживает доверия свидетельство об охлаждении отношения Чернышевского к Михайлову, и выяснить, не находится ли оно в противоречии с фактами, не внушающими никаких сомнений в своей достоверности.

Об охлаждении, происшедшем якобы в отношениях Чернышевского к Михайлову, сохранилось только одно свидетельство. Мы находим его в мемуарах Л. Ф. Пантелеева. Рассказывая об отношении Чернышевского к другому революционеру той поры, В. А. Обручеву, арестованному вскоре после Михайлова за распространение прокламации «Великорусс», Пантелеев пишет: «Н. Г., видимо, очень любил его и часто вспоминал о нём, между тем как о Михайлове, по крайней мере с нами, никогда сам не заводил разговора». В другом месте своих воспоминаний Пантелеев сообщает: «Н. Г. после ареста Михайлова как бы замалчивал его, точно безучастно относился к постигшей его судьбе. Впоследствии от одного поляка, бывшего одновременно на заводе (Кадаинском руднике Нерчинского округа, где отбывали каторгу Михайлов и Чернышевский.— Б. К.) с Чернышевским, я слышал, что взаимные отношения Н. Г. и Михайлова на каторге поражали не то холодностью, не то какой-то натянутостью. Несомненно, это была политика, усвоенная Н. Г.: и на каторге показывать вид, что с Михайловым у него никогда не было никаких близких, а тем более интимных отношений, как это он утверждал на следствии и в сенате, отвергая показания Костомарова, обличавшие Н. Г.,— что через Михайлова начались переговоры о печатании прокламаций»¹.

Попробуем разобраться в этом свидетельстве Пантелеева и проверить, насколько заслуживает доверия его сообщение о безучастном отношении Чернышевского к арестованному Михайлову.

После ареста Михайлова петербургские литераторы составили адрес, в котором просили о том, чтобы к следствию по его делу был допущен депутат от них. Среди подписавших этот адрес мы находим ряд руководителей и ближайших сотрудников «Современника»: Некрасова, Добролюбова, И. И. Панаева, Елисеева. Фамилии Чернышевского среди подписавших этот адрес не было².

Это обстоятельство, казалось бы, до некоторой степени подтверждает сообщение Пантелеева. Однако имеются данные, позволяющие предполагать, что подпись Чернышевского отсутствовала по каким-то случайным причинам, а не вследствие несочувствия Чернышевского этому делу. Из воспоминаний Е. М. Феокистова нам известно, что петербургские литераторы делали попытку привлечь к своему предприятию

¹ Пантелеев Л. Указ. соч., стр. 312, 542.

² Адрес этот напечатан М. Лемке в XI томе полного собрания сочинений А. И. Герцена, стр. 263—264.

и москвичей; для этой цели ими были отправлены в Москву делегаты, чтобы убедить москвичей присоединить свои подписи к петербургскому адресу. Делегатами этими были сотрудник «Отечественных записок» С. С. Громека и Чернышевский. Феоктистов сообщает, что на собрании московских литераторов, состоявшемся у Каткова, предложение петербуржцев, поддержанное Громекою, не встретило сочувствия и было отвергнуто. Чернышевский, на этом собрании не произнёс ни слова. «Быть может, видя общее настроение, — пишет Феоктистов, — он принял, что разглагольствования его не привели бы ни к чему»¹.

Вполне ясно, что если бы Чернышевский был противником подачи адреса в пользу Михайлова, он в Москву не поехал бы.

Свидетельство Пантелеева стоит в противоречии и с другими фактами, достоверность которых находится вне всяких сомнений, а именно: перед отправкой Михайлова на каторгу 14 декабря 1861 г. ему было разрешено свидание с друзьями, которые пожелали бы проститься с ним. В числе лиц, посетивших в этот день Михайлова, находились Чернышевский и его жена. Далее, Чернышевский собирал деньги в пользу Михайлова, о чём свидетельствует подписной лист, сохранившийся в бумагах его, и выступал 2 марта 1862 г. на литературном вечере, часть сбора с которого предназначалась Михайлову².

Сообщению Пантелеева противоречит и тот факт, что произведения Михайлова продолжали печататься в «Современнике» и после его ареста. Мало того, в V главе «Что делать?» Чернышевский приводит цитату из михайловского перевода «Стансов» Томаса Гуда, напечатанных под псевдонимом М. Илецкий в № 4 «Современника» за 1862 год³. Очевидно, Чернышевский не только читал и печатал в своём журнале стихотворения Михайлова, но и настолько запомнил одно из них, что смог по прошествии года процитировать его на память. Полагаем, что и этот факт говорит против предположения об охлаждении Чернышевского к Михайлову.

В частности не выдерживает критики и вышеизложенная гипотеза. Если бы прокламация «К молодому поколению» действительно привела к изменению в отношениях Чернышевского к Михайлову, то последний не мог бы, конечно, не знать об этом. Между тем из писем, которые он, находясь под следствием, писал Шелгунову, видно, что в это время Михайлов был уверен в дружеском отношении к нему Чернышевского. Заботясь об издании задуманного им сборника своих стихотворений, Михайлов, между прочим, писал: «У меня где-то и предисловие было набрано к собранию стихотворений... Если найдёте, попросите исправить Н. Г.». В другом из писем он выражал надежду, что Чернышевский не откажется сам написать хотя бы небольшое предисловие к его книге⁴. Если бы, далее, гипотеза эта соответствовала действительности, то ясно, что охлаждение Чернышевского не ограничивалось бы Михайловым, но распространилось бы, во всяком случае, в не меньшей мере и на автора прокламации «К молодому поколению» Н. В. Шелгунова. Между тем Чернышевский не только не порвал отношений с Шелгуновым, но продолжал печатать его произведения в «Современнике» и после ареста Михайлова. Мало этого, поездка супругов Шелгуновых в Сибирь к сосланному туда Михайлову в целях облегчения условий его жизни и организации при благоприятном случае его побега за границу была предпринята с ведома и благословения Чернышевского. Это обстоятельство также находится в противоречии с теми выводами, которые Пантелеев сделал

¹ Феоктистов Е. «За кулисами политики и литературы», стр. 99—100. Л. 1929.

² Агентажное донесение III отделения. «Красный архив». Т. XIV за 1926 г., стр. 102; Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. III, стр. 650.

³ Чернышевский Н. Соч. Т. XI, стр. 336. М. 1939.

⁴ Быков П. «Из переписки М. Л. Михайлова». «Современник» № 9 за 1912 г. стр. 204—205.

относительно отношения Чернышевского к Михайлову после его ареста. Если бы Чернышевский действительно начал относиться безразлично к Михайлову, он не стал бы проявлять подобного участия к его судьбе.

Самое большее, что можно допустить,— это то, что Чернышевский некоторое время держался настороже по отношению к Михайлову и предпочитал уклоняться от разговоров о нём и его деле. Причиной этому могли быть распространившиеся по Петербургу слухи об откровенных показаниях, данных Михайловым на следствии. Дело в том, что первоначально Михайлов на допросах держался крайне осторожно и ограничивался лишь признанием в том, что им было привезено из Лондона только 10 экземпляров прокламаций «К молодому поколению», что этой прокламации он никому не показывал, за исключением Всеволода Костомарова, и что все привезённые экземпляры были им уничтожены. Однако позднее, отчасти под влиянием очной ставки, данной ему с предателем Костомаровым, отчасти же под впечатлением неоднократных угроз привлечь к следствию его друзей Шелгуновых, Михайлов, желая спасти их, признал себя автором «К молодому поколению» и, заявив, что эта прокламация была привезена им из Лондона в количестве 250 экземпляров, сознался в распространении её. Не зная подробно всех обстоятельств дела, III отделение рассматривало это показание Михайлова как полное и чистосердечное признание с его стороны. Управляющий III отделением граф Шувалов 7 октября 1861 г. телеграфировал находившемуся в то время в Крыму своему начальнику шефу жандармов Долгорукову: «Михайлов сделал во всём откровенное сознание»¹.

Слухи об этом дополнительном показании Михайлова очень скоро распространились по Петербургу. Шелгунов в своих «Воспоминаниях» рассказывает, что вскоре после ареста Михайлова «прошёл слух, что Михайлов во всём сознался»². А. В. Никитенко записал в своём дневнике: «Михайлов признался, что он хотел произвести революцию»³.

Один из агентов III отделения в своём донесении писал о Михайлове: «Большинство публики, не исключая и многих молодых офицеров, осуждают его с тех пор, как распространились некоторые подробности о его поступке и чистосердечном признании»⁴. Естественно, что эти слухи не могли не дойти и до Чернышевского и не вызвать в нём опасений в том, что Михайлов действительно выдал жандармам все подробности дела, в том числе и те, которые относились к самому Чернышевскому и к написанной им прокламации «Барским крестьянам». Однако очень скоро Чернышевский должен был убедиться, что слухи о чистосердечном признании Михайлова не соответствуют действительности. В дальнейшем же он узнал, что Михайлов, признав себя автором прокламации «К молодому поколению», самоотверженно принял на себя вину Шелгунова и понёс за это своё признание суровую кару. Таким образом, если Чернышевский и испытывал одно время сомнения в твёрдости и политической честности Михайлова, эти сомнения очень скоро рассеялись.

Итак, никаких оснований отказываться от своего дружеского расположения к Михайлову у Чернышевского не было. Напротив, ряд приведённых выше фактов свидетельствует, что Чернышевский с большим сочувствием относился к злоключениям, постигшим его старого друга.

Но как же тогда объяснить ту отчуждённость, которая, по передаваемому Пантелеевым свидетельству одного поляка, политического катор-

¹ «Политические процессы 60-х годов». Под ред. Б. П. Козьмина. Ч. 1-я, стр. 284. М. и Л. 1923. Ещё раньше, 24 сентября 1861 г., Шувалов телеграфировал Долгорукову: «Литератор Михайлов, поставленный в безвыходное положение посредством уличения его другими лицами, сознался в составлении воззвания «К молодому поколению», вместе с Герценом и Огарёвым, в привозе его сюда и в распространении». Там же, стр. 283.

² Шелгунов Н. «Воспоминания», стр. 138.

³ Никитенко А. «Записки и дневник». Т. II, стр. 40. СПб. 1905.

⁴ Шилов А. «Арест М. И. Михайлова и суд над ним». «Русское прошлое» № 2 за 1923 г., стр. 149.

жанина, проявлялась во взаимных отношениях Чернышевского и Михайлова во время их пребывания в Кадаинском руднике? Дело в том, что и этому свидетельству веры придавать не приходится, ибо оно находится в противоречии со свидетельством другого современника, заподозрить достоверность которого нет никаких оснований. Мы имеем в виду С. Г. Стахевича, во второй половине 60-х годов отбывавшего совместно с Чернышевским каторгу на Александровском заводе.

Стахевич пишет: «О своих петербургских отношениях к Михайлову Н. Г. ничего не рассказывал. Во время пребывания в Кадае Михайлов, по словам Н. Г., занимался некоторыми литературными работами; между прочим, задумал ряд картин из жизни доисторического человека¹. Одна из этих картин особенно понравилась Н. Г., и некоторые детали её он пересказывал нам».

Далее следует передача рассказа Чернышевского, а затем Стахевич продолжает: «Кроме картин доисторической жизни, Михайлов пописывал кое-какие стихи. Одно из его стихотворений имело сюжетом стечение богомольцев на поклонение чтимой населением иконе божьей матери; стихотворение заканчивалось насмешливым четверостишием, которое у Н. Г. сохранилось в памяти, и он продекламировал его нам; я запомнил это четверостишие, для печати оно неудобно»².

Полагаем, что после этого свидетельства Стахевича не остаётся никаких сомнений в том, что и на каторге отношения Чернышевского и Михайлова отличались вполне дружеским характером. Остаётся предположить, что Чернышевский, бывший не только великим революционером, но и замечательным конспиратором, умел поставить свои близкие отношения к Михайлову так, что стороннему наблюдателю он и Михайлов представлялись совершенно чуждыми друг другу людьми, воздерживающимися от взаимных сношений и не имеющими ничего общего между собой. Только такое объяснение можно дать сообщению поляка-каторжанина, передаваемому Пантелеевым и введшему в заблуждение биографов Чернышевского и Михайлова.

Таким образом, объективные и стоящие вне подозрений в отношении достоверности данные, которыми мы располагаем, позволяют снять с Михайлова ту тень, которая до сих пор лежала на нём вследствие того, что биографы его и Чернышевского не дали себе труда подвергнуть сообщение Пантелеева критической проверке.

Не в отчуждении от Чернышевского, а в дружеской близости с ним прошли последние дни жизни Михайлова, и эта близость, несомненно, должна была скрасить ту безотрадную обстановку, среди которой умирал старый друг Чернышевского.

---

¹ Это произведение Михайлова после его смерти было напечатано в журнале «Дело» (№№ 3 и 4 за 1869 г.) под названием «За пределами истории. Картины жизни за миллион лет» и в 1898 г. выпущено издательством Сытина отдельным изданием.

² Стахевич С. «Среди политических преступников». Сборник «Н. Г. Чернышевский», стр. 119—120. М. 1928.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

(По поводу статьи проф. П. П. Смирнова)

Проф. К. Базилевич

I

Почти два столетия историки занимаются исследованием проблемы образования централизованного Русского государства. Большинство созданных по этому вопросу концепций давно устарело и сохраняет для нас лишь историографический интерес. Однако значительное число отдельных конкретных наблюдений, сделанных исследователями, до сих пор сохраняет научную ценность.

В наше время хотя и не появилось новых крупных исследовательских работ по данной теме, но в ряде учебных и лекционных курсов были сделаны попытки пересмотреть её с позиций исторического материализма. Новую попытку в этом направлении делает проф. П. П. Смирнов в статье «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.», опубликованной в журнале «Вопросы истории» № 2—3 за 1946 год.

Статья проф. П. П. Смирнова написана в остро полемическом плане. По мнению автора, никто из советских историков, касавшихся данных вопросов, не понял правильно указаний классиков марксизма об условиях образования централизованных государств на востоке Европы. Следует согласиться с автором, что указания В. И. Ленина об условиях образования «Всероссийского рынка» действительно относятся не к XIV—XV вв., а XVI—XVII векам. Однако полное недоумение вызывает утверждение проф. П. П. Смирнова, что и указания И. В. Сталина об условиях образования централизованных государств на Востоке Европы также имеют только «косвенные отношения» к образованию Русского государства. При этом проф. П. П. Смирнов обвиняет историков в том, что они не поняли этих указаний И. В. Сталина и будто бы стали приписывать ему высказывание, что «процесс образования централизованных государств и на Западе и на Востоке возник под влиянием в основном одних и тех же причин — в результате давления внешней опасности...» Нам неизвестно, кого именно имел в виду проф. П. П. Смирнов, так как в печатной литературе нам не приходилось встречать подобных грубых ошибок.

Мы вправе ожидать, что сам автор, предложивший новое решение проблемы о причинах феодальной раздробленности и образования централизованного государства в России, даст его на основе марксистского учения. Проф. Смирнов этого не сделал, поэтому мы позволим себе кратко напомнить соответствующие указания классиков марксизма. Исключительно большое значение для данного вопроса имеют работа Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» и небольшая работа Энгельса — «О разложении феодализма и развитии буржуазии», в которой резюмируются взгляды его и Маркса по вопросу о происхождении национальных государств. Основная мысль Энгельса заключалась в утверждении, что элементы нового общественно-экономического порядка, разрушавшего феодальную систему, складывались в городском хозяйстве в результате общественно-го разделения труда. Поэтому Маркс и Энгельс придавали такое боль-

шое значение развитию средневекового ремесла и укреплению товарно-денежной системы.

«Еще задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты выстрелами новых орудий, их основы были подрывы деньгами»¹. Не закрепощённые крестьяне, а свободное городское население являлось проводником экономического прогресса. При господствующей феодальной системе сельское хозяйство, несмотря на всю его важность в экономической жизни страны, не могло стать областью развития новых общественных отношений; ею были города. В то время как феодальный мир был погружён в бесконечные раздоры, кругом вырастали города, окружённые прочными стенами: «За этими стенами и рвами развилось средневековое ремесло,— правда, достаточно пропитанное бюргерской цеховщиной и мелочностью,—накапливались первые капиталы, возникла потребность взаимного общения городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью создавались также и средства охраны этого общения (Verkehr)»². Таким образом, развитие экономического общения при помощи торговли (других средств экономического общения, кроме торговых, в рассматриваемое время быть не могло) на почве общественного разделения труда являлось необходимым условием для политического объединения страны под главенством сильной королевской власти, способной обуздать своеволие вассалов. Маркс и Энгельс указывали, что «объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов»³. В то же время королевскую власть в её стремлении прекратить раздоры феодалов внутри страны и защитить её от нападения внешних врагов поддерживало не только городское, но и сельское население⁴.

Легко убедиться, насколько указания классиков марксизма об условиях образования национальных централизованных государств далеки от новой концепции, предложенной проф. П. П. Смирновым, который главной причиной образования Русского государства считает не общее развитие производственных сил, не успехи общественного разделения труда, не развитие экономического общения на почве укрепления элементов товарно-денежного обращения, а технический переворот в агрокультуре, сделавший Московское княжество областью прогрессивного, товаропроизводящего сельского хозяйства.

Может быть, на Востоке Европы, в русских землях, дело обстояло иначе, чем на Западе? Такое представление в корне противоречило бы марксистскому учению о единстве исторического процесса в его основных закономерных явлениях. Понятно, что исторические события никогда не бывают тождественными и что необходимо учитывать конкретную историческую обстановку, накладывающую местный отпечаток на действие общих законов развития человеческого общества. Но эти местные особенности не настолько значительны, чтобы изменить характер изучаемого процесса.

Главной особенностью образования централизованных государств на Востоке Европы, на которую указал товарищ Сталин, было давление внешней опасности, под действием которой образование централизованных государств произошло раньше, чем был ликвидирован феодализм, и раньше, чем сложились нации.

Анализируя развитие исторических представлений о причинах усиления Московского княжества и условиях образования Русского государства, проф. П. П. Смирнов пришёл к весьма неутешительным выводам. По его мнению, историки до последнего времени не только не разрешили

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 442.

² Там же, стр. 440.

³ Там же. Т. IV, стр. 15.

⁴ Там же. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 443.

этой проблемы, но шли по методологически неправильному пути. Советские историки, с одной стороны, ничего не прибавили к выводам, сделанным представителями буржуазной исторической школы, а с другой стороны, неправильно пользовались классической марксистской литературой.

Мы не будем останавливаться на историографической части статьи проф. П. П. Смирнова, а прежде всего разберём, как понимает проф. П. П. Смирнов методологические указания классиков марксизма.

Совершенно правильно отмечая, что «решающим фактором в развитии общества является не географическое положение и не торговля, не переселенцы и не политическая обстановка, а в первую очередь развитие производственных сил», проф. П. П. Смирнов тотчас ограничивает применение понятия «производительных сил» в области одного только сельского хозяйства.

Неправильное понимание этого вопроса приводит проф. П. П. Смирнова к ошибочному истолкованию известного указания В. И. Ленина об условиях слияния русских областей, земель и княжеств в одно государственное целое. Ведь слияние началось не в XVI и XVII вв., а значительно раньше. В. И. Ленин указывает, что в XVII в., с образованием «Всероссийского рынка», это слияние фактически завершилось. Но если оно завершилось под влиянием усиливавшегося экономического общения между областями, то вполне понятно, что это же условие действовало и на начальной стадии процесса.

Проф. П. П. Смирнов упрекает советских историков в том, что они будто бы, следуя за Ключевским, Забелиным и другими буржуазными историками, выдвигали роль торговли, географических условий и роста народонаселения в качестве основных факторов общественно-экономического развития, объясняющих причину превращения Московского княжества в Русское государство. Это явное недоразумение основано на том, что сам проф. П. П. Смирнов не видит разницы между причинами усиления Московского княжества в первой половине XIV в. и условиями образования единого Русского государства, что было связано с ликвидацией феодальной раздробленности. В первом случае речь идёт не об изменении общественно-экономического и политического строя под влиянием выгодных географических условий и более быстрого роста народонаселения, а о том, почему при одном и том же уровне состояния производительных сил одно из княжеств (Московское) было поставлено в более благоприятные исторические условия, чем другие русские земли. Ведь не может быть сомнения в том, что и географические условия и рост народонаселения оказывают влияние на развитие общества, облегчают или замедляют развитие общества¹.

Обратимся к рассмотрению концепции проф. П. П. Смирнова.

II

По вопросу о том, из каких источников Иван Калита черпал серебро для уплаты ордынской дани, автор приходит к выводу, что «таким источником в первой половине XIV столетия могло быть только крестьянское хозяйство и производимый им хлеб».

Ход рассуждений проф. П. П. Смирнова кратко сводится к следующему: серебра не было, достать его нельзя было ни пошлинами, ни данью. Под давлением суровых требований Орды Иван Калита находит источник средств в улучшении сельскохозяйственной техники. «Неизбежная татарская дань вынуждала к изобретательству и земледельцев и землевладельцев, поскольку между теми и другими делился урожай». Проф. Смирнов отрицает «бессознательное стяжательство» московских князей: «Самый момент изобретения русского плуга, вероятная внутренняя связь технического сдвига с необходимостью найти источники покрытия татар-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 113—114. Госполитиздат. 1938.

ских платежей, потому что неуплата дани влекла для одних рабство, а для других — потерю княжеского стола, исключает бессознательное скопидомство Ивана Калиты и его преемников». В результате введения плуга Московское княжество, по мнению автора, уже во второй четверти XIV в. становится областью самого прогрессивного, по сравнению с другими русскими землями, земледелия и богатейшим хлебопроизводящим районом.

Таким образом, татарское иго, по мнению проф. Смирнова, сыграло важную прогрессивную роль в отношении великорусского центра. Оно заставило поднять производительные силы, что привело к укреплению политического значения московского великого князя, позволило ему, и только ему, удовлетворить все тяжёлые материальные требования Орды и скупать земли. В дальнейшем это обеспечило за московским великим князем политическое первенство во всём русском феодальном мире — позволило ему превратиться из московского князя в русского государя. Теория о положительном значении Золотой Орды для усиления Московского княжества имеет очень давнее происхождение. Она восходит к Карамзину и упорно, с некоторыми видоизменениями, держалась до Покровского. Справедливость заставляет напомнить, что ещё Соловьёв зло высмеял тех историков, которые, запутавшись в собственных концепциях, в конце концов обращались к Золотой Орде как к средству для разрешения не разрешённых ими вопросов.

Но есть и существенные различия между тем, что по этому вопросу пишет проф. Смирнов и писали Карамзин, Ключевский и другие. Последние рассматривали лишь область политических взаимоотношений. Они предполагали, что поддержка со стороны ханов Золотой Орды обеспечила торжество великокняжеской власти за московскими князьями. Проф. П. П. Смирнов же уверяет нас в том, что «неизбывная» ордынская дань приводила к экономическому расцвету центральные области Великороссии! Во всей мировой истории мы не знаем примера, чтобы угнетение, да ещё соединённое с чужеземной властью, являлось двигателем экономического прогресса. Неужели в этом проявляется своеобразие русского исторического процесса?

В качестве основного доказательства в пользу своего утверждения о перевороте в области сельскохозяйственной техники в Московском княжестве в XIV в., проф. П. П. Смирнов приводит появление переводного византийского юридического памятника VII—VIII вв. — «Книг Законных», первую часть которых составляет известный «Земледельческий устав». Издатель и исследователь этого важного памятника проф. А. Павлов, сравнивая текст «Книг Законных» с древними переводными памятниками церковно-юридической письменности, пришёл к заключению, что «перевод отрывков из Прохирона и Эклоги, содержащийся в этих «Книгах», может быть с вероятностью отнесён к концу XII или началу XIII века. С другой стороны, ввиду одинакового языка и характера перевода всех частей этого памятника проф. А. Павлов находил возможным к этому времени отнести и перевод «Земледельческого устава»¹. Легко заметить, насколько осторожнее высказывал своё мнение проф. А. Павлов о времени перевода «Земледельческого устава» на русский язык, чем это делает проф. П. П. Смирнов, произвольно приписавший проф. А. Павлову утверждение, что вся русская редакция «Книг Законных», включая «Земледельческий устав», «относится, несомненно, ко времени Ивана Калиты и отражает русские порядки первой половины XIV столетия». Если проф. А. Павлов пишет, что в этом памятнике «самые подновления не настолько новы, чтобы их нельзя было приурочить к первой половине XIV века»², то проф. П. П. Смирнов перефразирует: «Язык памятника значительно под-

¹ Павлов А. «Книги Законные», стр. 16. СПб. 1885.

² Там же, стр. 37.

повлён, — говорит автор (т. е. проф. Павлов. — К. Б.), — и эти подновления принадлежат XIV веку».

Допустим всё же, что «Земледельческий устав», как и все «Книги Законы», действительно появился в русском переводе при Иване Калите и действительно служил практическим руководством в русских судах того времени. Даже и при этом допущении метод историко-критической работы над источником не позволяет придти к тем выводам, к каким пришёл проф. П. П. Смирнов. Важнейшим доказательством в пользу перехода сельскохозяйственной техники на новый, высший этап развития проф. П. П. Смирнов считает появление в ст. 59 «Земледельческого устава» термина «лемеш» в качестве орудия плужного типа. На основании единственного во всём «Земледельческом уставе» термина «лемеш» мы можем только сказать, что лемеш — плуг — был известен на Руси в то время, когда был переведён «Земледельческий устав». Но из этого правильного заключения не следует, что, во-первых, этот термин был новым и, во-вторых, что он сначала появился в Московском княжестве.

Между тем проф. А. Павлов путём лексического и терминологического анализа текста и сравнения его с «Русской Правдой» убедительно показал, что перевод «Земледельческого устава» должен быть отнесён не ко времени Ивана Калиты, а к «Киевскому периоду» в пределах конца XII и начала XIII века. Только «подновления» он допускал возможность приурочить к XIV—XV векам. В их числе мы найдём как «подновления» и дополнения, которые могли быть сделаны в первой половине XIV в., так и те, которые, безусловно, относились к более позднему времени. Нельзя также забывать, что сохранившиеся списки «Земледельческого устава» принадлежат XV веку. Какое же основание существует к тому, чтобы «лемеш» отнести именно к первой половине XIV в. и утверждать его московское происхождение?

Рассмотрим теперь, насколько убедительны соображения проф. П. П. Смирнова, основанные на разнице хлебных цен. Приведя летописное сообщение о ценах во время неурожая и голода 1393 г., когда оков (кадь) ржи стоила в Великом Новгороде 7 рублей, в Нижнем Новгороде — 9 рублей, в Костроме — 2 рубля, в Москве — 1 рубль, проф. П. П. Смирнов далее пишет, что «...соотношение цен в русских городах и Москве... не зависело от неурожая, а было устойчивым и сохранялось в течение XV и первой половины XVI в., пока длился процесс образования русского национального государства». К сожалению, проф. П. П. Смирнов не сообщил, какие основания он имел для подобного категорического утверждения. Для нас же остаются более убедительными законы экономической статистики, которая не позволяет на основании цен за один — два года приходиться к таким выводам, к каким пришёл проф. П. П. Смирнов. Более того: неурожайные годы являются наиболее неблагоприятным временем для подобного рода наблюдений, так как неурожай обычно не поражает равномерно большую территорию и поэтому создаёт необычное соотношение цен в разных районах.

В качестве примера «нормальных цен» проф. П. П. Смирнов приводит стоимость окова (кади) пшеницы или чечевицы в Сарае и Ургенче в первой половине XIV века. Какое отношение эти цены имели к русскому рынку? Не лучше ли было для сравнения дешёвых и дорогих цен использовать близкий к рассматриваемому времени русский материал? Наиболее полные данные о хлебных ценах за первую половину XV в. мы имеем по Пскову. В нижеследующей таблице приведены данные о числе зобниц ржи, покулавшихся за одну полтину с переводом на стоимость одного пуда по московской денежной системе¹:

¹ Псковская мера «зобница» принята за 9½ пуда. При перечислении псковской денежной системы на московскую в полтине считаем 216 московских денег. В скобках показана цена одного пуда, выраженная целым числом денег (без десятичных знаков).

Г о д ы	Число зобниц, стоивших одну полтину	Стоимость одного пуда по московской денежной системе	И с т о ч н и к и
1409	6	3,9(4)	ПСРЛ, т. IV, стр. 200
1422	2,5	9,3(9)	ПСРЛ, т. V, стр. 24
1425	5	4,6(5)	ПСРЛ, т. V, стр. 24
1428	8	2,9(3)	ПСРЛ, т. IV, стр. 205
1429	9	2,6(3)	ПСРЛ, т. V, стр. 26
1434	13	1,8(2)	ПСРЛ, т. V, стр. 28

На основании приведённой таблицы мы можем прежде всего установить, какие хлебные цены в Пскове считались низкими и какие — высокими. В 1434 г. «бысть в Немецкой земли голод и хлеб дорог вельми; а во Пскове у святей Троицы дал Бог хлеба много и дешев, по девяти денег зобница ржи»¹. Таким образом, пуд ржи стоил в Пскове около одной псковской деньги, или двух московских денег. По данным Псковской 2-й летописи, в этом году на полтину шло 13 зобниц, что даёт примерно ту же стоимость одного пуда. В течение 1422—1425 гг. страшный голод охватил большую часть русских земель, в том числе Новгород со всеми волостями, всю Московскую и Тверскую земли. «И толми бысть там дорог хлеб,—сообщает псковский летописец,—яко на едином ковризе дати полтына, али каково портище, а ржи наша четверетка, чего кто запросил, а инии с усердием даваху, а еже бы где зобница купити ржи или овса, таковые мало обретаху, а мнози с глада мряху»². В Софийских летописных сводах сохранились цены этого года: оков ржи стоил в Москве 1 руб., в Костроме — 2 руб., а в Нижнем Новгороде — даже 200 алтын (6 руб.)³. Считая в окове 14 пудов, найдём стоимость одного пуда: в Москве — 14—15 денег, в Костроме — 28—30 денег и в Нижнем Новгороде — 85—86 денег. «Тогда,—сообщает псковский летописец,—пошли в Псков за хлебом новгородцы, корела, чудь, важане, тверичи, москвичи—просто рещи с всей Русской земли, и бысть нахождение их во Пскове много множество». Приезжие стали скупать хлеб в городе и в волостях и вывозить за рубеж, что вызвало в городе резкое повышение цен: за полтину стали отдавать 2½ зобницы ржи, т. е. цена одного пуда поднялась до 9—10 московских денег.

В 1425 г. псковский летописец отмечает: «Бысть в Пскове хлеб подешевле, по 5 зобниц на полтину ржи»⁴. Очевидно, эта цена (1 пуд стоил около 5 моск. денег) казалась ещё высокой. В следующие годы цена на хлеб продолжала падать, дойдя в 1434 г. до 18 моск. денег за зобницу (около 2 денег за пуд). Псковская 1-я летопись по этому поводу отмечает, что «дал Бог хлеба много и дешев». Таким образом, средние цены на хлеб в Псковской области во второй четверти XV в. держались в пределах 3—4 московских денег за один пуд ржи. Так как природные условия Псковской области в XIV—XV вв., как и в смежной Новгородской земле, не были благоприятны для посевов ржи, а Псков был далеко расположен от хлебопроизводящих районов, то можно считать, что нормальные хлебные цены в Пскове были несколько выше, чем в Москве. Вряд ли поэтому мы сильно ошибёмся, если предположим, что в Москве хлебные цены в обычное время были близки к 2 деньгам за пуд, т. е. в 7—8 раз ниже, чем в неурожайный год⁵. Столетием раньше они должны

¹ Псковская 1-я летопись. ПСРЛ. Т. IV, стр. 208.

² ПСРЛ. Т. V, стр. 24.

³ ПСРЛ. Т. V, стр. 262; Т. VI, стр. 142.

⁴ ПСРЛ. Т. V, стр. 24.

⁵ Интересно сравнить эту разницу цен в неурожайные и обычные годы с данными, сообщаемыми Герберштейном по поводу страшной засухи в 1525 году. В этом году за хлеб, стоивший прежде 3 деньги, платили 20—30 денег, т. е. вздорожание также произошло в 7—10 раз.

были быть ещё ниже, так как мы наблюдаем неуклонный рост хлебных цен, вызванный ростом потребления и падением покупательной способности денег. Весьма вероятно, что при Иване Калите на рубль можно было купить до 200 пудов хлеба (условно считаем стоимость одного пуда в одну деньгу).

Данные о хлебных ценах во вторую четверть XIV в. дают нам возможность представить, какое количество хлеба потребовалось бы московскому князю, если бы товарный хлеб являлся основным источником средств для уплаты выхода. К сожалению, мы не знаем сумму выхода при Иване Калите и его сыновьях. Однако некоторое более или менее приближённое представление о нём мы в состоянии составить по позднейшим сведениям. Известно, что Мамай требовал от Дмитрия Донского выхода в том размере, в каком давали русские князья при Батые и Узбеке. Следовательно, в Орде считали, что выход, платившийся московским великим князем в конце XIV в., был меньше, чем его платил современник Узбека Иван Калита. В договорных грамотах Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем сумма выхода один раз указана в 5 тыс. руб., а в другой раз — в 7 тыс. руб. В духовной грамоте Владимира Андреевича выход указан в 5 тыс. руб.¹ Примем для времени Ивана Калиты меньшую сумму, т. е. 5 тыс. руб. Чтобы получить эту сумму от продажи хлеба, потребовалось бы выбросить на рынок примерно 1 млн. пудов ржи. Если даже допустить, что лишь половина выхода покрывалась за счёт продажи хлеба, то и в этом случае количество необходимого хлеба (500 тыс. пудов) совершенно невероятно для небольшого и неплодородного Московского княжества времени Ивана Калиты. К тому же проф. П. П. Смирнов совершенно упускает из виду, что феодальное хозяйство данного периода было не товаропроизводящим, а потребительским, натуральным.

От автора, претендующего на новое разрешение сложной исторической проблемы, следует ожидать критической проверки выдвинутых им положений, без чего последние теряют всякую степень научной вероятности. К сожалению, проф. Смирнов в отношении основного тезиса своей концепции — образование на территории Московского княжества ещё в первой половине XIV в. района прогрессивного земледелия — не воспользовался теми возможностями, которые представляют источники. Его даже не заинтересовал вопрос, могло ли Московское княжество при Иване Калите по почвенным условиям и по размеру культурной площади давать в огромном количестве избыточный товарный хлеб.

Московская «отчина» Ивана Калиты нам хорошо известна по двум его завещаниям. После присоединения в самом начале XIV в. Можайска и Коломны она почти не изменилась до конца его жизни. Описания её почвенно-географических и климатических особенностей, сообщаемых иностранными писателями в конце XV и начале XVI в., вполне подтверждаются позднейшими данными. По их сообщению, эта область была малоплодородной, песчаной и очень лесистой. В первой половине XIV в. лесов было ещё больше, чем два столетия спустя, когда её описывал Герберштейн. «По пням больших деревьев, — пишет Герберштейн, — которые существуют даже и ныне, можно заключить, что вся эта область не так давно была очень лесиста»². Среди «раменного» леса, песков и болот лежали отдельные участки более или менее плодородной земли. В рассматриваемое время лучше всего была заселена территория к северу от Москвы, граничившая с Дмитровским и Владимирским княжествами. Здесь несмотря на обилие леса по верхнему течению Клязьмы с её

¹ Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Т. I. №№ 35, 38, 40. М. 1813.

² Герберштейн С. «Записки о московских делах». Перевод А. Малсина, стр. 98. СПб. 1908.

притоками и по Истре лежали земли, относительно удобные для земледельческой культуры.

Духовная грамота Ивана Калиты называет здесь несколько волостей и княжеских сёл, в том числе Горетову волость (позже Горетов стан), явившихся одним из наиболее заселённых мест Подмосковья. К западу от Москвы лучшие места были расположены в верхнем течении Москва-реки и её левого притока—Рузы. К югу и юго-западу по левому берегу Оки преобладала песчаная почва; значительная часть этой территории была покрыта лесами; благоприятные для сельскохозяйственной эксплуатации участки находились в Серпуховском и Коломенском уездах, а также по Наре и Пахре. Однако в XIV в. эта область имела сравнительно небольшое население, что можно объяснить её окраинным положением. К востоку от Москвы, от самого города, начинались большие «раменные» леса, перемежавшиеся с торфяными болотами. Здесь находились лучшие бортные места, в том числе хорошо известный по духовным грамотам Васильцев стан («Васильцево сто»). В этом же районе процветала княжеская охота.

Таким образом, в пределах собственно Московского княжества годная для сельскохозяйственной эксплуатации территория была очень невелика. Главным препятствием для её быстрого расширения являлась даже не столько малопродуктивная московская почва, сколько густые заросли векового, девственного леса, подходившего к самому «городу» Москве. Потребовалось значительное время, чтобы отвоевать землю у леса и поднять «новины». Следы этого труда и замечал Герберштейн. Вполне понятно, что при этих условиях Иван Калита и его преемники старались совершать «прикупы» в соседних княжествах, обладавших лучшими условиями для сельского хозяйства. Так, Иван Калита упоминает о сёлах, купленных во Владимирском, Ростовском, Костромском, Юрьевском княжествах. В связи с этим небезынтересно отметить, что Герберштейн вслед за Рязанской областью по урожайности поставил область Ярославскую, особенно плодоносную около Волги, Ростовскую, Переяславскую, Суздальскую и Владимирскую. Он считал, что эти области «по плодородию земли ближе всего подходят к Рязани»¹. Проф. П. П. Смирнов для подтверждения своего основного тезиса — о высоком развитии сельского хозяйства в Московской области — привёл ряд данных о дешевизне хлеба в Москве, относящихся к концу XV и началу XVI века. Между тем известно, что Москва в конце XV и в XVI в. в значительной степени торговала привозным хлебом.

Если даже допустить, что Иван Калита под давлением Золотой Орды занялся изобретательством в области сельскохозяйственной техники и в результате своих агрономических опытов получил в большом количестве «избыточный товарный хлеб», то возникает вопрос: каким образом этот хлеб превращался в деньги, в «серебро»? Совершенно ясно, что успешная торговля хлебом зависит от наличия потребностей в покупном хлебе, т. е. от роста населения, оторванного от сельского хозяйства и принуждённого покупать хлеб на рынке. Сельскохозяйственный рынок складывается под влиянием потребностей неземледельческого населения. Между тем проф. П. П. Смирнов утверждает, что в России это происходило наоборот: сначала сложился внутренний рынок, а затем выделились из сельского населения значительные группы ремесленников.

«...В условиях появления товарного хлеба и внутренних рынков, — пишет автор, — из крестьянских масс и из крупных вотчинных хозяйств выделяются значительные группы ремесленников, сосредоточием которых становятся великокняжеские города и слободы, где возникают рынки внутреннего обмена». Поэтому проф. П. П. Смирнов считает проблему

¹ Герберштейн С. Указ. соч., стр. 124, 125, 133, 134.

развития русского феодального города мало существенной для данной темы и для данного времени.

По мнению проф. Смирнова, товарный хлеб при Иване Калите и его преемниках предназначался не для московского потребителя. «Спрос на него усилился и на севере и юге восточной Европы», — пишет автор. Под югом он разумел территорию Золотой Орды, где при господстве кочевого скотоводческого хозяйства потребности в хлебе не могли быть значительными. К тому же Сарай экономически больше тяготел к Хорезму, древней земледельческой области, чем к Руси. Остаётся, таким образом, Новгород. Но мог ли один Новгород поглощать ту огромную массу хлеба, которая, по мнению проф. Смирнова, выбрасывалась на московский рынок? К тому же нет никаких оснований утверждать, что новгородцы в покупке хлеба ограничивались одним Московским княжеством. Хлеб в Новгород шёл с «низа», под которым разумелось всё Окско-Волжское междуречье, включая и земли, расположенные за Окой (Рязань).

В историографической части своей статьи проф. П. П. Смирнов справедливо возражал против попыток объяснить возвышение Московского княжества лишь успехами московской торговли. Но не совершает ли подобную же ошибку он сам, придавая такое исключительное значение накоплению серебра в казне Ивана Калиты путём продажи московского хлеба?

Мы думаем, что Иван Калита достиг выдающихся политических успехов, положивших прочное начало преобладанию Московского княжества над остальными русскими княжествами, не только при помощи серебра, хотя последнее и играло немаловажную роль. Но рассмотрим сначала источники средств Ивана Калиты.

III

Мы не имеем никаких сведений о доходности хозяйства Ивана Калиты. Но те сведения, которые сохранились от конца XV и начала XVI в., позволяют нам утверждать, что это хозяйство носило преимущественно натурально-потребительский характер и служило для удовлетворения потребностей княжеского двора и содержания его многочисленных слуг¹.

Совершенно неизвестна величина сбора торговых пошлин, хотя вряд ли можно сомневаться в том, что он являлся одним из источников притока материальных средств в казну великого князя. Недаром в сохранившихся договорных грамотах князя обязываются «новых мытов не замышлять». В этом отношении финансовая практика русских князей принципиально не отличалась от аналогичной политики западноевропейских феодалов. Когда указывается в качестве причин, способствовавших усилению Московского княжества, выгодное положение Москвы в узле торговых дорог, имеются в виду, понятно, не абсолютная величина торговых сборов, а преимущества московского князя по отношению к другим феодальным владельцам, также собиравшим налоги в свою казну. Понятно также, что значение выгодного «торгового положения» Москвы не ограничивалось областью финансовой эксплуатации. Являясь естественным узлом торговых связей, Москва выростала в качестве общего экономического центра русских земель. Быстрый рост Московского посада во второй половине XIV и в начале XV в. значительно обгонял развитие других посадских центров.

В бюджете феодального государя дань с населения играла, несомненно, важнейшую роль. Не случайно поэтому, предоставляя значительную самостоятельность своим вассалам («а боярам и слугам между нас вольным воля»), великие князья ревниво оберегали свои фискальные

¹ Бахрушин С. «Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI века» (Сборник статей в честь В. О. Ключевского. М. 1909).

интересы: «...а данью потянуты по земле и по воде». Этим объясняется и усиленная забота великих князей о привлечении переселенцев с предоставлением им временных, но широких податных льгот. Поэтому утверждение проф. П. П. Смирнова, будто князья не были заинтересованы в увеличении населения, потому что это приводило к усилению требований Орды в отношении дани, кажутся наивными и противоречат источникам.

Мы не знаем, в каком размере Иван Калита брал дань с населения своего княжества. Можно предположить, что она не была разорительной, так как в противном случае он вряд ли заслужил бы сохранившиеся в летописях отзывы как об «устроителе» и добром государе. Но в то же время другой древнерусский писатель, смотревший на его княжение не с точки зрения московских интересов, нашёл нужным отметить, что с приходом к власти Ивана Калиты «наста насильвание многое». Летописные источники дают нам полную возможность раскрыть внутренний смысл этого осуждения и раздражения, брошенного местным патриотом Ростовской области.

За 13 лет своего великого княжения Иван Калита несколько раз выступал против Новгорода. Победив своего противника, тверского князя Александра Михайловича, и получив в 1328 г. ярлык на великое княжение, Иван Калита уже в следующем году побывал в Новгороде и сел на новгородском столе.

В 1331 г. Иван Данилович ездил в Орду. Вернувшись на родину, он тотчас стал просить у новгородцев «закамского серебра» и с целью принудить их выполнить это требование занял Торжок и Бежецкий Верх, т. е. установил экономическую блокаду Новгорода. «Розмирье» продолжалось и в следующем году. Зимой 1330—1331 г. Иван Калита пришёл к Торжку «со всеми князи низовскими и рязаньскими», вывел из Новгорода своих наместников и стоял в Торжке «от Крещения полны до Сбора», воюя новгородские волости. Только с большим трудом, после длительных переговоров, новгородцам удалось заключить мир с великим князем¹. Не может быть сомнения в том, что мир был заключён на основании удовлетворения требований великого князя.

В 1339 г. (6847), после нового возвращения Ивана Калиты из Орды, новгородцы прислали к нему послов. Повидимому, предметом переговоров опять был вопрос о «выходе», так как в этом же году новгородцы прислали выход. Однако Иван Калита не был удовлетворён и требовал другого выхода, откровенно указывая на необходимость покрыть ордынские расходы: «...а ещё дайте ми запрос царев, чего у мене царь запрашал». Новгородцы отказались, ссылаясь на «старую пошлину» и ярославовы грамоты. Переговоры кончились безрезультатно, так как великий князь в эту зиму опять вывел своих наместников из Новгорода². Мир, повидимому, так и не был заключён до смерти великого князя.

Преемник Ивана Калиты, Семён Иванович, полностью продолжал политику отца. Вернувшись из Орды с ярлыком на великое княжение, он тотчас послал за данью в Торжок и «почаша силно деяти». Новоторжцы обращались с жалобой в Новгород. Новгородцы, собрав войско, заняли Торжок и захватили наместников великого князя. Затем они отправили к нему посольство, обратившееся к Семёну Ивановичу со следующим упрёком: «...еще у нас не у седе на княжении, а уже бояре твои деютъ силно». Семён Иванович зимою пришёл в Торжок «с всею землею Низов-

¹ ПСРЛ. Т. III, стр. 76—77; т. V, стр. 220. В 1-й Новгородской летописи находится сообщение, что новгородские послы во главе с владыкой Василием предлагали великому князю 500 руб., но Иван Калита не принял их, считая, повидимому, эту сумму недостаточной.

² ПСРЛ. Т. III, стр. 79.

скою». Новгородцам удалось заключить мир, согласившись на уплату бора с новоторжцев в размере тысячи рублей¹.

Приведённые летописные данные совершенно определённо устанавливают, каким способом Иван Калита и его преемники получали в больших суммах новгородское серебро.

Есть основания полагать, что Иван Калита при принудительном сборе необходимого ему серебра не ограничивался Новгородом, но собирал дань и с других земель, не входивших в состав Московского княжества. В отношении Ростовской области мы имеем, правда позднейшее, свидетельство автора жития Сергия Радонежского, которому принадлежат известные слова о «многом насилении», наставшем с вокняжения Ивана Калиты: «Увы! увы! тогда граду Ростова, паче же и князем их, яко отзяся от них власть и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая, и потягну к Москве». Когда в Ростов был прислан из Москвы воевода Василий Кочева, «тогда возложиста велику нужу на град, да и на вся живущая в нем, и гонение многумножися»².

Вряд ли можно сомневаться в том, что Иван Калита, одержав полную победу над тверским великим князем, не использовал материальные ресурсы Тверской земли.

Таким образом, наряду со скромными ресурсами своего феодального хозяйства и со сбором торговых пошлин, тоже, вероятно, не в крупном размере (значительной внутренней торговли в это время не существовало), Иван Калита и его сыновья широко пользовались принудительным сбором дани с зависимой от них территории, причём особое значение в этом отношении приобрёл Новгород.

IV

Сужение поля исторического наблюдения, столь характерное для проф. П. П. Смирнова, приводит, на наш взгляд, к важной методологической ошибке. Вопрос об условиях образования единого Русского государства в действительности сводится к вопросу, почему центр этого государства сложился на территории Московского княжества, а Москва из княжеского города превратилась в русскую столицу.

Однако и постановка этого более узкого вопроса, по существу сводящегося в работе проф. П. П. Смирнова к выяснению причин «усиления Москвы», не может нас удовлетворить. Автор возражает против плюрализма в истории, т. е. против множественности причин. Но исторический плюрализм может быть различным: один он у буржуазных историков, другой — у марксистов. Принципиальная разница между теми и другими заключается в том, что буржуазные историки, изучая множественность причин, не выделяли ведущую причину или выделяли её неправильно, тогда как марксисты рассматривают эту множественность в единстве исторического процесса, в основе которого лежит развитие производительных сил человеческого общества.

Когда историки выясняли причины, почему в первой половине XIV в. относительно небольшое по размеру Московское княжество стало играть руководящую роль в политической жизни русского феодально-раздробленного мира, почему стал складываться центр русского объединения в Москве, а не в Твери, Владимире, Новгороде, Рязани, они были совершенно правы, указывая не одну, а многие причины, содействовавшие «возвышению Москвы». В этом отношении наблюдения «старых» историков — Соловьёва, Ключевского, Забелина, Любавского и других — внесли много ценного для объяснения данного явления. Указывались: выгодное географическое положение Москвы не только в экономиче-

¹ ПСРЛ. Т. III, стр. 80.

² ПСРЛ. Т. XI, стр. 128. Ещё М. Любавский высказал предположение, что речь шла о взыскании татарского выхода («Образование основной государственной территории великорусской народности», стр. 53).

ском, но в политическом и военном отношениях; Московская область, прикрытая окраинными русскими землями, меньше подвергалась разграблению, чем другие княжества этого времени, поэтому она имела сравнительно густое население, которое пополнялось переселенцами с великорусских окраин, поднятых со своих насиженных мест грозой вражеских вторжений; не исключались и дальновидная политика московских князей, помощь церкви и пр.

Если в отношениях с Золотой Ордой главную роль играло «серебро», то, его было далеко не достаточно для приведения в повиновение остальных русских князей. Между тем в процессе внутренней борьбы за «великое княжение Владимирское» мы видим Ивана Калиту окружённым множеством мелких князей: ростовскими, суздальскими, ярославскими, тверскими, рязанскими. В зависимости от него находились князья угличский, белоозерский, галицкий¹.

Чтобы добиться такого перевеса политических сил, московскому князю необходимо было опираться на реальные средства борьбы, т. е. прежде всего на вооружённые силы своей Московской «отчины».

В первой половине XIV в. по русским княжествам происходит консолидация боярства: появляется ясно очерченный круг московских, тверских, рязанских, нижегородских и прочих бояр и «вольных слуг». С середины этого столетия переход из одного княжения в другое становится относительно редким. При Иване Калите в Москве сложился достаточно многочисленный и крепкий слой «вольных слуг», готовых являться по призыву великого князя со своими вооружёнными отрядами.

Что же привлекало в небольшое Московское княжество эту феодальную знать? Несомненно, что главной причиной являлась возможность хорошо устроиться на земле, получить «кормления» и чувствовать себя более безопасно под покровительством княжеской власти. Поэтому одновременно с консолидацией боярства происходил сопутствующий ему процесс обояривания московской территории.

Историки были правы, когда привлекали все эти условия для объяснения, почему среди многих русских княжеств Московское княжество при Иване Калите и его сыновьях стало самым сильным. Но они допустили ошибку, когда эти же условия принимали за причины образования Русского централизованного государства. Историческая обстановка изменялась, и те причины, которые способствовали усилению одного из многих феодальных княжеств, были совершенно недостаточными для полного преодоления феодальной раздробленности.

V

Конец XIV и начало XV в. являлись очень важным рубежом в истории Северо-Восточной Руси (Великороссии). Ряд явлений в экономической и политической жизни указывает на крупные изменения, происшедшие в состоянии феодально-раздробленных русских земель. В основе их лежало усиление общественного разделения труда и, как следствие его, рост товарно-денежного обращения.

Одним из важнейших показателей внутренней торговли является появление русской денежной системы, которое, согласно утвердившемуся в нумизматике мнению, относится ко второй половине XIV века. Все попытки доказать чеканку русских монет в Московском княжестве ранее Дмитрия Донского кончались полной неудачей. Но одновременно, если даже не несколько ранее, монеты появились в Суздальско-Нижегород-

¹ Давно было выяснено в исторической литературе, что известное место в завещании Дмитрия Донского, назвавшего Галич, Белоозеро и Углич «куплями деда своего», нельзя понимать в буквальном смысле, так как и при Иване Калите и после его смерти в этих городах сидели собственные князья. К сожалению, проф. П. П. Смирнов ничем не обосновывает своего мнения, что имела место действительная покупка этих земель. См. Пресняков А. «Образование великорусского государства», стр. 150—153.

ском княжестве, древнейшие из которых чеканились при Дмитрии Константиновиче (1365—1383). Древнейшие рязанские монеты появились при Олеге Ивановиче (1350—1402). В конце XIV или самом начале XV в. монеты чеканились в Ростовском княжестве (князя Андрей Фёдорович и Александр Константинович); в начале XV в. — в Твери и в тверских уделах. Характерно, что переход на собственную денежную систему был общерусским явлением, и это вполне понятно, так как внутренний товарооборот не мог ограничиться более или менее случайными и искусственными границами какого-либо княжества: он явился отражением общих явлений в экономической жизни русских земель.

Внешняя торговля могла обходиться без собственной денежной системы, так как в редкие века эта торговля в значительной степени сохраняла меновой характер, и лишь разница между ценой покупаемых и продаваемых товаров уплачивалась иностранными монетами или слитками серебра. В этом отношении показателен пример Новгорода, в котором собственная чеканка денег началась позже, чем в большинстве княжеств. В 1410 г. в Новгороде «куны отложиша», вместо которых стали употреблять лобцы, литовские гроши и немецкие артуги¹.

На оживление в конце XIV и в начале XV в. экономической жизни указывает, помимо распространения денежной системы, и ряд других явлений: быстрое увеличение числа посадов и количественный рост посадского населения, усиленное основание слобод на княжеской земле, облегчение торговых сношений, выражавшееся известными условиями в междукняжеских договорах («непошлых мытов и пошлин не замышляти») и пр. Всех этих явлений в первой половине XIV в. ещё не было. Поэтому мы вправе утверждать, что за период времени в 50—70 лет после смерти Ивана Калиты в экономической жизни русских земель произошли значительные изменения, которые не могли не отразиться и на их политическом строе. Ближайшим результатом было разложение политической системы «Великого княжества Владимирского», представлявшего собою совокупность самостоятельных или полусамостоятельных феодальных мирков под номинальной властью великого князя. А. Пресняков в своё время назвал этот процесс «крушением удельно-вотчинного строя». Хотя самое название не может нас удовлетворить, но следует признать большой заслугой А. Преснякова, что он первый в исторической литературе обратил должное внимание на серьёзный кризис, постигший политическую систему русского феодального строя. Это было время, говорит Пресняков, «последних колебаний — борьбы между тенденциями вотчинного распада и закрепления политического единства Великороссии»². Заслугой Преснякова является также и то, что он изучение данного процесса не ограничил наблюдением над одним Московским княжеством, а охватил всю область Великороссии. Это позволило ему, несмотря на большое разнообразие местных особенностей, выделить одинаковые или сходственные элементы политического развития, которые наблюдались и в Москве, и в Твери, и в Рязани, и в Нижнем Новгороде. К сожалению, А. Пресняков совершенно изолировал их от социально-экономического процесса и рассматривал их лишь как результат успешного «собрания власти».

«Собрание власти», т. е. её укрепление, усиление и распространение, осуществляли и Иван Калита, и Дмитрий Донской, и Василий Дмитриевич. Однако результаты, достигнутые Иваном Калитой, качественно отличались от результатов, полученных Дмитрием Донским и Василием Дмитриевичем. Усиление Московского княжества при Иване Калите не затрагивало сложившейся к этому времени системы политических взаимоотношений, строившихся на началах вассалитета и признания феодального сюзеренитета. Сам Иван Калита сделал небольшие террито-

¹ ПСРЛ. Т. III, стр. 104, 109.

² Пресняков А. «Образование великорусского государства», стр. 225.

риальные приобретения. Картина политического состояния феодально-раздробленных русских земель постоянно изменялась: одни княжества усиливались, другие слабели. При Иване Калите Московское княжество стало самым сильным при наличии многих других княжеств, существованию которых непосредственная опасность ещё не угрожала. В этом отношении очень показателен пример Углича, Галича и Белоозера, которые Дмитрий Донской назвал куплями своего деда Ивана. Между тем ещё в начале княжения Дмитрия Донского в Галиче сидел местный князь Дмитрий Борисович (родословные называют его Ивановичем), получивший в 1360 г. ярлык из Орды. В 1362 или в 1363 г. Дмитрий Донской согнал его с княжения¹. Белоозерские князья удержались почти до смерти Дмитрия Донского. Двое из них (Фёдор Романович и его сын Иван) были убиты в Куликовской битве². Вообще в действиях Ивана Калиты совершенно незаметно стремления к уничтожению местных княжеских династий. Совершенно иначе поступал Дмитрий Донской. После того как были согнаны галичский и стародубский князья, «тогда вси князи ехаша в Новгород Нижний к князю Дмитрею Константиновичю, скорбяще о княжениях своих»³. Это летописное сообщение прекрасно передаёт то чувство страха и беспомощности, которое овладело местными князьями под впечатлением решительных действий московского великого князя. Политика Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича была направлена не только к дальнейшему усилению Московского княжества, но и к разрушению всей политической системы «великого княжества Владимирского». Чтобы понять сущность совершавшихся перемен, нельзя, как и в отношении экономического развития, ограничиваться территорией одного Московского княжества, а следует рассматривать политическую систему русского феодализма данного периода в целом. В ней ясно выступает борьба двух начал: феодального дробления (увеличение числа «уделов» и их измельчение) и всё больше и больше усиливавшейся концентрации власти и средств в руках великих князей.

К исходу XIV в. на территории Северо-Восточной Руси (Великороссии) ясно обозначились четыре крупных государственных образования: Московское, Тверское, Рязанское и В. Новгород, в споре между которыми предстояло решить вопрос, какому из них стать ядром общерусской государственности.

Внутренняя история Тверского княжества во многом напоминает историю усиления московской великокняжеской власти. Властная политика Михаила Ярославича была продолжена его сыновьями. Великий князь тверской стремился присвоить себе исключительные права в собирании ордынской дани и, не считаясь с суверенными правами местных владельцев, посылал своих данщиков в тверские «уделы». Ещё Константин Михайлович (1328—1337) стал притеснять своего племянника Всеволода Александровича и его бояр: «Начя имати бояре и их слуги в серебре за волости чрез людскую силу, и бысть над ними скорбь велика»⁴.

Изучая действия Константина и Василия Михайловичей, А. Пресняков пришёл к правильному заключению, что «тверской князь сохраняет в пределах тверских владений титул великого князя и приёмы великокняжеского властвования, пытается свести положение племянников, отчий холмских, до служилого подручничества, подчиняя население их владений непосредственно своей великокняжеской власти, их бояр и слуг — ответственности перед собой»⁵.

¹ ПСРЛ. Т. X, стр. 232; т. XI, стр. 3.

² Экземплярский А. «Великие и удельные князья Северной Руси». Т. II, стр. 164—166.

³ ПСРЛ. Т. XI, стр. 2.

⁴ ПСРЛ. Т. X, стр. 217.

⁵ Пресняков А. Указ. соч., стр. 195.

Хотя Тверь в 70-х годах XIV в. потерпела полную неудачу в попытке возобновить старое соперничество с Москвой, но деятельность тверского Михаила Александровича (1366—1399) была весьма плодотворной для дальнейшего укрепления авторитета великокняжеской власти и создания тверской державы. Почти всё княжение его прошло в острых столкновениях с младшими тверскими князьями. Крупной победой Михаила Александровича было присоединение после смерти Василия Михайловича Кашинского удела и закрепление тверской великокняжеской власти за старшей линией потомков Михаила Ярославича¹.

По словам автора «Жития», Михаил Александрович отовсюду собирал людей, «грады Тверские» утвердил и крепко «соблюдал» свою отчину; в его княжение «разбойници и тати и ябедники исчезоша, и корчемники и мытари, и торговья злыя тамгы истребишася, и насилоние, и грабление нигдеже обряташеся»². Это описание во многом напоминает отзывы московского книжника об Иване Калите.

При Михаиле Александровиче после присоединения Холмского удела было, по существу, закончено объединение всех тверских земель, обособившихся за боковыми линиями.

Высшего политического подъёма Тверское княжество достигло во второй четверти XV в., при великом князе Борисе Александровиче (1425—1461). При нём тверская земля являлась вполне независимым от Москвы государством, с самостоятельной внешней политикой и собственными дипломатическими связями. Инок Фома в «Слове похвальном о благоверном великом князе Борисе Александровиче» титулует тверского великого князя «самодержавным государем» и даже сообщает, что он «царевым венцем увязеся». Хотя, по другим источникам, мы не имеем подтверждения этого сообщения о венчании на царство Бориса Александровича, но в то же время его нельзя рассматривать в качестве риторической фразы, так как автор, человек близкий к великокняжескому двору, достаточно точен в отношении рассказанных им событий.

Общая политическая тенденция автора «Слова похвального» совершенно ясна. Преемницей Византии, быстро клонившейся к упадку, должна стать не Москва, а Тверь. Не московский великий князь, а боговенчаный и самодержавный государь Борис Александрович является настоящим наследником греческой империи, «вторым Константином»³.

Есть основание предполагать, что выдающиеся политические успехи Бориса Александровича были достигнуты в результате борьбы с высшей боярской знатью и путём выдвижения менее родовитых людей. На это намекают следующие слова в писании инока Фомы: «А князю же великому Борису Александровичу власть приимше тверского чиновачальства гордя с власти сверже, а смиренные на престоле с собою посади, но и еще же и иныя власти не покоряющаюся ему, но покорно сотвори». В связи с этим небезынтересно отметить, что при проверке в 1539—1540 гг. владельческих прав во время описания Тверского уезда мелкие землевладельцы, сидевшие на «служних» землях, представили, среди прочих документов, жалованные грамоты Бориса Александровича⁴.

Менее вышукло, но с такими же характерными чертами наблюдается процесс консолидации феодальных сил и на территории великого княжества Рязанского. Очень большие успехи в этом отношении были достигнуты при Олеге Ивановиче (1350—1402). В исторической литературе несколько упрощается деятельность этого рязанского князя. Она рассматривается главным образом со стороны московско-татарских отношений и поведения рязанского князя во время борьбы с Мамаем и Токтамы-

¹ Пресняков А. Указ. соч., стр. 213.

² ПСРЛ. Т. XI, стр. 176—177.

³ Лихачёв Н. «Инока Фомы слово похвальное». П. 1908.

⁴ Калачёв Н. «Писцовые книги XVI века». Отделение II, стр. 169.

шем. В действительности политика Олега Ивановича носила более широкий и сложный характер. Олег Иванович строил свою державу в окружении грозных враждебных сил: с юга она была открыта степным просторам для нападения Золотой Орды; с запада, с верховьев Оки, ей угрожали литовские князья; на севере шли многолетние споры с Москвой. Внешняя опасность, несомненно, сплачивала вокруг рязанского великого князя мелких рязанских князей. Подручными Олега Ивановича становятся князья Пронские, Елецкие, Козельские, Муромские. Положение Олега Рязанского описано в путешествии митрополита Пимина в Царьград¹. С укреплением великокняжеской власти в Рязани связано крупное городское строительство. При Олеге Ивановиче окончательно определился экономический и политический центр Рязанской земли — её столица Переяславль Рязанский.

Неудачи в борьбе с Москвой положили предел границам Рязанского княжества по рекам Оке и Цне. Однако «вечный мир», заключённый в 1385 г. между Дмитрием Донским и Олегом Ивановичем, дал возможность Рязани организовать противодействие литовскому наступлению на западные русские земли, причём, как правильно отметил А. Пресняков, Олег действовал не только самостоятельно, но часто в разрез с уступчивостью великого князя Василия Дмитриевича по отношению к Витовту². Особенно большое значение имела поддержка Олегом Смоленска. Хотя попытка Олега отстоять западные русские земли, с чем было связано распространение его политического влияния на эту территорию, кончилась неудачей, она весьма показательна для его широких политических замыслов, в основе которых лежало представление о самостоятельности его внешней политики.

Пережив политический подъём в конце XVI в., Рязанское княжество в дальнейшем уже не в состоянии было вести успешную борьбу на три фронта. Экономические связи тянули его за Оку. Помощь сильного московского князя становилась всё более и более необходимой. В этот последний период самостоятельного существования великого княжества Рязанского продолжался внутренний процесс консолидации. В 60—70-х годах XV в. исчезло последнее удельное Пронское княжество. Через несколько десятилетий Рязанская земля полностью, без уделов, вошла в состав Русского государства.

Те же усиливающиеся тенденции к независимости, к консолидации своей политической системы и к укреплению центральной власти наблюдаются в указанный период времени и в истории Новгородской боярской республики, хотя, конечно, особенности её политического строя не могли не оказать влияния на характер проявления этих тенденций. В начале XV в. окончательно сложился высший правительственный орган боярской республики — «Совет господ», состоявший, по свидетельству иностранцев, из 200—300 представителей высшей землевладельческой знати. Этот коллективный орган до известной степени сглаживал противоречия внутри правящего слоя новгородского боярства. С другой стороны, ослабевала зависимость Новгорода от московских великих князей. Этому способствовало развитие собственных вооружённых сил, позволивших Новгороду обходиться, за редким исключением, без великокняжеских войск. По свидетельству Гильбера де Ланноа, посетившего Новгород в начале XV в., может быть и преувеличенному, все «сеньоры» Новгорода владели «4000 конных и бесчисленную пехотой»³. Новгородское правительство предпочитало иметь дело не с великим князем московским, а приглашать на «хлебокормление» мелких русских и литовских князей, не представлявших опасности для Новгорода. Особенно ясно тенденция

¹ «Хождение Пиминово в Царьград». ПСРЛ. Т. XI, стр. 95—108.

² Пресняков А. Указ. соч., стр. 245—246.

³ «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова». Сборник документов, подготовленный к печати Г. Е. Кочиним, № 25. Л.-М. 1935.

к самостоятельности проявилась во взаимоотношениях новгородской церкви с митрополитом «всея Руси».

В 1385 г. новгородцы на вече укрепились «крестным целованием» судиться не в Москве, у митрополита, а в Новгороде, у своего епископа¹. Ни патриаршая грамота, ни личный приезд в Новгород митрополита Киприяна, предавшего новгородцев церковному отлучению, не смогли поколебать их в этом требовании. Не имели успеха и последующие переговоры с Константинополем. Только при помощи московского оружия митрополиту удалось добиться присылки в Москву крестоцеловальной грамоты. Однако, когда Киприян прибыл в Новгород, он снова столкнулся с упорным отказом подчиниться его требованиям². Напряжённость и продолжительность этой борьбы, затянувшейся на несколько десятилетий, убеждают нас в том, что упорство новгородцев не ограничивалось нежеланием платить судебные пошлины в пользу митрополита, а вызывалось стремлением к церковной самостоятельности. В первой половине XV в. новгородцы продолжали домогаться независимости своей епископии от Москвы. С образованием отдельной литовской митрополии Новгород делает попытки перейти в её состав, что ещё больше усиливало политический характер борьбы.

Таким образом, в истории тех основных частей, на которые распались русские земли в конце XIV в. и в первой половине XV в., мы наблюдаем ряд сходных и близких явлений: ликвидацию более или менее крупных княжений, подчинение мелких князей великокняжеской власти, превращение их в «служебных» князей или в великокняжеских бояр, консолидацию великокняжеского боярства в ущерб «удельному боярству», ослабление феодального иммунитета и сосредоточение сбора дани в руках великого князя, численный рост великокняжеского «двора».

Общим результатом этих явлений было преодоление в каждом из перечисленных «великих княжеств» феодальной раздробленности и усиление власти великого князя, а в Новгороде — боярского правительства. Москва, Тверь и Новгород одновременно претендуют на политическое и культурное первенство среди остальных русских городов. Развёртывается напряжённая идеологическая борьба в литературе и летописании, а также и в области искусства.

В своих прежних работах я называл отмеченные явления в политическом строе русских феодальных княжеств в конце XIV в. и в начале XV в. «феодальной концентрацией».

Я не настаиваю на сохранении термина «феодальная концентрация» и готов заменить его другим, если будет предложен лучший. Но для меня кажется необходимым при сохранении единства исторического процесса выделить данный период — конец XIV в. и первую половину XV в. — в качестве исторической ступени к образованию Русского государства. От предшествующего периода он отличается разрушением всей системы «великого княжества Владимирского», представлявшего собою совокупность русских крупных и мелких феодальных владений под главенством общего «великого князя» (при этом, конечно, фактическая власть великого князя зависела от действительного соотношения сил и средств). От последующего периода, захватывающего вторую половину XV в. и XVI в., данный период отличался отсутствием политического единства и иными формами в организации государственной власти, сохранившей характер феодально-вотчинного управления. Государственная форма, проникнутая началами централизации (феодальная монархия), которая возникла при Иване III после объединения страны и окончательно победила при Иване IV, явилась не продолжением и развитием старой политиче-

¹ ПСРЛ. Т. XI, стр. 83—84.

² Голубинский Е. «История русской церкви». Т. II (первая половина), 306—318.

ской системы, а её принципиальным изменением, хотя отдельные пережитки феодально-вотчинного управления сохранялись под поверхностью новых политических форм вплоть до утверждения системы абсолютизма при Петре Великом.

Таким образом, социально-экономическое и политическое развитие русских земель в конце XIV в. и в первой половине XV в. представляло собой лишь начальный период в образовании единого Русского государства. Исторический спор между Москвой, Тверью и Новгородом, — кому играть роль объединяющего русского центра, — окончательно был решён в пользу Москвы.

Из изложенного видно, как далеко отстоит защищаемая мною концепция от тех взглядов, которые приписывает мне проф. П. Смирнов. Во всех своих печатных работах я старался подчеркнуть единство исторического процесса перехода от феодальной раздробленности к единому Русскому государству. По мнению проф. П. Смирнова, я вслед за В. О. Ключевским и В. В. Мавродиным считаю необходимым «расчленивать проблему феодальной концентрации на три отдельных вопроса». Если уж упрекать меня в трёхчленной периодизации процесса преодоления феодальной раздробленности (усиление Московского княжества, феодальная концентрация и образование единого Русского государства), то уж никак нельзя все три периода включить в «феодальную концентрацию», которая в моей схеме занимала вторую ступень, являвшуюся переходом от раздробленности к объединению всех русских земель в рамках единой государственной системы. Полное недоумение вызывает утверждение проф. П. Смирнова, что эта схема близка к схеме Ключевского. Хорошо известно, что основой концепции Соловьёва — Ключевского являлась теория вотчинного происхождения государства.

Таким образом, нам кажется, что единый процесс образования Русского государства следует подразделить на три основных этапа:

1. Усиление Московского княжества в первой половине XIV в. Политическая карта русских земель подвергалась большим изменениям в течение первой половины XIV века. Ни одно крупное княжество, сложившееся до конца XIII в., не удержало своего места в последующей феодальной борьбе. К середине XIV в. ясно обозначились четыре крупных «великих» княжества: Московское, Тверское, Суздальско-Нижегородское и Рязанское — и боярская республика в Новгороде. Однако уже при Иване Калите намечилось решительное возвышение Московского княжества, вызванное рядом благоприятных условий, которыми с успехом воспользовались московские князья. Усиление Московского княжества ещё не разрушало тех взаимоотношений, на которых держалась вся политическая система «великого княжества Владимирского».

Основой этой системы являлись экономическая замкнутость феодальных владений и феодальный суверенитет княжеской власти. Отношения между князьями построены на началах вассалитета.

2. Феодальная концентрация (вторая половина XIV в. и первая половина XV в.). Система «великого княжества Владимирского» переживает глубокий кризис, закончившийся полным её разрушением. Рост экономического общения, вызванный усилением общественного разделения труда, постепенно разрушал замкнутость феодальных владений, а измельчание «уделов» облегчало для великокняжеской власти их ликвидацию или полное подчинение. Эти явления были общими для всей великорусской территории. Сосредоточивая в своих руках сильную власть, великие князья (московско-владимирский, тверской, рязанский) хотя и действуют при помощи старых средств, но находят им новое применение. Увеличение «двора», состоявшего из мелких военных слуг («дворян»), делало великих князей более независимыми от военной по-

мощи их вассалов; сильное поредение «удельного» боярства происходило одновременно с ростом числа «великокняжеских» бояр, основной формой обеспечения которых служила раздача городов «в кормление»; договорное начало во взаимоотношениях между князьями теряет характер равноправного соглашения.

Все эти явления с наибольшей полнотой проявляются в Московско-Владимирском княжестве, которое становится основой слагающейся общерусской политической системы. Если в предшествующий период борьба велась за преобладание того или иного княжества, то в данное время вопрос шёл о полной ликвидации феодально-удельной системы. Борьба с внешней опасностью превращала московского государя в представителя общенационального начала. Пользуясь указанием Энгельса, можно сказать, что московский великий князь становится «представителем слагающейся нации, в противоположность раздроблению её на бунтующие вассальные государства». Москва из столицы самого сильного княжества превращается в столицу русского народа.

3. Образование централизованного Русского государства (вторая половина XV в. и первая четверть XVI в.). Необходимая для образования единого феодального государства социально-экономическая и политическая обстановка сложилась во вторую половину XV века. Так же как и в Западной Европе, главной предпосылкой для объединения феодально-раздробленной страны являлось достижение такого уровня в развитии производительных сил в области сельского хозяйства и ремесленного производства, при котором экономические интересы вступали в резкое противоречие с наличием искусственных феодальных границ. Так же, как и на Западе, роль объединителя взял на себя великий князь «всея Руси» (на Западе — король), опиравшийся на поддержку мелких землевладельцев, вотчинников и дворян и ремесленно-торговое городское население; так же, как и на Западе, прекращение бесчисленных внутренних феодальных войн соответствовало интересам основной массы сельского и городского населения. В отличие от условий образования больших национальных государств на Западе, где этот процесс совпал по времени с развитием буржуазии и образованием наций, в России образование общерусского национального государства происходило на феодальной социально-экономической основе. Объединение страны под властью единого государя ускорилось в России давлением внешней опасности и борьбой за освобождение от чужеземного угнетения.

Таким образом, между вторым и третьим периодами существует непосредственная историческая преемственность. Однако система государственной организации, сложившаяся в виде феодальной монархии с нарастающим элементом централизации, являлась не продолжением и развитием феодально-удельного управления, а его отрицанием, созданием новой политической государственной формы. Вассальные отношения между великим князем и его слугами заменяются отношением подданства к государю «всея Руси»; появляются первые общегосударственные органы управления (приказы); вводится единое судоустройство и судопроизводство (Судебник 1497 г.); начинается ограничение иммунитетных прав; утверждается единая внешняя политика и возникает дипломатическая служба; складывается поместная система и пр.

Понятно, что процесс образования Русского государства в виде феодальной монархии был далеко ещё не завершён к исходу второй четверти XVI века. Но основа её, заложенная Иваном III и укреплённая Василием III, оказалась достаточно прочной для последующего развития. Победа Ивана Грозного над боярской оппозицией явилась торжеством централизованного государственного начала над пережитками феодальной раздробленности.

К ВОПРОСУ О ДОФЕОДАЛЬНОМ («ВАРВАРСКОМ») ГОСУДАРСТВЕ

Проф. С. Юшков

I

История классового общества очень многих народов обычно начинается с возникновения таких государств, которые и по своей социальной сущности и по своему политическому строю не могут быть отнесены ни к типу рабовладельческих, ни к числу феодальных государств. Такими государствами являются прежде всего «варварские королевства», возникшие на территории Римской империи после её падения. Таким государством является Киевское государство в IX—X веках. Наконец, такие государства были на Кавказе, в Средней и Центральной Азии. Все эти государства предшествовали феодальным государствам. Они возникали в результате разложения первобытно-общинного строя. Следовательно, эти государства являются дофеодальными. Но поскольку термин «дофеодальный» является слишком широким, так как и рабовладельческие государства, предшествовавшие феодальным государствам, могут покрываться этим термином, то в советской исторической науке эти государства стали называть «варварскими».

Основоположники марксизма-ленинизма в своих работах многократно говорили об этих варварских, дофеодальных государствах. Они выяснили социальную сущность этих государств и их политическую структуру. Однако до сих пор не делалось попыток развить учение классиков марксизма об общественно-экономическом и политическом строе этих государств и установить закономерности в их развитии.

Такое отношение к изучению дофеодального государства в значительной степени обуславливается тем, что многие исследователи считают методологически неверным ставить вопрос о существовании государств, которые не могут быть отнесены ни к числу рабовладельческих, ни к числу феодальных, т. е. о существовании переходного (к феодальному) государства. Стремясь как-нибудь обойти этот вопрос, одни исследователи при описании этих государств часто усиливают элементы феодальных отношений, существовавших в зачаточных формах в дофеодальных государствах.

Другие исследователи делали попытки отождествлять «варварское» государство с рабовладельческим, преувеличивая элементы рабовладельческих отношений в период существования государств этого типа.

Наконец, третьи, чтобы снять вопрос, к какому типу надо отнести «варварское» государство: к рабовладельческому или феодальному, — преувеличивают элементы родоплеменных отношений в этих государствах и стремятся представить эти государства разновидностью племенных союзов, «военных союзов» и т. д.

Такое отношение к вопросу о дофеодальных государствах является недопустимым. Нельзя мириться с тем, что начальная история многих народов благодаря неразработанности этого вопроса является предметом всяческих извращений и излагается крайне схематично. Необходимо немедленно приступить к теоретическому освещению дофеодальных государств, так как только в результате глубокого теоретического подхода к исследованию этого вопроса можно будет установить черты различия

между дофеодальными, рабовладельческими, феодальными государствами и племенными союзами.

Само собой разумеется, для того чтобы дать представление о социальной сущности, об основных чертах политического строя и об основных путях развития этих государств, надо изучить огромный материал. Но разрешение его нельзя откладывать до изучения всех существовавших дофеодальных государств. Вначале можно ограничиться изучением наиболее типичных государств этого вида и на основе этого сравнительно небольшого материала сделать некоторые обобщения, а затем, по мере дальнейшего исследования, эти обобщения углублять или исправлять.

Изучая разные виды дофеодальных государств, можно установить, что имеются две группы дофеодальных государств:

1. «Варварские королевства», которые были образованы германцами на территории Римской империи; в этих государствах феодальные отношения стали устанавливаться в результате взаимодействия между рабовладельческими элементами и элементами патриархальными.

2. Дофеодальные государства, возникавшие в результате разложения первобытно-общинного строя.

Несомненно, как в социально-экономической, так и в политической структуре этих двух групп дофеодальных государств имеется много черт различия. Поскольку «варварские королевства» давно уже подверглись тщательному исследованию, то всякого рода обобщения могут быть легко сделаны.

Иначе обстоит дело со второй группой дофеодальных государств: их изучение только сравнительно недавно было поставлено на очередь. Следовательно, они и должны быть предметом особого внимания историков.

Когда будет закончено исследование обеих групп дофеодальных государств, должна быть проведена дальнейшая работа по установлению общих черт их устройства, закономерностей в их развитии.

Наша работа посвящена изучению тех дофеодальных государств, которые возникли в результате разложения первобытно-общинного строя.

Таковыми государствами мы считаем Киевское государство дофеодального периода (до XI в.), монгольские государства до объединения их Чингис-ханом, англо-саксонские королевства до IX века.

II

Обратимся прежде всего к характеристике общественно-экономического и политического строя Киевского государства IX—X веков. В настоящее время советские историки, за редким исключением, признают Киевское государство, по крайней мере до XI в., разновидностью дофеодального государства, хотя в решении ряда конкретных вопросов, в частности о системе политических органов и об их значении, имеются некоторые расхождения.

Конечно, Киевское государство в этот период переживало значительную эволюцию в своём общественно-экономическом развитии, но в основном его общественно-экономический строй может быть охарактеризован следующими чертами. Сначала отметим наличие определённой неравномерности в общественно-экономическом развитии отдельных его частей. Земля полян, Полоцкая земля, Новгородская земля выделялись из ряда других земель своим более высоким общественно-экономическим и политическим развитием. Эти земли ещё задолго до образования Киевского государства представляли собой «варварские», дофеодальные государства. Но были земли, где ещё преобладал родоплеменной строй: это были земли древлян, дреговичей, вятичей, включённые в состав Киевского государства. Но и в тех землях, которые выделялись своим общественно-экономическим и политическим развитием, существовала пестрота хозяйственных укладов. Несмотря на процесс разложения первобытно-общинного строя, который всё более и более усиливался, в Киевском государ-

стве основная масса населения состояла из свободных общинников. В системе производственных отношений в Киевском дофеодальном государстве первобытно-общинный уклад ещё имел большое значение. Наряду с этим укладом существовал и рабовладельческий уклад. О существовании рабов у славян говорят византийские источники VI века. Они же отмечают и большие отличия в положении рабов у славян по сравнению с положением рабов в Византии, в частности подчёркиваются более мягкие формы эксплуатации рабов у славян.

Рабы в Киевском государстве могли эксплуатироваться землевладельцами как рабочая сила в их владениях; рабы являлись дворовыми слугами князей и знати; рабы эксплуатировались городскими купцами и ремесленниками. Но все исследователи, которые отрицают существование рабовладельческого строя в Киевской Руси, признают, что эксплуатация рабов носила патриархальный характер.

В Киевской Руси в IX—X вв. в результате роста производительных сил усилился процесс разложения соседской общины, которая у восточного славянства называлась миром. В конце IX в. усиливается развитие ремесла. Археологические раскопки позволяют установить крупные успехи в этот период в гончарном деле и в обработке металлов. При раскопках везде находят посуду, выделанную на гончарном кругу, топоры, ножи и всякие железные изделия ремесленной выделки. Развивалось и ювелирное искусство. Всё это говорит о том, что процесс отделения ремесла от земледелия продолжал в это время расширяться и углубляться.

Развитие ремесла обуславливало развитие торговли. Увеличилось число торговых пунктов и ремесленнических центров. Развивалась и ширилась внешняя торговля с арабами и с Византией.

Наряду с развитием ремесла и торговли имело большое значение для разложения сельской общины взимание дани со всего населения. Эта дань обогащала верхушку общества, от неё наживались скупщики и посредники, продававшие собранные меха, воск и мёд. Взимание дани, сопровождавшееся вымогательством и насилиями, разоряло значительные группы населения. Чтобы выплатить дань, многие принуждены были брать ссуду у зажиточных соседей.

Наряду с этим правящая верхушка обогащалась грабительскими войнами. По мере разложения соседской общины группа крупных землевладельцев становилась многочисленнее. Среди них источники упоминают князей. Летопись рассказывает, что уже княгиня Ольга имела сёла и обширные земельные владения: ловища, перевесища. Ей принадлежал и город Вышгород. Летопись говорит также о сёлах, принадлежавших князю Владимиру, например село Берёстово.

Крупные землевладельцы-феодалы эксплуатировали в своих хозяйствах не только рабов, но и всякого рода обезземеленных людей.

Словом, в Киевской Руси в IX—X вв. имела место борьба трёх укладов — первобытно-общинного (патриархального), рабовладельческого и феодального, — причём чем дальше, тем большее значение получал феодальный уклад.

На основе этих производственных отношений возникают и первые классы в Киевском государстве — класс рабовладельцев и класс рабов. Арабские источники много и подробно говорят о том, что русские купцы оживлённо торговали рабами с хозарами и арабами. Несомненно, что киевские местные князья и представители знати имели большое количество рабов.

Но в Киевском государстве, как и в других дофеодальных государствах, значительная часть рабовладельцев, т. е. князья и бояре, одновременно эксплуатировали в своих хозяйствах разного рода зависимых людей, т. е. превращались в феодалов. Во всяком случае, в Киевском госу-

дарстве не сложился и не мог сложиться класс рабовладельцев, который имел бы свои специфические интересы.

Вместе с тем и рабы не представляли замкнутой группы: частично они превращались в княжеских и боярских слуг, частично сажались на землю и переходили в разряд крепостных крестьян.

Таким образом, в Киевском дофеодальном государстве происходит формирование класса феодалов и класса феодально-зависимого крестьянства. Уже в договорах, заключённых русскими князьями с Византией, говорится о боярах. Так, в договоре 911 г. после перечисления послов, отправленных Олегом в Царьград для заключения договора, говорится: «Иже послани от Олга, великого князя руского, и от всех, и же суть под рукою его, светлых бояр... похотеньем наших князь»¹.

В договоре 945 г. говорится: «И великий князь наш Игорь и боляре его и людье вси Рустии послаша ны к Роману, и к Константину, и к Стефану, к великим царем Гречьским, створити любовь к самеми цари, со всем болярством и со всеми людьми Гречьскими на вся лета, дондеже сияет солнце и весь мир стоять». А затем добавляется: «А великий князь Руский и боляре его да посылають в Греки к великим царем Гречьским корабли, елико хотять, со слы и с гостями...»².

Из текста договоров видно, что князья и бояре противопоставляются основной массе населения — «людям». Несомненно, боярство — это земледельческая знать, связанная служебными отношениями с князьями. Это и не дружинники князя или, во всяком случае, не вся масса дружинников. В XI в. термин «боярин» уже определённо прилагается к феодалам, крупным землевладельцам, связанным вассальными отношениями с князем.

Можно полагать, что боярство в Киевской Руси, с одной стороны, выросло из родоплеменной знати, а с другой, — из верхушки княжеских слуг. Таким выдающимся княжеским слугой был Свенельд, державший отроков, т. е. окружённый дружиной.

Однако процесс превращения родоплеменной знати в феодалов не закончился к концу X века. Летопись, говоря о княжеском совете при князе Владимире, упоминает как о боярах, так и старцах градских, т. е. представителях родоплеменной знати, пока ещё не связанной с княжеским двором.

В IX—X вв. возникает класс феодально-зависимого сельского населения. Источники до XI в. не упоминают о разрядах зависимого сельского населения. Но в начале XI в. летопись говорит о смердах, принимавших участие в походе князя Ярослава на князя Святополка, а Правда Ярослава упоминает об изгоях. В начале XII в. в Уставе князя Владимира Мономаха говорится о закупах.

Было бы неправильно отрицать существование смердов и изгоев в IX—X вв. на том основании, что о них не говорится в памятниках IX—X веков. Отдельные разряды, отдельные группы общества не возникают внезапно: процесс возникновения этих групп весьма длителен и охватывает целые века.

Можно совершенно не сомневаться в том, что смерды, упоминавшиеся в документах начала XI в. (по летописи, в 1017 г.), существовали в X в., а возможно, и в IX веке.

Как известно, вопрос о смердах был предметом большой дискуссии. Было высказано множество мнений. Но в настоящее время как будто никто не сомневается в том, что смерды были категорией феодально-зависимого населения.

Другой группой зависимого сельского населения являлись изгои.

¹ Владимирский-Буданов М. «Хрестоматия по истории русского права», стр. 1. Вып. I. СПб — Киев. 1889.

² Там же, стр. 11—12

Группа изгоев, о которой встречается упоминание в первый раз в Краткой Правде, несомненно, возникла гораздо раньше XI века. Можно полагать, что изгоями первоначально назывались выходцы из общин, а затем уже это название стало применяться к выходцам из рабов (выкупившиеся рабы), из духовенства, из купечества.

Изгои, утратившие связь со своей общиной и, следовательно, потерявшие свой надел, селились на землях князей, бояр, а затем, как мы знаем из позднейших источников, — на церковных землях.

Наконец, существовала группа населения, которая превращалась в зависимое состояние благодаря своей закабалённости. Такой группой, как известно, были закупы, первое упоминание о которых встречается в русских источниках начала XII в. (в так называемой Пространной Правде, точнее, в Уставе князя Владимира Мономаха). Можно также не сомневаться в том, что и эта группа возникла ещё в X веке. Во всяком случае, закупы в начале XII в. выступают как вполне сложившаяся группа, правовое положение которой обрисовано весьма характерными чертами.

В начале XII в. понадобилось несколько смягчить положение этой группы, что и было сделано Владимиром Мономахом. Для того чтобы мог возникнуть такой сложный институт, как закупничество, нужно продолжительное время.

Как известно, институт закупничества имеет много общих черт с так называемым долговым рабством. А институт долгового рабства является одним из древних институтов.

Наконец, значительную часть феодально-зависимого населения составляли рабы, посаженные на землю, правовое положение которых мало чем отличалось от положения крепостного крестьянства. Впоследствии, в XI—XII вв., эти рабы стали называться челядью.

Коснёмся теперь государственного устройства Киевского дофеодального государства.

Киевское государство дофеодального периода представляло собой пёстрый комплекс разнообразных территориальных единиц. В его состав входили как территории, занятые отдельными племенами, — древлянами, вятичами, радимичами, так и территории, где уже произошёл процесс распада племенных отношений. Достаточно указать, что в середине IX в. под гегемонией Новгорода образовался довольно сложный территориальный комплекс, куда входили не только два славянских племени — ильменские славяне и кривичи, — но и ряд финских племён.

К началу XI в. распад племенных территорий в основном закончился. Во всяком случае, сыновья князя Владимира стояли не во главе племенных княжений, а во главе особых территориальных комплексов, в летописи называвшихся землями (Новгородская земля, Полоцкая земля и т. д.).

М. Д. Приселков на основе анализа «De administrando imperio» Константина Багрянородного и текста русско-византийских договоров пришёл к заключению, что во второй половине X в. Киевское государство состояло из основного ядра, впоследствии образовавшего три княжества: Киевское, Черниговское и Переяславское, — называвшегося «Русью», в узком смысле этого слова, и остальных земель, называвшихся «Внешней Русью». М. Д. Приселков указывает, что эти земли занимали особое положение, в частности они должны были платить «полюдь», тогда как основное ядро было освобождено от этого платежа¹. Для определённого периода, в частности для середины X в., такое деление Киевской Руси на две части хорошо подтверждается источниками.

¹ Приселков М. «Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам». «Учёные записки Ленинградского государственного университета». Серия исторических наук. Вып. VIII, стр. 233—235. Л. 1941.

Что касается взаимоотношения между киевскими князьями и местными, то они прекрасно определяются формулой Маркса; именно, это был «вассалитет без лена и лены, составляющиеся только из даней»¹. Племенные князья, признавшие власть киевского князя, были вассалами без лена (например древлянский князь Мал). Но в других землях сидели князья-наместники, посланные киевским князем. Таким князем в своё время в Новгороде был Святослав, затем — Владимир. Вероятно, назначались на места и другие князья, имена которых летопись нам не сохранила. Князья, посылавшиеся на места, могли дань получать в свою пользу. Словом, в Киевской Руси в IX — X вв. ещё не образовалась феодальная монархия, в которой отношения между великими и местными князьями определялись отношениями развитого вассалитета — сюзеренитета.

Во главе Киевского дофеодального государства стоял великий князь, которому, как было указано, подчинялись местные князья. Он был прежде всего военным вождём, организатором военных сил. Для того чтобы организовать военные силы и собрать необходимые средства, он принимал деятельное участие в сборе дани. Дань собиралась товарами (мёдом, воском и мехами), находившимися спрос на внешних рынках; поэтому князья должны были принимать меры к охране караванов, везущих эти товары в Византию.

Великий князь, поскольку на местах сидели местные князья, непосредственно управлял главным образом Киевской землёй.

Можно полагать, что княжеская юрисдикция распространялась только на княжих людей, т. е. на его слуг, бояр, дружинников, рабов. Судили князья на основании обычаев. В этот период, разумеется, нельзя ещё говорить о княжеском законодательстве, если не понимать под законодательством финансово-административные распоряжения князей.

Деятельность князей направлялась советом. Этот совет в конце X в. (при Владимире) состоял из бояр и старцев градских, т. е. из наиболее влиятельных княжеских слуг и представителей родовой знати. При решении наиболее важных вопросов привлекались более широкие круги дружины. С течением времени, по мере оседания дружинников на землю и замены дружинных отношений вассальными, в совете, направляющем деятельность князей, начинают иметь значение феодальные элементы.

Существование княжеского совета, кроме русских источников, подтверждается рассказом византийского историка Льва Калойского о созыве киевским князем Святославом «Совета лучших»².

Одним из основных органов племенной организации было народное собрание. На народном собрании решались наиболее важные вопросы. Такой орган существовал и у племён восточных славян, причём он носил специальное название — вече.

Как во всех дофеодальных государствах, народное собрание и здесь не могло существовать в формах, характерных для эпохи расцвета первобытной демократии. Оно стало превращаться в совещания правящей верхушки и городского населения.

В русских летописях до 997 г. нет упоминаний о созывах вече. В этом году, как сообщает летопись, вече было созвано белгородцами, осаждёнными печенегами, для принятия мер по борьбе с ними.

Но трудно представить себе, что такой основной орган первобытной демократии, как народное собрание, мог исчезнуть, не оставив после себя никаких следов при возникновении русского дофеодального государства.

Несомненно, вече полностью не исчезло в Киевском государстве IX—X вв.: оно время от времени созывалось для решения наиболее важных вопросов. Как и во всех дофеодальных государствах, вече здесь

¹ К. Маркс «The Secret Diplomatic history of the Eighteenth Century». London. 1899.

² Приселков М. Указ. соч., стр. 243.

не было настоящим народным собранием: оно не могло быть таковым хотя бы потому, что только жители главного города и, возможно, окрестное население могли принимать участие в совещаниях.

Можно полагать, что вече созывалось для решения вопросов войны и мира, приглашения князей и других наиболее важных вопросов.

В деле непосредственного управления князь опирался на дружину. Из среды дружинников, видимо, стали выделяться особые слуги, ведавшие отдельными отраслями дворцового управления. Во всяком случае, летопись говорит о воеводах у князей X века. Конечно, должностные лица, о которых говорят источники XI в. — огнищане (или огнищные тиуны), конюшие и т. д., — могли существовать и в IX—X вв., хотя, быть может, их влияние в княжеской администрации было менее значительным.

Но, кроме дружинников, непосредственными помощниками князей по управлению летопись упоминает тысяцких, сотских и десятских.

В своё время в исторической литературе вёлся спор о сущности этой, так называемой десятичной, или численной, системы. Владимирский-Буданов¹ противопоставлял эту систему, называемую им земской, системе княжеской, дворцовой.

Покровский на основе изучения новгородского материала пришёл к выводу, что тысяцкий был начальником всех купцов, а сотские были их вице-начальниками. Словом, тысяцкие и сотские, в представлении Покровского, являлись представителями купеческого самоуправления².

Пресняков³ подверг критике эти взгляды и на основании тщательного анализа всех дошедших до нас источников пытается доказать, что тысяцкие и сотские являлись княжескими органами власти, но не органами самоуправления. Что касается функции тысяцких и сотских, то Пресняков высказал мнение, что сотни с момента их возникновения являлись судебно-административными учреждениями.

Однако для доказательства этой мысли Пресняков привлекает новгородский материал, который не является характерным для всей Киевской Руси.

Нам иначе представляется происхождение тысяцких и сотских и их функции. Названия «тысяцкие», «сотские», «десятские» военного происхождения. Несомненно, ещё военные отряды славянских племён делились на тысячи, сотни и десятки. При образовании дофеодальных государств, когда требовалось ставить в городах гарнизоны, названия «тысяцкий», «сотский» и «десятский» стали присваиваться начальникам гарнизона и командному составу. Таким образом, первоначально тысяцкие, сотские и десятские осуществляли военно-административную власть. Но затем «тысячи», «сотни», а возможно и «десятки» стали превращаться в территориальные единицы, причём функции тысяцких, сотских и десятских стали расширяться. В Киевском государстве тысяцкий стал превращаться в командующего войсками — в воеводу, сотские же — в представителей городских финансово-административных органов. Дальнейшая эволюция в функциях тысяцких и сотских произошла в Великом Новгороде, где тысяцкий являлся помощником посадника, и ему приходилось ведать торговой юрисдикцией.

В середине X в. создаются финансово-административные органы власти не только в городах, но и повсеместно. Летопись связывает создание местных финансово-административных центров с именем княгини Ольги.

¹ Владимирский-Буданов М. «Обзор истории русского права», стр. 75—77. СПб. 1909.

² Покровский М. «Русская история». Т. I, стр. 71. М. 1920.

³ Пресняков А. «Княжое право в древней Руси», стр. 190. СПб. 1909.

С течением времени в городах князьями стали ставиться посадники, которые являлись представителями княжеской власти и делили функции по управлению с тысяцкими.

Обратимся к организации военных сил в Киевском дофеодальном государстве. По имеющимся данным, военные силы состояли из трёх основных частей: 1) княжеской дружины и дружины представителей правящей верхушки, 2) народного ополчения, 3) наёмных отрядов, состоявших в Новгороде главным образом из варягов, в Киеве — из кочевников.

Источники много говорят о княжеской дружине. Дружинники жили на княжеском или боярском дворе и находились на полном содержании князя. Можно полагать, что основной контингент дружины составлялся из родоплеменной знати, но и всякий, кого ценил князь в ратном деле и совете, мог быть привлечён в состав дружины. Во всяком случае, личная доблесть играла большую роль при приёме в дружину.

Летописец специально отмечает, что когда отрок Переяслав, который ранее никому не был известен, победил печенегского богатыря, то князь Владимир «великим мужем створи того и отца его»¹.

В дружине Киевского дофеодального государства различался ряд социальных прослоек. Верхняя, более привилегированная часть — старшая дружина; она состояла из дружинников, обычно служивших у отца князя («дружина отчая»). Она переходила к младшему поколению князей, облечённая влиянием и авторитетом. Из её рядов выходили тысяцкие, посадские и прочие представители княжеской администрации. Младшая дружина — отроки, пасынки, детские — сближалась и сливалась с несвободной княжеской челядью. Из младшей дружины выбирались личные слуги князя, его телохранители, а также назначались мелкие должностные лица. Между старшей и младшей дружиной стояли дружинники, которые не могли быть причислены ни к той, ни к другой группе. Их обычно просто называли мужами. Очевидно, это основной боевой контингент личных военных сил князя.

Верхушка старшей дружины получила название бояр. Боярином стали называть в первую очередь заслуженного члена дружины, получившего не только крупный общественный вес, но и определённую самостоятельность. Эта самостоятельность достигалась лишь путём создания своей собственной дружины, своего двора. Отсюда наши памятники начинают указывать на боярские дружины. Впервые упоминается о них в летописи о дружине («отроках») Свенельда, боярина князя Игоря.

Итак, дружина составляла ближайшее окружение князей. С дружиной князь не расставался не только на войне, но и во время своей административной деятельности у себя дома. Наиболее видные дружинники принимали участие в княжеском совете вместе со «старцами градскими».

Во время войны дружина представляла нечто среднее между штабом княжеских войск и гвардией князя.

Князья заботились о дружине и берегли её. Известен рассказ летописи о том, что князь Мстислав Владимирович расставил во время боя свои войска с таким расчётом, чтобы его дружина не понесла потерь. И когда его план удался, то он выразил большую радость.

Другой частью военных сил в Киевском феодальном государстве было народное ополчение. Это народное ополчение и составляло главную массу войска. Каким образом созывалось это народное ополчение, из имеющихся источников установить трудно. Можно полагать, что существовали элементы принудительного набора. Значительная часть участников народного ополчения привлекалась в поход предстоявшей добычей. Здесь очень характерно показание Льва Калойского, описавшего поход Святослава Игоревича в Болгарию. Он рассказал, что Святослав всё юношество тавров возбудил к этому походу.

¹ Лаврентьевская летопись, под 912 г.

став войска Киевского дофеодального государства отряды варягов и тюркских кочевых народов (каракал-

обления и расширения феодального процесса княже-дружинники стали оседать на земле, отрываться от неё, превращаться в землевладельцев-бояр. Таким образом, отношения стали перерастать в вассальные. Дружинники, землевладельцев, феодалов, стали приводить на войну отрядами, составлявшиеся из их слуг — холопов и зависимого населения.

Средства княжеских доходов, то они в основном составлялись из от их земель, из военной добычи, от дани с подвластного населения, торговых и судебных пошлин.

Одними из важнейших источников княжеских доходов было собираемая дань. Первоначально киевские князья взимали дань с подвластных им племен в том же размере, в каком эти племена платили её хозарам. Некоторые племена платили дань деньгами (радимичи), другие — мехами (поляны). Единницей обложения первоначально был дым, затем скот, а позднее хозяйство. Как наши летописи, так и византийские «*epistolographia*» Константина Багрянородного дают представление, как взималась дань примерно до середины X века. Дань взималась путём организации особых экспедиций со стороны князя. Но с течением времени этот способ взимания дани изменился. Это изменение связано с деятельностью княгини Ольги на местах торговых стоянок, называвшихся погостами, постоянные места для сбора дани, причём, как можно предполагать, возросла роль должностных постоянно-финансово-административных

лиц. С этим населением, платившем дань князю, должно было нести и другие повинности, в частности давать корм княжескому войску в погосте.

Средства доходов князя с течением времени получили крупное значение. Это показывает рассказ летописи о борьбе князя Владимира с разбойничеством. Князь Владимир принуждён был бороться с разбойниками.

Эволюция феодальных отношений в Киевском государстве и в княжеском домене дань постепенно превращается в ренту. Общественно-экономический и политический строй дофеодального государства весьма близок к общественно-экономическому строю дофеодальных государств западных славян: Великой Моравии, чешского и польского государств IX—X веков.

III

Теперь к характеристике общественно-экономического и политического строя монгольских государств (до XIII в.).

Основной тип монгольских скотоводческих племён происходил расщепления, так называемых куреней, которым принадлежала скотоводство. Хозяйство в куренях всё больше и больше начинало организовываться патриархальными семьями, которые носили название куреней. В первую очередь кочевать аилами стали наиболее богатые скотом

представители родоплеменной верхушки зависело расщепления пастбищ между аилами, и поскольку они стали оставлять и себе самые лучшие пастбищные участки, то их хозяйства выделялись из общей массы хозяйства рядовых кочевников.

В хозяйствах представителей родоплеменной знати эксплуатировались, с одной стороны, рабы, а с другой, — лишённый пастбищ и скота зависимый люд, из которого с течением времени образовался класс феодально-зависимого населения, носивший название «харачу». Словом, в дофеодальной Монголии существовали три уклада: патриархальный, рабовладельческий и феодальный. Но ни один из этих укладов не являлся господствующим, хотя чем дальше шёл процесс разложения кочевой общины, тем большее значение приобретал феодальный уклад.

На основе этих производственных отношений стало оформляться и общественное устройство. Во главе тогдашнего общества стояли хааны, которые были вождями отдельных племён или крупных объединений родов. Вожди меньших объединений родов носили название нойянов и баатуров.

Хааны, нойяны и баатуры, которые являлись вассалами ханов, распорядились кочевьями зависимых от них людей, в частности направляли их на определённые пастбищные участки и указывали им стоянки. Наряду с этим хааны, нойяны и баатуры объявляли «запретными» определённые участки в зоне принадлежавших им пастбищ (нутука), отводя их или под кладбище или для охоты. Представители этой «степной аристократии» занимали лучшие места во время облавных охот и пользовались значительной частью добычи.

Кроме того зависящие от них люди должны были нести в их пользу ряд натуральных повинностей. Среди натуральных повинностей необходимо отметить повинность доставлять мелкий скот на убой и крупных животных, главным образом кобылиц, на определённый срок для удоя.

Хааны, нойяны и баатуры судили находившихся в их подчинении людей.

Основную массу монгольского общества в XI—XII вв. составляли рядовые кочевники, «простые воины», по выражению Чингис-хана. Они считались «людьми свободного состояния».

Зависимые люди, которым затем было присвоено название «харачу» — чернь, состояли из рабов (bogol'ov), которые с разрешения своих господ обзаводились скотом и своим хозяйством, и из так называемых upagan-bogol'ov, основная масса которых образовалась в результате принуждения со стороны верхушки общества. Разбитые в неудачных войнах племена или объединения родов лишались пастбищ и попадали в зависимое положение от других племён.

Рашид-ал-Дин, рассказав о разгроме племени Джалаир, далее говорит: «Жёны и дети их все стали рабами (т. е. upagan-bogol'ами. — С. Ю.) сына Мунулуны Хайду; несколько мальчиков из них сберегли пленниками, и они стали рабами их рода. С той поры доныне племя Джалаир состоит крепостными рабами: по наследству они перешли Чингис-хану и роду его»¹.

Что касается рабов, то их число было невелико. Академик В. Я. Владимирцев указывает, что «по условиям кочевого быта рабским трудом могли пользоваться главным образом в ставках и станах больших сеньёров, многолюдных и богатых», и что «мелкие феодалы и простые воины вряд ли имели возможность содержать при себе сколько-нибудь значительный штат рабов, слуг»². Источником рабства у монголов были рождение от рабыни и плен.

Поскольку рабским трудом могли пользоваться главным образом хааны, нойяны и баатуры, т. е. те, от кого зависела основная масса upagan-bogol'ov, и поскольку число «чистых» рабовладельцев, т. е. тех, кто эксплуатировал только рабов, было весьма невелико, то в дофеодальной Монголии не могло сложиться особого класса рабовладельцев, кото-

¹ Владимирцев В. Указ. соч., стр. 66.

² Там же, стр. 119.

рый имел бы свои интересы, противоречащие интересам феодальных групп.

По мере усиления феодального уклада рабовладельческие группы должны были раствориться в растущем классе монгольских феодалов, а значительная часть рабов становилась ипаган-богол'ами.

Государственное устройство монгольских дофеодальных государств характеризуется тем, что они являются объединением ряда племён, в которых идёт процесс разложения первобытно-общинного строя и частей племён (подплемен и поколений, которые носили то же название — *irgen*) и даже родов, во главе которых находились выборные хааны. В XII в. наиболее крупными дофеодальными государствами были Керейтское, ханство Джамухи и Чингис-хана (до образования последним феодальной империи в 1206 году).

В «Сокровенном сказании»¹ приводится длинный перечень тех частей отдельных племён и родов, которые избрали в 1201 г. Темучжина своим ханом, после отделения его от Джамухи. Оно подробно сообщает и о составе объединения, во главе которого стал Джамуха².

Из анализа данных известий нетрудно убедиться, что дофеодальные монгольские государства являлись не племенными союзами, где каждое племя под главенством своего вождя сохраняло бы внутреннюю самостоятельность, а представляли собой пёстрый комплекс из осколков, частей племён, поколений, родов и даже куреней, главы которых являлись вассалами хаанов, которых они выбирали.

О характере отношений этих нойянов и баатыров к своему хаану очень хорошо говорит «Сокровенное сказание», повествуя об избрании Темучжина хааном.

Нойяны и баатуры, являясь вассалами Темучжина, выполняли две основные обязанности: военную службу и участие в охотах.

Этот вассалитет не был связан с предоставлением вассалам пастбищ. Все они имели свои пастбища, своих родичей, шедших за ними зависимых людей и рабов, а можно полагать, что наиболее крупные из них имели и дружинников-нукеров. Недовольные своим хааном или сеньором уходили к другому хаану, вместе со своими людьми, со своими кочевьями.

Передача своим вассалам определённой группы людей и, следовательно, определённой пастбищной территории стала совершаться после образования Чингис-ханом феодальной империи, т. е. после 1206 года. Следовательно, только после 1206 г. вассалитет в Монголии стал соединяться с леном.

Во главе дофеодальных монгольских государств стояли хааны. Из имеющихся в нашем распоряжении источников можно вывести заключение, что хааны избирались нойянами и баатурами. Как общее правило, это звание не передавалось по наследству. Однако имелись уже случаи, когда это звание передавалось и по наследству. Так, Рашид-ал-Дин указывает, что Ван-хан Керейтский наследовал свою власть от деда.

Что же касается функций хаанов, то они были несложны. Монгольский хаан XI—XII вв. — это прежде всего военный вождь. Хаан должен был организовать военные силы и командовать ими во время войны. Поскольку в мирное время большое значение в жизни монголов имела облавная охота, то они предводительствовали на этих охотах. Несомненно, им принадлежало и право суда, или, вернее, право расправы над вассалами в случае нарушения ими верности или неисполнения приказа, а также над зависимыми от него людьми.

Само собой разумеется, степень власти хаанов зависела от числа их вассалов и от их поддержки. Каждый хаан всегда должен был считаться

¹ Козин С. «Сокровенное сказание». Т. I, стр. 106. Изд. Академии наук СССР. М. и Л. 1941.

² Там же, стр. 116.

с тем, что недовольные им вассалы могли его покинуть и перейти к его сопернику.

Деятельность хаана направлялась его ближайшими родственниками и наиболее близкими вассалами, которые входили в состав совета при хаане. Повидимому, советы эти уже стали превращаться в учреждения. Так, в «Сокровенном сказании» говорится о созыве Темучжином после разгрома татар «Великого семейного совета».

Но по особо важным вопросам, в частности по вопросу о выборе хаанов и, вероятно, по вопросам войны и мира, созывались курултай. Можно полагать, что курултай своими историческими корнями уходит в племенные сходки. Но в XII в. курултай — это съезды вассалов хаана — нойянов и баатуров — вместе с их приближёнными.

Текст «Сокровенного сказания» даёт основание для такого вывода. После наименования вождя дополнительно говорится: «со своими»¹. Вероятно, курултай являлись весьма многочисленными собраниями.

Непосредственную помощь хаанам в выполнении их функций оказывали различные должностные лица. «Сокровенное сказание» сообщает, что после избрания Темучжина хааном (главой дофеодального государства) были назначены люди, которые должны были носить колчан, нести обязанности кравчих-баваручинов, заведующих овечьим хозяйством, кочевыми колясками, конюших, разведчиков. Во главе этих должностных лиц были поставлены двое из преданных людей Темучжина — Боорчу и Чжельме².

Непосредственную помощь хаану оказывали и его дружинники-нукеры.

Касаясь военно-административных делений монгольских дофеодальных государств, надо иметь в виду, что Чингис-хан после избрания его всемонгольским ханом в 1206 г. организовал тьмы, тысячи, сотни и десятки.

Деление монгольского войска на тысячи, сотни и десятки существовало и до 1206 года. Именно готовясь к войне с найманами, Темучжин «составил тысячи и поставил нойонов командующими тысячами, сотнями и десятками»³.

Акад. Б. Я. Владимирцев совершенно правильно говорит: «В самом распределении по десяткам, сотням и т. д., конечно, нового ничего не было, это очень древнее обыкновение кочевников Средней Азии, идущее из дали веков»⁴. Вполне возможно, что и до Чингис-хана тысячники, сотники и десятники должны были принимать участие и в управлении подвластным им населением, ведать судом над ним, оказывать ему защиту.

Основные военные силы дофеодальной Монголии состояли из дружинников и народного ополчения, которое приводилось к хану предводителями племенных, подплеменных и родовых объединений.

Исследователи, в частности акад. Б. Я. Владимирцев, указывают, что монгольские дружинники, нукеры, многими чертами напоминают, с одной стороны, дружинников древнегерманских вождей, а с другой, — дружинников древнерусских князей. Очень характерно, что слово «нукер» в переводе на русский язык означает «друг»⁵.

Монгольские нукеры, как и древнегерманские и русские дружинники, добровольно принимали на себя обязанности по отношению своих вождей. Во всяком случае, они не были наёмниками своих вождей. Состав монгольского нукерства не был однородным. Несомненно, чем крупнее был вождь, тем знатнее были его дружинники. Но даже у Темучжина были дружинники, которые происходили из низов. Один из близких его спод-

¹ Козин С. Указ. соч., стр. 106.

² Там же, стр. 109.

³ Там же, стр. 144.

⁴ Владимирцев Б. Указ. соч., стр. 102.

⁵ См. там же, стр. 87.

вижников — Чжельме — был сыном Чжарчуидая, «человека с кузнечным мехом за плечами», т. е. сыном простого кузнеца. Были дружинники и из группы *uagan-bogol'ov*.

Нукеры обязаны были верностью своему вождю. В «Сокровенном сказании» приводится несколько рассказов о том, как Чингис-хан расправлялся с нукерами, изменившими своим вождям, хотя эта измена совершалась в пользу самого Чингис-хана¹.

Основной обязанностью нукеров являлась военная служба, но они, как было указано, выполняли и другие поручения своих вождей. В частности, они назначались гонцами, послами, принимали деятельное участие в облавных охотах. Выполняли они и хозяйственные поручения. Вообще занятие хозяйственными делами со стороны нукеров в ставках их вождей было обычным явлением в мирное время.

Нукеры жили вместе со своими вождями, являлись их постоянными помощниками и советниками. Основные обязанности вождей по отношению к нукерам заключались в предоставлении нукерам крова, пищи, одежды и вооружения. Этим и отличались дружинники от дофеодальных вассалов — нойянов и баатуров, живших отдельно от своего вождя, кочевавших своими куренями и аилами и часто имевших своих нукеров. Кроме обязанности содержать нукеров вожди обязаны были оказывать своему нукеру защиту и покровительство.

Нукеры составляли обычно особый отряд в войске своего вождя, не сливаясь с родовым ополчением. Но иногда, по указанию вождя, они командовали отдельными частями ополчения.

Другой частью военных сил монгольских дофеодальных хаанов были ополчения, приводимые отдельными нойянами и баатурами.

Что касается доходов дофеодальных монгольских хаанов, то они составлялись в первую очередь от доходов их собственных хозяйств, которые выделялись из хозяйств других представителей знати, нойянов, баатуров. У хаанов было большое количество скота, находившегося на попечении рабов и зависимых людей.

Далее, большое значение в хозяйстве хаанов имела охота, в особенности облавная. Как известно, хааны получали большую часть добычи. Очень важным источником доходов хаанов являлась военная добыча. Наконец, рядовые кочевники должны были нести ряд натуральных повинностей, причём главнейшая из них заключалась в поставке хаанам мелкого скота на убой и в отправлении на срок определённого количества дойных животных, чтобы хааны и их окружающие могли пользоваться молоком. Этот общественно-экономический и политический строй монгольских дофеодальных государств XI—XII вв. весьма сходен с общественно-экономическим и политическим строем дофеодальных государств кочевых народов Средней и Центральной Азии, в частности тюркского каганата.

IV

Обратимся теперь к англо-саксонским дофеодальным государствам.

Одной из характерных черт общественно-экономического и политического строя англо-саксонских дофеодальных государств является сравнительно одинаковый уровень их общественно-экономического и политического развития, в частности в состав англо-саксонских королевств не входили такие части, в которых ещё не был бы изжит первобытно-общинный строй.

Это в значительной степени предопределилось тем, что завоевание Британии англами, саксами и юзами произошло не сразу, а в результате долгой и упорной борьбы. К первым отрядам завоевателей время от времени прибывали подкрепления с континента; вследствие этого происхо-

¹ См. Козин С. Указ. соч., стр. 140, 141—142.

дило смещение родовых групп на завоёванной территории, а это вело к быстрому ослаблению родских связей. Необходимо учесть и то, что завоеватели производили делёж земли, руководясь в основном принципами земельного устройства, существовавшими у них на родине, и перенесли на новую почву общинные порядки, однако при этом было уничтожено много архаических черт, свойственных общинным порядкам.

Таким образом, те родоплеменные и патриархальные связи и отношения, которые играли такую роль в других дофеодальных государствах, в особенности в государствах кочевых народов, в англо-саксонских королевствах VI—IX вв. сохранились в виде сравнительно слабых пережитков. Англо-саксонские королевства VI—IX вв. представляют собой высшую ступень в развитии дофеодальных государств.

Общественно-экономический строй этих королевств характеризовался следующими чертами. Основной хозяйственной единицей являлась сельская община (*the town ship*), которая носила уже с момента образования англо-саксонских государств довольно яркие черты начавшегося разложения. Среди свободных общинников — кэрлов — началась дифференциация вследствие прироста семьи и благодаря отчуждению частей наделов: продажи, передачи в залог и пр. Таким образом, в англо-саксонской общине наряду с владельцами полного надела появляются владельцы половины, трети надела и т. д. Приобретая части отчуждаемых наделов, наиболее зажиточные общинники прибегали к труду рабов или передавали их за определённые оброки в пользование общинникам, потерявшим свои наделы.

Но в англо-саксонских королевствах издавна были такие элементы, которые и до этой всё усиливающейся дифференциации среди кэрлов, свободных общинников, были уже крупными землевладельцами. Это были представители родовой знати — эрлы, которые владели более крупными наделами. Эрлы, даже обладавшие наделами, в два раза большими, нежели кэрлы, могли вести своё хозяйство только с помощью полусвободных людей и рабов. С течением времени к этому первому слою крупных землевладельцев стали присоединяться королевские дружинники, получавшие земли или из княжеского домена или из фонда неподелённой земли. Но настоящими очагами крупного землевладения были королевские домены, а после принятия англо-саксами христианства — церковные учреждения. В королевских и церковных землях эксплуатировались тысячи рабов, летов и обезземеленных общинников. Таким образом, в англо-саксонских королевствах VI—IX вв., как и в других дофеодальных государствах, наблюдалось наличие трёх укладов: первобытно-общинного (патриархального), рабовладельческого, поскольку зажиточные общинники, эрлы и другие крупные землевладельцы эксплуатировали рабов, и феодального, поскольку они эксплуатировали и феодально-зависимое сельское население. Эксплуатация рабов носила патриархальный характер. Сложившиеся нормы обычного права ограничивали произвол господина. Так, раб имел право на получение двух хлебов в день, раб имел право на отдых во время праздников, раб мог выкупиться на свободу.

Основная группа феодально-зависимого населения составила из так называемых летов, из особого разряда зависимого населения, который существовал у англо-саксов ещё на континенте. Леты не имели своего надела. Работая на земле кэрлов и эрлов, они были обязаны платить оброк. А затем к этой группе стали присоединяться кэрлы, потерявшие свои наделы, и выкупившиеся рабы.

Как и во всех дофеодальных государствах, значение феодального уклада всё более и более возрастало. Классовая структура в англо-саксонских королевствах определялась этим общим характером производственных отношений. Основная масса населения состояла из свободных общинников. В результате разложения первобытно-общинного строя возникли первые классы рабовладельцев и рабов. Но очень скоро стал воз-

никать класс феодалов из эрлов, зажиточных общинников, королевских дружинников и феодально-зависимого сельского населения из летов, из общинников, потерявших свои наделы, из выкупившихся рабов.

После того как вначале возникло восемь, а затем осталось семь королевств, наметился процесс объединения этих королевств. Это объединение было первоначально непрочным; оно выражалось в признании короля того или иного королевства общим вождём в войне с внешними врагами. Эти короли получали особый титул *bretwald'a*. С течением времени гегемония того или иного королевства определялась не только военными качествами короля, его возглавлявшего, а военной мощью данного королевства, например королевства Нортумбрии. Ещё прочнее было объединение англо-саксонских королевств под властью Уэссекса, гегемония которого определялась не только ролью этого королевства в борьбе с внешними врагами, но и степенью его общественно-экономического и политического развития. Гегемония Уэссекса стала перерастать в прямую власть над англо-саксонскими королевствами. Короли отдельных англо-саксонских королевств превращались в вассалов короля Уэссекса на основе «вассалитета без лена». С течением времени отдельные королевства стали утрачивать свою самостоятельность, целиком или по частям превращаясь в шайры — графства, во главе которых стояли сперва вице-короли, а затем и просто эльдормены.

Каждое англо-саксонское королевство возглавлялось королём, власть которого по мере усиления феодального уклада в системе производственных отношений менялась. Первоначально функции королей мало отличались от функций тех англо-саксонских дружин, которые вторгались в Британию. Сначала они были военными вождями, но с течением времени их функции начинают расширяться. Королям стала принадлежать высшая административная и судебная власть.

Деятельность королей направлялась уитенагемотом. Состав и компетенция уитенагемотов изменялись. Первоначально уитенагемот включал в свой состав представителей родоплеменной знати и наиболее видных дружинников. С течением времени в него стали входить епископы, эльдормены и королевские вассалы (тэны). Значение уитенагемотов стало расти, поскольку к ним стали отходить некоторые функции исчезавших и затем окончательно исчезнувших народных собраний. Без согласия уитенагемота нельзя было решать вопросы о войне и мире, наиболее важные вопросы, относящиеся к организации военных сил. Уитенагемоту принадлежало право назначения и смещения эльдорменов, а уитенагемоту совместно с королём — и право избрания епископов. Когда же народные собрания перестали собираться, то уитенагемот имел право избрания и даже низложения короля, если он признавался недостойным. Ему принадлежали и весьма важные судебные функции.

В англо-саксонских королевствах для решения наиболее важных вопросов: о войне и мире, для издания законов, избрания королей и т. д. — созывались народные собрания (*folkmoot'ы*). По мере объединения королевств народные собрания превращались в собрания шайров — графств. В Соединённом королевстве, обладавшем значительной территорией, созывать народные собрания было фактически невозможно. Но тем не менее там сохранились некоторые остатки этого органа военной демократии. Так, в некоторых случаях при оповещении законов и коронации собиралось население.

Англо-саксонские королевства делились на шайры, во главе с эльдорменами и ширгеретами — шерифами; шайры — на более мелкие административные единицы — сотни, во главе с сотенным старшиной и сотенным *gereff'ом*, которые в свою очередь составлялись из десятков (*tithinges, decaniae*).

Первоначально войско англо-саксонских дофеодальных государств состояло из королевской дружины и народного ополчения, причём основ-

ной военной единицей народного ополчения были сотни. По мере развития процесса феодализации и замены дружинных отношений вассалитетом стали иметь значение ополчения королевских вассалов (танов, глафордов).

Доходы англо-саксонских королей, кроме доходов с земельных владений, находившихся в их распоряжении, составлялись из сборов со свободных общинников, причём эти сборы, называвшиеся *teorm*'ом, своими историческими корнями уходили к тем подаркам и приношениям, которые получали с подвластного населения древнегерманские вожди. Одним из крупных источников доходов королей являлись судебные доходы.

К англо-саксонским дофеодальным государствам весьма близки по своему строю государства северо-германских народов, в частности, государства VII—IX вв., существовавшие на территории современных Норвегии, Швеции и Дании.

V

Несмотря на то что мы сделали предметом своего обзора дофеодальные государства, существовавшие в разное время и на разных, отдельных друг от друга территориях, тем не менее можно установить ряд общих черт в их социально-экономическом и политическом строе и ряд закономерностей в их развитии.

Коснёмся прежде всего характеристики общественно-экономического строя. Здесь необходимо указать, что в дофеодальном государстве ещё продолжается процесс разложения первобытно-общинного строя. Значение первобытно-общинного уклада, особенно в начальном периоде дофеодального государства, ещё велико. Имелись некоторые части дофеодального государства, где ещё иногда продолжали существовать родоплеменные отношения. Наряду с первобытно-общинным укладом существовал и рабовладельческий уклад, но в дофеодальном государстве эксплуатация рабов носила ярко выраженные патриархальные черты. Наконец, в дофеодальном государстве стал развиваться и феодальный уклад. Словом, в дофеодальном государстве пока ещё идёт борьба укладов, причём ведущим укладом является феодальный уклад.

В соответствии с характером производственных отношений складываются и классовые отношения в дофеодальном государстве. Прежде всего существует два первых класса — класс рабов и класс рабовладельцев. Но наряду с этими классами возникает класс феодалов и класс феодально-зависимого сельского населения. Однако основная масса населения, особенно в начале возникновения дофеодального государства, состояла из непосредственных производителей — общинников — кэрлов, «людей» *bond*'ов (в Норвегии), *игих*'ов (в Монголии), *bidun*'ов (в тюркском каганате) и т. д.

По мере того как стал играть всё большую роль феодальный уклад, рабовладельцы и рабы, с одной стороны, и общинники — с другой, начинают растворяться в массе феодалов и феодально-зависимого сельского населения. В класс феодалов начинают входить представители родоплеменной знати (эрлы, ярлы, «старцы», жупаны, тарханы, беги, нойяны), наиболее зажиточные общинники, сумевшие освоить земли своих обедневших соседей, главы дофеодальных государств, их дружинники и их слуги. Но все эти элементы ранее были рабовладельцами и продолжали быть ими.

Словом, феодалы впитывают в себя возникший в дофеодальном государстве класс рабовладельцев. Класс феодально-зависимого населения стал в основном образовываться: 1) из рабов, посаженных на землю и постепенно превращавшихся в крепостных; 2) из общинников, выбитых из колеи и попавших в зависимость от крупных землевладельцев; 3) из общинников, становившихся феодально-зависимыми в результате замены дани феодальной рентой; 4) из полусвободных (летов, *upagan-bogol*'ов,

смердов, смордов, огушей и т. д.), которые, вероятно, образовались в результате подчинения разбитых в войне племён или частей племён племенами, одержавшими победу над ними.

Таким образом, и класс рабов стал растворяться в классе феодально-зависимого населения.

Итак, класс рабовладельцев, не успев оформиться в господствующий класс, принуждён уступить место классу феодалов. Во всяком случае, число рабовладельцев, не связанных с землёй, было незначительно, и они не имели особого значения в хозяйственной и политической жизни страны.

В дофеодальном государстве класс рабовладельцев, поскольку не было условий для образования рабовладельческого общества и государства, не мог закрепить своего господства. Но и класс феодалов ещё не был в состоянии превратиться в господствующий класс, — тогда дофеодальное государство превратилось бы в феодальное. Власть принадлежала знати, в состав которой входили представители родоплеменной знати (князья, жупаны, ханы, нойяны, короли, эрлы и пр.), дружинники (нукеры и пр.), представители возникающего класса феодалов и рабовладельцы. Острие государственной власти как органа классового господства направлено против свободных непосредственных производителей, против зависимого сельского населения, против рабов. Это был своего рода союз эксплуататорских элементов, применявших разные формы эксплуатации. В недрах этой знати, захватившей в свои руки складывающийся государственный аппарат, происходит процесс дальнейшего формирования класса феодалов, когда родоплеменная знать, дружинники делаются землевладельцами. В этом землевладельческом феодальном классе растворяются, как было указано, немногочисленные группы рабовладельцев, т. е. в основном те же землевладельцы, которые эксплуатировали рабов, поскольку они переходят к эксплуатации зависимых людей. Когда этот процесс формирования классов феодального общества заканчивался, дофеодальное государство превращалось в феодальное.

Обратимся к характеристике политического строя дофеодальных государств. Здесь прежде всего следует отметить, что, как общее правило, дофеодальное государство представляет собой пёстрый комплекс разных его частей, находившихся на различном уровне общественно-экономического развития. Наряду с областями, где процесс феодализации был уже достаточно глубок, в его состав часто входили завоёванные племена, где процесс разложения первобытно-общинного строя только начался.

С другой стороны, разный характер имели отношения между главами отдельных частей дофеодального государства и его верховным вождём. Здесь, как нам кажется, данная Марксом характеристика структуры Киевского государства полностью приложима вообще к дофеодальным государствам. Говоря о взаимоотношениях между великими и местными князьями, Маркс характеризует их как «вассалитет без ленов, и лены, составлявшиеся только из даней».

По мере того как феодальный уклад начинает играть всё усиливающуюся роль, отдельные части, входившие в состав дофеодального государства, стали подвергаться процессу дальнейшей феодализации и, таким образом, дофеодальное государство становится с течением времени всё более социально-однородным. Складываются и определённые отношения между главами дофеодального государства и местными властителями. «Вассалитет без лена» превращается в вассалитет, основанный на лене. С другой стороны, лены теперь состоят не из права собирать дань с той или иной территории, а из определённых земельных владений, обладатель которых взимает с подвластного ему сельского населения феодальную ренту. Возникают и получают оформление феодальные договоры.

Касаясь системы политических органов в дофеодальном государстве, необходимо указать, что в этом государстве сохранился ряд черт племенных союзов, на базе которых оно возникло. За недостатком источ-

ников нет возможности изучить структуру племенных союзов, предшествовавших русскому или монгольскому дофеодальным государствам, но основные черты устройства племенных союзов в достаточной степени выяснены на основе изучения племенных союзов других народов. Энгельс говорит, что при организации племенных союзов во главе их стоял «военачальник народа — rex, basileus, thiudans... Появляется народное собрание там, где его ещё не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии»¹.

Наличие этих органов можно установить при изучении ирокезской конфедерации, а также тех племенных союзов, которые предшествовали образованию Афинского (basileus, boule, agora) и Римского (rex, senatus, comitia) государств. В дофеодальном государстве сохранились органы племенных союзов: военачальники, совет и народное собрание; сохранились и их названия. Например глава дофеодального Киевского государства назывался князем, как и главы отдельных племён. Вечем называлась как племенная сходка, так и народное собрание в дофеодальном Киевском государстве. Но все эти органы превратились в орудие классового господства. Военачальник стал являться защитником интересов рабовладельческих и феодальных групп.

Первоначально, при образовании дофеодальных государств, их главы были выборными. Так, был избран ханом Джамуха, Чингис-хан (до его превращения в главу монгольской феодальной империи). Но с течением времени главы дофеодальных государств стали наследственными властителями. «Грабительские войны,— говорит Энгельс,— усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-по-малу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства»².

Главой дофеодального государства делается обычно глава того племени, в котором определился раньше всего процесс классовой дифференциации и где установилось раньше, чем в других племенах, господство рабовладельческих и феодальных групп.

Само собой разумеется, функции главы дофеодального государства изменяются по мере углубления и расширения процесса феодализации. Основная функция главы дофеодального государства состоит в организации военных сил и командовании войсками во время войны. С течением времени их функции расширяются: они организуют сбор дани с подвластного населения или с подвластных племён. По мере расширения их судебных функций в дофеодальном государстве усиливается и судебная власть главы государства. Вместе с тем усложняются и их административные функции. Поскольку главы дофеодальных государств являются наиболее крупными землевладельцами, они эксплуатируют труд многих тысяч рабов и феодально-зависимых людей. Поэтому им приходится уделять много времени организации своего хозяйства, в частности, назначать сельскохозяйственных агентов, контролировать их деятельность и непосредственно производить суд и расправу над подвластным населением.

Деятельность главы дофеодального государства направлялась особым советом. В союзе племён совет состоял из представителей племён. При образовании дофеодального государства совет стал состоять из представителей родоплеменной знати и наиболее влиятельных дружинников.

С усилением значения феодального уклада и представители родопле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 139.

² Там же, стр. 140.

менной знати и наиболее видные дружинники превращаются в феодалов. Следовательно, совет превращается всё более и более в феодальную курию. В некоторых дофеодальных государствах совет получал определённый состав и более или менее регламентированную компетенцию. По мере усиления власти главы дофеодального государства значение совета уменьшается.

Народное собрание претерпевает большие изменения как в своей организации, так и в своей компетенции при переходе от союза племён к феодальному государству. Прежде всего народное собрание перестаёт быть сходкой господствующего племени. Оно часто вырождается в собрание жителей главного города — столицы дофеодального государства, как это было в Киевском государстве. Руководящая роль в нём принадлежала как представителям родоплеменной знати, так и наиболее влиятельным дружинникам. Но часто народные собрания вырождаются в съезды местных вождей и их приближённых, т. е. дружинников, как это было в монгольских дофеодальных государствах. Или, наконец, оно превращалось в толпу жителей, которая окружала место заседания совета и выражала своё одобрение выносившимся на нём решениям, как это было в англо-саксонских государствах.

Обратимся к характеристике местного управления.

Как было указано, дофеодальное государство представляло собой, как общее правило, пёстрый комплекс земель, из коих некоторые являлись территориями отдельных племён, во главе которых стояли племенные вожди, вассалы «без лена» главы дофеодального государства. Эти территории пользовались автономией. Их внутренний строй мало чем отличался от строя любого племенного княжества. Племенные вожди или сами собирали дань, которую должны были доставлять главе дофеодального государства, или предоставляли им возможность самим собирать дань (как например это должны были делать древляне в отношении киевского князя).

Всё же значительная часть территорий, входивших в состав дофеодального государства, уже изжила племенной строй. Во главе их находились наместники, вассалы, хотя и без лена, но зато имевшие право собирать дань с населения, часть которой поступала в распоряжение главы дофеодального государства. Этим наместникам принадлежала военная и административно-судебная власть. Наряду с крупными племенными территориями и отдельными землями в дофеодальном государстве существовали уже и более мелкие административные подразделения. И здесь, как показывает нам изучение ряда дофеодальных государств, существовала десятичная система управления. Население делилось на тысячи, сотни, десятки, во главе которых находились тысяцкие, сотские, десятские.

Несомненно, деление на тысячи, сотни и десятки относится ещё ко времени, предшествовавшему образованию дофеодального государства. Оно могло существовать и в эпоху племенных союзов. В частности оно существовало у древних германцев. Можно думать, что это деление относилось только к населению, не было связано с территориальными отношениями. Сотня — это действительно сто людей, объединённых в сотню. Наконец, деление на тысячи и сотни имело военное значение. Это были подразделения войска.

В дофеодальном государстве, унаследовавшем многие черты организационной структуры племенных союзов, десятичная система претерпела ряд существенных изменений. Прежде всего десятичная система стала связываться с определённой территорией. Возникли округа — тысячи или сотни. Вследствие этого тысячи, сотни и десятки перестали иметь точное, математическое выражение. Округ сотни мог включать население многих сотен отдельных хозяйств. А главное, это десятичное деление не только стало иметь военное, но и административно-судебное значение. Словом, как называемая десятичная система управления, более или менее выдер-

жанная, являлась одной из характерных черт политического устройства дофеодального государства.

По мере расширения и углубления феодального процесса десятичная система растворяется в системе, характерной для развитого феодального государства.

Как показывает изучение местного управления в Киевском государстве, от тысяч сохраняются только названия должностных лиц — тысяцкие, которые являлись командующими войсками княжества и отождествляются с воеводами. Деление на сотни сохраняется, как общее правило, только в городах.

Этот процесс отмирания десятичной системы управлений, впрочем, имеет свои особенности в каждой стране. В частности это деление очень долго просуществовало в монгольских феодальных государствах.

Для военной организации дофеодального государства характерно наличие дружины и народного ополчения.

Несомненно, дружинный строй характерен не только для дофеодального государства: ещё племенные вожди опирались на дружину, дружинами окружали себя и главы племенных союзов.

Но в дофеодальном государстве дружинный строй достиг своего наивысшего развития. Дружины в дофеодальном государстве являются не только главной военной силой, которая обеспечивала военные успехи их вождей, не только своего рода главным штабом вооружённых сил того времени, но и центром политической организации. Дружинники не только выполняли военные поручения главы дофеодального государства, но и всякие иные поручения административного и финансового характера. Вместе с тем в дофеодальном государстве дружина была гораздо многочисленней, нежели в союзах племён.

Наконец, в дофеодальном государстве происходила дифференциация дружины. В составе дружины стали обособляться разные группы; некоторые дружинники, занимая крупные должности, играли большую роль в государстве. Часть наиболее влиятельных дружинников принимала участие в совете наряду с представителями родоплеменной знати.

Кроме дружины в состав военных сил дофеодального государства входило народное ополчение. Это народное ополчение шло на войну под предводительством племенных вождей или наместников отдельных земель.

По мере углубления и расширения феодальных отношений идёт процесс разложения дружины и дружинники постепенно отрываются от двора главы дофеодального государства и превращаются в его вассалов.

По мере того как дружинники превращаются в вассалов, одной из составных частей военных сил дофеодального государства становятся феодальные ополчения.

Основной источник доходов главы дофеодального государства составляют разного рода «добровольные» приношения подвластного населения, сохранившиеся от времён патриархальных, и дань. Но поскольку глава дофеодального государства является одним из крупнейших землевладельцев и эксплуатирует тысячи рабов и зависимых людей, то значительную часть его доходов составляют доход от земельных владений и военная добыча.

Наконец, некоторое значение имели и торговые пошлины.

По мере углубления процесса феодализации, когда возникает и развивается домен главы феодального государства, дань и «добровольные» приношения, ранее взимавшиеся с отдельных хозяйств, начинают взиматься с земли и постепенно превращаются в феодальную ренту.

Подводя итоги исследования общественного и политического строя группы дофеодальных государств, можно прийти к выводу, что дофеодальное государство, даже в период его окончательного становления, отличается от государства феодального многими характерными чертами.

В феодальном государстве господствующим способом производства является феодальный, основанный на труде зависимого и крепостного крестьянина. В дофеодалном же государстве существовал только феодальный уклад (наряду с первобытно-общинным и рабовладельческим), причём значение его всё более и более возрастало, поскольку свободные общинники и рабы превращались в феодально-зависимое сельское население. В дофеодалном государстве класс феодалов не пришёл ещё к окончательному господству, хотя влияние его всё более и более увеличивалось. В силу этого организация государственной власти ещё не получила той организационной структуры, которая характерна для феодального государства. А именно:

1) дофеодалное государство представляет собой не иерархию феодальных сеньорий, взаимные отношения которых основаны на вассалитете — сюзеренитете развитого типа (вассалитет с получением лена), — а пёстрый комплекс различных частей, иногда находившихся на разных ступенях общественно-экономического развития, причём их связь с главой дофеодалного государства, как общее правило, основана на «вассалитете без лена» или на «ленах, составлявшихся из даней»;

2) в структуре политических органов дофеодалного государства ещё не были изжиты многие черты «союзов племён», в частности остатки так называемой военной демократии;

3) глава дофеодалного государства ещё не стал верховным сюзереном, превратившим всю территорию государства в свой домен. Глава дофеодалного государства являлся главным образом военным вождём. Его административные и судебные функции были ограничены. Долгое время главы дофеодалного государства получали свою власть не по наследству, а в силу избрания;

4) деятельность главы дофеодалного государства направлялась не феодальной курией, а советом, состоявшим из представителей родоплеменной знати и из наиболее близких ему дружинников;

5) в дофеодалном государстве существовали в том или ином виде остатки народных собраний, которые изжиты, как общее правило, уже в феодальном государстве;

6) в местном управлении дофеодалного государства, как общее правило, действует так называемая десятичная система. Десятки, сотни и тысячи с течением времени превращаются в территориальные округа. А десятники, сотни и тысячники из командиров военных подразделений превращаются в местных управителей, обладавших судебными и финансовыми функциями. В феодальном государстве «десятичная система» постепенно изживается. Возникает так называемая дворцово-вотчинная система и система кормления;

7) основную военную силу в дофеодалном государстве составляет не совокупность феодальных ополчений, находившихся под предводительством феодалов, а их дружины и народные ополчения;

8) основным источником доходов главы дофеодалного государства являются не доходы с их доменов и не торговые и судебные пошлины, как у феодальных монархов, а главным образом состояются из дани, которую должны платить им завоёванные и подвластные народы, из военной добычи.

ЦЕЛЬ И НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВЛЯВШЕГОСЯ НЕРОНОМ КАВКАЗСКОГО ПОХОДА

Академик Я. Манандян

Вопрос о цели большой кавказской экспедиции Нерона, подготовившейся в последние годы его царствования, как известно, является предметом спора среди учёных Западной Европы. Утверждения и предположения их по этому вопросу как в прежних трудах, так и в новейших работах, главным образом в статьях Вернера Шура и Андерсона, помещённых в «Клио» и «Кембриджской древней истории»¹, резко противоречивы и во многих пунктах спорны и неприемлемы. В настоящей статье сделана попытка дать этой проблеме новое освещение, основанное на выводах моих последних историко-географических работ².

Десятилетняя парфяно-армянская война против римлян (54 — 63 гг. н. э.) закончилась компромиссным миром, в силу которого под номинальным верховенством Рима утвердилась в Армении парфянская династия Аршакидов. Из сообщений римских источников видно, что после заключения римлянами мира с Парфией правительство Нерона перешло к планомерным мероприятиям, направленным к укреплению римской власти на кавказском побережье Чёрного моря. Одновременно в 64 году н. э. Нерон стал готовиться к большой экспедиции на Восток. В том же году Понтийское царство Полемона II было превращено в римскую провинцию, в состав которой, как известно, входила также вся Колхида до страны союзных Риму гениохов.

Аннексия вассального полемоновского Понта делала римлян полными и непосредственными хозяевами юго-восточного побережья Чёрного моря от Амиза до самых отрогов Кавказского хребта, до Диоскурии — Севастополя и Питиунта. Присоединение этих областей было существенно для Рима, так как означенное побережье Понта имело большое стратегическое значение в качестве питающего тыла и базы для наступательной войны на Востоке.

В новой провинции были усилены римские гарнизоны и проведены дороги военного значения. Приблизительно в это же время, в 66 году, был произведён в Италии набор новобранцев ростом в шесть футов: новый легион был назван «Фалангой Александра Великого». В 67 г. был вызван из Британии для отправки на Восток четырнадцатый легион. Экспедиция, однако, не состоялась. В 68 г. против Нерона восстали преторьянцы; он бежал из Рима и по дороге покончил жизнь самоубийством.

О военных приготовлениях Нерона, начавшихся после римско-парфянских войн, краткие сведения дают Тацит, Светоний, Плиний и Дион Кассий. Они упоминают при этом, что экспедиция предполагалась по направлению к Каспийским теснинам, или воротам.

Сообщения указанных авторов, которым в исторических трудах

¹ См. Shur W. «Die Orientpolitik des Kaisers Nero». «Klio», Beiheft XV, S. 45 ff. Leipzig. 1923; его же, «Zur Neronischen Orientpolitik». «Klio», XX, S. 215 ff. 1925; «The Cambridge Ancient history». Vol. X. 1934, p. 773—780; 880—884.

² См. Манандян Я. «О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья». Ереван. 1944; «О местонахождении Caspiae Via и Caspiae portae» (работа вскоре будет сдана в печать).

даны разноречивые объяснения, привожу в подлинном переводе, подчеркнув в них места, касающиеся цели и направления похода:

«Рим был битком набит необычным войском, увеличившимся также многими отрядами, прибывшими из Германии, Британии и Иллирии. Их именно Нерон набрал и послал вперёд к каспийским теснинам для войны, которую он готовил против албанов quos idem Nero praemissosque ad claustra Caspiarum et bellum, quod in Albanos parabat); но затем он их отозвал обратно, чтобы подавить восстание Виндекса»¹.

«Он (Нерон) готовил экспедицию также к Каспийским воротам, составив новый легион из новобранцев италиков ростом в шесть футов, который он назвал фалангой Александра Великого» (Parabat et ad Caspiae portas expeditionem, conscripta ex Italicis senum pedum tironibus nova legione, quam Magni Alexandri phalanga appellabat)².

«Следует исправить здесь ошибку многих, также и тех, которые недавно вели войну вместе с Корбулоном в Армении. Ибо они называли Каспийскими ворота Иберии, называвшиеся, как мы сказали, Кавказскими. На планах, снятых и присланных оттуда, обозначено это название. Точно так же и подготовляемая императором Нероном экспедиция, которая должна была быть начата, как говорили, по направлению к Каспийским воротам, на самом деле предпринималась по направлению к тем воротам, которые вели через Иберию в сторону сарматов. Всякий же доступ к берегам Каспийского моря почти что закрывали противоположные горы. Существуют, однако, и другие ворота, находящиеся близ территории каспийских племён, но распознать их можно только из рассказов лиц, принимавших участие в походах Александра Великого» (Corrigendus est error in hoc loco multorum, eorum etiam qui in Armenia res proxime cum Corbulone gessere. Namque hi Caspiae appellavere portas; quas Caucasias diximus vocari; situsque depicti et inde missi, hoc nomen inscriptum habent. Et Neronis principis comminatio ad Caspiae portas tendere dicebatur; quum peteret illas, quae per Iberiam in Sarmatas tendunt, vix ullo propter appositos montes aditu ad Caspium mare)³.

«Однако Нерон не поехал на корабле к нему (к парфянскому царю Вологесу), хотя он и сдерживал своё нерасположение по отношению к нему; он, разумеется, не пошёл также против эфиопов и ли же к Каспийским воротам, как раньше намеревался; но видя, что для этого нужны время и труд, он надеялся, что это наладится для него само собой, и послал шпионов в оба места»⁴.

Приведённые свидетельства о цели и направлении кавказского похода Нерона, как видим, настолько туманны и противоречивы, что неудивительно, если западноевропейские учёные не могли прийти к определённому и окончательному решению вопроса. Основываясь на цитированных сообщениях, они, естественно, полагали, что целью большого похода Нерона должно было быть овладение «Каспийскими воротами» (Caspiae portae), называемыми у Тацита «Каспийскими теснинами» (claustra Caspiarum), куда должны были быть двинуты римские войска.

Местонахождение этих теснин первоначально вовсе и не вызывало сомнений. Тацит определённо указывает, что целью подготовлявшейся экспедиции Нерона являлась война против албанов. Поэтому большинство исследователей полагало, что в свидетельстве Тацита речь идёт о Ка-

¹ Тацит «История», I, 6.

² Светоний «Нерон», 19.

³ Плиний «Естественная история», VI, 16, 6. изд. М. Литтре.

⁴ Дион Кассий, 68, 8, I.

спийских теснинах, находившихся в Албании, т. е. о Дербентском проходе.

Однако показания Тацита и Светония о направлении и цели означенного похода, как видно из вышеприведённого третьего свидетельства, были отвергнуты ещё в I веке н. э. Плинием Старшим. Подготавливаемая императором Нероном экспедиция, указывает Плиний, на самом деле предпринималась по направлению к тем воротам, которые вели через Иберию в сторону сарматов.

Показание Плиния находится в явном противоречии с показанием Тацита: ведь если экспедиция Нерона предполагалась через Иберию в сторону сарматов, то она, конечно, не могла быть направлена против албанов.

Моммзен, который считал достоверным показание Плиния, желая устранить противоречие, пытался дать вышеприведённым свидетельствам новое объяснение. «Целью экспедиции Нерона, — говорит он, — считали как Тацит, так и Светоний, Каспийские ворота, т. е. Кавказский проход, лежавший между Тифлисом и Владикавказом около Дарьяла, и закрытый, по преданию, Александром железными воротами. Ввиду как этого местоположения прохода, так и всего плана экспедиции последняя не могла быть, конечно, направлена против албанов, живших у западного берега Каспийского моря»¹.

По мнению Моммзена, в вышеприведённом свидетельстве Тацита, как и в его «Анналах» (II, 68), *Albanos* следует исправить и читать *Alanos*, и поэтому он считал возможным заключить, что приготовления Нерона имели задачей овладение Дарьяльским проходом и разгром аланов, живших близ северных его склонов².

Предложенная Моммзеном поправка *Alanos* вместо *Albanos* в настоящее время считается приемлемой почти всеми учёными. Неправильное чтение в рукописях Тацита *in Albanos* вместо *in Alanos*, как указывает также и Андерсон, объясняется тем, что аланы, имя которых не было известно римлянам до 64—65 гг. н. э., во время Тацита легко смешивались с албанами, которых римляне хорошо знали со времён Помпея.

Впервые аланы, отмечает Андерсон, упоминаются в 64—65 гг. у Лукана³.

Изложенная концепция Моммзена, как известно, является господствующей в исторической науке⁴. Целью экспедиции Нерона, как указывалось и в других трудах, были война с аланами и установление контроля над Дарьяльским проходом.

Необходимо, однако, заметить, что против этой точки зрения выступил германский историк Вернер Шур, который пытался обосновать свои возражения детальной аргументацией.

В своих монографиях, помещённых в «Клио»⁵ и посвящённых подробному изучению восточной политики императора Нерона, Шур, соглашаясь с Моммзеном, считает правильным не показание Плиния, а сообщение Тацита. По мнению Шура, поход Нерона являлся карательной экспедицией против восставшей Албании и имел кроме того задачей, во-первых, охват Аршакидской Армении с севера полузависимым от Рима государством, во-вторых, установление близкого соседства

¹ Mommsen «Römische Geschichte». Bd. V, S. 394. Anmerkung I. Berlin. 1886.

² Ibidem, S. 393—394.

³ «De bello civ.» VIII, 223; X, 454; см. «Cambridge Ancient history». Vol. X. 1934, p. 777.

⁴ Chapot V. «La frontière de l'Euphrate», p. 36. Paris. 1917; Anderson J. в «Cambridge Ancient history». Vol. X, p. 777; Ростовцев М. «Эллинизм и иранство из юге России», стр. 157 и сл. Петроград. 1918.

⁵ «Klio», XV. 1923; XX, 1925.

с союзной Гирканией и, в-третьих, развитие торговых сношений с Бактрией через Каспийское море¹. В доказательство этих положений Шур приводит ряд своих соображений об общем направлении внешней и экономической политики правительства Нерона.

Римская гегемония была установлена в Албании, указывает Шур, впервые Помпеем в 65 году до н. э., а затем — наместником Антония — Публием Канидием Крассом в 37—36 г. до н. э. В 35 г. н. э., говорит он, во время захвата Армянского царства ставленником Рима, братом иберского царя Фарасмана — Митридатом, — в кровопролитном сражении против парфян участвовали, кроме иберов, также и союзные албаны. Однако в середине 50-х годов, когда римское влияние в Армении пошатнулось и Армения вновь оказалась в руках парфян, албаны, как полагает Шур, отложились от Рима.

Это видно, по его мнению, из свидетельства Тацита², в котором сказано, что после победы около Арташата в 58 г. н. э. разведчики доложили Корбулону, что Тиридат I бежал и, вероятно, нашёл убежище в далёкой Албании. Понятно, что эта аргументация Шура, приведённая в доказательство разрыва албанов с Римом и основанная на косвенном и спорном указании Тацита, малоубедительна.

Подчинение Албании, указывает Шур, было необходимо не только для восстановления авторитета Рима, но также и в видах внешнеполитических замыслов правительства Нерона. Надо кроме того принять во внимание, указывает Шур, что поход Нерона против албанов и продвижение в сторону Каспийского моря давали возможность Риму установить непосредственную связь с отложившейся от Парфии Гирканией, которая ещё в 58 г. н. э. отправила посольство в Рим с предложением союза³. Хотя в первоисточниках нет сведений о заключении этого союза, тем не менее Шур не сомневался, что союз этот, выгодный для обеих сторон, был тогда заключён.

Наиболее же убедительным доказательством цели подготовлявшегося похода Шур считает торгово-экономические устремления восточной политики Нерона. Он подробно останавливается в своих монографиях на сообщениях древних источников о крупном значении для римской внешней торговли мирового транзитного пути через Гирканию к Каспийскому морю. Как известно, об этом пути дают сведения Страбон⁴ и Плиний⁵. Последний, ссылаясь на римского писателя Варрона, сообщает, что «при Помпее было установлено обследование, что в течение семи дней прибывают из Индии в Бактрию, к реке Икару (Бактру), которая вливается в Окс; отсюда индийские товары перевозят через Каспийское море вверх по реке Куре, и по суше самое большее в пять дней они могут прибыть к реке Фасису, которая впадает в Чёрное море»⁶.

Ссылаясь на эти сведения, Шур утверждает, что Нерон, предполагавший покорить Албанию, намеревался овладеть Каспийско-Черноморским путём и обеспечить беспрепятственную доставку товаров из Индии и Китая на римские рынки.

На крупное торговое значение Каспийско-Черноморского пути указывал недавно также и американский учёный Magie, который полагает, что римская политика, направленная к утверждению римского господства в Армении, Иберии и Албании, преследовала цель сохранить контроль над северным транзитным путём через Каспийское море, которым в 65 году до н. э. овладел Помпей⁷.

¹ Shur W. «Die Orientpolitik des kaisers Nero». «Klio», XV, 1923.

² Тацит «Анналы», XIII, 41.

³ Тацит «Анналы», XIV, 25.

⁴ Страбон, XI, 7, 3.

⁵ Плиний, VI, 52.

⁶ Плиний, VI, 19, 2 (=VI, 52), изд. М. Литтре. Париж. 1883.

⁷ Magie D. «Roman policy in Armenia and Transcaucasia». «Annual report of American historical Association for 1919». Vol. I. p. 302. 1923.

В своём подробном исследовании¹ я уже отмечал, что торговое и транзитное значение вышеуказанного пути в исторических трудах сильно преувеличено. Против предположений западноевропейских учёных, переоценивающих роль и значение этой дороги, в моём исследовании приведены возражения русских учёных, главным образом академика Бартольда. Сведения Аристабула у Страбона и Варрона у Плиния, положенные в основу предположений западноевропейских учёных, опровергаются, по мнению Бартольда, более ценными свидетельствами Теофана Митиленского, который сопровождал Помпея в походах и был с ним в Албании. По сообщению Теофана, население Албании совершенно не нуждалось в море и не принимало никаких мер против засорения устья реки Куры². Теофан сообщает также, что по Каспийскому морю не может быть плавания и оно не приносит никакой пользы.

Как видим, точка зрения Шура об экономических мотивах предполагавшейся экспедиции малообоснованна и неубедительна.

Необходимо заметить, что в последнее время также и английский учёный Андерсон, не соглашаясь с выводами Шура, указывал, что Каспийско-Черноморский путь не мог играть значительной роли в международной торговле³. Против предложения Шура о дербентском направлении подготовлявшейся экспедиции Нерона Андерсон приводил и другое соображение. Почему, спрашивает он, целью этой экспедиции против албанов должно было быть овладение Дербентским проходом, находившимся на крайнем севере территории Албании, около Сарматии? По его мнению, такое направление предполагаемого похода совершенно непонятно, так как Рим мог подчинить своей власти албанов, разбив их в равнинной Албании, южнее Кавказских гор.

Изложенные соображения Андерсона убедительны и вески. Можно к этому ещё прибавить, что после неудачи политики Рима в Армении и тяжёлого поражения Пета (в 62 г. н. э.) дальняя и рискованная экспедиция в сторону каспийского побережья около Сарматии едва ли вероятна. Следует учесть также, что Дербентский проход находился на расстоянии около 1200 км от основных баз римского наступления, Каппадокии и Понта. Римское войско, намеревавшееся вторгнуться в Албанию, могло пройти это расстояние в течение 48—60 дней, считая в среднем в день пути в горных районах Закавказья 20—25 км. Поэтому и с этой точки зрения поход в этом направлении, трудно осуществимый, может породить сомнение.

Учитывая все эти возражения, нетрудно заключить, что рассмотренная нами концепция Шура, как не опирающаяся на источники и малообоснованная, шатка и не может быть признана правильной.

Перейдём к рассмотрению господствующей точки зрения на этот вопрос. Преобладающее большинство исследователей, придерживаясь мнения Моммзена, как мы видели, полагает, что подготовлявшаяся кавказская экспедиция Нерона должна была быть предпринята не против албанов в сторону Дербентского прохода, а против аланов по направлению к Дарьяльскому ущелью. Именно это ущелье, утверждают они, названо у Тацита Каспийскими теснинами, у Светония — Каспийскими воротами, а у Плиния — Кавказскими воротами.

Выше мы отметили, что поход Нерона предполагался действительно не против албанов, а против аланов, как правильно указывает Моммзен. Однако направление предполагаемого наступления Нерона, как увидим

¹ Манандян Я. «О торговле и городах Армении», стр. 42—49. Ереван, 1930.

² Бартольд В. «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира», стр. 11—12. Баку, 1925; его же «Арабские известия о русах». «Советское востоковедение». Кн. 1-я за 1940 г., стр. 16.

³ См. «Cambridge Ancient history». Vol. X. 1934, p. 884.

ниже, устанавливается, на основании моих историко-географических исследований, не в сторону Дарьяльского ущелья, как ошибочно предполагал Плиний, а вдоль Мэотидско-Колхидской дороги, военное значение которой было подробно отмечено в моей монографии¹.

При рассмотрении этого вопроса необходимо остановиться на разборе некоторых спорных положений вышеприведённой концепции Моммзена, которые, к сожалению, не были замечены учёными и ускользнули также от внимания Андерсона и Омо, сотрудников «Кембриджской древней истории» и «Всеобщей истории» Глюца.

Моммзен полагает, что кочевники Кавказа, участвовавшие в качестве наёмного войска в войне 35 года н. э., во время этой войны имели возможность ознакомиться с дорогой в Армению и будто они начали угрожать как парфянским областям, так и восточным границам Римской империи. Вероятно, чтобы защитить себя от них, указывает Моммзен, тотчас же после армяно-парфянской войны против Рима (54—63 гг. н. э.) было сделано распоряжение о присоединении полемоновского Понта вместе с Трапезунтом и Колхидой и превращении его в провинцию. По словам Моммзена, большая восточная экспедиция, которую подготовлял император Нерон, имела, собственно, целью овладение Кавказскими воротами севернее Тбилиси и разгром скифских племён, прежде всего сарматских аланов, производивших набеги на Армению и Мидию². Эта экспедиция была бы, следовательно, направлена не против парфян, а скорее в помощь им. По отношению к диким ордам севера, пишет Моммзен, общая защита была необходима для обоих культурных государств Запада и Востока.

Приблизительно в этом же смысле высказываются и другие учёные, разделяющие мнение Моммзена. Омо пишет, что Нерон «желал обеспечить Риму свободное распоряжение Кавказским (т. е. Дарьяльским) ущельем»³. Андерсон также полагает, что целью похода Нерона были Каспийские ворота, под которыми подразумевался Дарьяльский проход⁴. Отголоски концепции Моммзена можно проследить и в советской исторической литературе. Например Амиранашвили пишет: «Таким образом, целью экспедиции Нерона являлась война с Албанией и установление контроля над Дарьяльским проходом»⁵.

В приведённой предшествующей концепции вызывает сомнение прежде всего указанная Моммзеном причина похода против аланов. Утверждение его, что аланы ещё до предполагаемой экспедиции Нерона вторгались через Дарьяльский проход и Армению в пределы Парфии и Рима, не основано на данных источников и едва ли правильно. Правда, первое вторжение аланов в Армению имело место в 35 г. н. э., но, как известно, они проникли тогда в Закавказье для соединения с союзными иберами и были вовлечены в войну с Парфией самим же Гимом. После этого ни при преемниках Тиберия, ни при самом Нероне о нашествиях аланов через Армению на владения Рима — Каппадокию и Малую Армению — в источниках указаний нет.

Вызывает сомнение кроме того положение Моммзена и сторонников его концепции также и о том, будто ближайшей целью подготовляемого похода Нерона было овладение Каспийскими воротами, т. е. Дарьяльским проходом, установление контроля над ним. Этот горный проход, как нам известно из свидетельств античных источников, в то время фактически находился в руках союзных Риму иберов. Поэтому

¹ Манандян Я. «О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья», стр. 43—45, 51—53, 59—60, 65—67.

² Mommsen Th. «Römische Geschichte». Bd. V, S. 393—394. Berlin. 1886.

³ Homo L. «Histoire générale de Glotz». Histoire Romaine. Vol. III. Le Haut Empire, p. 300. Paris. 1933.

⁴ Амиранашвили А. «Иберия и римская экспансия в Азии». «Вестник древней истории». Т. IV, стр. 171. М. 1938.

⁵ «Cambridge Ancient History». Vol. X, p. 777. 1934.

совершенно непонятно, почему Нерон ставил своей целью захват Дарьяльского прохода, находившегося под властью зависимого и дружественного иберского царя.

В концепции Моммзена, как видим, нет достаточной ясности и в этом вопросе. Поэтому нетрудно заключить, что относительно цели и направления кавказского похода Нерона спорна и шатка и эта господствующая точка зрения.

При всей ограниченности имеющихся источников и неясности плана кавказской экспедиции Нерона, мне кажется, можно считать более чем вероятным, что поход этот, как правильно указывают Гандерсон и другие исследователи, имел ближайшее отношение к черноморской политике Рима, и задачей его было прочное овладение восточным Причерноморьем¹.

Следует отметить, что ведущая роль в изучении истории Причерноморья римской эпохи, принадлежавшая издавна русским учёным, принадлежит и теперь советским историкам, опубликовавшим в последнее время ряд статей на эту тему в «Вестнике древней истории». В этих статьях подробно рассматривается начавшееся на востоке брожение враждебных рабовладельческому Риму скифских и сарматских племён, которые начиная с I века н. э. в течение ряда столетий вели ожесточённую борьбу против империи. Столкновения римлян с этими народами приняли упорный характер ещё при Августе (31 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Как известно, Рим в это время стал твёрдой ногой на Дунае, и здесь образовались тогда новые римские провинции.

После того при Клавдии (42—54 гг. н. э.) и Нероне (54—68 гг. н. э.) Рим проводил политику дальнейшего расширения границ империи на восток. Мезия (нынешняя Румыния) стала при них главным плацдармом для борьбы на юге России со скифскими и сарматскими племенами. В 45 г. н. э. императором Клавдием был назначен царём Боспора Котис I, получивший для своего воцарения военную помощь со стороны Рима. Тогда именно впервые несколько римских когорт разместились в городах Боспора в качестве постоянных гарнизонов².

Исключительной смелости достигла римская политика в северном Причерноморье при преемнике Клавдия, императоре Нероне. Походы Плавтия Сильвана на северное побережье Понта (62—63 гг. н. э.), тесно связанные с военными действиями Домиция Корбулона и Цезенния Пета в Армении, повидимому, должны были положить конец самостоятельности Боспорского царства и сделать римлян полными хозяевами северного Причерноморья.

Нетрудно, однако, усмотреть, что овладение северным побережьем Понта было лишь частью широко задуманного плана правительства Нерона. Ведь почти одновременно с аннексией Боспора в 64 г. н. э. происходит превращение в римскую провинцию также и Понтийского царства Полемона. Поэтому совершенно очевидно, что правительство Нерона проводило на Востоке планомерную политику, целью которой было прочное овладение Чёрным морем, не только южным и западным его побережьями, но и побережьями северным и восточным. В результате осуществления этой политики Понт, как известно, стал действительно внутренним римским морем.

Нетрудно убедиться, что именно с этой же черноморской политикой тесно связан и план кавказской экспедиции Нерона. Надо принять во внимание, что после оккупации римлянами кавказского побережья Чёрного моря новым римским областям грозила постоянная опасность со

¹ Henderson B. «The life and principate of emperor Neron», p. 226. London, 1903; Таублер Е. «Zur Geschichte der Alanen». «Klio», Bd. IX, 1909. S. 14 ff.

² Дьяков В. «Пути римского проникновения в северное Причерноморье», «Вестник древней истории» № 3—4 за 1940 г., стр. 76.

стороны сарматских племён, главным образом сарматских аланов. Необходимо было обезвредить их и преградить им доступ к восточному Черноморью. И нетрудно, конечно, догадаться, что именно этим и объясняется подготовка Нерона к вышеуказанной экспедиции.

Предлагаемое мною разъяснение значительно отличается от вышеприведённых концепций Моммзена и Вернера Шура. По всей видимости, ни к Дербентскому проходу, ни к Дарьяльскому ущелью, о чём упоминает Плиний, подготовляемая экспедиция Нерона не имела никакого отношения. Путь этой экспедиции следует предположить не через означенные проходы, как полагают западноевропейские учёные, а, как было указано выше, по мэотидско-колхидской магистрали, выдающаяся роль которой совершенно игнорируется в исторической литературе.

Прежде всего важно отметить, что никто из учёных не обратил внимания на любопытные указания об означенной экспедиции вышеприведённого сообщения Тацита. Ведь в свидетельстве Тацита сказано, что Нерон, перед тем как начать свой кавказский поход, послал часть войска вперёд, к Каспийским теснинам (*quos idem praemissosque ad claustra Caspiarum*). Это сведение, если мы его правильно понимаем, исключительно важно. Оно даёт основание догадываться, что Каспийские теснины являлись сборным местом и лагерной стоянкой римских войск и что экспедиция должна была быть начата оттуда. А если это так, то можно предположить, что исходным пунктом для подготовляемой экспедиции были указанные в моём исследовании «О местонахождении *Caspia via* и *Caspiae portae*» теснины у *Caspiae*, через которые пролегла южная часть мэотидско-колхидской магистрали и близ которых, как было установлено в моих же прежних работах¹, находились места зимней стоянки войск Помпея в 66—65 и 65—64 гг. до нашей эры.

Но и независимо от этого соображения, мне кажется, можно, не колеблясь, утверждать, что вышеозначенные *claustra Caspiarum* Тацита² и *Caspiae portae* Светония³, как и пролежавшая около них дорога, тождественны с *Caspia via* Тацита⁴ и *Caspiae portae* Иосифа Флавия⁵, находившихся, как мною было подробно выяснено⁶, в области Каспии, или Каспиаде, в районе нынешней Хоспии и города Ахалкалаки. Особенно важно и любопытно, что при сопоставлении *claustra Caspiarum* свидетельства Тацита с теснинами, находившимися близ станционного пункта *Caspiae* таблиц Певтингера, подготовляемая кавказская экспедиция Нерона, как и предполагаемый путь его похода, получают совершенно новое и приемлемое объяснение.

Для выяснения направления дальнейшего пути этого похода из сборного пункта *Caspiae*, находившегося в районе нынешнего Ахалкалаки, имеют существенное значение мои указания в вышеупомянутой работе «О местонахождении *Caspia via* и *Caspiae portae*» на местоположение страны аланов в I в. нашей эры. Основываясь на свидетельстве Тацита⁷, я уже отмечал в этой работе, что аланы жили в то время рядом с гениохами и занимали, повидимому, также некоторые районы Колхиды. Аналогичное сведение имеется о них и в космографии анонимного географа из Равенны, в которой *alani* и *patria alaporum* упоминаются к северу от абазгов⁸.

¹ Манандян Я. «Круговой путь Помпея в Закавказье». «Вестник древней истории» № 4 за 1939 г., стр. 74, 80—81; его же «Тигран Второй и Рим», стр. 199, 206. Ереван. 1943.

² Тацит «История», I, 6.

³ Светоний «Неро», 19.

⁴ Тацит «Анналы», VI, 33.

⁵ Флавий Иосиф «Archaeologia», XVIII, 4, 4.

⁶ См. Манандян Я. «О местонахождении *Caspia via* и *Caspiae portae*».

⁷ Тацит «Анналы», II, 68.

⁸ Miller K. «Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana», S. 620. Stuttgart. 1916.

Таким образом, имея в виду приведённые показания древних источников о местожительстве аланов, направление дальнейшего пути предполагаемого похода Нерона можно предположить из района *claustra Caspiana* близ Ахалкалаки. через нынешние Ахалцых и Абастуман в древнюю Колхиду, а оттуда в Северный Кавказ. Этот военный и торговый путь, подробно описанный в римской географической карте, известной под названием таблиц Певтингера, рассмотрен и выяснен в моих историко-географических трудах¹.

Из Колхиды на север войско Нерона, повидимому, должно было идти по тому древнему пути, по которому в 65 г. до н. э. прошёл со своим войском Митридат Евпатор. Преследуя его, Помпей, как известно, дошёл до Фесиса—Поти, — но не решился углубиться в районы Северного Кавказа и вынужден был отступить.

Вполне возможно, что Нерон, намереваясь осуществить то, что не удалось Помпею, должен был, как и он, продвинуться из Колхиды через Диоскурию в Боспор.

Включение в состав территории Рима всего восточного Причерноморья вплоть до Танаиса было, конечно, крайне важно для прочного установления сплошного римского кольца вокруг Чёрного моря. Надо принять кроме того во внимание, что окончательное освоение восточного Причерноморья имело для римлян исключительное торгово-экономическое значение. Господство Рима над этим побережьем давало им возможность установить контроль над транзитным путём мировой торговли, идущим из Танаиса через Армению и Мидию в Среднюю Азию и Индию.

Этот вопрос о мировом значении Мэотидско-Колхидской дороги, через которую Южная Россия общалась с народами Передней Азии и даже Индии и Китая, впервые был поставлен мною и разъяснён в одной из недавних историко-географических работ². Общепринятое предположение о направлении караванной торговли аорсов и сираков через Дербентский проход, как было установлено в этой работе, не может быть признано правильным. В действительности этот международный путь шёл из Мидии через Артаксату — Арташат в Колхиду и оттуда вдоль восточного побережья Чёрного моря в Мэотиду. Мы видим, таким образом, что экспедиция Нерона, подготовлявшаяся против аланов, в свете вышеизложенных новых данных получает совершенно новое объяснение. Она имела, повидимому, тесную связь с политикой прочного укрепления римского владычества в кавказском Причерноморье и должна была оградить от нападений аланов мэотидско-колхидскую магистраль, имевшую мировое торговое значение.

Как известно, после смерти Нерона политику укрепления Рима на кавказском побережье Чёрного моря планомерно развивала также и династия Флавиев, продолжавшая поддерживать союз с Парфией. При проведении этой политики, как нетрудно заключить, имели существенное значение экономические мотивы. Во втором, переработанном и дополненном издании моей книги «О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времён» будет подробно выяснено, что в результате этой дальновидной политики международная торговля и античные мировые сношения достигли в конце I века н. э. высшего развития.

¹ Манандян Я. «Главные пути древней Армении», стр. 117—137. Ереван. 1936; «О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья», стр. 8—9, 51, 60, 65—67. Ереван. 1944.

² Манандян Я. «О некоторых проблемах», стр. 43, 59—60, 65—67.

ОРДОНАНСЫ 25 ИЮЛЯ 1830 ГОДА И ИХ ПОДГОТОВКА *

Проф. А. Молок

I

1 мая 1830 г. Карл X принимал у себя во дворце Сен-Клу префекта департамента Манш графа д'Эстурмеля. «Я стою за хартию, более чем сами крайние, — лицемерно уверял его король, — но я не вижу в ней ничего такого, что могло бы отнять у меня право выбирать своих министров... Никогда я не допущу этого, меня найдут твёрдым, как скала... Я не отступлю, я распушу палату раз, два раза, если потребуется; я не выйду из рамок легальности, не нарушу законов... но у меня есть 14-я статья»¹.

Эта статья хартии 1814 г., предоставлявшая королю право и единолично, помимо палат, издавать указы (ордонансы), стала настоящей *idée fixe* Карла X. Цеплялись за эту статью и газеты ультрароялистского направления².

Уверенный в успехе армии Бурмона в Алжире, король решил одним ударом покончить с либеральной оппозицией и разогнать непокорную палату, которая 16 марта 221 голосом против 181 приняла адрес, требовавший отставки реакционного министерства князя Полиньяка. 16 мая был опубликован ордонанс, распускавший палату (заседания её прерваны были ещё 19 марта) и назначавший новые выборы в окружных коллегиях на 25 июня и в департаментских коллегиях — на 3 июля. Открытие новой законодательной сессии было намечено на 3 августа.

Вопреки ожиданиям ультрароялистов, выборы принесли решительную победу оппозиции: из 428 вновь избранных депутатов 283 принадлежали ей и только 145 — министерству. Ни вмешательство короля, ни махинации Полиньяка, ни административное давление, ни злоупотребления с избирательными списками и бюллетенями, ни ультрароялистская агитация в печати, ни запугивания, ни подкуп, ни прямое насилие — ничто не смогло помешать торжеству конституционалистов и либералов.

29 июня, когда неблагоприятный для кабинета Полиньяка исход выборов в палату депутатов в основном уже определился, совет министров собрался, чтобы обсудить создавшееся положение. Министр юстиции Шантелоз заявил, что он знает «верное средство» справиться со всеми затруднениями. Средство это заключалось, по его словам, в проведении одного из следующих трёх мероприятий: 1) совершенно приостановить действие конституционного режима и править путём ордонансов до тех пор, пока спокойствие в стране не будет полностью восстановлено и правительство упрочено на монархической основе; 2) объявить недействительным избрание всех депутатов, которые голосовали в своё время

* Сокращённая глава из подготовленной к печати монографии об Июльской революции 1830 года.

¹ «Souvenirs de France et d'Italie dans les années 1830, 1831 et 1832 par le comte Joseph d'Estourmel», p. 1—2. Paris. 1848.

² Любопытно, что в тот же день, 1 мая, «Gazette de France» доказывала, что 14-я статья хартии есть «истинный оплот» монархии, «последняя надежда, якорь спасения отечества». На следующий день (2 мая) та же газета утверждала, что применение этой статьи — явление, столь же нормальное во французской конституционной жизни, как и приостановка Habeas corpus act'a в конституционной жизни Англии.

за адрес 221; 3) распустить новую палату, как только выборы в неё будут закончены, и провести новые выборы по избирательной системе, изменённой таким образом, чтобы она обеспечивала большинство роялистам. Шантелоз добавлял, что проведение предложенных им мер потребует увеличения гарнизонов Парижа, Лиона, Бордо и Руана до 20—30 тысяч человек в каждом и объявления этих четырёх крупнейших гордцов страны на осадном положении¹.

Предложение, внесённое министром юстиции, подверглось длительному обсуждению. При этом выяснилось полное единодушие всего кабинета по вопросу о допустимости принятия королём любых чрезвычайных мер, не предусмотренных существующими законами, но признанных им необходимыми «для спасения государства от неминуемой опасности». Допустимость принятия подобных мер мотивировалась ссылкой на 14-ю статью хартии, устанавливавшую, что король, как «верховный глава государства», «издаёт регламенты (распоряжения) и ордонансы (указы), необходимые для исполнения законов и для безопасности государства». То, что статья эта санкционировала лишь издание таких ордонансов, которые не противоречат действующим законам, не смущало министров, толковавших её по-своему. Один только министр народного просвещения, граф де Гернон-Ранвиль, возражал против роспуска палаты до того, как она откроет свои заседания, до того как выяснится её действительная гражданственность правительству. Если всё же предложение Шантелоза было отклонено, то единственно потому, что, как выразился министр внутренних дел граф Пейронне, «момент ещё не настал для принятия таких крайних мер». Ведь выборы ещё не были закончены.

4 июля 1830 г. Полиньяк и трое других министров, испуганные ходом выборов, предвещавшим победу оппозиции, заикнулись было об отставке, но Карл X категорически заявил, что не примет их отставки, так как она означала бы уступку оппозиции.

6 июля министр внутренних дел доложил на заседании кабинета выяснившиеся к тому времени результаты выборов. Министр должен был признать, что правительству нечего рассчитывать на большинство в новой палате. На вопрос других министров, что же в таком случае следует предпринять, Пейронне отвечал, что придётся прибегнуть к мерам чрезвычайного порядка. Он огласил составленный им проект созыва королём особого собрания, под именем «Большого совета Франции» (*Grand conseil de France*) в составе некоторого числа пэров, депутатов, высших судебных и административных чиновников, членов генеральных советов департаментов; председательство в этом совете предназначалось герцогу Ангулемскому. Новый орган власти, по мысли Пейронне, должен был помочь правительству преодолеть все стоящие на его пути препятствия. Князь Полиньяк и барон д'Оссэ горячо поддержали проект министра внутренних дел. Остальные министры высказались против этого плана. Они указывали на то, что подобное собрание — «бледная копия собрания нотаблей 1788 г.» — не будет иметь никакого политического веса, ни малейшего авторитета в глазах населения и лишь осложнит и без того трудное положение правительства. Пейронне согласился с этими возражениями, и созыв «Большого совета Франции» был отвергнут². Отвергнуто было также сходное предложение — заменить палату депутатов «собранием нотаблей», составленным из крупнейших собственников, из лиц, платящих наивысший подоходный налог.

Отвергнув оба эти проекта как несостоятельные, совет занялся рассмотрением нового предложения министра внутренних дел, которое предусматривало роспуск палаты, а также издание ордонансов об изменении избирательного закона и закона о печати. Изменение этих двух законов

² «Journal d'un ministre. Oeuvre posthume du comte de Guernon-Ranville», p. 124—125. Caen. 1873.

³ Ibidem, p. 130—131.

в сторону их сужения намечено было кабинетом Полиньяка ещё до роспуска предыдущей палаты и должно было быть проведено обычным, парламентским путём: в тот момент в правительственных кругах ещё существовала надежда на то, что новые выборы принесут поражение оппозиции. Надежда эта не оправдалась, но министерство не хотело отказываться от проведения двух мероприятий, в которых вся партия ультрароялистов видела единственный способ спасти легитимную монархию и династию Бурбонов. Однако рассчитывать на проведение этих мероприятий через палату уже не приходилось.

Что касается роспуска палаты, в случае неблагоприятного для правительства результата новых выборов, то подобный шаг был предусмотрен правительством ещё 17 мая. И всё же предложение Пейронне вызвало ряд возражений. Гернон-Ранвиль заявил, что было бы благоразумнее подождать возвращения армии из Алжира и не прибегать к чрезвычайным мерам до тех пор, пока вновь избранная палата не откажет правительству в утверждении бюджета. Полиньяк и Пейронне отвечали, что договориться с палатой не удастся. Совет разошёлся, не приняв окончательного решения по этому вопросу.

Оно было принято на следующий день, 7 июля, в присутствии короля. После того как министры в один голос высказались за принятие чрезвычайных мер, за издание внепарламентских указов, Полиньяк добавил, что момент для этого настал и медлить больше нельзя. Он сослался при этом на полицейские донесения, сообщавшие о тайных собраниях в Париже, на которых обсуждались будто бы планы революционного выступления. «Дух революции никогда не оставлял некоторую часть населения, — заявил Карл X. — Он представлен в палате депутатами левой. Они делают вид, что не хотят только вас, господа; на деле, они не хотят самой монархии. Мне говорят: отставьте ваших министров, и мы договоримся с вами. Но я не отставляю вас, во-первых, потому, что я вас уважаю и люблю, во-вторых, потому, что, если я уступлю этому требованию, они поступят со мною так, как они поступили с моим несчастным братом (Людовиком XVI. — А. М.). Первая же его уступка явилась сигналом к его гибели. Я не хочу отступать, как он; у меня в этом отношении достаточно опыта»¹.

Яснее высказаться было трудно. Заседание закончилось тем, что Пейронне было поручено составить текст ордоананса об изменении избирательной системы, а Шантелозу — текст нового ордоананса о печати.

Изменение действующей избирательной системы и действующего законодательства о печати готовилось двором и правительством в тесном союзе с высшим духовенством, с согласия и одобрения римского престола.

В начале или середине июля 1830 г. (точная дата нам неизвестна) парижский архиепископ монсеньёр де-Келен, совместно с главным духовником короля кардиналом де-Латиль и аббатом де-Фрейсину, обратился, с ведома Карла X, к папе Пию VIII с письмом, в котором испрашивал его «благословения» на подобные мероприятия. Письмо это, пересланное в Рим через папского нунция в Париже кардинала Ламбускини, начиналось с просьбы к папе прислать в Алжир своего легата и с заявления о готовности передать римской церкви все африканские земли, которые завоёваны или будут завоёваны французскими войсками. Авторы письма всячески расписывали заботы правительства Карла X с процветания католической церкви. «В течение десяти лет царствования Людовика XVIII, — указывали они, — духовенство получило в виде завещаний не более 12 миллионов франков, а со времени восшествия на престол Карла X, с конца 1824 г. по июнь 1830 г., за эти пять с половиной лет духовенство под покровительством этого монарха приобрело тем же способом 30 миллионов». «Но, — жаловался парижский архиепископ, — благоче-

¹ A. de Vaubelle. Histoire de deux restaurations. T. VII. p. 281.

стивое рвение короля и щедроты верующих встречают постоянное препятствие в виде сопротивления, которое оказывают его правительству своеволие и уклоны периодической печати. Французская церковь считает поэтому необходимым, чтобы общий отец всех верующих голосом своей мудрости побудил Карла X сблизить своеволие прессы».

В своём ответе, составленном его секретарём, кардиналом Альбани, папа призвал французского короля «остановить, наконец, решительными мерами разрушительный поток, грозящий поглотить государство, церковь, монарха и монархию»¹.

II

9 июля в Париже было получено известие о падении Алжира, занятого войсками генерала Бурмона утром 5-го числа.

Этот успех французского оружия был отпразднован правительством торжественным богослужением в соборе Парижской богородицы, состоявшимся 11 июля. Торжество это было использовано для нового вызова по адресу оппозиции. «Трёх недель, — заявлял в своём послании к верующим парижский архиепископ, — оказалось достаточным, чтобы привести к унижению и обессилить, как ребёнка, этого мусульманина (алжирского бея Гуссейна. — А. М.), ещё недавно столь гордого. Да будет так повсюду и всегда со всеми врагами нашего господина и короля. Да будут так раздавлены все те, кто осмеливается восставать против него!»².

Такие же пожелания, полные намёков на злобу дня, архиепископ высказал и самому Карлу X, встречая его на паперти собора. И словно для того, чтобы рассеять последние сомнения верующих насчёт скрытого смысла этих «пастырских» слов, в тот же день, 11 июля, один из близких к министерству органов печати оповещал своих читателей о том, что «закон, возвративший в палату 221 депутата, будет изменён ещё до истечения трёх месяцев, на основе закона или, в случае надобности, ордонанса, палатой или королём»³.

«Газет де Франс», расписывая ликование народных масс по случаю взятия Алжира, демагогически противопоставляла «верный» монархии народ восстающим против неё либералам. Злобно клеветнические выпады по адресу либералов сочетались в этой статье с насмешками над их «пугливостью», над тем, что они якобы бледнеют от слов архиепископа и приходят в ужас от «невинной демонстрации нескольких сот рабочих»⁴.

Шум, поднятый реакционной печатью вокруг этой, организованной полицией, манифестации «преданности» трудящихся Парижа династии и правительству, должен был, по замыслу ультрароялистов, облегчить подготовлявшееся ими открытое нарушение действующей конституции.

Изданию соответствующих указов предшествовала длительная пропаганда их в органах реакционной печати. Редакция «Газет де Франс» открыто мотивировала необходимость изменения действующей избирательной системы классовыми соображениями — ссылкой на то, что эта система не обеспечивает господствующего положения крупной земельной аристократии. «Средняя собственность делается республиканской и борется против крупной, стоящей за монархию» — так расценивал орган аббата Женуда социальный смысл июньско-июльских выборов. Избирательная система, которая «вооружает средний класс населения против класса — носителя богатств и почестей», — поощряет средних землевладельцев и промышленников и создаёт в палате «численное большинство», не соответствующее «реальному большинству», должна быть заменена другою. Таков вывод, к которому приходила редакция «Газет

¹ Sarrut G. et Saint-Edme A. Biographie des hommes du jour. T. III, 1-^{re} partie, p. 323—324. Paris. 1837, — биография de Quelen (Разрядка моя. — А. М.). Переписка эта была опубликована уже после Июльской революции.

² «La Gazette de France», 12 juillet. 1830.

³ Vaulabelle A. Op. cit. T. VII, p. 275.

⁴ «La Gazette de France», 15 juillet 1830 (статья «Terreurs des libéraux»).

де Франс»¹. Надо ли доказывать, что «численное большинство», завоеванное буржуазной оппозицией на этих выборах, подтверждало, что соотношение сил в стране складывалось явно не в пользу помещичьей аристократии?

В каком же направлении должна быть изменена избирательная система? На этот счёт ультрароялисты не были вполне единодушны. Но, расходясь в частности, они сходились в одном — в стремлении к усилению власти короля за счёт прав палаты депутатов и к обеспечению политического преобладания землевладельческого дворянства за счёт влияния торгово-промышленной буржуазии. Возражая либералам, ссылавшимся на пример Англии как страны либеральных свобод, один из читателей «Газет де Франс» доказывал, что английская избирательная система гораздо менее демократична, чем французская; и в подтверждение своих слов приводил таблицу, из которой явствовало, что только 171 из 658 членов палаты общин выбирается населением, а остальные фактически назначаются короной, пэрами и владельцами так называемых «гнилых местечек»².

Не предлагая воспроизводить во Франции английские избирательные порядки, «Газет де Франс» считала, однако, необходимым придать французской избирательной системе более аристократический характер. Вместе с тем она требовала отмены тайного голосования, как якобы «противоречащего морали и здоровой политике», как опасного оружия в руках противников «общественного порядка и законной власти»³.

Та же газета все свои надежды возлагала на палату пэров, как на барьер против демократии⁴.

«Палата пэров, — писала со своей стороны газета «Котидьен», — это чисто королевское учреждение, учреждение, всё существование которого зависит от существования монархии». Палата пэров, представляющая собой «цвет общества», собрание людей, которым всё, начиная с их возраста и кончая их социальным положением, диктует политическую умеренность, имеет неизмеримо большее значение в монархии, нежели палата депутатов, выражающая «волю 80 тысяч избирателей», единственной гарантией благонамеренности которых является «уплата налога или патента». Союз короля и пэров — «двух органов власти, которые хотят всё сохранить», — против органа власти, который ставит своей целью «всё уничтожить», выйдет победителем из борьбы против возможного «демократического большинства» новой палаты. Вывод: палата пэров не должна замыкаться в роли «бесстрастного свидетеля» борьбы монархии с приверженцами «мятежной демократии»⁵.

Как далеко заходили в этот момент планы дворянской контрреволюции, можно судить по брошюре известного реакционного публициста, советника парижской судебной палаты Шарля Коттю, вышедшей в июне или начале июля 1830 г. под заглавием «Об обязанностях короля по отношению к монархии»⁶. Коттю выдвигал здесь проект нового избирательного закона, согласно которому из 650 членов палаты депутатов 550 мест должны были принадлежать крупным поземельным собственникам, 32 — судейским чиновникам, 26 — представителям высшей школы, 42 — представителям торговых кругов. Депутаты судейского звания должны были выбираться кассационной, счётной и судебной палатами, депутаты от

¹ La Gazette de France, 21 juillet 1830.

² «La Gazette de France», 18 juillet 1830.

³ Ibidem, 25 juillet 1830 («Du vote secret»).

⁴ Ibidem, 25 juillet 1830 («La pairie est-elle possible dans le système de la majorité élective?»).

⁵ «La Quotidienne», 18 juillet 1830 (La Chambre des paires).

⁶ Cottu Ch. Du devoir du roi envers la royauté. Paris. 1830. Аналогичные идеи Коттю развивал в 1828 г. в брошюре «О средствах установления гармонии между хартией и королевской властью» («Des moyens de mettre la charte en harmonie avec la royauté»).

университетов — академическими кругами, депутаты от торговых кругов — торговцами и купцами. Что касается 550 депутатов-землевладельцев, то они должны были выбираться «наследственными избирателями», назначенными королём из числа владельцев майоратов, приносящих от 20 до 30 тысяч франков дохода. Такая избирательная система (если тут можно вообще говорить о «выборности») и такой состав палаты депутатов должны были обеспечить полное политическое преобладание крупной землевладельческой аристократии — единственной социальной группе, способной, по мнению Коттю, спасти монархическую Францию от революции и республики. Остаётся добавить, что для скорейшего утверждения государственного бюджета на 1830 г. тот же Коттю проектировал немедленный созыв особой палаты, составленной из высших чиновников и генералов, по назначению правительства. Сопротивление налогоплательщиков взиманию установленных таким образом налогов предполагалось сломить репрессиями административного и финансового порядка.

Проект Коттю встретил большое сочувствие во всём реакционном лагере, вызвал самые одобрительные отзывы в ультрароялистской печати: он отвечал заветному стремлению крайних монархистов восстановить бывшее политическое преобладание земельной аристократии.

Наряду с изменением избирательной системы, ограничением прав палаты депутатов и усилением влияния палаты пэров ультрароялисты требовали ещё и нового ограничения свободы печати. Надо, доказывала газета «Котидьен», вырвать из рук либеральной партии то «страшное оружие», с помощью которого она подчиняет себе общественное мнение и «деспотически господствует на выборах». «Это оружие есть своеволие прессы. Мы заявляем и будем повторять без конца, что ни одно государство не могло бы устоять против этого своеволия, — ни империя, ни республика, ни конституционная монархия»¹.

Аналогичное требование выдвигала редакция «Газет де Франс»: «Без проявления общественного мнения выборы невозможны, — писала она. — Спрашивается, однако, что это за общественное мнение, которое создаётся газетами «Constitutionnel», «Courrier», «National», «Globe», «Debats», «Journal du commerce», «Temps», «Tribune des departements» и пятью—шестью другими листками, изо дня в день распространяющими самую грязную ложь»². Перечисленные здесь газеты являлись главными органами либеральной прессы, уже давно мозолившими глаза реакционерам своим «своеволием».

«Алжир взят, и пиратство не появится больше в Европе», — писала «Котидьен». — Но есть другой вид пиратства в современном обществе, это — моральное пиратство. Люди, стоящие вне всякой цивилизации, бросаются в атаку на все охранительные принципы, на все социальные учреждения, на религию, на монархию, на правительство, на все органы человеческой власти. Это для нас настоящие пираты... Люди эти носят различные имена: их называют философами, конституционалистами, якобинцами, бонапартистами, либералами... Но что бы это ни было, пиратство или якобинство, ничто не помешает нам вести войну с этой разрушительной системой»³.

Так характеризовал орган ультрароялистов создавшееся в стране напряжённое политическое положение. При этом он открыто высказывался за применение силы. В подтверждение своей точки зрения «Котидьен» приводила высказывания ряда государственных деятелей Франции и Англии (Ройе-Коллара, графа Лабурдоннэ, барона Гид де-Невилля, Шатобриана и Эдмунда Бёрка). Смысл всех этих цитат сводился к оправда-

¹ «La Quotidienne», 20 juillet 1830.

² «La Gazette de France», 21 juillet 1830.

³ «La Quotidienne», 22 juillet 1830 (La piraterie libérale).

нию применения силы, которая одна только может спасти монархию, являющуюся «барьером против волн демократии»¹. Ещё более недвусмысленная угроза по адресу либералов содержалась в номере «Котидьен» от 25 июля. Газета заявляла, что, если либеральное большинство новой палаты выступит против министерства и отклонит бюджет, король, «опираясь на преданность огромного большинства своих подданных и своей армии», воспользуется 14-й статьёй хартии для принятия «необходимых мер» к обузданию «дерзости революционеров» и спасению монархии².

В том же номере, возражая газете «Глоб», одобрительно отзывавшейся о действующем избирательном законе, редакция «Котидьен» заявляла, что этот закон плох, и утверждала, что он не обеспечивает действительного выражения воли страны. Общеизвестная близость газеты к правительственным кругам придавала, конечно, особое значение этим словам. Правда, редакция делала вид, что ей неизвестно, как именно поступит министерство, захочет ли оно встретиться лицом к лицу с палатой или даст либералам бой вне палаты. Но, оставляя этот вопрос открытым и отказываясь давать по этому поводу советы правительству, орган ультрароялистской печати предсказывал, что борьба будет решительной и решающей. Презрительно третируя своих противников из лагеря либеральной оппозиции, газета утверждала, что они объаты страхом и будут раздавлены «одним словом, одним единственным словом»³.

III

Как относились к этим контрреволюционным планам и угрозам двора и министерства либералы? Что делала буржуазная оппозиция в этот момент, когда в правительственных кругах заканчивались приготовления к государственному перевороту?

Нельзя сказать, чтобы либералы не сознавали надвигавшейся на них опасности, не замечали усиливавшихся с каждым днём притязаний со стороны реакционеров. Характерна позиция, занятая либералами по отношению к победе, одержанной войсками Бурмона в Алжире. Кто победил в Африке? Этому вопросу редакция газеты «Насьональ» посвятила 13 июля целую статью; в ней доказывалось, что министерство не имеет никаких оснований приписывать себе эту победу, ибо она одержана не правительством, а народом, не людьми «старого режима», а «новым, свободным поколением», армией, воспитанной в традициях войны и побед революции. Таков был вывод редакции «Насьональ». Газета разоблачала происки реакционеров, которые не стеснялись называть либералов «союзниками алжирского бая» и грозили оппозиции близкой расправой⁴.

Между тем слухи о готовящемся государственном перевороте с каждым днём становились всё более настойчивыми. 21 июля «Насьональ» вышла со статьёй Тьера, разоблачавшей намерения правительства ещё до истечения этого месяца распустить палату, аннулировать выборы, изменить избирательную систему и задуть оппозиционную печать. «Что предпримет эта последняя?» — спрашивал Тьер и отвечал: «Она будет сопротивляться, хотя бы её за это и осудили. Она будет всеми силами протестовать против нарушения законов. У неё нет жандармов, но у неё есть мужество, а это такая сила, которую безнаказанно не сломить»⁵.

Через два дня (23 июля) в статье, написанной главным редактором Арманом Каррелем, «Насьональ» разоблачала демагогические приёмы двора и министерства, их попытки опереться в борьбе против либералов

¹ «La Quotidienne», 23 juillet 1830.

² Ibidem, 25 juillet 1830.

³ Ibidem, 26 juillet 1830.

⁴ Carrel A. Oeuvres politiques et littéraires. T. I, p. 121-126. Paris, 1857.

⁵ Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France. T. VIII, p. 527. Paris, 1861.

на народные низы, на рабочих. Газета приводила следующий рассказ, обошедший всю реакционную прессу. Некий угольщик, член депутации от рабочих, явившейся во дворец поздравить Карла X со взятием Алжира, будто бы воскликнул, обращаясь к королю: «Государь, угольщик—хозяин у себя в шахте; послушайте меня, будьте и вы хозяином в своём доме». Указывая на то, с каким удовольствием смакуют этот полуаңекдотический эпизод реакционеры, Арман Каррель, высмеивал их «отчаянный проект» противопоставить трудящиеся массы либеральной буржуазии. То, что удалось сторонникам абсолютизма в Испании, в Португалии, в Неаполе, никогда не удастся, утверждал Каррель, во Франции. Правительству реставрации, за пятнадцать лет своего существования не только ничего не сделавшему для масс, но, наоборот, ещё усилившему их нищету и невежество, не к лицу маска защитника интересов трудящихся. Никогда массы не пойдут за аристократией против «среднего класса», с которым у них столько общих интересов. Свою статью Каррель заканчивал предупреждением по адресу реакционеров, что если народ когда-нибудь восстанет, то удары его обрушатся, как и в 1792—1793 гг., прежде всего на аристократию¹. Но призывала ли редакция «Насьональ» к вооружённому восстанию? Нет, пока она лишь пугала власть имущих возможностью такого.

Правда, газета отстаивала идею народного суверенитета, мотивируя необходимость его тем, что «просвещённая масса французов менее обречена на ошибки, чем король Франции, каким бы добродетельным, просвещённым, свободным от предрассудков он ни был». Но, отдавая предпочтение воле народа перед волей короля, «Насьональ» оговаривалась, что понимает под народом «не чернь в деревянных башмаках и с пикой в руках» (*non la populace en sabots et la pique à la main*), а «образованные, рассудительные и заинтересованные в спокойствии классы» (*les classes éclairées, raisonnables et intéressées à la tranquillité*). И хотя газета «Котидьен» делала из этих рассуждений «Насьональ» вывод, что этот орган либералов защищает «республиканскую теорию», что «он не хочет королевского суверенитета, так как вообще не хочет монархии»²,— позиция «Насьональ» не была в этот момент позицией органа печати, который ориентировался бы на народную революцию. Ибо совершить её без тех, кого этот орган либеральной буржуазии презрительно обзывал «чернью», т. е. без плебейских масс, было, конечно, невозможно.

Ещё более умеренную позицию занимало правое крыло либерально-буржуазной оппозиции. «Журналь де Деба», например, упорно продолжала убаюкивать себя и читателей уверениями в том, что правительство не решится покушаться на хартию и совершить государственный переворот. Ещё 24 июля газета прославляла «мудрость короля», который не дал будто бы увлечь себя на путь нарушения конституции³. 26-го та же газета сообщала, что уже приступлено якобы к рассылке письменных приглашений вновь избранным депутатам прибыть в Париж к открытию парламентской сессии, назначенному на 3 августа. Иронизируя над «хартией Коттю» и рассматривая её просто как продукт больного, экзальтированного ума, газета явно недооценивала значения этой брошюры, являвшейся пробным шаром ультрароялистов⁴.

Более решительным языком говорила редакция «Журналь де Пари», предостерегавшая правительство против применения насильственных мер и предсказывавшая, что нарушение хартии уничтожит присягу, принесённую народом династии Бурбонов.

Но даже та часть либералов, которая считала вероятным нарушение хартии, не принимала пока никаких серьёзных шагов к организации како-

¹ Carrel A. Op. cit. T. I, p. 130—135.

² Цитировано по «La Quotidienne», 21 juillet 1830.

³ «Journal des Débats», 24 juillet 1830.

⁴ Ibidem, 26 juillet 1830.

го-либо отпора. Дело ограничилось несколькими совещаниями, не давшими почти никаких практических результатов. На одном из таких совещаний, состоявшемся 10 июля в доме герцога де Бройль, одного из лидеров конституционалистов-роялистов в палате пэров, обсуждался вопрос, как быть в случае, если правительство, потерпев поражение на выборах, решится на какие-либо чрезвычайные меры вроде роспуска палаты. Решено было отказаться от уплаты налогов, отвергнуть бюджет, сопротивляться всеми легальными средствами. «Но если такое сопротивление окажется недостаточным и правительство прибегнет к силе, что делать тогда?» — спросил один из присутствующих. Ответа на этот вопрос не последовало¹.

Что касается республиканцев, то наиболее активные и боевые элементы этой партии уже давно готовились к вооружённому сопротивлению контрреволюционным планам правительства². Однако газета «Трибюн де департеман», вокруг которой группировались эти элементы, ещё 21 июля отказывалась верить циркулировавшим в Париже слухам о неизбежности и близости государственного переворота. Анализируя поведение аристократической и клерикальной партий, редакция утверждала, что союз с ними погубит монархию, и заявляла, что король должен порвать с ними и «опереться на либералов». А если он поступит иначе? Тогда народ должен «сплотиться вокруг патриотов». «Но дело не дошло ещё до такой крайности», — успокоительно замечала газета, ссылаясь на слабость контрреволюционной партии («новых шуанов») ³. Анализируя проект Коттю о мерах борьбы против тех, кто откажется, в случае нарушения хартии, платить налоги, «Трибюн де департеман» называла его проектом «экспроприации патриотов» и доказывала его полную неосуществимость.

Между тем недовольство политикой Карла X усиливалось с каждым днём. Более активные из либералов, окончательно разуверившись в возможности примирения между правительством и оппозицией, заговорили о неизбежности свержения Бурбонов. Орлеанисты, во главе которых стоял известный банкир Лафитт, держали наготове свой давнишний план, состоявший в том, чтобы в случае победоносного народного восстания против легитимной монархии заменить Карла X герцогом Орлеанским Луи Филиппом, главой младшей линии правящей династии. Последний не стоял в стороне от этих планов и, как говорят, заявил однажды своим друзьям, что ни при каких условиях, что бы ни случилось во Франции, он из неё более не эмигрирует. «В таком случае вы будете королём, — заметил один из близких к нему людей, — ибо, если произойдёт революция, вы можете сделаться только либо эмигрантом либо королём».

Что же предпринимали орлеанисты для осуществления своих планов? Ничего или почти ничего. Они выжидали. Характерный разговор происходил в первой половине июля между Лафиттом и Лафайеттом. Лафайетт, популярнейший в тот момент из вождей оппозиции, находил, что пора прогнать «эту злосчастную фамилию Бурбонов». Лафитт возражал, утверждая, что «время для этого ещё не настало», что он не хочет «брать

¹ Thureau-Dangin P. Le parti libéral sous la Restauration, p. 498. Paris. 1888.

² С этой целью в конце 1829 г. (точная дата не установлена) группа левых республиканцев во главе с бывшими карбонариями — студентом Гюдефруа Кавеньяком и доктором Трела — организовала в Париже тайные революционные комитеты («муниципалитеты»), которые должны были, в случае победоносной революции, взять в свои руки власть в каждом из округов столицы. В начале января 1830 г. другая группа республиканцев во главе с редактором газеты «Трибюн де департеман» Огюстом Фабром организовала тайную «патриотическую ассоциацию», члены которой (преимущественно студенты) запасались оружием и готовились к революции. Более левое крыло республиканцев, группировавшееся вокруг члена палаты депутатов Бойе д'Аржансона, старого демократа, убеждённого сторонника эгалитаризма, и его друга Шарля Теста, представляло собой малочисленную, чисто пропагандистскую группу и стояло в стороне от этих приготовлений.

³ Fabre A. La révolution de 1830 et le véritable parti républicain. T. I, p. 106—114. Paris. 1833.

на себя инициативу» и, наконец, что «массы инертны». Этот последний аргумент Лафитта особенно типичен: буржуазный либерализм всегда прикрывался лживой ссылкой на «пассивность» низов, чтобы оправдать свой страх перед решительными действиями, свою боязнь революции.

Характерны также возражения, выдвинутые Лафиттом против республики, за которую в начале разговора высказывался Лафайетт. «Республика,— заметил банкир,— ах, дорогой генерал, я её люблю, я полюбил её раньше вас, но вы ведь знаете, что для того, чтобы сделать рагу из зайца, нужно иметь этого зайца». «Что вы хотите этим сказать?» «Скажите, где ваши республиканцы?» «Они найдутся, друг мой». «Да, какая-нибудь горстка!» «Вполне достаточная, чтобы утвердить республику». «А чтобы её удержать? Нельзя,— поучал своего собеседника Лафитт,— основать республику с нашими богачами, с нашими честолюбцами, с нашими эгоистами. Мы будем иметь против себя старую и особенно новую знать, духовенство и его паству, банк, торговцев, большую часть буржуазии, рантье и биржу. Все эти люди страшатся возврата к максимуму, конфискации, закона о подозрительных, тюрем, эшафотов 1793 года. Нация, закон и король — вот всё, что возможно. Желать идти дальше — значит вступать на путь, ведущий к пропасти». Лафайетт возражал, что республика, к которой стремятся он и его друзья, отнюдь не будет походить на якобинскую диктатуру 1793—1794 гг., что он решительный противник террора. Лафитт отвечал на это, что установление республики неизбежно приведёт к политике в духе якобинцев. Он добавлял, что европейские правительства не примирятся с новой французской республикой и что она подвергнется такому же нападению извне, какому подверглась первая. Он запугивал Лафайетта перспективой «анархии, беспорядка, банкротства», которые якобы должна принести с собой республика, и уверял, что она неизбежно приведёт к «военной диктатуре».

В конце концов поколебленный Лафайетт сдался и заявил, что отказывается от республики; он сделал это тем охотнее, что в глубине души сам питал тот страх перед нею, который старался вызвать в нём Лафитт. Но кандидатура герцога Орлеанского вызвала со стороны Лафайетта замечание, что «Франция не может отдаться первому встречному», что этот человек «никому не известен», что «он ничего не сделал для страны». «Тем лучше,— отвечал Лафитт. — Да избавит нас бог от великих людей! Если б он одержал победы в Италии и Египте, я бы его не хотел. Нужно, чтобы он не мог ссылаться ни на какие другие права, кроме тех, которые дадим ему мы». «Мы» относилось к верхам буржуазии, к людям вроде банкира Лафитта или помещика Лафайетта. На последнее возражение своего собеседника, что герцог Орлеанский — Бурбон, что он принадлежит к той же династии, что и Карл X, Лафитт отвечал, что «уввы, это правда», но добавлял, что знает герцога уже пятнадцать лет и верит в искренность его либеральных убеждений, хотя и не может полностью за него ручаться.

Разговор двух лидеров либеральной оппозиции закончился тем, что Лафайетт согласился примкнуть к орлеанистам. Собеседники условились, что в случае, если Карл X будет свергнут народным восстанием, они составят вместе с герцогом Орлеанским, с депутатом Дюпоном (де л'Эр) и ещё с одним лицом, которое пока названо не было, «временное правительство»¹.

Тактика умеренного крыла либералов была, таким образом, выработана. Учитывая возможность народного восстания против монархии Бурбонов, вожди буржуазной оппозиции заранее готовились к тому, чтобы вырвать власть из слабеющих рук представителей старой земельной знати, этих обломков феодального прошлого, и самим стать у кормила

¹ «Mémoires de Laffitte» (1767—1844), publiés par Paul Duchon, p. 125—132. Paris. 1932.

правления, оставив массы в состоянии прежнего беспорядка. Не о вооружённой борьбе с реакцией сговаривались между собою банкир Лафитт и генерал Лафайетт; они сговаривались о том, чтобы не дать себя застигнуть врасплох в случае, если массы сами возьмутся за оружие и окажутся победителями. Но, отказываясь от исторической инициативы и предоставляя её другим, более боевым элементам населения, лидеры буржуазного либерализма 1830 года всячески стремились использовать в своих классовых интересах надвигающуюся решительную схватку между старой, аристократической, и новой, демократической, Францией.

Как мало были они расположены к тому, чтобы подать сигнал к революционному отпору контрреволюционным замыслам двора и правительства, показывает тот факт, что через несколько дней после описанной выше беседы Лафитт уехал из Парижа в своё поместье Брейтель. Это было 20 июля. Почти в то же самое время оставил столицу и Лафайетт, уехав в своё поместье Лагранж.

IV

21 июля ордонансы, которых одни ждали с нетерпением, другие со страхом, были представлены Карлу X и получили его одобрение. Оставалось только подписать их и опубликовать. Тщетно предостерегали короля против этого шага многие верные сторонники монархии Бурбонов и во Франции и за границей. Барон Витроль, один из активнейших деятелей первой реставрации, с тревогой указывал министрам на брожение, царившее в народных кварталах Парижа¹. Его не слушали. Другой активный деятель реставрации 1814 г., граф Беньо, открыто говорил, что «монархии грозит такое же кораблекрушение, как и любому фрегату»². «Неужели мы хотим сломать себе шею безумными выходками и крайними мерами?—с беспокойством спрашивал графа Виллеля один из его политических единомышленников, убеждённый ультрароялист. — Неужели мы подложим огонь под Францию? И где, скажите, найдём мы человека, способного исправить всё допущенное зло или хотя бы попытаться это сделать?»³.

Предупреждал короля о рискованности задуманного им шага и такой обычно хорошо осведомлённый человек, как Талейран. «Если дверь, ведущая к государственным переворотам, откроется при нынешнем положении вещей,— писал Карлу X виконт Ларошфуко,— я не могу от вас скрыть, государь, что путь, на который вы вступите, выроет пропасть, которая неизбежно поглотит, быть может надолго, легитимную монархию, а с нею и Францию». Было бы неверно предположить, что Бурбоны могут восстановить абсолютизм и, нарушив хартию, продолжать взимать налоги. «Допустим, что армия, безусловно, верна королю; но останется ли она верна ему, когда ей перестанут платить? Нет. Будет ли она верна ему, когда ей прикажут выступить на поддержку произвола? Это большой вопрос... И что сможет сделать даже вполне преданная армия с 20 миллионами человек, которые, не восставая, откажутся платить налоги?» Рассчитывать на помощь иностранных государств — значит открывать дорогу во Францию врагу, который готовится растерзать её. «Горе государю, который призвал бы его!» — восклицал Ларошфуко, предостерегая против подобных планов придворной партии. Король не должен, по его мнению, ни цепляться за Полиньяка.

¹ Ср. тревожное письмо Ламеннэ к Витролю от 29 июня 1830 г. «Как долго согласятся солдаты убивать своих отцов и братьев в угоду деспотизму?.. Считаете ли вы возможным длительное торжество правительства, если оно окажется на одной стороне, а нация на другой? При нынешнем положении вещей я почти не сомневаюсь в том, что государственный переворот вызовет гражданскую войну» («Correspondance inédite entre Lamennais et le baron de Vitrolles», p. 193. Paris. 1886).

² L. Blanc. Histoire de dix ans. T. I, p. 62.

³ «Mémoires et correspondance du comte de Villèle». T. V, p. 153—154.

ни полностью менять свою политическую систему. Последняя должна быть в основном сохранена, но власть необходимо вручить Виллелю: Таковы были выводы бывшего министра двора¹.

Предостерегающие голоса слышались и из-за границы. Английский король Вильгельм IV через своего посла в Париже Чарльза Стюарта, друга французских реакционеров, предупреждал Карла X о рискованности такого шага, как открытое нарушение хартии. Если Карл X нарушит хартию, которую он обязался соблюдать перед всей Европой, Россия не будет считать себя обязанной оказать ему поддержку, — говорил Николай I французскому послу в Петербурге герцогу Мортемару². О том же говорил французскому правительству русский посол в Париже генерал Пюццо ди Борго. Последний не раз делился своими опасениями с Полиньяком, а 13 июля имел специальный разговор с самим королём по поводу политического положения во Франции.

Меттерних, полностью сочувствовавший планам французских ультра-роялистов и составивший даже специальный мемуар, в котором он рекомендовал Полиньяку создание «высшей цензурной палаты», состоящей из пожизненных членов³, не скрывал своего страха за будущность монархии Бурбонов. «Я очень мрачно смотрю на общее положение вещей, — писал он 5 июня австрийскому послу в Лондоне князю Эстергази. — Г-н де Полиньяк дерзает на многое. Надо надеяться, что он будет иметь успех, но кто может поручиться за это»⁴. «Я беспокоился бы гораздо меньше, если б князь Полиньяк беспокоился больше»⁵, — говорил Меттерних французскому послу в Вене графу Рейневалю.

Ни одно из этих предостережений не было принято во внимание и не смогло поколебать твёрдой решимости двора и министерства покончить одним ударом с либеральной оппозицией. Правительственные круги не сомневались в успехе: ведь уверял же председатель совета министров, что он видел во сне «божью мать», обещавшую ему помощь. Что можно было возразить против такого сильного «аргумента»? К тому же префект полиции Манжен успокоительно заявлял, что в столице царит полное спокойствие и что он, префект, ручается за то, что «Париж не шевельнётся».

На случай, если бы это спокойствие — а оно было только кажущимся — оказалось нарушенным, правительство твёрдо рассчитывало на своё военное превосходство. «Силы, которые составляли столичный гарнизон, а так же те, которые были расположены в пригородах и во всей остальной части 1-го военного округа, — писал впоследствии Полиньяк, — казались мне совершенно достаточными, чтобы остановить и подавить всякое повстанческое движение, которое могло бы вспыхнуть»⁶.

Но что представляли собой эти силы? Войска парижского гарнизона насчитывали в этот момент 11 550 человек при 12 пушках, в пригородах имелось 4200 человек при 36 пушках, из них 24 — в Венсенском замке; остальные части парижского военного округа состояли из 3300 человек. В это число не вошли 1300 человек конных и пеших гвардейцев королевской свиты и особый жандармский полк.

Недостаточность этих вооружённых сил, к тому же лишь частично сосредоточенных в самом Париже, усугублялась ещё тем обстоятельством, что около половины лиц старшего командного состава по разным причинам находилось в тот момент в отсутствии. Отсутствовали командиры всех четырёх гвардейских дивизий (один был в Алжире, другой — в

¹ «Mémoires de M. de la Rochefoucauld». Т. IX, p. 623—627.

² «История дипломатии», под ред. В. П. Потёмкина. Т. I, стр. 407. М. 1941.

³ «Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich». Т. V, p. 3. Paris. 1882.

⁴ E. de Guichen. La Révolution de Juillet 1830 et l'Europe, p. 95. Paris. 1916.

⁵ Blanc L. Op. cit. Т. I, p. 62.

⁶ Prince de Polignac. Etudes historiques, politiques et morales sur l'état de la société européenne vers le milieu du dix-neuvième siècle, p. 304. Paris. 1845.

командировке, третий — в отпуску, четвёртый—при дворе). Генерал Кутар, десять лет подряд занимавший пост командующего войсками парижского военного округа, находился на водах, и его заменял военный комендант Парижа граф де Валль, бездарный аристократ из бывших эмигрантов. Всем гвардейским офицерам, пользовавшимся избирательным правом,— а таких было немало — предоставлен был отпуск для участия в выборах, и хотя последние закончились, многие из этих офицеров ещё не успели вернуться в свои части. В результате, во многих ротах налицо было только по одному офицеру.

25 июля совет министров в полном составе собрался в Сен-Клу в присутствии короля и дофина, чтобы в последний раз рассмотреть, а затем и подписать подготовленные к опубликованию ордонансы. Министр юстиции Шантелоз огласил текст доклада, в котором излагались мотивы, побуждавшие правительство к изданию этих чрезвычайных указов. Доклад получил единодушное одобрение присутствующих. Затем были оглашены и самые ордонансы. Опрошенные королём, члены кабинета выразили своё одобрение ордонансам; за подписание их высказался и герцог Ангулемский. Председатель совета министров повторил свои неоднократные заверения в том, что все меры, необходимые для обеспечения порядка и ликвидации возможного сопротивления, приняты. «Чем больше я думаю об этом, тем больше я убеждаюсь, что иначе поступить нельзя»,—заявил Карл X и, взяв перо, поданное ему Полиньяком, подписал все шесть лежавших перед ним ордонансов. За королём подписались и все министры.

V

На следующий день, 26 июля, ордонансы, вместе с сопутствовавшим им докладом, были опубликованы в правительственной газете «Монитор»¹. Каково же было содержание этих знаменитых документов, которые должны были сыграть столь роковую роль в судьбе реставрированной монархии Бурбонов?

«Доклад королю», составленный Шантелозом и подписанный всеми министрами, начинался с указания на контраст, существующий якобы между «материальным благосостоянием» королевства, которое характеризовалось как невиданное и беспрецедентное², и обнаруживающимися почти повсеместно «признаками разложения и симптомами анархии». Авторы доклада с тревогой отмечали упадок авторитета правительственной власти, почти всеобщее беспокойство, охватившее страну, открытую пропаганду и широкое распространение «пагубных и мятежных учений». С особой тревогой указывалось на то, что «политические страсти, не выходявшие до сих пор за пределы верхов общества, начинают проникать и в народные массы». «Главным источником бедствий, которые грозят королевству», доклад объявлял периодическую печать, обвиняя её в том, будто она всегда «была и по самой своей сущности не может не быть орудием беспорядков и мятежей». Это она, заявляли министры, травит с 1814 года все без исключения министерства, не оставляет без нападок ни одного агента власти, ни одного служителя церкви, колеблет «самые твёрдые убеждения», совращает «самые чистые души», систематически искажает и опорочивает все действия правительства и самого короля, создаёт между ними и народом «плотную завесу», завесу лжи, и стремится не только подчинить себе палату депутатов, но и «завладеть всей государственной властью», «чтобы вызвать во Франции новую революцию и привести страну к варварству».

Сказанным не исчерпывался список обвинений, выдвинутых кабине-

¹ «Moniteur universel», 26 juillet 1830.

² В действительности, экономическое состояние Франции было в тот момент далеко не блестящим: страна переживала промышленную депрессию и серьёзную безработицу, а также дороговизну хлеба и других продуктов, вызванную засушливым летом и суровой зимой.

том Полиньяка против газет либерального и демократического направления. Он доходил до обвинения оппозиционной печати в прямой государственной измене, выразившейся якобы в том, что левые газеты не только осуждали алжирскую экспедицию, но и затрудняли её, публикуя ко всеобщему сведению все детали этого похода, численность и состав армии и флота, «всё, вплоть до места высадки». «Вот что сделали органы партии, которая именует себя национальной!» — патетически восклицали авторы доклада. «Общественная безопасность, — заключали они, — подрывается своеволием прессы. Пора, давно пора положить конец её разрушительному действию». Но как этого добиться, если ни суды, ни действующие законы не могут защитить «друзей порядка» от «возвращения тех бедствий, которые уже пришлось пережить их отцам или им самим»? «Для этого, — отвечали авторы доклада, — существует только одно средство — вернуться к хартии». Но что означал этот призыв «вернуться к хартии» в устах её заклятых врагов? Оказывается, он означал такое толкование 8-й статьи хартии, при котором эта статья фактически заменялась законом 21 октября 1814 года. Этот последний установил предварительную цензуру для газет и других периодических изданий, что и предлагалось возобновить теперь.

Доклад заканчивался указанием на необходимость немедленного осуществления мер, могущих укрепить пошатнувшиеся устои монархии. То обстоятельство, что эти меры должны быть проведены в порядке единоличных указов короля, мотивировалось ссылкой на затруднительное положение правительства в результате победы оппозиции на выборах и на текст 14-й статьи хартии. «Настал момент прибегнуть к мерам, которые соответствуют духу хартии, но находятся вне легального порядка, всё средства какового исчерпаны без всякой пользы» — так писали авторы ордонансов, признавая тем самым их незаконность. В заключение министры выражали уверенность в том, что «сила останется на стороне права». Мы уже знаем, что представляло собой это «право».

За докладом о необходимости ордонансов следовал текст самих ордонансов. Первый ордонанс постановлял, что «свобода периодической печати упраздняется». Впредь ни одна газета, ни одно периодическое или полупериодическое издание, независимо от его содержания, не могло выходить без специального правительственного разрешения, которое должно было возобновляться каждые три месяца и могло быть взято назад. Ни одно издание объёмом менее двадцати печатных листов не могло выходить без разрешения министра внутренних дел (для Парижа) или префектов (для провинции). Предварительное разрешение требовалось и для тех книг объёмом свыше 20 листов, которые состоят не из одного, а из нескольких сочинений. Печатание судебных отчётов и трудов научных или литературных обществ подчинялось этим правилам в том случае, если названные издания касались хотя бы частично политических вопросов. Нарушение этих правил грозило немедленным наложением ареста на соответствующее издание и опечатанием типографских станков и шрифтов, использованных при его напечатании.

Этот смертный приговор всей оппозиционной печати, скреплённый подписями всех министров, представлял собою открытое нарушение хартии, её 8-й статьи, гласившей, что «французы имеют право публично выражать и печатать свои мнения, следуя законам, которые должны пресекать злоупотребления этой свободой».

Второй ордонанс, скреплённый подписью одного министра внутренних дел, распускал вновь избранную палату депутатов. Постановление это мотивировалось интригами, имевшими будто бы место на последних выборах, с целью обмануть и ввести в заблуждение избирателей. Ордонанс этот нарушал хартию, которая хотя и предоставляла королю право роспуска палаты (ст. 50), но лишь после того, как последняя соберётся, открывает свои заседания и выберет президиум.

Третий ордоанс вносил радикальные изменения в действующую избирательную систему. Они мотивировались желанием правительства «предупредить повторение происков, оказавших губительное влияние на деятельность избирательных коллегий», исправить «избирательные порядки, несовершенство которых обнаружилось на опыте», обеспечить «безопасность государства» и «честь короны». Ордоанс этот почти вдвое уменьшал число депутатов (с 428 до 258), устанавливал ежегодную сменяемость одной пятой части палаты, лишал её права самостоятельно вносить какие-либо поправки к правительственным законопроектам, предоставлял составление списка избирателей одному префекту, запрещал какие бы то ни было дискуссии или декларации в избирательных коллегиях, фактически упразднял тайную подачу голосов, а главное, ограничивал и без того узкий круг избирателей и избираемых лицами, платящими подоходный налог с земли или с движимого имущества, и исключал тем самым из избирательных списков владельцев торговых или промышленных патентов.

Ордоанс этот лишал права голоса массу буржуазных избирателей и устанавливал почти полную избирательную монополию крупных земельных собственников, т. е. главным образом представителей дворянской аристократии. Осуществление этого ордоанса привело бы к дальнейшему сокращению общего числа избирателей, и без того крайне незначительного (оно равнялось в 1829 г. 88 275)¹. Вопреки утверждению правительства, ордоанс этот резко противоречил принципам хартии, так как нарушал её 35-ю статью, по которой избирательная система должна была определяться законами, а не единоличной властью короля.

Четвёртый ордоанс, подписанный одним министром внутренних дел, назначал новые выборы в окружных коллегиях на 6 сентября и в департаментских — на 13-е; созыв обеих палат был назначен на 28 сентября.

Пятый ордоанс, скреплённый подписью одного министра юстиции, частью вводил в постоянный состав Государственного совета, частью допускал к участию в его заседаниях ряд лиц, состоявших либо экстраординарными, либо почётными его членами, либо докладчиками. Тот же ордоанс назначал четырёх новых государственных советников и докладчиков.

Все эти люди были широко известны как ярые реакционеры, многие из них были выведены за это из состава Государственного совета в период министерства Мартиньяка, трое занимали должности префектов. Первое место в этом списке занимал Делаво, бывший при Виллеле префектом полиции, член конгрегации, человек, пользовавшийся заслуженной ненавистью либеральных кругов. Не забыт был правительством Полиньяка и ближайший сподвижник Делаво, бывший начальник управления общей полиции Франше. Среди лиц, допущенных к участию в заседаниях Государственного совета, находились такие видные ультрароялисты, как бывший министр внутренних дел граф де-Воблан, маркиз Форбен дез-Иссар, бывший эмигрант, депутат «бесподобной палаты», член палаты пэров, дравшийся в 1822 г. на дуэли с Бенжаменом Констаном, виконт де-Кастельбажак, пэр и бывший член «бесподобной палаты» Сириейс де-Мейринак, видный чиновник министерства внутренних дел, ярый реакционер, требовавший в «бесподобной палате» возвращения церкви её проданных во времена революции земель. К этой группе принадлежал и министр без портфеля Дюдон, барон империи, «прославившийся» тем, что в 1815 г., будучи председателем комиссии по погашению государственных долгов иностранным кредиторам, нажил себе на этом деле громадное состояние.

Шестой и последний ордоанс, подписанный одним министром юстиции, назначал почётным членом Государственного совета адвоката Ни-

¹ Weill G. Les élections législatives depuis 1789, p. 97. Paris. 1895. В первые годы реставрации число избирателей составляло 110 тыс. (в 1817 г.).

кола Бергасса, бывшего члена Генеральных Штатов 1789 года. Крайний реакционер, советник Священного Союза, Бергасс был автором на шумевшей брошюры «О собственности», в которой высказывался за возвращение проданных во время революции имуществ духовенства и эмигрантов их прежним собственникам.

Эти назначения не требуют комментариев. Включение в состав Государственного совета шестнадцати крайних монархистов лишней раз подчёркивало контрреволюционный характер ордонансов Полиньяка.

VI

Опубликованные 26 июля ордонансы произвели в Париже огромное впечатление. Лагерь ультрароялистов и «поповская партия» ликовали. Полиньяк и другие министры получали устные и письменные поздравления по поводу проявленной ими «твёрдости». «26 июля,—писал главе кабинета один из близких к нему людей,— есть дальнейшее развитие руководящей идеи 8-го августа. Это государственный переворот, от которого нет возврата к прошлому; король обнажил шпагу, далеко отбросив от себя её ножны»¹.

Реакционные газеты оправдывали и приветствовали ордонансы. «Котидьен» писала: «Революция будет побеждена, говорили мы уже давно. Ныне революция побеждена (la révolution est vaincue aujour d'hui)». Это писалось в тот самый момент, когда настоящая революция уже стучалась в двери! Обращаясь к «рассудительным людям», к «друзьям порядка», ко «всем французам» с призывом отнестись с доверием к королю, орган ультрароялистов оправдывал необычные действия правительства утверждением, что вызывающее поведение либералов заставило короля прибегнуть к такого рода средствам»².

«Газет де Франс» старалась доказать, что ничего особенного не произошло, и утверждала, что это не первый, а третий за время реставрации случай изменения порядка выборов путём королевского ордонанса. «По своём возвращении во Францию Людовик XVIII издал знаменитый ордонанс, который вызвал к жизни палату 1815 года. 5 сентября 1816 г. новый ордонанс снова изменил порядок выборов». Слабость этой аргументации бросается в глаза: оба названных ордонанса, распуская палату и назначая новые выборы, не меняли сущности избирательного права, установленного хартией. Курьёзнее всего то, что применение правительством Карла X чрезвычайных мер, выразившееся в ордонансах 26 июля, ультрароялистская газета стремилась оправдать ссылкой на одобрительное отношение либералов к таким чрезвычайным мерам Людовика XVIII, как ордонанс 5 сентября 1816 г. о роспуске «бесподобной палаты»,— ордонанс, вызвавший в своё время сильнейшую ярость в лагере ультрароялистов. Слова Ройе-Коллара, заявившего в январе 1817 г., что правительство должно «набраться смелости», чтобы «раздавить всякое сопротивление, подавить все мятежные страсти и поставить, наконец, королевскую волю выше всех возражений»,— эти слова «Газет де Франс» приводила теперь с целью доказать, что либеральная оппозиция борется против того, что сама же одобряла в своё время. При этом, конечно, не упоминалось, что палата, распущенная в сентябре 1816 г., была ультрареакционной палатой, а палата, распущенная в июле 1830 г., состояла в своём большинстве из роялистов-конституционалистов и либералов.

Доказывая, что король, как верховный глава государства, имеет право прибегать к чрезвычайным мерам, «Газет де Франс» ссылалась ещё и на мнение представителя центра, бывшего министра графа Симеона, заявившего в 1828 г., что «при наличии угрожающей опасности» и «для борьбы с нею в отсутствие палат» королю должна принадлежать «дик-

¹ «Procès des ex-ministres», p. 89. Avallon. 1830. 8 августа 1829 г. был сформирован кабинет Полиньяка.

² «La Quotidienne», 27 juillet 1830.

татура». «Во всех странах, имеющих свободные учреждения,— добавляла газета,— часто применялись такие средства, что отнюдь не приводило к нарушению конституции».

Не ограничиваясь всеми этими аргументами в защиту ордонансов и комментариями к ним, редакция «Газет де Франс» усиленно рекомендовала вниманию читателей упомянутую нами выше брошюру Коттю и указывала на то, что эта брошюра даёт ключ к пониманию создавшегося положения, и приводила из неё ряд выдержек. Выдержки эти чрезвычайно характерны для понимания планов и целей ультрароялистов, для понимания социально-политической программы, лежавшей в основе ордонансов Полиньяка.

Анализируя состав избирателей, Коттю делил их на следующие шесть групп: мелкие земельные собственники (*petits propriétaires*), мелкие торговцы (*petits marchands*), крупные фермеры (*gros fermiers*), судебские чиновники, адвокаты (*hommes de loi*), богатые коммерсанты и банкиры (*riches négocians et banquiers*), крупные землевладельцы (*quelques grands propriétaires*). «Но так как эти шесть классов избирателей голосуют вместе, смешанные в одних и тех же коллегиях, то получается, что самый многочисленный класс, класс мелких собственников, диктует законы всем прочим, и избирательные коллегии могут рассматриваться как состоящие исключительно из мелких собственников». Вывод, по меньшей мере, неточный, если вспомнить, что имущественный ценз для избирателей составлял минимум 300 франков прямых налогов и что в 1817 г. при обсуждении этого избирательного закона в палатах он был признан всеми, за исключением ультрароялистов, достаточно аристократическим.

Но присмотримся к дальнейшей аргументации Коттю. Первые три класса избирателей, утверждает он, настолько поглощены своими повседневными торговыми делами, своими земледельческими работами и настолько лишены способности к «высокому мышлению», что неизбежно оказываются во власти «предубеждений, свойственных их социальному положению», и подпадают под влияние судей, судебных чиновников и адвокатов, составляющих четвёртый класс избирателей. Этот класс людей больше смыслит в общественных делах, нежели избиратели первых трёх классов, но, будучи ограничен в силу своей специальности кругом дел, для ведения которых необходимо знание законов гражданского порядка, «он имеет лишь крайне поверхностное представление о законах, которые управляют политическим порядком». «Банкиры и коммерсанты, ближе стоящие, благодаря своему состоянию и связям, к высшим сановникам государства, находятся в таком положении, что могут лучше, чем судебские чиновники, составить себе правильное мнение о природе существующего государственного строя и его нуждах». Но они настолько увлечены деловой горячкой, «настолько одержимы страстью к наживе, что совершенно недоступны каким-либо идеям и неспособны на какое-либо занятие, целью которого не являются деньги».

Разделавшись посредством таких аргументов с подавляющим большинством избирателей, Коттю приходит к заключению, что «класс крупных землевладельцев, единственный из всех классов, входящих в состав избирательных коллегий, может возвыситься до понимания вопросов общественного порядка»¹. Но, с грустью добавляет автор, «этот класс крайне малочислен теперь во Франции» и «он имеет в ней так мало влияния на массы (вследствие неустойчивости земельной собственности), что мудрость его принципов теряется в общем невежестве и в грубых предрассудках огромного большинства избирателей».

Что же это за «предрассудки», о наличии которых так скорбит Коттю? «Любовь к равенству, ненависть к социальным различиям и откры-

¹ Разрядка моя.— А. М.

тое отвращение ко всякого рода расходам, не относящимся прямо к какому-либо положительному и материальному, общественно-полезному делу», — таковы, по мнению автора, «господствующие страсти людей, из которых закон 1817 г. составил избирательные коллегии». «Нет такого народа, — под этим словом я разумею совокупность людей, составляющих средние классы общества, — нет, говорю я, народа, который бы мог долго противиться соблазну республиканских идей». Коттю признаёт, что стремление к такому строю, в котором не будет ни привилегий, ни титулов, ни дорогостоящих должностей и люди будут отличаться друг от друга «лишь широтой своих знаний и силой своего ума», понятно у тех, кто по самому своему положению питает, как он говорит, «естественную зависть к высшим классам» и разделяет «наивную веру в то, что подобный строй может быть осуществлён».

Коттю, конечно, не верит в это. Он убеждён, что «ранги, привилегии, титулы и все социальные различия» совершенно необходимы «для поддержания общественного порядка и подлинного процветания государства». Именно поэтому он и бьёт тревогу по поводу того, что большинство избирателей относится, как он полагает, отрицательно к таким учреждениям, как палата пэров, наследственная аристократия и даже монархия. Но если это так — а Коттю твёрдо в этом убеждён, — то действующая избирательная система должна быть заменена новой, такой, которая обеспечила бы преобладание крупным землевладельцам дворянского происхождения и ограничила бы права палаты депутатов в пользу прав короля. Таков конечный вывод, который делал автор этой ультрароялистской брошюры. Если такая влиятельная газета, как «Газет де Франс», поместила у себя 27 июля 1830 г., на другой день после опубликования ордонансов, вышеприведённые выдержки и рекомендовала их вниманию читателей, то это доказывает, что с высказанными Коттю взглядами были согласны и редакция этого органа и стоявшие за ним политические группы. Ультрароялисты давно добивались избирательной монополии крупных помещиков, давно тяготились действующей избирательной системой как якобы слишком демократической. Ограничимся здесь одним характерным примером. 24 января 1824 г. Лоранси, главный редактор газеты «Котидьен», заносил в свой дневник: «Только что опубликован список парижских избирателей: всё это колбасники, каменщики, держатели меблированных комнат, булочники, бакалейщики или люди аналогичных профессий. Вот каковы хозяева судеб Франции: что за жалкое зрелище!»¹.

Что касается практической стороны программы Коттю — выдвинутого им проекта новой избирательной системы, — то он не нашёл поддержки ни в «Газет де Франс», ни в «Котидьен», ни в других органах крайней реакции. Вероятнее всего, он не нашёл среди них поддержки потому, что показался слишком радикальным и трудно осуществимым, а может быть, и преждевременным. Во всяком случае, ордонанс об избирательной реформе, опубликованный 26 июля 1830 г., являлся более умеренным, чем проект Коттю.

Тот же номер «Газет де Франс», в котором помещены были выдержки из брошюры Коттю, содержал полемику с газетой «Таймс» по вопросу об отличии французской представительной системы от английского парламентаризма, а также критическую статью о вновь вышедшей книге либерального историка Файо (Fayot) «История Франции с 1793 г. до воцарения Карла X». Статья эта, выдержанная в духе бешеной ненависти к революции и Наполеону, полная всемерного восхваления правительства Реставрации, любопытна в том отношении, что содержала ряд намёков на политическую злобу дня. Автор статьи, некий Colnet, заявлял, что «нет такой представительной системы управления, такой конституционной монархии, которая могла бы устоять против дурного избирательного зако-

¹ Laurentie J. Souvenirs inédits par son petitfils, p. 66. Paris, s. a.

на». Не скрывая своего отвращения к действующей избирательной системе, к «глупому закону» 1817 г., автор одобрительно отзывался о конституции VIII г. (первой из наполеоновских конституций), уничтожившей фактически всякую выборность парламентских учреждений и сделавшей почти невозможным существование какой-либо оппозиции к правительству¹.

VII

Правительство проявляло исключительную самоуверенность и ни на минуту не сомневалось в успехе. Карл X с утра отправился на охоту в Рамбулье и вернулся в Сен-Клу лишь в семь часов вечера. Обычный распорядок придворной жизни не был нарушен ни в этот, ни в следующий день. Столь же беспечно вели себя министры. Полиньяк, например, занимался в военном министерстве сдачей с торгов какого-то заказа. Пейронне спокойно позировал художнику, рисовавшему его портрет. Префект департамента Сены, поспешивший в министерство за инструкциями, не мог добиться от своего шефа никаких распоряжений. То же произошло с начальником жандармского корпуса виконтом Фуко, явившимся к префекту полиции, который к тому же узнал об ордоансах лишь из газет².

Впрочем, не все члены правительства были ослеплены в такой мере, как Полиньяк и Пейронне. Министр финансов граф Монбель не мог скрыть своего беспокойства. «Я убеждён, что правое дело восторжествует», — писал он Виллелю в день опубликования ордоансов, но при этом добавлял: «Во всяком случае, оборона будет достойной»³.

Более осторожные или более дальновидные представители дворянства испытывали при чтении ордоансов чувство острой тревоги. Характерный случай имел место в городе Клермоне. Один окрестный помещик, граф Понжибо, ознакомившись с содержанием ордоансов, тотчас же отказался от покупки земельного участка, которую он уже собирался совершить; своему нотариусу он объяснил, что боится роковых последствий этого шага правительства для судеб земледельческой аристократии. «Эти ордоансы неосуществимы, дорогая маркиза, — писал одной из своих светских приятельниц виконт Ларошфуко. — Что, вы считаете, мог бы предпринять король во главе 17 безумцев против всего своего королевства?»⁴. Ларошфуко предсказывал, что Карл X вынужден будет, в конце концов, отречься от престола. Генерал де-Кастеллан, лечившийся в этот момент на водах Мон-Дора, рассказывает о панике, охватившей население этого светского курорта при получении известия об ордоансах: многие женщины плакали, отказывались танцевать, слышались разговоры о том, что правительство не сможет теперь собирать налогов⁵.

Ярким показателем растерянности и страха за будущее, охвативших в этот момент часть дворянства, особенно провинциального, может служить письмо графа де-Шастеллю, адресованное Виллелю 28 июля из курорта Бурбон-лэ-Бэн. «Моим первым чувством, — писал он, — был испуг при мысли о том, что мы вступили на столь необычный путь. Что сделают суды, когда собственники газет потребуют к ответу представителей власти, когда платящие патент избиратели потребуют себе прав, которые предоставлены им существующими законами? И что это за принцип, по которому совет министров может отменять законы и заменять их собственными распоряжениями!» Выражая своё полное одобрение содержанию ордоансов, граф Шастеллю осуждал лишь способ их проведения как слишком рискованный, хотя и признавал, что «бывают моменты, ко-

¹ «La Gazette de France», 27 juillet 1830.

² Vicomte de Foucauld. Mémoires sur les événements de juillet 1830, p. 15—18. Paris. 1851.

³ «Mémoires et correspondance du comte de Villèle». T. V, p. 465—466.

⁴ «Mémoires de M. de la Rochefoucauld». T. IX, p. 636.

⁵ «Journal du maréchal de Castellane». T. II, p. 359.

гда операция, даже опасная, необходима для спасения жизни больного». В заключение он высказывал надежду, «что эта нация, столь высокомерная, когда за нею признают те или иные права, столь покорная, когда её угнетают, столь привыкшая за последние сорок лет к государственным переворотам, которые беспрестанно меняют её конституцию, покорно примет этот новый режим и, в частности, этот избирательный закон»¹.

Тщетная надежда! Французский народ, о котором так презрительно отзывался этот надменный аристократ, не подчинится ордонансам Полиньяка, не покорится дворянской контрреволюции и нанесёт ей ответный, сокрушительный удар.

VIII

Буржуазный Париж встретил ордонансы Полиньяка понижением биржевого курса государственных бумаг: трёхпроцентная рента упала сразу с 79 франков до 75. Если знаменитый поставщик и спекулянт Уврар уже давно играл на понижение, то большинство биржевых дельцов оказались застигнутыми врасплох и немало потеряли на этом падении курсов. Среди пострадавших был Джеймс Ротшильд, введённый в заблуждение маневрами министерства, маскировавшего до последнего часа свои намерения: ещё 24 июля, за день до подписания ордонансов, Пейронне решительно опровергал в разговоре с банкиром слухи о готовящемся государственном перевороте.

Либеральные газеты с большим единодушием доказывали незаконность ордонансов. «Преступление свершилось!» — такими словами началась статья, появившаяся 27 июля в газете «Глоб»². «Вот уже одиннадцать месяцев, как эти проекты были возведены, но Франция отказывалась им верить, — писала «Тан». — Теперь эти проекты осуществлены, реализованы, опубликованы». Газета приходила к заключению, что действиями правительства «вся страна поставлена как бы вне закона», что единственная власть, которая ещё остаётся во Франции после издания ордонансов, нарушивших хартию и кодексы, — это суды, которые и должны выступить на защиту поправленных законов. Статья заканчивалась заявлением, что оппозиционная пресса останется верна своему политическому долгу³.

«Насиональ» в статье, принадлежавшей перу Армана Карреля, приходила к заключению, что «все законы, которые Франция привыкла соблюдать, уважать и ценить за пятнадцать лет реставрации», опрокинуты министерством. На вопрос, «что же остаётся теперь делать Франции», газета отвечала: «Отказаться от уплаты налогов». «Будущее, — заканчивал Каррель, — зависит от индивидуальной энергии граждан»⁴.

Именно «Насиональ», которая с самого момента своего основания (в январе 1830 г.) вела лишь слегка завуалированную агитацию за свержение Бурбонов и замену их другой, более приемлемой для страны династией, настойчиво подготавливала умы читателей к революции типа «славной революции» 1688 г., — подала сигнал к коллективному протесту оппозиционных газет против ордонансов. Протест этот, составленный Тьером, был принят на многолюдном собрании либеральных журналистов и политических деятелей, состоявшемся 26-го вечером в помещении редакции этой газеты, под председательством депутата и учёного графа Александра де-Лабурд, одного из пайщиков «Тан». 44 редактора и сотрудника 11 либеральных и демократических газет и журналов⁵, в том числе Тьер, Минье, Арман Каррель, Кошуа-Лемэр, Бод, Ларреги, Ш. де-Ремюза, Пьер

¹ «Mémoires et correspondance du comte de Villèle». T. V, p. 465—466.

² «La Glode», 27 juillet 1830.

³ «Le Temps», 27 juillet 1830.

⁴ Carrel A. Oeuvres politiques et littéraires. T. I, p. 136.

⁵ «National», «Globe», «Constitutionnel», «Temps», «Tribune des départements», «Courrier français», «Journal de commerce», «Révolution» и др.

Леру, Сарран-младший, Огюст Фабр, Планьоль Фази, подписали этот документ. Они доказывали незаконность ордонансов, как противоречащих 8-й, 35-й и 50-й статьям хартии, осуждали «преступных министров», её нарушивших, заявляли, что будут продолжать выпускать свои издания на прежних основаниях, и призывали депутатов распушенной палаты не забывать, что «они и сегодня обладают теми правами, какими обладали вчера». «Правительство,— так заканчивалась эта декларация,— утратило теперь характер законности, которым обуславливалась необходимость оказывать ему повиновение. Мы оказываем ему сопротивление. Дело Франции решить, до какого предела следует ей довести своё сопротивление»¹.

Вопреки всем усилиям полиции, коллективный протест журналистов оппозиции был отпечатан и на следующий день распространён в громадном количестве экземпляров. Этот документ, доказывавший незаконность действий правительства, хотя и не содержал прямого призыва к революционной борьбе против государственного переворота, но являлся всё же сильным толчком к народному восстанию, вспыхнувшему на следующий же день, 27 июля².

Вечером того же дня по инициативе либерального адвоката и журналиста Барта, бывшего карбонария, в зале Ротонды состоялось совещание владельцев парижских типографий; на котором решено было ответить на ордонанс о печати закрытием мастерских. Решение это было почти тотчас же приведено в исполнение³.

Закрытие типографий ещё более увеличивало и без того значительную безработицу в столице, вызванную депрессией в промышленности, и дало новую пищу революционному брожению, наблюдавшемуся в рабочих кварталах. Увольняемым с производства рабочим многие хозяева прямо говорили, что они вынуждены к этому шагу мерами правительства. Примеру владельцев типографий последовали некоторые другие предприниматели.

Связанная с левым крылом либералов часть промышленной буржуазии руководилась в данном случае тайным стремлением толкнуть оставшихся без работы пролетариев на борьбу с правительством. Если эта цель действительно была достигнута, то, конечно, потому, что трудящиеся массы Парижа сами рвались в бой против ненавистного режима дворянской и клерикальной реакции.

День 26 июля прошёл спокойно; спокойно прошла и ночь на 27 июля. Ничто, казалось, не предвещало той бури, которая разразилась 27 июля и в три дня смела монархию Бурбонов.

---

¹ Lesur. *Annuaire historique universel pour 1830*. Paris. 1832. Documents historiques, p. 34—35.

² См. замечание Энгельса в письме к Бебелю от 18 ноября 1884 г.: «Никогда ещё революция не пренебрегала ссылкой на законность — в 1830 г. во Франции и король, и буржуазия утверждали, что на их стороне право» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 430).

³ M a n t o u x P. *Patrons et ouvriers en juillet 1830*. «Revue d'histoire moderne et contemporaine». Т. III. 1901.

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Н. П. ГРАЦИАНСКИЙ И ЕГО ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

*Действ. чл. Акад. наук
Белорусской ССР проф. В. Пичетк*

В развитии славяноведения в России в 80—90-х годах прошлого столетия произошёл знаменательный перелом: история славянских народов окончательно выделяется из славянской филологии и истории славянской литературы в самостоятельную историческую дисциплину.

Историей южных и западных славян стали интересоваться не только филологи-слависты, но и специалисты по всемирной и русской истории. Труды таких исследователей, как П. И. Кареев, А. И. Ямпольский, М. К. Любавский, Д. Н. Егоров и др., составляют значительный вклад в литературу по истории западных славян. Они хорошо известны всем специалистам-славистам как в нашем Союзе, так и за его границами.

К этой плеяде историков славянства принадлежит также покойный Н. П. Грацианский. Будучи выдающимся специалистом по истории средних веков и занимаясь главным образом французским и германским средневековьем, Н. П. Грацианский в то же время обратился к изучению истории славянских народов и обогатил историю славянства рядом ценных работ. В его курсе лекций по истории средних веков история западных славян занимает видное место¹, истории южных славян уделено меньше внимания.

Главы, посвящённые истории западных славян, свидетельствуют о глубоком знании покойным историком источников и о прекрасном знакомстве его с основной литературой.

Главы в «Средних веках» Н. П. Грацианского, посвящённые Чехии и Польше, свидетельствуют о его глубоком понимании социально-экономических и политических процессов, происходивших в этих странах.

Основной исследовательской тематикой по истории славянских народов, которую разрабатывал Н. П. Грацианский, была тематика, связанная с движением немцев на Восток. В блестящей статье «Немецкий «Дранг нах остен» в фашистской историографии»² во всеоружии источников, на огромном фактическом материале он показывает, какую фальсификацию допускали фашисты, объясняя немецкую агрессию на Восток.

¹ «Средние века». Курс лекций, читанных в Московском государственном педагогическом институте. Ч. 1—2, стр. 191—196. М. 1939.

² Сборник статей «Против фашистской фальсификации истории», стр. 135—155. М. 1939.

Н. П. Грацианский документально опровергает фашистское измышление, будто германцы были исконными насельниками заэльбских земель. Он допускает, что «области к востоку от Эльбы когда-то были заняты германскими племенами», и замечает: «Ничем не доказано и нельзя доказать, что германцы были здесь первыми насельниками, как нельзя доказать и того, что первыми насельниками здесь были славяне», — расходясь в этом отношении с польским историком Богуславским³, и надо признать, что историческая правда на стороне Н. П. Грацианского и его предшественников — М. К. Любавского и др.⁴

Фашисты пытались в своей историографии противопоставить «культурного немца» «некультурному славянину». Н. П. Грацианский словами Адама Бременского о высокой земледельческой культуре полабских славян опровергает эти фашистские измышления⁵.

Касаясь фашистской теории национального характера восточной колонизации, Н. П. Грацианский высказывает мысль о том, что она «такой же исторический миф, как вздорная теория о расовом превосходстве немца над славянами»⁶. Ссылаясь на недавние исследования по истории восточной колонизации, в частности на работы московского историка Д. П. Егорова, Н. П. Грацианский «прокидывает теорию национально-немецкой колонизации, как «великого дела» немецкого народа и проявленных им мнимых «блестящих колонизаторских способностей»⁷.

Фашистская историография вслед за хронистом Гельмольдом создала легенду о полном истреблении или изгнании немцами туземного населения⁸. По мнению нашего исследователя, «вопреки всем фальсификациям и ухищрениям фашистских «историков» мы должны решительно подчеркнуть, что немецкое завоевание и колонизация областей теперешней Восточной Германии привели здесь к несомненному смешению немцев с туземцами — в первую очередь, конечно, со славянами и пруссами»⁹.

³ Boguslawski «Dzieje slowianszczyzny polnocnozachodniej». Rozn. 1887—1889.

⁴ Любавский М. «История западных славян», стр. 8—12.

⁵ Сборник статей «Против фашистской фальсификации истории», стр. 140—141.

⁶ Там же, стр. 142.

⁷ Там же, стр. 143.

⁸ Там же, стр. 145.

⁹ Там же, стр. 146.

Фашистская историография восхваляет «великие заслуги» Тевтонского ордена перед немецким народом. Н. П. Грацианский пользуется данными Маркса для характеристики «благодетней», оказанных Тевтонским орденом Пруссии. Он отмечает, что фашистская историография не любит вспоминать о таких фактах, как поражение немецких рыцарей при Грюнвальде (1410), и установление вассальной зависимости Ордена от Польши (1466), а также «Ледовое побоище» Александра Невского, где «псы-рыцари» были разгромлены¹.

Фашистская историография обвиняет папскую власть в том, что она сыграла немалую роль в крушении орденской мощи. Папская политика на Востоке будто бы наносила решительный вред «немецким интересам». Н. П. Грацианский, наоборот, полагает, что папская восточная политика «очень много содействовала укреплению немцев за Эльбой и в Прибалтике, хотя и преследовала здесь особую цель — христианизацию, которая не всегда была обязательно связана с германизацией»². Последнюю часть своей ценной работы Н. П. Грацианский посвящает критике фашистской историографии, превозносящей заслуги Генриха Льва, герцога Саксонии и Баварии, как проводника общенациональной германской политики на Востоке. По компетентному суждению Н. П. Грацианского, «Генрих Лев руководился вовсе не какими-то «общенациональными» интересами германского народа, каковых тогда и не существовало, а своими узко личными княжескими интересами, и в этом отношении его политика за Эльбой решительно ничем не отличается от его политики в Саксонии»³.

Мы остановились так подробно на этой статье, подзергнувшей сокрушительной критике фашистские историографические легенды, только потому, что она определила характер будущих исследований Н. П. Грацианского по истории славянских народов, в основе которых лежат славяно-германские отношения в средние века.

Н. П. Грацианский прежде всего начал исследовать борьбу славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. В 1943 г. Н. П. Грацианский опубликовал книгу «Борьба славян и народов Прибалтики с германской агрессией в средние века», представлявшую сокращённое изложение подготовлявшейся им большой монографии. История борьбы полабских славян с немецкой агрессией — тема не новая. На эту тему писали А. Гильфердинг, И. Бертольд, М. К. Любавский, А. Палацкий, В. Лебедев, польский учёный Богуславский и большое число немецких буржуазных историков. Равным образом и история борьбы народов Прибалтики с немецкой агрессией богато представлена в дореволюционной русской, польской и немецкой историографии.

Монография Н. П. Грацианского — ответ фашистским фальсификаторам истории. Его

работа — образец научно-объективного изучения этого вопроса. Она была опубликована как пособие для преподавателей, и поэтому в ней отсутствует научный аппарат. Однако каждый специалист отметит тонкое понимание вопроса, и критику разносторонних источников, и блестящее знание литературы, которое всегда было присуще нашему исследователю.

Монография распадается на две части: «Полабские и поморские славяне в их борьбе с немцами в средние века» и «Борьба с немецкой агрессией в Прибалтике». Н. П. Грацианский интересуется не только борьбой славян с немецкой агрессией, но и теми изменениями, которые происходили в общественно-политической и экономической жизни полабских и поморских славян. Впервые в русской историографии им дана подробная характеристика государства ободритов при князе Готшалке, Генрихе и в особенности Никлоте, который вместе с сыновьями так долго вёл борьбу с Генрихом Львом и датчанами⁴. В монографии дан блестящий очерк общественно-экономического и культурно-политического быта полабских и поморских славян накануне завоевания их территории немцами⁵. В немецкой буржуазной историографии много было уделено внимания «победоносному» крестовому походу 1147 г., тогда как в действительности он кончился полным провалом⁶. К этому выводу пришёл Н. П. Грацианский после тщательного критического разбора основного источника «Хроника славян» Гельмольда. Наконец, в монографии более подробно развиты уже известные мнения Н. П. Грацианского о «немецкой колонизации» и «судьбе местного славянского населения». Второй раздел охватывает время с начала XIII в. и заканчивается 1466 г. — временем крушения немецкой агрессии в Прибалтике⁷. Таким образом, на богатом критическом материале Н. П. Грацианский представил все основные этапы борьбы полабских славян с немцами со времени Карла Великого и народов Прибалтики с момента их вторжения в Южную и Восточную Прибалтику. Своим исследованием Н. П. Грацианский разрушил легенду о победоносном, лёгком завоевании территории славян немцами и о полном уничтожении местного туземного населения. Н. П. Грацианский отметил также зарождение у полабских славян государственности, которая не могла окрепнуть в результате политики агрессоров, использовавших трения между отдельными племенами или союзами племён.

Н. П. Грацианский показал, что объединённые в государство полабские славяне были достаточно сильны, чтобы нанести немецким захватчикам сокрушительные удары и, в частности, ликвидировать «прославленный» крестовый поход 1147 года. Рав-

⁴ Грацианский Н. «Борьба славян и народов Прибалтики с германской агрессией в средние века». 1943 г., стр. 18—26, 38—41.

⁵ Там же, стр. 27—34.

⁶ Там же, стр. 35—37.

⁷ Там же, стр. 47—64.

¹ Сборник статей «Против фашистской фальсификации истории», стр. 148.

² Там же, стр. 150—151.

³ Там же, стр. 151—152.

ным образом народы Прибалтики, Польши и Литвы вместе с Русью мужественно отражали немецкую агрессию и разгромили агрессоров в знаменитой битве между Грюнвальдом и Танненбергом 15 июля 1410 года.

Н. П. Грацианский также ярко описал крушение попытки немецких агрессоров покорить Северо-Западную Русь и уничтожить «словенский язык». Сила Руси, разгромившей агрессоров в блестящей битве 15 июля 1240 г. на реке Неве и 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера, заключалась в патриотизме и мужестве русского народа и в едином военном руководстве в лице князя Александра Ярославича.

Н. П. Грацианский опубликовал монографическую статью «Славянское царство Само» (к критике известной «Хроники Фредегара»)¹. Об этом «государстве» сообщает сведения только хронист Фредегар. «Государство Само» привлекло к себе внимание П. Шафарика, Фр. Палацкого, Л. Нидерле, Ф. Успенского, в последнее время — З. Р. Неедлы. Старейшее поколение чешских историков — П. Шафарик и Фр. Палацкий, — а вслед за ними и русский исследователь Ф. И. Успенский высказывались в пользу славянского происхождения имени Само, тогда как Л. Нидерле и З. Неедлы вслед за Фредегаром считали Само по происхождению франком.

Тщательным анализом «Хроники Фредегара» Н. П. Грацианский устанавливает прежде всего, что Само был язычником и врагом христианства. Следовательно, он не был франком, так как франки в Галлии уже давно были христианами. Само придерживается славянских обычаев и не допускает к себе даже послов в чужеземной одежде, на что уже Шафарик обратил внимание.

Поэтому Н. П. Грацианский находит возможным поддерживать традицию славянского происхождения Само. «Это, конечно, — пишет Н. П. Грацианский, — природный славянский вождь, действующий так, как и подобает ему действовать — в строго языческом и славянском духе»². Н. П. Грацианский допускает возможность прибытия Само и его сотоварищей из области полабских славян. Так называемое «государство Само» Н. П. Грацианский называет «Союзом славянских племён». Он впервые предпринял интересную попытку определить территорию «государства Само». После смерти его главы государство распалось. По справедливому замечанию Н. П. Грацианского, «союз славянских племён, возглавляемый Само, при господстве родовых отношений и отсутствии крепкой внутренней связи между отдельными кровными объединениями славян, мог быть только временным союзом, вызванным условиями напряжённой борьбы с враждебными соседями, и поэтому со смертью Само распался»³.

В своём исследовании Н. П. Грацианский высказал много ценных соображений, с которыми исследователям, разумеется, придётся считаться. Отметим его блестящий пере-

вод открывков из «Хроники Фредегара». В 1944 г. Н. П. Грацианский опубликовал две ценные статьи: «Полабские славяне в борьбе с немецкой агрессией в средние века» и «Новое наступление немецких захватчиков на славянские государства с XIII по XVI век»⁴, которые являются подлинным исследованием, несмотря на свой научно-популярный характер.

Вслед за этими работами Н. П. Грацианский обратился к изучению вопроса о политике Карла Великого по отношению к славянам⁵. Новая работа Н. П. Грацианского была предпринята с целью пересмотра этого сложного вопроса, так как «в немецкой исторической литературе, посвящённой проблеме «натиска на Восток», издавна замечалась тенденция относить начало этого «натиска» к франкским временам и считать инициатором его Карла Великого»⁶. Тщательный анализ источников дал возможность Н. П. Грацианскому прийти к иному выводу. Он полагает, что политика Карла Великого по отношению к южным, как и по отношению к западным славянам, не была агрессивной. «Немецкие шовинисты и современные фашисты искажают исторические факты, пытаются возвести свою политику «Дранг нах Остен» к Карлу Великому»⁷. К этой же проблеме Н. П. Грацианский вернулся ещё раз в статье, опубликованной в «Научных записках Московского университета» (Исторический факультет. Т. I. 1945). Н. П. Грацианский подготовлял к печати большое исследование о «Великоморавской державе». Одна из глав — «Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве» — в сокращённом виде была напечатана⁸ в журнале «Вопросы истории». О Константине и Мефодии имеется огромная литература. Деятельность солунских братьев интересовала всех славянских историков. Велик вклад в «Константиану и Мефодиану» русских дореволюционных учёных. Последними работами о Константине и Мефодии были исследования Ф. Россейкина «Первое правление патриарха Фотия» (1915) и чешского исследователя Дворника «Les slaves, Byzance et Rome au IX siècle» (1925). Таким образом, труд Н. П. Грацианского является последним трудом о кирилло-мефодиевской проблеме.

Константина и Мефодия Н. П. Грацианский считал македонскими греками знатного происхождения. «Они родились и выросли среди славян Солуни (Фессалоники) и потому прекрасно владели славянской речью»⁹. Следует отметить, что вопрос национальной принадлежности двух братьев спорен. Существует и противоположное мнение, допускающее их славянское происхождение. Не касаясь этого вопроса по суще-

⁴ «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии», стр. 48—51, 67—79. М. 1944.

⁵ «Карл Великий и славяне». «Исторический журнал» № 3 за 1945 г., стр. 21—27.

⁶ Там же, стр. 21.

⁷ Там же, стр. 27.

⁸ «Вопросы истории» № 1 за 1945 г., стр. 84—105.

⁹ Там же, стр. 86.

¹ «Исторический журнал» № 5—6 за 1943 г., стр. 40—47.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 47.

ству, заметим, что, по нашему мнению, больше данных за признание знаменитых братьев македонскими славянами.

При изучении константино-мефодиевской проблемы очень важен вопрос об источниках. Иезуит Мартынов в середине прошлого столетия отдавал приоритет латинским источникам. Трудом русских славистов доказано, что в основе латинских легенд лежат славянские, так называемые «Паннонские жития Константина и Мефодия». Акад. П. А. Лавровым были опубликованы оба жития, и они положены в основу исследования Н. П. Грацианского. Однако исследователь не ограничивается только этим источником. Он привлекает латинское житие Константина и Климента, ученика Мефодия. Рядом образом Н. П. Грацианским привлечены и все латинские источники, имеющие то или иное отношение к деятельности обоих братьев. Деятельность Константина и Мефодия изложена сжато, но в то же время исчерпывающе. Н. П. Грацианский рассмотрел все основные вопросы, связанные с константино-мефодиевской проблемой, и ярко осветил борьбу, которую вели «хитрые и коварные немцы» против Мефодия и славянской народной церкви. Н. П. Грацианский отметил, что папа Адриан II, не желая допустить усиления влияния Византии, вынужден был принять под свою защиту славянские книги¹. Н. П. Грацианский коснулся и вопроса о славянской азбуке. Он разделяет мнение большинства исследователей,

¹ «Вопросы истории» № 1 за 1945 г., стр. 90.

что славянская азбука, изобретённая Константином, есть «глаголица»².

Н. П. Грацианский видит в славянской народной церкви мощное средство борьбы моравских славян за их независимость, против немецко-католической агрессии. Однако «немцам, — пишет Н. П. Грацианский, — не удалось задавить ненавистную им славянскую письменность. Изгнанная из Моравии, она была перенесена в Болгарию, где нашли себе пристанище ученики Мефодия»³.

Н. П. Грацианский верно подошёл к оценке деятельности солунских братьев. «Мы, — пишет он, — следовательно, должны с благодарностью вспоминать самоотверженные труды Константина и Мефодия на пользу славянской культуры... Славянский язык и славянская письменность — эти мощные двигатели славянской культуры — утвердили самобытное существование славян в Европе, освободили их от духовной опеки иноземцев и позволили занять выдающееся место в семье европейских народов»⁴.

2 ноября 1945 г., накануне своей безвременной кончины, Н. П. Грацианский прочёл в секторе средних веков Института истории АН СССР блестящий доклад о «Крестовом походе 1147 г. против славян». Это было последнее выступление замечательного исследователя исторических судеб славянских народов.

² Там же, стр. 87.

³ Там же, стр. 104.

⁴ Там же, стр. 105.

Н. П. ГРАЦИАНСКИЙ КАК ИСТОРИК СРЕДНИХ ВЕКОВ

Проф. А. Неусыхин

Основной чертой творческой индивидуальности Н. П. Грацианского являлось, говоря словами А. Н. Савина, неустанное «стремление расширять надёжную базу бесспорно опытного знания»¹. Это стремление руководило Николаем Павловичем начиная со студенческой скамьи, когда его медальная работа о парижских цехах в XIII—XIV вв. разрослась в большую книгу, сыгравшую в своё время значительную роль в историографии. Этому стремлению он остался верен до конца своих дней, до последнего доклада, который был прочитан за два дня до его внезапной гибели. Любая работа Н. П. Грацианского может служить иллюстрацией того, что это стремление к точному, тщательному и тонкому историческому анализу составляло душу всего его научного творчества.

Мне хочется вспомнить его небольшие статьи, которые можно назвать научно-художественными миниатюрами, — художест-

¹ Савин А. «Английская деревня в эпоху Тюдоров».

венными потому, что в них до виртуозности доведена столь свойственная автору способность к кропотливому анализу деталей, который он считал единственно надёжным путём для обобщений и построений.

В своё время, когда вышла известная работа Допша об экономическом развитии эпохи Каролингов, Н. П. Грацианский откликнулся на неё двумя статьями: «К критике «Capitulare de villis» (1919) и «Traditiones Каролингской эпохи в освещении Допша» (1926). Очень любопытно, как подошёл автор к критике некоторых положений Допша, сыгравших весьма существенную роль в историографии. Допш доказывал, что крупное вотчинное землевладение вовсе не играло той роли в истории раннего феодализма, которую ему обычно приписывают сторонники вотчинной теории, основываясь, с одной стороны, на источниках по истории церковного землевладения, и в их числе на дарственных грамотах (traditiones) Каролингской эпохи, с другой стороны, на памятниках, рисующих королевское землевладение, в частности на «Капитулярии о по-

ству, заметим, что, по нашему мнению, больше данных за признание знаменитых братьев македонскими славянами.

При изучении константино-мефодиевской проблемы очень важен вопрос об источниках. Иезуит Мартынов в середине прошлого столетия отдавал приоритет латинским источникам. Трудом русских славистов доказано, что в основе латинских легенд лежат славянские, так называемые «Паннонские жития Константина и Мефодия». Акад. П. А. Лавровым были опубликованы оба жития, и они положены в основу исследования Н. П. Грацианского. Однако исследователь не ограничивается только этим источником. Он привлекает латинское житие Константина и Климента, ученика Мефодия. Равным образом Н. П. Грацианским привлечены и все латинские источники, имеющие то или иное отношение к деятельности обоих братьев. Деятельность Константина и Мефодия изложена сжато, но в то же время исчерпывающе. Н. П. Грацианский рассмотрел все основные вопросы, связанные с константино-мефодиевской проблемой, и ярко осветил борьбу, которую вели «хитрые и коварные немцы» против Мефодия и славянской народной церкви. Н. П. Грацианский отметил, что папа Адриан II, не желая допустить усиления влияния Византии, вынужден был принять под свою защиту славянские книги¹. Н. П. Грацианский коснулся и вопроса о славянской азбуке. Он разделяет мнение большинства исследователей,

¹ «Вопросы истории» № 1 за 1945 г., стр. 90.

что славянская азбука, изобретённая Константином, есть «глаголица»².

Н. П. Грацианский видит в славянской народной церкви мощное средство борьбы моравских славян за их независимость, против немецко-католической агрессии. Однако «немцам, — пишет Н. П. Грацианский, — не удалось задавить ненавистную им славянскую письменность. Изгнанная из Моравии, она была перенесена в Болгарию, где нашли себе пристанище ученики Мефодия»³.

Н. П. Грацианский верно подошёл к оценке деятельности солунских братьев. «Мы, — пишет он, — следовательно, должны с благодарностью вспоминать самоотверженные труды Константина и Мефодия на пользу славянской культуры... Славянский язык и славянская письменность — эти мощные двигатели славянской культуры — утвердили самобытное существование славян в Европе, освободили их от духовной опеки иноземцев и позволили занять выдающееся место в семье европейских народов»⁴.

2 ноября 1945 г., накануне своей безвременной кончины, Н. П. Грацианский прочёл в секторе средних веков Института истории АН СССР блестящий доклад о «Крестовом походе 1147 г. против славян». Это было последнее выступление замечательного исследователя исторических судеб славянских народов.

² Там же, стр. 87.

³ Там же, стр. 104.

⁴ Там же, стр. 105.

Н. П. ГРАЦИАНСКИЙ КАК ИСТОРИК СРЕДНИХ ВЕКОВ

Проф. А. Неусыхин

Основной чертой творческой индивидуальности Н. П. Грацианского являлось, говоря словами А. Н. Савина, неустанное «стремление расширять надёжную базу бесспорно опытного знания»¹. Это стремление руководило Николаем Павловичем начиная со студенческой скамьи, когда его медальная работа о парижских цехах в XIII—XIV вв. разрослась в большую книгу, сыгравшую в своё время значительную роль в историографии. Этому стремлению он остался верен до конца своих дней, до последнего доклада, который был прочитан за два дня до его внезапной гибели. Любая работа Н. П. Грацианского может служить иллюстрацией того, что это стремление к точному, тщательному и тонкому историческому анализу составляло душу всего его научного творчества.

Мне хочется вспомнить его небольшие статьи, которые можно назвать научно-художественными миниатюрами, — художест-

¹ Савин А. «Английская деревня в эпоху Тюдоров».

венными потому, что в них до виртуозности доведена столь свойственная автору способность к кропотливому анализу деталей, который он считал единственно надёжным путём для обобщений и построений.

В своё время, когда вышла известная работа Допша об экономическом развитии эпохи Каролингов, Н. П. Грацианский откликнулся на неё двумя статьями: «К критике «Capitulare de villis» (1919) и «Traditiones Каролингской эпохи в освещении Допша» (1926). Очень любопытно, как подошёл автор к критике некоторых положений Допша, сыгравших весьма существенную роль в историографии. Допш доказывал, что крупное вотчинное землевладение вовсе не играло той роли в истории раннего феодализма, которую ему обычно приписывают сторонники вотчинной теории, основываясь, с одной стороны, на источниках по истории церковного землевладения, и в их числе на дарственных грамотах (traditiones) Каролингской эпохи, с другой стороны, на памятниках, рисующих королевское землевладение, в частности на «Капитулярии о по-

местях». По мнению Допша, сторонники вотчинной теории неправоммерно подчёркивали преимущественно процесс поглощения мелкой крестьянской собственности вотчиной, в то время как в действительности происходил и процесс расхищения церковных земель, в связи с убыточностью прекариев для церковного землевладения.

Н. П. Грацианский задался целью опровергнуть этот тезис Допша. Он кратко, но чрезвычайно ясно и точно, буквально на четырёх страницах, резюмирует не только выводы Допша, но и всю его аргументацию, обнаруживая большое искусство, подлинное мастерство и совершенство исторического изложения. Вслед за тем Н. П. Грацианский шаг за шагом разбирает аргументацию Допша. Не выдвигая в начале статьи никаких общих положений, он сразу предоставляет слово фактам и осторожно, камень за камнем возводит своё здание. Начинает он с того, что Допш неправильно толкует жалобы церкви на убыточность так называемых прекариев с обратным пожалованием дополнительных земельных участков в пользование прекариста (*praesaria remuneratoria*), ибо эти жалобы носят полемический характер. Он подчёркивает, что этот вид прекария был менее распространён, чем думает Допш, и не имел тех последствий, которые ему приписывали.

Далее Н. П. Грацианский показывает, что денежный оброк, который платили прекаристы, повышался при переходе прекария к наследникам — к детям и внукам. Он отмечает, что прекаристы часто привлекались к барщинным работам и в конце концов рано или поздно, пусть в третьем поколении, монастырские земельные участки, выделенные в порядке «*praesaria remuneratoria*» или их собственные земельные дарения, полученные монастырями обратно в качестве *praesaria oblata*, попадали в прочее обладание церковной вотчины. И это позволило Н. П. Грацианскому сделать весьма существенный вывод чрезвычайно большой общей значимости, а именно, — что одновременно и наряду с отливом земель от церкви практика прекариев приводила и к приливу земельных вкладов. Этот прилив и отлив составляли две стороны одного процесса, который имел своим следствием рост крупного вотчинного землевладения. Система прекарных пожалований в целом не была убыточной для церкви, ибо церковные учреждения руками прекаристов колонизовали пустующие земли, и, наконец, прекарии вовсе не были так бесплодны в хозяйственной структуре вотчины, ибо они доставляли чинш, а иногда и рабочую силу для барщинных работ.

Если свести воедино все эти наблюдения, то они приведут нас к весьма важному и вполне правильному общему выводу, который колеблет некоторые из основных положений Допша, касающихся природы раннего феодализма и его экономической структуры. Между тем статья написана с такой скромностью и непритязательностью, что на читателя неспециалиста она может произвести впечатление простого анализа деталей.

Сказанное приложимо и к другой, аналогичной по методу, статье Н. П. Грацианского — «К критике «*Capitulare de villis*». Допш пытался доказать, что этот памятник был издан не Карлом Великим, а Людовиком Благочестивым в 794—795 г. в Аквитании и имеет чисто локальное значение.

Н. П. Грацианский перебирает один аргумент Допша за другим и приходит к тому выводу, что единственно правильное наблюдение Допша — отрицание за данным памятником общеимперского значения — было сделано задолго до него Гераром и Гарайсом. В противоположность Допшу Н. П. Грацианский относит «*Capitulare de villis*» к другому локально-ограниченному району: не к Аквитании, а к землям между Марной, Маасом и Мозелем, которые предназначались для обслуживания нужд Карла Великого и его двора.

Чрезвычайно характерны для метода Н. П. Грацианского замечания, которые он попутно делает по поводу сопоставлений Допшем двух памятников — «*Capitulare de villis*» и «Образцов описей земель церковных и королевских». Н. П. пишет в подстрочном примечании: «Всё приведённое построение Допша есть сплошная цепь маловероятных предположений. А между тем достаточно распасться хотя бы одному из звеньев этой цепи, чтобы целиком рухнуло всё построение». В этом замечании весь Николай Павлович, учёный, не допускающий создания таких научных построений, в состав которых входило бы хоть одно недостаточно проверенное положение.

Этот же метод во всём его блеске и многогранности на обширном материале источников Н. П. Грацианский развернул в главной капитальной своей работе «Бургундская деревня в X—XII столетиях».

«Блаженны думающие, что они всё знают, — им неведомы муки ищущего», — сказал однажды Фюстель де Куланж. Н. П. Грацианскому были хорошо знакомы эти муки. Многие помнят, вероятно, как подходил Н. П. Грацианский к работе над материалом бургундских грамот. Этому вопросу были посвящены его многочисленные доклады в Институте истории РАН ИОН в середине 20-х годов. Вначале он стремился проложить себе путь к анализу бургундских грамот при помощи приёмов, которые были выработаны некоторыми представителями новой западноевропейской историографии на аналогичном материале, в частности швейцарским учёным Каро на сен-галленском материале: путём статистических вычислений Николай Павлович пытался выяснить распределение земельной собственности в Бургундии и, разграничив дарителей крестьянского и помещичьего типа, доказать тезис о распространённости мелкой свободной собственности в Бургундии X—XII веков. Но в самом ходе своего исследования он убедился в том, что этот путь не приводит к цели, ибо грамоты позволяют сравнительно легко проследить помещичьи дарения, но по разным причинам, на которых сейчас не время и не место останавливаться, очень трудно выделить на основании источников этого типа крестьянские дарения. К тому же признаки крестьянского дарения,

Каро на основании светских грамот (как и в светском праве), не всегда приложимым к условиям. Это заставляет отказаться от привычного метода исследования и искать новый. И он

с помощью своего ораторства, со свойственным ему пылом и искренним горячим стремлением служить науке и научной истине, от привычных методов и приёмов перешёл к количественному анализу грамот к качественному. Метод, который избрал Н. П. Грацианский, не мог ему это сделать. Применением этого метода было неимоверно трудно было порвать с успешными традициями исторической специальности области, нужно было приложить много усилий и труда для того, чтобы обработать громадный материал в знаменитого Ключевского и Ключевской. Это заняло полтора десятков бургундских грамот (сборники дарственных грамот). Каждый, кто пробовал обработать хотя бы один из них, хорошо знает характер этих трудностей. Недаром письменный стол Н. П. Грацианского во время работы над этой книгой был загромождён карточками, выписками и выкладками. И вот в результате этих усилий явилась работа, где тщательность метода «бесспорно опытного знания» доведена до виртуозности.

Эта работа по своему содержанию делится на две части. В первой—автор даёт картину распределения земельной собственности в Бургундии и анализ структуры бургундской деревни. Во второй части он стремится заглянуть во внутреннюю жизнь деревни и помещичьего, барского двора.

Качественный анализ грамот означает переход от приёмов статистического установления числа крестьянских и помещичьих дарений и их количественного соотношения к разбору и описанию состава и условий отдельных дарений. Бургундские грамоты дошли до нас большей частью в подлинниках, и это дало возможность Н. П. Грацианскому сделать ряд очень важных и ценных наблюдений на этом материале. Он показал, до какой степени пестра была бургундская деревня, отметил наличие в среде дарителей собственников разных типов, крупных и мелких светских помещиков, свободных крестьян трёх различных типов; он обратил внимание на расслоение крестьянства, усиленную практику зависимого и свободного держания, прекариев, на вторжение ростовщиков в деревню, на ипотеки, задолженность многих владений и т. д. В то же время он пытается использовать для определения характера владений в деревне данные о способе расположения участков, входящих в состав каждого дарения, анализирует разные виды компактного расположения участков и чертит остроумные картографические схемы, дающие конкретное представление о расположении дворов и угодий в бургундской деревне.

Переходя к анализу поместья, Н. П. Грацианский подчёркивает, что поместье в составе дарений иногда совпадает с деревней,

а иногда составляет только часть её, и приводит к выводу, что светское поместье (насколько мы можем о нём судить по грамотам о передаче светских помещичьих владений монастырям) не поглощало обязательно целиком деревню как населённый пункт, а часто входило составной частью в различного типа владения.

Вместе с тем Н. П. Грацианский исследует и внутреннюю структуру самого светского поместья, анализирует ряд терминов, определяющих его составные части, обозначающих те или иные земельные участки и угодья. Он подвергает само понятие поместья, о соотношениях барщины, оброка и приходит к тому выводу, что Бургундия X—XII вв. вряд ли существовала поместьем рентного типа (Grundherrschaft, терминология Г. Л. Кнаппа), т. е. такое поместье, в котором основной хозяйством было лишь поступление различного рода денежных или продуктовых рент. Ибо, несмотря на сравнительно высокий уровень этих рент, налицо также и большая роль барщины барского домена в структуре бургундской церковной вотчины. Конечно, все эти выводы носят локально ограниченный характер. Это отмечал и сам Н. П. Грацианский в предисловии и в заключении к своей книге. Он рассматривает в ней только бургундскую деревню X—XII вв., и распространение выводов его исследования на всю Францию вряд ли встретило бы в нём сторонника. Тем не менее нельзя преуменьшать значение этих выводов.

Бургундия — страна чрезвычайно интересная по своим историческим судьбам. Поэтому, если бы даже Н. П. Грацианский назвал нам контуры только бургундской действительности, это уже само по себе представляло бы огромную ценность. Но его замечательные исследования позволяют нам из бургундского окна увидеть некоторую перспективу общегалло-французского и общеевропейского развития. Вскрытые им особенности исторического развития Бургундии, живучесть галло-римских порядков, специфический характер товарно-денежных отношений — всё это наложило неизгладимый отпечаток и на её аграрный строй. Учитывая поправки, которые эти особенности обязывают нас внести, мы всё же можем с полной уверенностью утверждать, что как бы ни относиться к тому или иному конкретному выводу Н. П. Грацианского, мы получили в результате его исследования не только применение новых надёжных методов при изучении локального бургундского материала, но и ценные указания на общие закономерности развития феодального строя. Эта книга надолго останется ориентирующей вехой на «путях и репутях» работы медиевистов.

Разумеется, сказанное даже в малой мере не исчерпывает всё богатство научного следствия Н. П. Грацианского. Мы пытались лишь на нескольких примерах показать методы и манеру работы, ибо этому можно и должно у него учиться. Если бросить взгляд на всё, написанное Н. П. Грацианским в целом, то все его труды можно разделить на три основные группы. В первую

войдут работы, посвящённые исследованию преимущественно аграрного строя раннего средневековья и варварского права: «Бургундская деревня», многочисленные статьи о варварских правдах — очень плодотворные по методам и ценные по выводам, — тонкие и интересные этюды по истории сельскохозяйственной техники, статья об аграрных распорядках древних германцев и, наконец, источниковедческие работы о «Салической Правде», о «Сен-жерменском полиптике», о «*Capitulare de villis*» и о картуляриях.

Другую группу его работ составляют труды по славяноведению. В качестве работ третьей группы следует прежде всего отметить выполненные Н. П. Грацианским переводы целого ряда исторических памятников, представляющие собой подлинные шедевры. Ещё в 1912 г. в Казани вышла «Салическая Правда» в переводе Н. П. Грацианского (до сих пор единственный русский перевод этого источника). Перевод этот является, по существу, тоже научным исследованием, потому что переводить этот труднейший памятник, — где что ни слово, то контроверза, — значит толковать его. Но Н. П. Грацианский не ограничился этим и за последние годы приготовил новый перевод не только «Салической Правды», но и дополняющих её капитуляриев, которые ставят переводчика перед ещё большими трудностями, чем текст самой «Правды». Этот перевод подготовлен к печати и намечен к изданию Институтом истории АН СССР.

Исследовательский характер носят и хрестоматийные публикации Н. П. Грацианского «Западная Европа в средние века» (1925), «Французская деревня XIV в. и Жакерия», представляющие собою подбор отрывков из разных памятников в русском переводе составителя, важное пособие для семинарской работы в высших учебных заведениях. Николай Павлович принял деятельное участие и в составлении более обширных сборников средневековых памятников в русском переводе, а именно: в «Социальной истории средневековья» под редакцией Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова (М. 1927), явившейся результатом коллективного труда секции средневековой истории Института истории РАНИОН, во главе которой стоял тогда ныне покойный Д. М. Петрушевский, и «Хрестоматии по истории средних веков» под редакцией Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина (1938—1939).

К этим переводам и публикациям источников примыкают работы Н. П. Грацианского, непосредственно связанные с его педагогической деятельностью, — издание лекционного курса по истории средних веков, читаемого им в Государственном Педагогическом институте имени Ленина, активное участие в составлении «Всемирной истории», издаваемой Институтом истории Академии наук СССР, и, наконец, популярная книга «Крестьянские и рабочие движения в средние века», изданная в 1924 году.

Во всех работах как популярных, так и чисто исследовательских Н. П. Грацианский остаётся верен себе: всегда и везде он

прежде всего исследователь, идущий индуктивным путём, добывающий истину путём ряда тщательно проверенных умозаключений из конкретного материала источников.

В то же время он живо откликается на запросы, которые ставит педагогу высшая школа. Его задача — приблизить источник к студенту, дать точный перевод памятника, на который мог бы опираться студент, если он недостаточно владеет языками. Если перевод не в состоянии заменить подлинник (Н. П. Грацианский сам никогда не стал бы утверждать, что перевод — самый совершенный в мире — может быть тождествен подлиннику), то он, по крайней мере, может приучить студента к настоящей исследовательской работе.

Нужно вспомнить и ещё одну черту Н. П. Грацианского: он высоко ставил ясность исторической мысли. Поэтому его курс по истории средних веков отличался прежде всего ясностью конструкции и доступностью изложения самых трудных проблем при обилии фактического материала и широте концепции.

В лице Н. П. Грацианского мы потеряли историка, который на конкретном материале раннего средневековья ставил и решал очередные проблемы своей науки. Проблема развития феодального поместья, структуры феодальной деревни, феодальной эксплуатации, — вот основные темы, которые его волновали. Все они сводятся к большой проблеме генезиса и развития феодализма, его выростания из варварского общества и варварского государства и дальнейшей его эволюции (отсюда и его интерес к варварскому праву).

Н. П. Грацианский обладал колоссальной эрудицией. Он хорошо знал много исторических памятников, самых разнообразных и очень трудных. На заседаниях случалось слышать его замечания не только по вопросам средневековой истории, но и по практике римских землемеров (*agrimensores*), по некоторым темам из русской истории, — и каждый раз это делалось с поразительной эрудицией и знанием источников и литературы. Он очень хорошо знал «Русскую Правду» и летописи и использовал эти знания в работах по варварским правдам и по славяноведению.

Знание огромного количества источников и по средневековой и отчасти даже по древней и русской истории позволяло Н. П. Грацианскому плодотворно применять свои изощрённые, тонкие методы и к анализу вековой борьбы славянства с немецкой агрессией. Здесь его острый и зоркий взор усмотрел то, что не всегда легко усмотреть. Вместе с тем Н. П. Грацианский сумел подкрепить увиденное столь же скрупулёзным анализом текстов, к какому он привык в своих чисто медиевистических исследованиях.

Историк такого масштаба, как Н. П. Грацианский, конечно, не мог не оставить школы, и он её оставил. Его ученики разбросаны по всей стране. Среди них немало таких, которые уже успели стать самостоятельными, зрелыми учёными; другие работают над докторскими или кандидатскими диссертациями. А многочисленные студенты, молодёжь, которой он давал так много!

Н. П. Грацианский был одним из блестящих представителей подлинного конкретно-исторического метода и вошёл в науку, как крупная величина. Смерть оборвала его жизнь совершенно внезапно. Сколько незавершённых замыслов унёс он с собою! Он стремился обобщить в виде большого труда свои изыскания по истории западного славянства и его борьбы с немецкой агрессией. Он надеялся ещё поработать в архивах и на основании извлечённых оттуда данных написать такой труд по средневековой истории, который был бы совершенно оригинальным не только по методу и выводам, но и по вновь открытым источникам. И, конечно, этот труд вписал бы новые блестящие страницы в его научную деятельность, в историю нашей науки. Этому не суждено было сбыться.

Однако труды Н. П. Грацианского, которые он успел завершить, настолько значительны, что их знают не только у нас, но и на Западе.

Имя Н. П. Грацианского стало известным во Франции, Англии и Германии. Крупный французский историк Марк Блок считал, что «Бургундская деревня» составляет эпоху в истории изучения предмета. Английский историк Поган поместил весьма лестную рецензию на ту же работу в одном из руководящих английских исторических журналов — «Economic History Review». Даже

в новом издании известного немецкого библиографического справочника по истории Германии — Dahlmann-Waitz «Quellenkunde zur deutschen Geschichte» (1931) отмечена статья Н. П. Грацианского «Traditionen Karolingerzeit», несмотря на то, что она направлена против авторитетного в Германии Допша. Любопытно также и то, что Н. П. Грацианский, как это уже подчеркнул акад. В. П. Бузескул в своей книге «Всеобщая история и её представители в XIX—XX вв.», не склонялся перед чужими авторитетами. Он выступил против Допша в 1926 г., во время расцвета его популярности среди западноевропейских историков. Николай Павлович сделал это с большой скромностью, но в то же время и с полным сознанием всей силы своей аргументации. Тем самым он обнаружил истинное научное дерзание, которое диктуется убеждённо в своей правоте.

Последние годы своей жизни Н. П. Грацианский посвятил работам по истории славянских народов, в особенности истории борьбы славян против германского «Drang nach Osten». В этих своих работах Николай Павлович выступает во весь рост не только как великолепный передовой учёный, но и как горячий советский патриот, как последовательный борец за передовую науку, против фашистских фальсификаций и фашистского мракобесия.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XXXV. Огиз — Госполитиздат. 379 стр.
8 рублей.

В сокровищницу марксизма-ленинизма внесён ещё один ценный вклад: ИМЭЛ выпустил в свет очередной XXXV Ленинский сборник. Он содержит около 700 ранее не публиковавшихся ленинских документов: письма, телеграммы, записки, резолюции, постановления, пометки на документах, и т. д. Эти документы относятся к периоду с октября 1917 года по декабрь 1922 года. Они охватывают широкий круг вопросов, которыми занимался Владимир Ильич: оборона страны, внешняя политика Советского государства, организация тыла в годы гражданской войны, переход к новой экономической политике и вопросы хозяйственного строительства; строительство Советского государства и т. д.

Опубликованные документы имеют неоценимое значение для изучения истории нашего Советского государства, истории и теории большевистской партии. Они с новой силой раскрывают перед нами образ Владимира Ильича Ленина, великого и мудрого вождя и государственного деятеля.

В сборнике приведены новые документы, рисующие Ленина организатором и вдохновителем борьбы с интервентами и белогвардейцами. Один из документов адресован председателю Совдепа гор. Дриссы от 19 февраля 1918 года. Город оказался под угрозой занятия его немцами. В связи с этим Ленин телеграфирует: «Оказывайте сопротивление, где это возможно. Вывозите всё ценное и продукты. Остальное всё уничтожайте. Не оставляйте врагу ничего. Разбирайте пути — две версты на каждые десять. Взрывайте мосты» (стр. 16).

Вслед за немцами вскоре выступили против нас и японские империалисты. 5 апреля 1918 г. японские интервенты высадили свои войска во Владивостоке. Уже 6 апреля Ленин, ознакомившись с планом ЦИК Советов Сибири по организации сопротивления оккупантам, писал им: «Одобряю планы подготовки и мобилизации. Ежели будут продвигаться, сопротивляйтесь... Постараемся помочь высылкой денег, хотя затруднения у нас необычайно велики. Прошу осведомлять чаще» (стр. 19).

Летом 1919 г. И. В. Сталин, руководивший обороной Петрограда, обратился к Ленину с просьбой прислать подкрепления. Ленин приказал Реввоенсовету республики перебросить с Восточного фронта лучшие части к Петрограду. Но Реввоенсовет не выполнил этого указания. В связи с этим 11 июня 1919 г. В. И. Ленин гневно пишет в Реввоенсовет:

«1) Обязательно сейчас же назначить (и довести до конца) расследование, кто Вас ввёл в заблуждение, уменьшая бедствие. Это ведь измена.

2) Надо принять все меры и особенно следить за быстротой продвижения 6 полков с Востфронта» (стр. 67—68).

Летом 1920 г. выросла серьёзная опасность со стороны Врангеля. И. В. Сталин пишет от имени ЦК РКП(б) директиву всем партийным организациям о мобилизации всех сил на борьбу с Врангелем. В. И. Ленин на этой директиве пишет: «Я за немедленную рассылку, как бесспорной вещи, Ленин» (стр. 140). По инициативе Ленина Политбюро поручает И. В. Сталину организацию борьбы с Врангелем. 2 августа 1920 г. В. И. Ленин посылает об этом И. В. Сталину телеграмму (стр. 141).

Документы XXXV сборника дают новый материал для характеристики той гигантской работы, которую проводил Ленин по превращению страны в единый боевой лагерь.

Одним из важнейших условий, обеспечивших нашу победу в гражданской войне, явилась национализация промышленности и транспорта. В сборнике напечатан ряд документов, показывающих, как осуществлялась национализация. В постановлении Совнаркома от 18 (31) января 1918 г., подписанном Лениным и Сталиным, декретируется национализация всего торгового флота (стр. 13—14). В телеграмме Шаумяну в Баку от 18 июня 1918 года Ленин сообщает о предстоящей национализации нефтяной промышленности (стр. 24).

Ряд документов показывает заботу Ленина об увеличении выпуска военной продукции нашей промышленностью. 15 февраля 1919 г. он обратился к Луганскому патронному заводу с предложением увеличить производство патронов до 1,5 миллиона штук ежедневно.

Ленин оказывал всемерную поддержку и помощь предприятиям, выполнявшим важные правительственные задания, например, Нижегородской лаборатории. Ленин решительно боролся против всякого анархизма, местничества в руководстве работой промышленности.

Большая группа документов рисует титаническую борьбу Ленина за хлеб в годы гражданской войны. 8 сентября 1919 г. Ленин обратился к губпродкомам Самары, Казани, Уфы и других городов с телеграммой, в которой писал: «Хлеба совершенно нет в Москве, Петрограде и других проле-

тарских районах, на исходе незначительные запасы воинских частей, особенно Западного фронта... Немедля, вне всякой очереди, отправьте всё наличное к настоящему времени, заготовленное вами количество хлеба в Москву...» (стр. 76). А через несколько дней Ленин ответил Петрограду, что из Уфы, Вятки и других мест хлеб уже отгружен и отправлен в адрес Питера (стр. 77).

Ленин непрестанно следит за ходом выполнения продовольственной развёрстки. Когда председатель пугачёвского уездного продсовещания сообщил ему о выполнении продразвёрстки по уезду на 50%, в то время, когда «некоторые волости вывезли полностью», Владимир Ильич телеграфирует в Пугачёвск: «Сообщите немедленно точно, какие именно селения или волости выполнили развёрстку полностью» (стр. 79).

В то же время Ленин решительно предупреждал против чрезмерного обложения, требовал не обижать трудовое крестьянство. В сборнике приведён целый ряд подтверждающих это документов.

Огромные усилия прилагал Владимир Ильич для сплочения народов в единый боевой союз, видя в этом условии победы над врагом. Со всей беспощадностью он разоблачал тех, кто пытался расколоть этот союз, подорвать единство народов нашей страны. Когда екатеринославская организация украинских эсеров приняла резолюцию, направленную против военно-экономического союза Украины с Советской Россией, Ленин поручил «Правде» разоблачить эту резолюцию, «...доказывая детально, что такие колебания эсеров в сторону кулака и отделения от России, т. е. дробления сил, перед Колчаком и Деникиным, объективно ведут к помощи буржуазии и Колчаку» (стр. 65).

Столь же решительно Ленин разоблачает украинскую партию «боротьбистов», которая, как и эсеры, пыталась оторвать Украину от союза с Россией (стр. 93—94). Он поставил вопрос о необходимости быстрой ликвидации этой партии.

Со всей непримиримостью Ленин выступает против попыток подорвать извне крепнее единство народов нашей страны. Когда в 1921 году была советизирована Грузия, за границей буржуазия и в особенности меньшевики развернули дикую травлю РСФСР.

В связи с этим Ленин направил телеграмму тов. Орджоникидзе, в которой предложил, «...чтобы Грузинский Ревком открыл серьёзную контрагитацию, где должна быть отмечена, во-первых, миротворческая роль РСФСР, во-вторых, — активная и инициативная роль грузинских рабоче-крестьянских и армейских масс, свергнувших грузинское буржуазное правительство, и, в-третьих, роль Азербайджанского и Армянского советских правительств, поддержавших повстанцев как армянских и татарских, так и грузинских с целью самообороны против агрессивных шагов грузинского буржуазного правительства, сформированного в Тифлисе азербайджанское и армянское буржуазные правительства для внут-

реннего взрыва советского режима в Армении и Азербайджане» (стр. 234—235).

Большая группа документов в XXXV Ленинском сборнике посвящена новой экономической политике и хозяйственному строительству.

В центре внимания Владимир Ильич поставил вопрос о едином хозяйственном плане восстановления и развития страны, о создании наиболее эффективной системы государственного руководства экономическим строительством.

Идея создания Госплана принадлежит целиком Ленину. В феврале 1921 г. Владимиру Ильичу был представлен проект реорганизации ГОЭЛРО, предусматривавший причисление ГОЭЛРО к Совету труда и обороны в качестве органа по дальнейшей разработке общего плана электрификации РСФСР. Ленин коренным образом переделал этот важнейший пункт тезисов и редактировал его так:

«§1. При СТО создаётся Общеплановая комиссия для разработки единого государственного хозяйственного плана на основе одобренного VIII съездом Советов плана электрификации и для общего наблюдения за осуществлением этого плана» (стр. 225). «Остальное» Ленин предложил «переделать согласно новому § 1» (там же).

Огромное значение Ленин придавал работе местных экономических совещаний, за деятельностью которых он следил с неустанным вниманием и интересом.

Большая группа документов посвящена плану ГОЭЛРО, вопросам электрификации страны. Некоторые из них непосредственно связаны с выработкой и утверждением плана ГОЭЛРО: пометки на письме инженера Козмина, пометки на книге «План электрификации России», заметки об электрификации и т. д.

Ряд документов сборника показывает, как Владимир Ильич непосредственно руководил осуществлением плана ГОЭЛРО, делом электрификации страны. В письме Ленина от 12 сентября 1921 г. электроотделу ВСНХ он предлагает совершенно точно, в установленные сроки снабдить Каширское строительство требуемым электротехническим материалом, чтобы закончить работы в установленный срок. Когда встретились трудности с пуском Каширской станции, Ленин 12 апреля 1922 г. передаёт из Горок телеграмму своим заместителям: «Прошу сегодня же устроить совещание заком для выработки практических и наиболее энергичных мер для достижения того, чтобы Каширская станция начала давать ток в Москву. Это совершенно нетерпимое безобразие, если готовая станция, с готовыми проводами не может подавать тока из-за наших хозяйственных беспорядков» (стр. 347).

Владимир Ильич всемерно поощрял и поддерживал местную инициативу по электрификации сёл и деревень.

В сборнике напечатан ряд новых документов о руководстве Лениным работой промышленности. Добыча угля, торфа, золота, состояние Донбасса, Баку, железнодорожное дело, строительство бумажной

фабрики в Карелии, разработка слюды — всё в поле зрения Ильича. 17 сентября 1922 г. Ленин пишет своим заместителям: «Из газет вижу, что отчаянное положение с Донбассом и с Баку... Не рискнуть ли взять некоторые миллионы из золотого запаса? Не хуже ли будет пропустить дело, оставить без помощи?» (стр. 351).

С неослабным вниманием следил Владимир Ильич за организацией добычи гидро-торфа в России, всячески содействуя этой отрасли промышленности (стр. 323).

В сборнике напечатаны новые документы, связанные с заменой продрозвёрстки натуральным налогом.

Большой интерес представляют ленинские документы «о разработке практических мероприятий по введению продналога». Они показывают, с какой тщательностью Ленин взвешивал все факторы, все возможности — сроки, размеры налога, суть самого перехода к продналогу.

Подготавливая закон о замене продрозвёрстки продналогом, Ленин чутко прислушивался к голосу беспартийных крестьян. 22 декабря 1920 г. Владимир Ильич присутствовал на совещании беспартийных делегатов VIII съезда РСФСР. Ленин внимательнейшим образом следил за каждым выступлением крестьян на этом совещании и записал выступления 28 делегатов (стр. 190—193), в которых отражены нужды крестьян, их отношение к развёрстке, продналогу, конкретные предложения крестьян по поднятию сельского хозяйства. Какое важное значение придавал Ленин этим записям, видно из того, что он их направил для ознакомления всем членам ЦК РКП(б) и наркомам.

Исключительный интерес представляет письмо Ленина в Наркомзем по вопросу о привлечении представителей трудового крестьянства к государственной работе в центральном аппарате (стр. 228—229).

Ленин немедленно реагировал на жалобы трудового крестьянства. Когда Ленин получил от Красикова письмо, в котором он пишет, что «Ваше правило шадить середняка не соблюдается», что с мест поступают жалобы на политику земельных отделов и других органов советской власти, Ленин на полях письма гневно пишет: «Знаю. Безобразие. Что ещё придумать? «Манифест»? Или особый «декрет»? или в суд?» (стр. 306).

Ряд документов сборника показывает, как Ленин поддерживал ростки новых социалистических отношений в сельском хозяйстве — коммуны, совхозы, — заботился о механизации сельского хозяйства, применении тракторов, электропугов и т. д.

В начале нэпа большое внимание Ленин уделял вопросу об иностранных концессиях. Ленин считал возможным и нужным привлечение иностранного капитала в отдельные отрасли промышленности, но при условии полного соблюдения наших государственных интересов. «Этот интерес требует, чтобы мы ни в малейшей степени не допускали ослабления того принципа, что мы являемся собственниками всех нацио-

нализованных предприятий и складов» (стр. 218).

Ряд документов относится к переговорам о предоставлении концессии Лесли Уркарту. Они показывают, с какой тщательностью Ленин подходил к решению этого вопроса. Ленин запрашивает исчерпывающие материалы о состоянии заводов, которые предполагалось сдать в концессию, поручает изучить вопрос: «Сладим мы без концессионера (вероятно) или нет? если нет, почему?» (стр. 222).

4 сентября, после того как Ленин получил все нужные материалы и изучил вопрос, он пишет И. В. Сталину:

«Дать концессию Уркарту только при условии предоставления нам большого займа...

Враги рассчитывают на полное разрушение основного капитала нашего транспорта и промышленности. Необходимо изыскать средства на восстановление этого капитала...» (стр. 223).

Наша страна это указание Ленина блестяще выполнила под водительством И. В. Сталина.

Большой теоретический интерес представляют ленинские документы по вопросу о роли и функциях государства при нэпе.

В письме в Наркомюст Ленин требует быстрой кодификации нашего законодательства: «В частности именно теперь надо спешно выработать ясный и точный закон о распространении на все и всякие (и частные, и кооперативные, и концессионные, и т. п.) учреждения и предприятия права Рабкрин ревизовать и осведомляться» (стр. 325).

Ленин требовал систематического и сурового контроля со стороны государства против «злоупотребления нэпом» (стр. 334). В интересах диктатуры пролетариата Ленин требовал законодательного оформления неограниченного права государственной власти контролировать, вмешиваться в частно-правовые отношения.

В письме к Курскому по поводу составленного в НКЮ гражданского кодекса Ленин даёт следующие, имеющие принципиальное значение указания:

«...2) Всё, что есть в литературе и опыте западно-европейских стран в защиту трудящихся, взять непременно.

3) Не ограничиться этим (это самое важное). Не идти слепо за НКИдел. Не угодать «Европе», а продвинуться дальше в усилении вмешательства государства в «частно-правовые отношения», в гражданские дела... Именно перед Генуей не сфальшивить, не смалодушничать, не выпустить из своих рук ни малейшей возможности расширить вмешательство государства в «гражданские» отношения» (стр. 334—335).

Ленин постоянно заботится об укреплении административных, контрольных, судебных и карательных органов Советского государства. Вместе с тем он не переставал подчёркивать возросшую роль государства в деле повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся нашей стра-

ны. Отсюда и постоянная забота Ленина о неуклонном улучшении органов государственной власти, решавших эти задачи, в частности органов социального обеспечения. 23 мая 1921 г. за подписью Ленина и Молотова об этом была послана телеграмма всем губкомам и губисполкомам (стр. 251—252).

Ленин вёл неустанную борьбу за укрепление Советского государства, за улучшение работы государственного аппарата. Он добивался законности, чёткости в работе аппарата, сурово взыскивал за волокиту, за нарушение революционной законности, за бездушие, формализм. В рецензируемом сборнике этим вопросам посвящены десятки документов.

Исключительное внимание Владимир Ильич уделял развитию социалистической культуры, народному образованию. В сборнике напечатано несколько десятков документов Ленина об этом.

Принципиальное значение имеет «набросок резолюции о пролетарской культуре». Ленин наметил 4 основных тезиса, которые он затем развил в известной резолюции «О пролетарской культуре» (Соч. Т. XXV, стр. 409—410). Вот эти тезисы:

1. Не особые идеи, а марксизм.
2. Не выдумка новой пролеткультуры, а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры.
3. Не особо от НКПроса, а как часть его, ибо РКП + НКПрос = Σ пролеткульты.
4. Тесная связь и соподчинение Пролеткульты НКПросу» (стр. 148).

Большое принципиальное значение имеют замечания Ленина на проект Постановления СНК о высшем художественном образовании, по вопросу о преподавании основ коммунистического мировоззрения, а также отрицательный ответ Ленина Покровскому М. Н. по вопросу о «привлечении для работы на факультете общественных наук при I МГУ» меньшевиков — Громана, Червоина, Мартова и др.

Ленин проявлял исключительную заботу по отношению к учёным, советским учителям. Об этом с новой силой свидетельствуют документы XXXV сборника.

Новые ленинские документы являются неопределимым источником для изучения великого содружества вождей нашей партии и государства Ленина и Сталина. Все важ-

нейшие документы скреплены подписями Ленина и Сталина.

По важнейшим военным, хозяйственным, внешнеполитическим, внутривнутриполитическим, партийным, национальным и другим вопросам Ленин неизменно обращается к Сталину.

Разрабатывая свои тезисы по национально-колониальному вопросу для доклада на II конгрессе Коминтерна, Ленин в своих заметках пишет: «Запросить Сталина обязательно» (стр. 130).

В январе 1922 г. Ленин направляет свои знаменитые тезисы о профсоюзах товарищу Сталину. «Тезисы о профсоюзах, по-моему, великолепны, — пишет Сталин Ленину (стр. 311).

В СНК поступил материал о тяжёлом положении Мурманского края. Ленин делает пометку: «Поставим сегодня в СНК (но тогда надо позвать и Сталина)» (4.V.1918 г.) (стр. 21).

Ленину представили проект постановления о Туркестанской республике. «Товарищу Сталину на отзыв», — гласит резолюция Ленина от 3/IX—20 (стр. 149).

Фрунзе просит Ленина ускорить переброску 1-й Конной армии на врангелевский фронт. «Я пошлю Сталину телеграмму Фрунзе о 1 Конармии», — пишет по этому поводу Ленин (стр. 156).

Решается вопрос о концессиях — Ленин непрерывно переписывается со Сталиным по этому вопросу.

Помощник начальника управления по снабжению металлами просит Ленина принять его. «Сейчас занят, — отвечает Ленин. — Прошу обождать или обратиться к Сталину» (стр. 17).

И таких документов в рецензируемом сборнике десятки.

Большой интерес представляет переписка Ленина с В. М. Молотовым, С. Орджоникидзе, С. М. Кировым, с М. Горьким.

В сборнике много ценных теоретических высказываний Ленина о природе нашего строя, Красной Армии и т. д.

Трудно передать всё богатство, заключённое в ленинских документах, напечатанных в XXXV сборнике.

XXXV Ленинский сборник будет ценнейшим руководством для работников исторического фронта в их научно-исследовательской работе и ценнейшим пособием для преподавателей.

И. Берхин

ПЛОТКИН Л. А. *Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов*. Изд. АН СССР. Л.—М. 1945. 418 стр. 30 рублей.

Советская наука накопила немало новых материалов и создала ряд обобщающих работ о Писареве (Е. Казанович, В. Кирпотин, Б. Козьмин, В. Кружков и др.). В своём труде Л. А. Плоткин подытоживает проделанную ранее работу, приводит некоторые

дополнительные материалы и, присоединяясь отчасти к уже высказанным точкам зрения, в ряде более или менее существенных пунктов выступает со своим особым словом.

Исследование Л. А. Плоткина включает общую оценку периода 60-х годов XIX в.,

ны. Отсюда и постоянная забота Ленина о неуклонном улучшении органов государственной власти, решавших эти задачи, в частности органов социального обеспечения. 23 мая 1921 г. за подписью Ленина и Молотова об этом была послана телеграмма всем губкомам и губисполкомам (стр. 251—252).

Ленин вёл неустанную борьбу за укрепление Советского государства, за улучшение работы государственного аппарата. Он добивался законности, чёткости в работе аппарата, сурово взыскивал за волокиту, за нарушение революционной законности, за бездушие, формализм. В рецензируемом сборнике этим вопросам посвящены десятки документов.

Исключительное внимание Владимир Ильич уделял развитию социалистической культуры, народному образованию. В сборнике напечатано несколько десятков документов Ленина об этом.

Принципиальное значение имеет «набросок резолюции о пролетарской культуре». Ленин наметил 4 основных тезиса, которые он затем развил в известной резолюции «О пролетарской культуре» (Соч. Т. XXV, стр. 409—410). Вот эти тезисы:

1. Не особые идеи, а марксизм.
2. Не выдумка новой пролеткультуры, а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры.
3. Не особо от НКПроса, а как часть его, ибо РКП + НКПрос = Σ пролеткульты.
4. Тесная связь и соподчинение Пролеткульты НКПросу» (стр. 148).

Большое принципиальное значение имеют замечания Ленина на проект Постановления СНК о высшем художественном образовании, по вопросу о преподавании основ коммунистического мировоззрения, а также отрицательный ответ Ленина Покровскому М. Н. по вопросу о «привлечении для работы на факультете общественных наук при I МГУ» меньшевиков — Громана, Червоина, Мартова и др.

Ленин проявлял исключительную заботу по отношению к учёным, советским учителям. Об этом с новой силой свидетельствуют документы XXXV сборника.

Новые ленинские документы являются неопределимым источником для изучения великого содружества вождей нашей партии и государства Ленина и Сталина. Все важ-

нейшие документы скреплены подписями Ленина и Сталина.

По важнейшим военным, хозяйственным, внешнеполитическим, внутривнутриполитическим, партийным, национальным и другим вопросам Ленин неизменно обращается к Сталину.

Разрабатывая свои тезисы по национально-колониальному вопросу для доклада на II конгрессе Коминтерна, Ленин в своих заметках пишет: «Запросить Сталина обязательно» (стр. 130).

В январе 1922 г. Ленин направляет свои знаменитые тезисы о профсоюзах товарищу Сталину. «Тезисы о профсоюзах, по-моему, великолепны, — пишет Сталин Ленину (стр. 311).

В СНК поступил материал о тяжёлом положении Мурманского края. Ленин делает пометку: «Поставим сегодня в СНК (но тогда надо позвать и Сталина)» (4.V.1918 г.) (стр. 21).

Ленину представили проект постановления о Туркестанской республике. «Товарищу Сталину на отзыв», — гласит резолюция Ленина от 3/IX—20 (стр. 149).

Фрунзе просит Ленина ускорить переброску 1-й Конной армии на врангелевский фронт. «Я пошлю Сталину телеграмму Фрунзе о 1 Конармии», — пишет по этому поводу Ленин (стр. 156).

Решается вопрос о концессиях — Ленин непрерывно переписывается со Сталиным по этому вопросу.

Помощник начальника управления по снабжению металлами просит Ленина принять его. «Сейчас занят, — отвечает Ленин. — Прошу обождать или обратиться к Сталину» (стр. 17).

И таких документов в рецензируемом сборнике десятки.

Большой интерес представляет переписка Ленина с В. М. Молотовым, С. Орджоникидзе, С. М. Кировым, с М. Горьким.

В сборнике много ценных теоретических высказываний Ленина о природе нашего строя, Красной Армии и т. д.

Трудно передать всё богатство, заключённое в ленинских документах, напечатанных в XXXV сборнике.

XXXV Ленинский сборник будет ценнейшим руководством для работников исторического фронта в их научно-исследовательской работе и ценнейшим пособием для преподавателей.

И. Берхин

ПЛОТКИН Л. А. *Писарев и литературно-общественное движение шестидесятих годов.* Изд. АН СССР. Л.—М. 1945. 418 стр. 30 рублей.

Советская наука накопила немало новых материалов и создала ряд обобщающих работ о Писареве (Е. Казанович, В. Кирпотин, Б. Козьмин, В. Кружков и др.). В своём труде Л. А. Плоткин подытоживает проделанную ранее работу, приводит некоторые

дополнительные материалы и, присоединяясь отчасти к уже высказанным точкам зрения, в ряде более или менее существенных пунктов выступает со своим особым словом.

Исследование Л. А. Плоткина включает общую оценку периода 60-х годов XIX в.,

биографию Писарева, характеристику его идейного развития, подробный обзор литературной деятельности Писарева в связи с изучением эволюции его взглядов, определение места Писарева в борьбе общественных и литературных сил его времени, краткие данные об оценке Писарева в дореволюционной и советской критике и истории литературы. Особо стоит тема об эстетических воззрениях Писарева. Весь этот материал укладывается в 11 глав. Общее заключение посвящено главным образом определению значения Писарева.

Давая характеристику эпохи, Л. А. Плоткин выступает против господствующего мнения, что в ходе общественного движения 60-х годов (1862—1863) произошёл перелом, приведший к спаду общественного возбуждения и активности. Признавая, что «после 1862 г. социально-политическое развитие России претерпело существенные изменения», он всё же настаивает на том, что, «вопреки традиционной точке зрения, нет объективных оснований говорить о снижении и спаде общественной волны» (стр. 331). Л. А. Плоткин при этом утверждает: «Установление двух этапов в 60-х годах... восходит ещё к Альфонсу Туру и Иванову-Разумнику» (стр. 17). В действительности это правильное в существе своём деление восходит непосредственно к 60-м годам. В высказываниях представителей всех общественных лагерей того времени можно найти разграничение двух этапов. Нам достаточно здесь сослаться на общеизвестные заявления Герцена, Салтыкова-Щедрина и т. д.

В своих утверждениях автор пытается опереться на Ленина. Цитируя отрывок из статьи Ленина «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», он пишет: «Ленин нигде не говорит о разгроме движения; напротив, дальнейшее расхождение, дальнейшее размежевание, рост силы демократии и социализма, при одновременном росте сил либерально-монархической буржуазии,—таковы тенденции революционного движения в пореформенный период» (стр. 68). Остаётся непонятным, почему, по мнению Л. А. Плоткина, общая тенденция всего пореформенного периода, установленная Лениным, снимает вопрос о непосредственной неудаче первого демократического натиска на рубеже 50-х и 60-х годов. Ленин и в данной статье упоминает о поражении революционеров 61-го года¹, а в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» он ясно говорит: «Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прилива была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось реакцией...»².

Ради своей схемы, требующей уничтожения или по меньшей мере резкого ослабления границы между движением до и после 1862—1863 гг., Л. А. Плоткин принижает размах общественного подъёма конца 50-х годов. Он избегает говорить о революцион-

ной ситуации 1859—1861 годов. Этого ленинского определения мы в его книге не встречаем.

В заключительном параграфе главы, посвящённой оценке 60-х годов, автор указывает, что нельзя говорить о времени после 1862 г. «как только о периоде упадка», нельзя изображать его «как полосу общественной деградации и упадка» (стр. 74, 78). Здесь, однако, сторонникам «традиционной точки зрения» приписан взгляд, в котором они неповинны. Признавать бесспорный факт непосредственного политического поражения, понесённого демократическими силами в борьбе с силами царизма, и наступившего вследствие этого временного упадка общественного движения по сравнению с годами подъёма и революционной ситуации — ничуть не значит говорить об общественной «деградации». Периоды реакции вовсе не исключают дальнейшего движения прогрессивных идей в обществе. Стоит вспомнить роль 80-х годов в истории революционной мысли.

В своей работе Л. А. Плоткин со значительно большим, чем его предшественники, вниманием останавливается на самых ранних шагах литературной деятельности Писарева, на его сотрудничестве в журнале «Рассвет». В этом одно из достоинств рецензируемой работы. Сам автор придаёт особое значение этой части книги. В предисловии он подчёркивает, что им изучены «свыше 40 новых и неизвестных до сих пор статей и рецензий Писарева, печатавшихся в «Рассвете».

В главе «Начало литературной работы» наряду с вошедшими в сочинения Писарева статьями и рецензиями Л. А. Плоткин цитирует до пятнадцати не перепечатававшихся до сих пор отзывов Писарева о различных изданиях. Л. А. Плоткину осталась неизвестной редакционная заметка в последнем номере «Рассвета» за 1859 г., в которой объявлялось, что автором всех статей по библиографическому отделу в течение 1859 г. был Писарев³. Эта заметка делает излишними доказательства авторства Писарева, приводимые Л. А. Плоткиным.

Следует заметить, что Л. А. Плоткин преувеличивает значение рецензий 1859 г., особенно на книги естественно-научного содержания. Попытка автора сколько-нибудь радикально пересмотреть в связи с этим мнение о влиянии на Писарева трудов Фогта, Бюхнера, Мошотта (стр. 149, 221) кажется нам неубедительной.

Ряд центральных глав книги Л. А. Плоткина посвящён сотрудничеству Писарева в «Русском слове». Изложение ведётся в виде хронологического обзора с выделением в большую самостоятельную главу литературно-критических статей (некоторые из них, впрочем, рассматриваются и в общих главах). Для устранения неудобств такого метода изложения следовало бы шире прибегать к обобщённым характери-

¹ См. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 147.

² Ленин. Соч. Т. IV, стр. 138.

³ «Рассвет» № 12 за 1859 г., Библиография, стр. 88.

кам, связывающим материал отдельных статей, разбираемых автором. Тогда взгляды Писарева по важнейшим проблемам как социально-политическим (привлекающим фактически наибольшее внимание Л. А. Плоткина), так и философским и историческим (об исторических взглядах сказано обидно мало) предстали бы яснее и полнее.

Бросается в глаза неравномерное проявление внимания автора к отдельным работам Писарева. В главе, посвящённой «первому периоду сотрудничества в «Русском слове» (1861—1862)», хочется, например, отметить явно недостаточное внимание к главной (наряду со статьёй «Базаров») работе этого периода—«Схолластика XIX века»—и чрезмерное внимание к несравненно менее важной статье — «Меттерних».

Несмотря на отдельные недостатки и неполноту главы существо выводов автора из анализа материалов, относящихся к периоду 1861—1862 гг., представляется нам правильным. Автор отмечает здесь, что Писарев, начавший в 1859 г. с «невинных» рецензий в «Рассвете», под влиянием Чернышевского и Герцена, а также всей атмосферы общественного подъёма, становится революционером и демократом.

Зато в оценке Л. А. Плоткиным эволюции взглядов Писарева с 1863 г. много спорного: «...при всех противоречиях и тактических колебаниях годы 1863—1865, годы пребывания Писарева в крепости, ознаменовались дальнейшим углублением его революционных взглядов. В плане философском эволюция Писарева характеризуется преодолением влияния вульгарного материализма и попытками историко-материалистического объяснения общественного развития. В плане социально-политическом проблемы индивидуальной морали всё больше вытесняются проблемами социально-экономическими. Вопрос о социализме становится для Писарева решающей проблемой общественной жизни. Писарев приходит к выводу об определяющей роли рабочего класса в социальном переустройстве мира. Соединение движения самих масс с социалистической теорией, с революционной сознательностью — таков, по его мнению, путь решения общественной задачи эпохи» (стр. 307—308).

Вопрос об эволюции философских и исторических взглядов Писарева ставится и решается Л. А. Плоткиным слишком прямолинейно и бездоказательно. Если у Писарева и имеются элементы материалистического объяснения хода общественного развития, — что носит скорее характер догадок, — то они рассеяны по статьям разных периодов и едва ли могут быть сколько-нибудь близко приурочены к определённым этапам развития социально-политических взглядов писателя. Определяющими во всём историческом мировоззрении Писарева, взятом в целом, безусловно, остаются идеалистические взгляды. Вспомним хотя бы популяризацию Писаревым исторических идей Конта в уже сравнительно поздние годы (1865). Вообще надо отметить, что автор недооценивает (что граничит почти с полным отрицанием) известной связи Пи-

сарева с общеевропейским течением позитивизма. Острая критика Писаревым политической системы одного из основоположников позитивизма — Конта — не устраняет ещё, как полагает автор, проблемы некоторого, хотя и своеобразного сходства философско-исторических, а кое в чём и общеполитических взглядов Писарева с позитивизмом. Для него в некоторой мере характерна линия материалистического истолкования (и частичного приятия в таком истолковании) позитивизма, о котором писал Ленин¹.

Не обоснован Л. А. Плоткиным и тезис о том, что период 1863—1865 гг. в жизни Писарева ознаменован преодолением влияния вульгарного материализма. Увлечение дарвинизмом, на которое ссылается Л. А. Плоткин, не является достаточным доказательством. Нет оснований предполагать, что влияние Дарвина прекратило тяготение Писарева к вульгарному материализму (конечно, учитывая особенности Писарева по сравнению с Бюхнером и др.).

Современем, как уже давно отмечалось в литературе, проблемы общественно-экономические стали привлекать больше внимания Писарева, чем проблемы «индивидуальной морали», или, по Писареву, — «частной нравственности и житейских отношений». Но нельзя безоговорочно утверждать, что в последние (а тем более срединные) годы деятельности Писарева идеи «воспитания гражданской личности» и «эмансипации индивидуума» стали для него «пройденным этапом, вчерашним днём» (стр. 316). Эти идеи, не потеряв своей привлекательности в глазах Писарева, расширились и углубились, пришли в большую, чем вначале, гармонию с идеями демократической общественности.

Нельзя также согласиться с утверждением Л. А. Плоткина, что «философско-этические концепции», которые «приписывались», по его словам, Писареву старой критикой, представляли собою нечто совсем не связанное с «живыми и конкретными проблемами тогдашней русской действительности» (стр. 12). Писарев переоценивал, особенно на первых порах, роль этих проблем и далеко не всегда умел правильно связать их с чисто общественными проблемами, что не раз давало повод к недоразумениям в определении подлинного характера его стремлений. Но сами по себе вопросы эмансипации личности и весь круг «житейских отношений», сильно занимавшие его, имели серьёзное значение в пору громадного культурно-бытового перелома, переживавшегося Россией при крушении крепостного строя. Это тоже были по-своему «живые и конкретные проблемы» действительности.

Подходя к Писареву, главным образом, как к политическому писателю и мыслителю, Л. А. Плоткин, помимо своего желания, обедняет Писарева, лишает его важной доли его силы и значения. Без Писарева — страстного пропагандиста свободной личности и самостоятельной мысли, обличителя отживших этических понятий и затхлого, застой-

¹ См. Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 219.

ного быта — нельзя представить полнокровного, живого Писарева. Эти-то черты его блестящей проповеди в большей или меньшей степени искупали ошибки и блуждания его социально-политической мысли.

От знакомства с новым трудом о Писареве у нас осталось определённое впечатление, что автор его не удержался на линии объективного и всестороннего освещения общественно-политических взглядов Писарева и их эволюции. Мы привели оценку Плоткиным позиций Писарева в годы 1863—1865. На эти годы, точнее на 1864 и 1865, приходится формулировка Писаревым «теории реализма» и полемика с «Современником». Писарев одушевлён, как всегда, идеями общественного прогресса и блага народа; он находит, что вне «неизбежного вопроса о голодных и раздетых людях» нет «решительно ничего, о чём бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать». Он, проповедник морали разумного эгоизма, произносит громко слова о «массе долгов», накопившихся за образованными людьми в отношении трудящегося большинства, и призывает к уплате долга народу. Но он теперь настойчиво ищет мирного пути для разрешения общественных вопросов, он видит «альфу и омегу общественного прогресса» в увеличении числа «мыслящих людей» («реалистов») в образованных классах общества. Естествознание выдвигается им как панацея от общественных зол. В «лягушке» Писарев думает найти «спасение и обновление русского народа»: «Чернорабочий класс», люди физического труда, признается «пассивным материалом», «над которым друзьям человечества приходится много работать, но который сам помогает им очень мало». Возлагаются большие надежды на то, что капиталист, получивший «полное, прочное, чисто человеческое образование», сделается «мыслящим и расчётливым руководителем народного труда». Приобретение знаний рассматривается в качестве «прямой и единственной» дороги к прогрессу.

Писарев и в 1864 г. не отрицает, что «иногда общественное мнение действует на историю открыто, механическим путём», т. е. путём революции, но он сопоставляет с этим «химический» путь постепенного мирного развития и находит в программе «акклиматизации естествознания» в обществе, расширения круга «мыслящих людей», европеизации земледелия и промышленности единственно верную дорогу — «другой верной дороги нет».

Автор не хочет видеть специфических, уводящих в сторону от революционной борьбы, свойств этой «теории реализма», или не придаёт им должного значения. Правда, в разных местах книги попадаются замечания о «колебаниях» Писарева. Встречается, например, такое заявление: «Если можно говорить о культурных тенденциях Писарева, то с наибольшей рельефностью они выражены в статьях 1864 года...» (стр. 252); вскользь говорится об «утопических и культурных тенденциях» Писарева в 1863—1864 годах (стр. 233) и т. д. Однако эти замечания, в сущности,

не отразились на общей оценке Л. А. Плоткиным общественно-политических позиций Писарева: напротив, он категорически настаивает на своём положении об углублении революционных взглядов Писарева как раз в срединные годы его деятельности.

Односторонне освещает Л. А. Плоткин и полемику «Русского слова» с «Современником». Вопрос о смысле и значении этой полемики — вопрос спорный и сложный. Он не раз был предметом обсуждения в литературе как дореволюционной, так в особенности советской. Мы не имеем возможности в рецензии вдаваться в рассмотрение аргументов Л. А. Плоткина и обосновывать своё понимание вопроса. Однако необходимо отметить наше несогласие с выводом Л. А. Плоткина, сводящего смысл всей полемики к борьбе против «эпигонского либерально-примиренческого обесцвечивания» «Современником» идей Чернышевского (стр. 272). Некоторое «обесцвечивание» идей Чернышевского (в определённой мере вынужденное) имело место в «Современнике» последних лет. Но в споре с «Русским словом» у «Современника» было всё-таки стремление отстоять наследие Чернышевского и Добролюбова и заложенную ими традицию демократической революционной борьбы от того, что казалось «Современнику» (частью основательно, а частью и не основательно) покушением на те или иные составные части этого наследия, а также их вульгаризацией.

Одной из ошибок автора в главе «Полемика с «Современником» и с Антоновичем» является резкая недооценка роли Щедрина в полемике и принципиальной ошибочности выступлений Писарева и Зайцева против творчества Щедрина. Неверно утверждение Л. А. Плоткина, будто «в дальнейшем», после общественной хроники Щедрина в январском номере «Современника» 1864 г., с одной стороны, и статей Писарева «Цветы невинного юмора» и Зайцева «Глуповцы, попавшие в «Современник», — с другой, «Щедрин, в сущности, от дискуссии отошёл» (стр. 249). Достаточно напомнить хотя бы о весьма важной (и совсем игнорируемой автором) общественной хронике Щедрина в мартовской книге «Современника» за тот же год.

Если бы можно было принять даваемое автором освещение полемики Писарева (и «Русского слова» вообще) с «Современником», стало бы непонятным то значение, которое Л. А. Плоткин придаёт вступлению Писарева в «Отечественные записки» Некрасова и Щедрина. Он указывает, что «для большинства писателей и читающей публики... «Отечественные записки» были тем же «Современником» (стр. 318). Мы не думаем, чтобы такое мнение публики было абсолютно справедливым, но верно и то, что обновлённые «Отечественные записки» в значительной степени являлись продолжением «Современника». Разве не облегчилось сближение Писарева с «Отечественными записками» тем, что в последние годы его жизни сгладилась исключительность тех особых взглядов, которые отделяли его и от Чернышевского, и от Добролюбова, и от рус-

водителей «Современника» позднейших лет? Л. А. Плоткин признаёт сближение Писарева с «Отечественными записками» положительным фактом, говорящим о его движении вперёд. «Идеи революции и социализма,— пишет автор,— признание определяющей роли народных масс в революционном переустройстве мира — вот на какой почве могло произойти и произошло сближение Писарева с Некрасовым и кругом «Современника» (стр. 319). Но как раз ясного понимания этой определяющей роли масс, и именно в революционном переустройстве мира, очень не доставало Писареву во время его полемики с «Современником», особенно в 1864 году. И этот коренной недостаток воззрений отразился в ряде полемических выступлений Писарева и во всей его теории «реализма».

Надо подчеркнуть, что, несомненно, чувствуется значительное различие во взглядах Писарева, автора «Мотивов русской драмы» и «Реалистов» (1864), с одной стороны, и автора статей «Генрих Гейне» (1866—67), «Французский крестьянин в 1789 году» (1868) и т. д., с другой. Правда, взгляды Писарева отнюдь не лишены противоречий и в последние годы, но всё больший перевес явно получает революционная и социалистическая линия писаревского мировоззрения, признание им роли масс.

«Проблеме пролетариата» посвящена в книге Л. А. Плоткина особая глава, где он пишет о целом движении «русской общественной мысли, которое ещё в 60-х годах пытались связать исторический прогресс с борьбой рабочего класса» (стр. 292). «От общей постановки вопроса о роли народных масс,— говорит он о Писареве, которого считает представителем этого «движения» или «течения»,— он приходит к мысли о роли рабочего класса в историческом переустройстве мира» (стр. 332). Как показывает приводившаяся выше формулировка Л. А. Плоткина, Писарев, по его мнению, пришёл к своему выводу об «определяющей роли» именно пролетариата в те же 1863—1865 годы. К «течению» общественной мысли, о котором идёт сейчас речь, Плоткин относит, помимо Писарева, также Шелгунова и Соколова; он считает вообще это течение характерным для группы «Русского слова».

Это заключение Л. А. Плоткина представляется нам искусственным, надуманным. О пролетариате немало уже писали в русских журналах и газетах 60-х годов. Существование пролетариата было отлично известно и Чернышевскому, и Добролюбову, и Герцену. Мы, однако, помним вместе с тем несомненно правильное указание Ленина, что Чернышевский «...не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»¹. Из утверждений Л. А. Плоткина неизбежно вытекает, что Шелгунов, Соколов, Писарев в 60-х годах увидели то, чего не видел Чернышевский. Автор в одном месте пишет, что «оно» (положение Пи-

сарева «об определяющей роли пролетариата») «явилось дальнейшим логическим развитием взглядов Чернышевского» (стр. 302).

Мы не думаем, чтобы Писарев когда-либо пришёл к подлинному пониманию общественной и исторической роли пролетариата как самостоятельного класса, выделяющегося из общей массы трудящихся и эксплуатируемых и возглавляющего их борьбу за освобождение. Это не исключает того, что он мечтал, как и ряд писателей 60-х годов, о развитии промышленности в России и предвидел, что когда-нибудь русская общественная жизнь «наткнётся» на «мудрёную задачу» — «рабочий вопрос»².

Таким образом, мы не находим этого шага вперёд — от Чернышевского, который будто бы сделан Шелгуновым, Писаревым, Соколовым в понимании роли пролетариата.

Остановимся несколько на взглядах Н. В. Шелгунова. Шелгунов — крестьянский демократ с известной народнической окраской общественно-экономических воззрений. Л. А. Плоткин придаёт его изложению книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» не то значение, какое оно имело в глазах автора. В ознакомлении русского общества с условиями «экономического быта английского рабочего» Шелгунов видел средство пропаганды особого пути развития России. «Европа проснулась, она поняла свою болезнь, проснулась и Россия; но неужели же она проснулась для того, чтобы сознательно идти тем путём, которым шла Европа бессознательно?» Так писал Шелгунов во вступлении к своей статье, посвящённой изложению работы Энгельса «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции»³. Читатель согласится, что это весьма напоминает язык Михайловского 70-х годов. В середине 1864 г. Шелгунов писал в «Русском слове», в статье «Экономическое значение русских городов»: «Блистательные результаты английской торговли и промышленности мешают видеть за ними в истинном свете городского и сельского пролетариата... Россия в этом случае стоит совсем на ином пути; в нашей экономической отсталости — наше лучшее будущее; что у нас только 600 городов, а не 17 000, и что в городах живёт 5 миллионов, а не 257 — и слава богу. Когда каждый земледелец имеет свою пашню и свой дом — его экономическое положение обеспечено и он не потянется в город, чтобы превратиться в пролетария»⁴.

В 1868 г. (год смерти Писарева) Шелгунов писал в статье «Социально-экономический фатализм»: «Англия первая создала пролетариат, которого не знала Европа...

² В порядке подготовки «материалов» для разрешения этого вопроса Писарев рекомендовал организацию «нравственной и умственной связи между лабораторией учёного специалиста и мастерской простого ремесленника» («Русское слово» № 8. 1865, стр. 85).

³ «Современник» № 9 за 1861 г., стр. 136.

⁴ Шелгунов Н. Соч. Т. III, стр. 112. СПб. 1872.

¹ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 144.

Поэтому знакомство с промышленною Англиею является поучительным для всех тех стран и народов, которые не желают пройти её путём, которые хотят отстранить от себя то экономическое бедствие, которое высасывает из Англии лучшие её соки и покрывает струпами её общественный организм¹ (т. е. пролетариат.—Ш. Л.). Краеугольным камнем положительной программы Шелгунова, особенно выкристаллизовавшейся у него в последующие годы, было понятие «мужика», а вовсе не пролетария. В 60-х годах Шелгунов придавал ещё исключительно большое значение понятию «интеллигент». От знамени, на котором было написано «интеллигент», к знамени, на котором написано «мужик» — так рисовал Шелгунов развитие русской передовой общественной мысли пореформенного времени².

Поскольку Л. А. Плоткин убеждён в существовании особого течения общественной мысли 60-х годов, ставившего задачу — связать исторический прогресс с борьбой пролетариата, мы можем предъявить ему упрек: почему он не проследил, что же случилось в дальнейшем с этим течением, продолжалось ли оно в конце 60-х и в 70-х годах или заглохло, и если заглохло, то в чём же он видит причины этого странного явления?

В других местах рецензируемой книги Писареву приписывается стремление к соединению движения масс с революционной сознательностью и социалистической теорией, хотя и сам Писарев никакой выработанной социалистической теории ещё не имел. Характеризуя период после 1862 г., Л. А. Плоткин пишет: «С особой остротой возникает проблема сочетания стихийного протеста масс с революционной сознательностью» (стр. 331).

После сказанного выше было бы повторением обосновывать необходимость критического подхода к положениям автора, придающего часто взглядам Писарева — и как раз особенно резко в ответственных, обобщающих выводах — такую степень стройности, революционной и даже социалистической последовательности, которая ему отнюдь не была присуща.

Главу об эстетических взглядах Писарева, по справедливости, должно признать наиболее объективной, систематичной и обоснованной. Вскрывая сложность и противоречивость эстетики Писарева, Л. А. Плоткин привлекает для её объяснения значительный материал, характеризующий литературную обстановку того времени. Он выясняет характер связи эстетики Писарева с эстетикой Чернышевского и Добролюбова, а также и Белинского. Он удачно формулирует эстетические принципы Писарева в виде ряда общих положений «эстетического кодекса» Писарева. Большое место отведено выяснению отношения Писарева к ряду крупнейших явлений современного ему литературного движения, а также к затрагивавшимся критиком проблемам литера-

турного прошлого. Вывод Л. А. Плоткина о критических статьях Писарева сводится к тому, что в них «нашла своё отчётливое (мы добавили бы: хотя всё-таки достаточно своеобразное.—Ш. Л.) выражение эстетика революционного просветительства».

В заключение отметим отдельные погрешности и промахи.

Л. А. Плоткин пишет, что статьи Писарева «Генрих Гейне» и «Борьба за жизнь» были написаны в 1867 г., «когда вопрос о революционном «кровопролитии» превратился из чисто теоретической проблемы в вопрос практической действительности» (стр. 324).

Имеется в виду покушение Каракозова, по поводу которого в другом месте (стр. 72) сказано: «От реформаторских иллюзий и надежд на «царя-освободителя» до выстрела 1866 года — таков был путь, пройденный русской демократией 60-х годов». Нам кажется, что путь демократии 60-х годов в целом выглядел далеко не так, а выстрелу Каракозова (4, а не 14 апреля, как напечатано на стр. 66) придано не принадлежащее ему значение. С другой стороны, следует пожалеть, что Л. А. Плоткин не использует имеющихся материалов об отношении ищутинцев (карокозовцев), роль которых он так высоко оценивает, к Писареву и его пропаганде. Для выяснения расстановки течений в демократическом лагере это имеет значение.

Ссылаясь на ленинскую периодизацию освободительного движения, Л. А. Плоткин определяет второе поколение революционеров словами: «...революционные демократы, опиравшиеся на крестьянское движение» (стр. 52). Ленин признавал, что у поколения революционеров-разночинцев по сравнению с дворянским «связь с народом» была «ближе». Однако нет оснований для утверждения, что они уже опирались на крестьянское движение. Именно этой-то реальной опоры им не доставало, и в этом была их беда.

Автор даёт ошибочное толкование отзыву Писарева о «Воспоминаниях» об Аполлоне Григорьеве Н. Страхова. Перепечатав из статьи Писарева приведённый последним отрывок письма Григорьева, Л. А. Плоткин подчёркивает, что Писарев в 1865 г. «счёл возможным прямо полемизировать с теми воззрениями Григорьева, которые сильно напоминали его собственные былые увлечения» (стр. 294). Л. А. Плоткин видит это сходство убеждений Григорьева и Писарева в словах Григорьева, касающихся «вопроса о нашей умственной и нравственной самостоятельности». Но письмо Григорьева не оставляет, как нам кажется, сомнений, что Григорьев имел в виду «умственную и нравственную самостоятельность» русского народа и общества — в духе славянофильства, а вовсе не идеал самостоятельности мысли эмансипированной личности, о которой говорил Писарев. Поэтому никакой полемики «со своим прошлым» мы у Писарева в данном случае не находим. Приводя цитату из Писарева, Л. А. Плоткин не воспроизводит примечания, устанавливающего, что слова в скобках («каков цинизм?» и т. д.) принадле-

¹ Там же, стр. 335.

² См. журнал «Дело» № 10 за 1881 г., стр. 96.

жат не Писареву, а Григорьеву. Это путает читателя.

На стр. 28 ошибочно указывается, что Чернышевский «демонстративно не напечатал» в «Современнике» манифеста 19 февраля. Манифест был напечатан; редакция воздержалась от прямого обсуждения и оценки совершившегося события.

В 1867 г. цензура не изымала из статьи «Генрих Гейне» (да и издание было бесцензурным) рассуждений, касающихся морального обоснования революции (стр. 324). Это место, как и вся статья, только впервые и появилось в издании 1867 г. и оставалось ещё и во втором издании четвёртого тома (1872 г.), целиком запрещённом уже после отпечатания. Место это было исключено Павленковым по цензурным мотивам при переиздании сочинений Писарева в 1894 году.

«Русская Правда» Гирса (Дм. Конст. — не Д. М., как напечатано на стр. 116), выходящая в конце 70-х гг., конечно, не могла иметь никакой связи с Писаревым, и «всеподданнейшая записка», цитируемая Л. А. Плоткиным (стр. 409), такой связи не устанавливает. Сведения записки о похоронах Писарева имеют в виду характеристику неблагонадёжности Гирса и его газеты. При воспроизведении текста той же записки пропущена фамилия Лаврова (стр. 407), вследствие чего преподавателем артиллерийской академии оказывается вместо П. Л. Лаврова В. А. Зайцев.

Раз коснувшись здесь технических погрешностей, укажем ещё некоторые из

замеченных нами (по линии библиографических справок автора): статья Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» (стр. 285) напечатана в трёх, а не в одной, книгах «Современника» 1861 года. В «Русском слове» (стр. 109—110) статья Писарева «Цветы невинного юмора» напечатана в кн. II, а не III, 1864 г., как это и указано правильно в другом месте; статья «Новый тип» помещена целиком в кн. X, а не X и XI, 1865 г.; статья «Исторические идеи Огюста Конта» заняла три, а не две, книги журнала (IX, X, XI) 1865 года. В «Русском слове» была ещё не отмеченная автором статья Писарева из крепости «Времена метафизической аргументации», в первой и единственной книге 1866 г. (продолжение предыдущей статьи).

На стр. 319—324, где автор детально освещает вопрос о датировке статьи Писарева «Генрих Гейне», следовало бы добавить, что пересмотром вопроса о дате статьи мы обязаны Б. П. Козьмину.

На случай переиздания книги Л. А. Плоткина выражаем пожелание о включении в неё подробного общего библиографического списка сочинений Писарева, а также указателя имён, отсутствие которого затрудняет пользование книгой.

Мы остановились на разборе тех положений книги Л. А. Плоткина, которые вызывают больше всего возражений. Тем не менее мы считаем новую работу о Писареве значительным явлением в литературе по истории русской культуры и общественной мысли.

Ш. Левин

ПИОТРОВСКИЙ Б. Б. «История и культура Урарту». Издательство Академии наук Армянской ССР. Ереван. 1944. 364 стр. Тираж — 700 экз. Цена — 40 рублей.

Работа Б. Б. Пиотровского посвящена истории и культуре древнейшего рабовладельческого государства, образовавшегося частично и на территории нашей страны ещё в первом тысячелетии до нашей эры.

Центр этого государства, занимавшего всё Армянское нагорье, находился в районе озера Ван (в турецкой Армении, где была и столица государства). Отсюда и название — Ванское царство, или Урарту (по ассирийским клинописным источникам).

Это было одно из передовых для своего времени и культурнейших государств Древнего Востока.

Для истории Кавказа изучение Урарту имеет первостепенное значение, ибо урартская культура явилась родоначальной для культуры многих народов Кавказа. Южные районы Закавказья в начале первого тысячелетия до н. э. входили в состав Ванского царства, поэтому Урарту с законным основанием можно считать самым древним из государств, существовавших на территории Советского Союза.

На широкой исторической основе этой

рабовладельческой державы впоследствии сложились такие государственные образования, как Армения, Грузия и даже Кавказская Албания (северная часть Азербайджана).

Выяснению самых основ материальной и духовной жизни Урартского государства, особенностей его культуры и посвящена книга Б. Б. Пиотровского.

В отличие от зарубежных исследователей данной проблемы советские историки сумели полнее привлечь такие источники, которые западноевропейские исследователи недостаточно оценивали.

Конечно, значение работ западноевропейских учёных, начиная с Гюйара, Сэйса и других, занимавшихся дешифровкой и переводами урартской клинописи, исключительно велико. Но их работы носили односторонний, узко лингвистический характер. Более широкое освещение урартские памятники нашли в трудах австрийского учёного Лемманн-Гаупта¹.

¹ Lehmann-Haupt «Armenien einst und jetzt». Berlin, Leipzig. 1910—1926.

жат не Писареву, а Григорьеву. Это путает читателя.

На стр. 28 ошибочно указывается, что Чернышевский «демонстративно не напечатал» в «Современнике» манифеста 19 февраля. Манифест был напечатан; редакция воздержалась от прямого обсуждения и оценки совершившегося события.

В 1867 г. цензура не изымала из статьи «Генрих Гейне» (да и издание было бесцензурным) рассуждений, касающихся морального обоснования революции (стр. 324). Это место, как и вся статья, только впервые и появилось в издании 1867 г. и оставалось ещё и во втором издании четвёртого тома (1872 г.), целиком запрещённом уже после отпечатания. Место это было исключено Павленковым по цензурным мотивам при переиздании сочинений Писарева в 1894 году.

«Русская Правда» Гирса (Дм. Конст. — не Д. М., как напечатано на стр. 116), выходящая в конце 70-х гг., конечно, не могла иметь никакой связи с Писаревым, и «всеподданнейшая записка», цитируемая Л. А. Плоткиным (стр. 409), такой связи не устанавливает. Сведения записки о похоронах Писарева имеют в виду характеристику неблагонадёжности Гирса и его газеты. При воспроизведении текста той же записки пропущена фамилия Лаврова (стр. 407), вследствие чего преподавателем артиллерийской академии оказывается вместо П. Л. Лаврова В. А. Зайцев.

Раз коснувшись здесь технических погрешностей, укажем ещё некоторые из

замеченных нами (по линии библиографических справок автора): статья Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» (стр. 285) напечатана в трёх, а не в одной, книгах «Современника» 1861 года. В «Русском слове» (стр. 109—110) статья Писарева «Цветы невинного юмора» напечатана в кн. II, а не III, 1864 г., как это и указано правильно в другом месте; статья «Новый тип» помещена целиком в кн. X, а не X и XI, 1865 г.; статья «Исторические идеи Огюста Конта» заняла три, а не две, книги журнала (IX, X, XI) 1865 года. В «Русском слове» была ещё не отмеченная автором статья Писарева из крепости «Времена метафизической аргументации», в первой и единственной книге 1866 г. (продолжение предыдущей статьи).

На стр. 319—324, где автор детально освещает вопрос о датировке статьи Писарева «Генрих Гейне», следовало бы добавить, что пересмотром вопроса о дате статьи мы обязаны Б. П. Козьмину.

На случай переиздания книги Л. А. Плоткина выражаем пожелание о включении в неё подробного общего библиографического списка сочинений Писарева, а также указателя имён, отсутствие которого затрудняет пользование книгой.

Мы остановились на разборе тех положений книги Л. А. Плоткина, которые вызывают больше всего возражений. Тем не менее мы считаем новую работу о Писареве значительным явлением в литературе по истории русской культуры и общественной мысли.

Ш. Левин

ПИОТРОВСКИЙ Б. Б. «История и культура Урарту». Издательство Академии наук Армянской ССР. Ереван. 1944. 364 стр. Тираж — 700 экз. Цена — 40 рублей.

Работа Б. Б. Пиотровского посвящена истории и культуре древнейшего рабовладельческого государства, образовавшегося частично и на территории нашей страны ещё в первом тысячелетии до нашей эры.

Центр этого государства, занимавшего всё Армянское нагорье, находился в районе озера Ван (в турецкой Армении, где была и столица государства). Отсюда и название — Ванское царство, или Урарту (по ассирийским клинописным источникам).

Это было одно из передовых для своего времени и культурнейших государств Древнего Востока.

Для истории Кавказа изучение Урарту имеет первостепенное значение, ибо урартская культура явилась родоначальной для культуры многих народов Кавказа. Южные районы Закавказья в начале первого тысячелетия до н. э. входили в состав Ванского царства, поэтому Урарту с законным основанием можно считать самым древним из государств, существовавших на территории Советского Союза.

На широкой исторической основе этой

рабовладельческой державы впоследствии сложились такие государственные образования, как Армения, Грузия и даже Кавказская Албания (северная часть Азербайджана).

Выяснению самых основ материальной и духовной жизни Урартского государства, особенностей его культуры и посвящена книга Б. Б. Пиотровского.

В отличие от зарубежных исследователей данной проблемы советские историки сумели полнее привлечь такие источники, которые западноевропейские исследователи недостаточно оценивали.

Конечно, значение работ западноевропейских учёных, начиная с Гюйара, Сэйса и других, занимавшихся дешифровкой и переводами урартской клинописи, исключительно велико. Но их работы носили односторонний, узко лингвистический характер. Более широкое освещение урартские памятники нашли в трудах австрийского учёного Лемманн-Гаупта¹.

¹ Lehmann-Haupt «Armenien einst und jetzt». Berlin, Leipzig. 1910—1926.

Наши учёные предприняли комплексное изучение истории Урарту, основанное на разнообразных источниках.

Археологические работы академиков Н. Я. Марра, И. А. Орбели и И. И. Мещанинова в дореволюционные и советские годы намного расширили наши знания по истории и культуре Урарту; кроме того Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов и др. обогатили урартоведение рядом ценнейших исследований, в которых филологическим вопросам уделены исключительное внимание.

До последнего времени строй, или структура, языка урартов оставался неясным потому, что к языку ванской клинописи зарубежные учёные подходили с позиций индоевропейских языков. В этом и заключалась основная ошибка западных урартоведов. Она породилась, как недавно отметил акад. И. И. Мещанинов¹, незнанием кавказских яфетических языков, отсутствием учёта особенностей их структуры. Только в советских работах были установлены общие черты урартского языка с целым рядом кавказских языков — как закавказских, так и языков северокавказских горцев-яфетидов.

Таким образом, в руках у советских учёных оказался ключ к правильному пониманию урартского клинописного письма.

Благодаря усилиям советских учёных в настоящее время не только разъяснилось многое в истории, культуре и языке Урарту, но и удалось проследить более глубокие корни того многовекового процесса развития Кавказа, который завершился включением Закавказья в среду передовых древневосточных государств.

Появлению труда Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту» предшествовали многолетние полевые исследования автора на Кавказе и ряд его печатных работ, специально посвящённых изучению истории Закавказья Урартского периода. Почти все они и легли в основу рецензируемого труда.

Рецензируемое фундаментальное исследование подводит общие итоги всем современным знаниям по истории, экономике и культуре Ванского царства.

Ценность книги Б. Б. Пиотровского состоит в том, что в ней Урарту показано не только как значительный этап истории Передней Азии, но и как важнейшая страница истории СССР и в особенности истории Закавказья.

Книга состоит из 17 глав, которым предпослано краткое предисловие автора. Она делится на пять неравных частей. Первая (главы I и II) даёт представление о самой истории изучения и об источниках исследования Ванского царства, вторая (главы III и VIII) содержит изложение военной и политической истории Урарту; третья (главы IX и X) является сугубо археологической и посвящена раскопкам и результатам археологических работ в Ване и на холме Кармир-Блур (близ Еревана), четвертая часть (главы

XI — XV) даёт очерк культуры и хозяйства Урарту и, наконец, пятая часть (главы XVI—XVII) рассматривает специальные вопросы о взаимоотношениях скифов с Закавказьем, о судьбах урартов после падения Ванского царства и его преемниках.

К книге приложена карта Урартского государства. Её компоненты теснейшим образом связаны с текстом книги. Публикацией этой карты будет положен конец тому разному и произвольному определению государственных границ Урарту, какой встречается в разных учебниках.

Книга содержит 109 рисунков и 16 таблиц. В конце приложено 8 различных указателей.

Столь специальная книга написана строго научным и вместе с тем достаточно популярным языком.

Самый перечень глав книги указывает на исчерпывающий характер исследования Б. Б. Пиотровского о Ванском царстве.

Некоторое недоумение вызывает только расположение глав. Исключительно интересные и важные, но сугубо археологические главы (IX — X), почти отчётного характера — о раскопках в Ване и на Кармир-Блуре, — кажутся искусственно втиснутыми в связное изложение автора об истории и культуре урартов. Материал этих глав следовало бы использовать или во II главе — «Источники» — или же поместить отдельно в качестве приложения.

Б. Б. Пиотровский впервые в нашей отечественной историографии дал краткий, но исчерпывающий очерк истории изучения Ванского царства с момента первых открытий урартской клинописи Шульцем в 1827 г. до важнейших по своим результатам и значению раскопок урартской крепости в Армении — Кармир-Блур. Он последовательно отмечает участие и всё возрастающую роль в изучении урартской истории и культуры отечественных научных сил, в результате чего северная окраина древнего Ванского царства оказалась лучше изученной, чем даже его центральная часть.

Автор справедливо признаёт приоритет ассирийских письменных памятников в деле изучения урартских древностей, с них он и начинает свой источниковедческий обзор, ибо без ассирийских писем «мы не могли бы датировать известные нам урартские материалы и правильно понять значение Урарту в истории Передней Азии X—VI вв.» (стр. 23).

Вслед за ассирийскими источниками автор последовательно характеризует урартские письменные памятники — урартские клинописные тексты, количество которых достигает уже 200, — разбирает вопросы древней топонимики, определяет роль памятников материальной культуры и, наконец, останавливается на вопросах хронологии. Это очень важный и ответственный раздел. Если для установления хронологии первого периода урартской истории можно свободно отправляться от ассирийской хронологии первого тысячелетия до н. э., которая, как известно, детально разработана, то для второго периода этот ориентир уже не существует.

¹ «Вестник древней истории» № 1 за 1941 г., стр. 108.

Составляя хронологическую таблицу 12 урартских царей, Б. Б. Пиотровский подкрепил её перекрёстными сведениями ассирийских и урартских клинописных текстов, и потому предложенные им даты раннего периода кажутся верными и убедительными. Что же касается хронологии конечного этапа урартской истории, то она имеет много неясностей. И потому, несмотря на известность имён двух последних урартских царей — Эримены и Русы III, — время их царствования, по вполне понятным причинам, автором даётся условно, исходя из принятой, условной даты гибели Урарту (885 г.).

Тщательно анализируя ранние ассирийские свидетельства, он устанавливает, что первое упоминание страны Уруатри в ассирийских текстах восходит к началу XIII в., к царствованию Салманасара I. В текстах сына Салманасара и позднее встречается уже другое название той же страны — Наири. Наконец, в текстах XI—IX вв. вновь всплывает страна Уруатри наряду с Наири. Тщательно разбирая ассирийские тексты, Б. Б. Пиотровский приходит к важнейшим выводам о давности местного происхождения урартов, о временном ослаблении племенного союза Уруатри, уступившего место такому же союзу племён Наири, и о новом усилении урартского племени, приведшем к образованию государства. Социально-экономическая значимость племенного союза Уруатри настолько возрастает, что к середине IX в. Ассирия начинает вести постоянные войны с уже сложившимся сильным государством Урарту.

Положение об автохтонности урартских элементов автор подкрепляет и анализом расписной керамики Кизил-Ванского типа, широко распространённой в Закавказье и в Передней Азии как в доурартское, так и в урартское время.

Известно, что до последнего времени в специальной литературе и в общих работах по истории Древнего Востока господствовала теория миграции урартов из западной части Малой Азии. Наиболее упорным сторонником этой теории являлся Леманн-Гаупт, который для её обоснования делал смелые, иногда поразительно точные сопоставления урартского материала с западным, но более позднего времени (VII—VI вв.), ограничиваясь лишь установлением формального сходства. Чаще же в основе его заключений, как отметил Н. Я. Марр ещё в 1916 г., лежали «общие суждения», а не строго научный метод.

Но те общие черты в памятниках материальной культуры, которые связывают этот урартский круг с восточно-средиземноморским, с малоазийским кругом, по мнению автора, «находят себе объяснение не в этнической общности, а в политических и экономических условиях жизни древневосточных государств» (стр. 46).

Вывод Б. Б. Пиотровского об автохтонности урартских культурных элементов и постепенном процессе преобразования союза племён Уруатри в государство Урарту является одним из наиболее ценных положений не только данной главы, но и всей

книги. В книге показано, как Урартская держава, возникнув в первой половине IX в., уже в середине IX в. представляла собою серьёзное препятствие для ассирийской экспансии на север.

Из четырёх походов Салманасара III в Урарту только два похода (860 и 858 гг.) были успешны для Ассирии и опустошительны для урартов. Два же других похода (834 и 830 гг.) совершенно не затронули центральных районов Урартского государства. Они прошли по западным и юго-восточным его окраинам. Любопытно, что Салманасар III, успешно осуществляя круговой поход 858 г. по северным окраинам страны, уклонился от вступления в центральную часть Урарту. Всё же многочисленные походы Салманасара на запад, на подступы к Сирии и Средиземноморью, интерпретируются автором как меры, обеспечивающие возможность изоляции Урарту от этих экономически и стратегически важных районов (стр. 60). Сила Урарту этого периода была настолько реальна и значительна, что, по мнению автора, Салманасар и не пытался разгромить северную державу и ограничивался только мерами, ослабляющими её растущую мощь. Кажется только, что здесь автор несколько переоценивает силу Урарту этого периода. Походы Салманасара на Запад, к Средиземноморью, могли иметь и другие, свои задачи, мало связанные с целью ослабления Урарту.

Касаясь деятельности урартских царей IX в., Б. Б. Пиотровский в противовес мнению Леманн-Гаупта очень убедительно отождествляет урартского царя Сардура, сына Лутипра, с Сардуром, упоминаемым при описании похода 27 г. царствования Салманасара III.

Основываясь на титуле Сардура, сына Лутипра — «царя страны Наири», т. е. на титулатуре, сходной с ассирийской и отличной от последней урартской, когда цари именовали себя царями «страны Биайны» (урартское самоназвание), Леманн-Гаупт по надписи на Ванской скале определял время царствования Сардура, сына Лутипра, первой половиной IX в.; Сардура же, современника похода Салманасара 834 г., он, правда не особенно уверенно, считал другим царём.

Б. Б. Пиотровский, анализируя ту же ассирийскую титулатуру, пришёл к заключению, что в IX в. был один Сардур. Некоторую разницу в титулатуре он объясняет тем, что Урарту, ранее входившее в коалицию стран Наири, в середине IX в. само заняло главенствующее положение среди других социально-политических образований в районе озера Ван и потому вошло в позднюю титулатуру (стр. 63).

★

Ряд глав труда посвящён показу расцвета и упадка Урартской державы с конца IX в. по VI в. до нашей эры. Они написаны живо, занимательно и содержат очень интересный и новый материал. По сути дела, это главы о военной и политической истории государства. Цельности впечатления несколько мешают только частные

источниковедческие отступления, допускаемые автором.

Для истории СССР ранний период истории Урарту особенно интересен тем, что в этот период, уже при царе Иштуине (825—812), начинается интенсивный рост государства, расширение его границ и предпринимаются первые походы урартов на север, в Закавказье, продолжавшиеся и при сыне Иштуина, Менуа (810—781).

Б. Б. Пиотровский наглядно рисует и внутренние силы Урартской державы, развитие её хозяйства и поразительные строительные успехи Урартского государства этого периода. Известно, что венцом строительной деятельности Менуа является канал, подводящий питьевую воду к г. Ван (ибо озёрная вода непригодна для питья), сохранившийся до сих пор. В нашей литературе ещё не было столь выразительного описания этого замечательного гидротехнического сооружения древности, какое дано на стр. 68 книги.

Автор дал полное освещение блестящей деятельности и другого царя — лучшего урартского полководца Аргишти (781—760). Он наглядно показал, как Аргишти, вступив на престол в тяжёлое для Урарту время, добился коренного перелома в войнах с Ассирией и вышел победителем.

Основав в Закавказье крупный административный центр — город Аргишти-хинили (где позднее была и древнеармянская столица — Армавир), Аргишти всё Южное Закавказье прочно сделал частью Ванского царства. В середине VIII в. Урарту находится в зените своего могущества. Как доказывается в книге, сын Аргишти, Сардур II, по праву носил титулы царя «страны стран» и «царя царей». С воцарением на ассирийском престоле Тиглатпаласара III (745 г.) положение Ванского царства меняется. Реорганизовав армию Ассирии, Тиглатпаласар одерживает крупную победу над Сардуром.

Следует признать особенно ценными те страницы книги (стр. 91—95), которые Б. Б. Пиотровский посвящает общей характеристике Ванского царства со всеми типичнейшими чертами древних государств Передней Азии. Он отмечает крайнюю непрочность этого государственного объединения и неустойчивость его границ; он показывает, что Урарту не представляло собою этнического и культурного единства. Всё это и помогает понять лёгкость начавшегося распада Урарту после поражения Сардура Тиглатпаласаром III (735 г.).

Дав в книге довольно чёткое представление об административном аппарате Ванского царства и подчеркнув, что рабство здесь имело большое значение, Б. Б. Пиотровский, ссылаясь на недостаточность сведений, к сожалению, не выявил специфики урартского рабовладения. Между тем можно полагать, по аналогии с переднеазиатскими обществами, что в Урарту наряду с рабовладельческими хозяйствами существовали ещё не разрушенные родовые общины, особенно на окраинах государства. Наконец, не все пленные могли быть обращены в рабство.

Особого внимания заслуживает ряд вопросов, которым автором дано новое толкование. Это прежде всего вопрос о царе Русе, сыне Сардура. В зарубежной литературе Руса рассматривался как узурпатор. Полемизируя с Тюр-Данженом и Леманн-Гауптом, Б. Б. Пиотровский признаёт его законным наследником урартского престола (стр. 96).

Интересен и второй вопрос — о так называемом «Куянджикском архиве», — особенно в той его части, в которой сообщаются сведения об Урарту. В противовес мнению Олмстэда и других, считавших, что клинописные тексты этого архива, касающиеся Урарту, могут датироваться не ранее 710 г., Б. Б. Пиотровский показывает, что они охватывают большой промежуток времени и рассказывают о событиях и более раннего времени, в частности о походе Саргона (714 г.).

Так же успешно развенчивает автор устаревшее мнение некоторых историков Древнего Востока о конце урартской истории, якобы наступившем после 714 г. — года разгрома Урарту Саргоном. По мнению автора, Ванское царство продолжало существовать ещё около 130 лет и пережило своего постоянного соперника — Ассирию. Оно снова пережило и некоторый подъём в период царствования Русы II, называемого «реставратором Ванского царства», и окончательно пало только в начале VI в. под ударами мидян и северных кочевников-скифов.

Впервые даже в специальной литературе дан обстоятельный обзор всех раскопок и случайных находок в районе урартской столицы Ван, сделанных более чем за 100 лет. Территория Вана дала ценнейшие материалы для характеристики Ванского царства. Из них на первом месте должна стоять стела с надписью урартского царя Сардура, сына Аргишти, открытая И. А. Орбели в 1916 году.

Из всех археологических работ в Закавказье наших дней раскопки на Кармир-Блуре имеют широчайший интерес и занимают особое место. Впервые начатые в 1939 г. совместными усилиями Армянской академии наук и Государственного Эрмитажа, раскопки велись в продолжение 3 лет, продолжались в 1945 г. и дали богатейшие материалы. На громадном холме Кармир-Блур были открыты развалины города-крепости с дворцовыми постройками урартского наместника. До раскопок на Кармир-Блуре все наши представления о материальной культуре Ванского царства покоились только на предметах, добытых в окрестностях г. Ван, в частности из «Топрак-кале». Теперь наши знания значительно расширились и стали базироваться и на замечательных результатах исследований Кармир-Блурского холма.

Одним из блестящих положений, прекрасно аргументированных автором, является его заключение о времени и обстоятельствах гибели этой урартской резиденции в Закавказье. Как утверждает Б. Б. Пиотровский, крепость Кармир-Блур пала под ударами северных кочевников-скифов. Это утверждение покоится на тщательных полевых

раскопчных наблюдениях автора. При вскрытии крепостных стен было встречено немало наконечников бронзовых стрел скифского типа.

Б. Б. Пиотровский выяснил также особенности планировки и кладки дворцовых зданий и крепостной стены на Кармир-Блуре и установил сходство с аналогичными постройками Передней Азии.

Ценным опытом автора нужно признать опыт реконструкции Кармир-Блурского западного здания (стр. 162, рис. 23). Весь этот раздел содержит важнейший материал, который может быть с успехом использован в школьной и вузовской аудиториях в качестве пособия.

Последующие главы посвящены хозяйству и культуре Урарту. Главы «Земледелие и скотоводство», «Материальное производство», «Архитектура Ванского царства» и «Письмо и язык» по сути являются законченными и прекрасными этюдами, посвященными перечисленным темам. В литературе не было ещё столь исчерпывающего освещения всего хозяйства, материальной и духовной культуры Ванского царства, какое дал автор на 106 страницах своей книги.

В перечисленных главах нашли освещение и такие вопросы, как садоводство, виноградарство, коневодство, металлопроизводство, обработка камня, керамическое дело, фортификация, строительная техника и т. д. Весь этот раздел достаточно хорошо иллюстрирован рисунками.

В рецензии нет возможности коснуться всех затронутых в книге тем. Не все они освещены с одинаковой полнотой и обстоятельностью. Так, например, недостаточно освещён вопрос о технике урартского земледелия, о ремесле и др. Весь же изложенный автором материал убеждает в том, что урартское хозяйство было довольно сложным и, по видимому, мало чем отличалось от лучшего и полнее изученного хозяйства Ассирии.

Говоря о скотоводстве как о ведущей форме хозяйства горных районов Закавказья, автор доказывает, что периодичность походов урартов в Закавказье следует связывать не только и не столько с климатическими особенностями (весной и осенью), сколько с формой скотоводства, вернее с эйлажной системой скотоводства, существовавшей у населения Закавказья.

В развитии древней металлургии стран Передней Азии, по мнению многих востоковедов, Урарту занимает особое место, ибо здесь раньше, чем в других местах, появилось и вошло в употребление железо. Это мнение разделяет и автор (стр. 215). Этот тезис подкрепляется блестящим анализом урартского производства преимущественно бронзовых, а не железных вещей. Да и первое применение железа, как известно, было знаком передовым государствам Древнего Востока ещё в конце II тысячелетия до н. э., например в Египте.

Изготовление бронзовых предметов действительно достигло в Ванском царстве художественного и технического совершенства. Б. Б. Пиотровский справедливо отмечает, что при наличии определённого влия-

ния ассирийского прикладного искусства урартское искусство не копировало рабски ассирийское, а было в достаточной степени самобытным (стр. 236).

Высокого уровня достигли урарты и в строительном деле, блестяще используя цветной камень (стр. 254).

Автор устанавливает, что религия урартов была теснейшим образом связана с религией окружающих стран и народов Передней Азии (стр. 284). Кроме основного, местного, урартского элемента в ней чётко прослеживаются элементы месопотамские (ассиро-вавилонские), малоазийские (хуррито-хетские) и иранские.

Из обширного пантеона, в состав которого, по мнению автора, вошли также боги завоёванных областей и городов, резко выделяется бог Халд. Это главный бог урартов. Из того факта, что только его имя в урартских текстах выписывается фонетически, в то время как имена других изображаются с помощью ассирийских идеограмм, Б. Б. Пиотровский делает основательный вывод о том, что Халд был исконным урартским богом одного из племён, позднее вошедших в Урартское государство (стр. 272).

В книге об Урарту, изданной в 1939 г., Б. Б. Пиотровский высказал только предположение о существовании урартского иероглифического письма. Это предположение теперь блестяще было подтверждено находками клейм с урартскими иероглифическими знаками на сосудах, обнаруженных им самим при раскопках Кармир-Блура. В связи с возникшими потребностями государства урарты в IX в. ввели у себя ассирийскую клинопись, несколько упростили её и переработали соответственно своему языку (стр. 287). После работы Б. Б. Пиотровского нужно признать совершенно произвольными попытки некоторых учёных установить генетическую связь урартского иероглифического письма с критским пиктографическим письмом.

Интересные положения высказаны автором об урартском языке. На стр. 290 своей книги Б. Б. Пиотровский в категорической форме заявил, что «словарь урартского языка не позволяет определённо говорить о родстве языка ванских клинописей с каким-нибудь древним языком Передней Азии или же с современными языками». Признавая дальше, что армяне, «являющиеся прямыми наследниками древнего царства по культуре», и что «урарты вошли составным слагаемым в армянский народ», он утверждает, что армяне «не сохранили в своём языке урартскую лексику».

Между тем сам Б. Б. Пиотровский в том же абзаце ссылается на двух авторов, из которых один (А. С. Гарибян) указывает, что «армянские диалекты Ванского и Урмийского районов сохранили, даже в области фонетики, определённые связи с древним урартским языком», а другой (Р. А. Ачарян) возводит к урартским корням полтора десятка армянских слов. Между прочим, известно, что другие армяноведы процент урартских корней в армянском

языке значительно увеличивали (например Капанцян).

Несколько раньше, на стр. 278, в связи с характеристикой урартского божества солнца Арда сам автор писал: «Армянский язык донёс до наших дней урартскую основу термина Ард... И многие армянские имена и слова сохраняют этот корень — arđ — имя одного из самых популярнейших богов доармянского периода истории». Но и это — не всё. Разбирая вопрос о структуре урартского языка, Б. Б. Пиотровский изложил итоги работ наших филологов по этому вопросу. Ему хорошо известны работы И. И. Мещанинова и Г. В. Церетели, которые установили так называемую пассивную конструкцию в урартском языке и разъяснили сущность этого явления убедительными примерами из грузинских и других кавказских языков. Автор сам наглядно показал, что лингвистические работы в урартологии продвинулись вперёд «лишь после того, как урартский язык стали изучать, исходя из норм кавказских языков» (стр. 291). Таким образом, Б. Б. Пиотровский сам довольно отчётливо прослеживает некоторую связь языка современных народов Закавказья с урартским языком.

Самый распад Ванского царства автор очень убедительно связал с нашествием киммерийских и скифских племён. Им впервые в нашей литературе отлично показаны роль и значение Ассирийской шпионской организации, которая своей работой и информацией временно облегчала ведение войны Ассирии с Урарту и северными народами.

Очень интересно обрисован в книге и переломный момент в истории Урартского государства, связанный с выходом на переднеазиатскую историческую арену новой силы — киммерийцев и скифов.

Зажатое с юга и севера, Урарту в VII в. заметно слабеет, и не случайно всё внимание и усилия урартских царей этого периода были направлены на укрепление своих закавказских провинций. Используя все виды источников (данные клинописи, библию, античных авторов и археологический материал), Б. Б. Пиотровский убедительно показал, какой реальной угрозой для существования древних государств Передней Азии являлись полчища северных кочевников (стр. 295—298). Не случайно в разных местах Передней Азии при раскопках древних городов находят бронзовые наконечники стрел так называемого скифского типа. «...их появление было связано с проникновением киммеров и скифов в VII веке в Переднюю Азию» (стр. 301). Свои заключения о скифах на Востоке автор сопроводил обстоятельной сводкой находок скифских стрел не только в Передней Азии, но и на Кавказе, тем самым археологически подтвердив известное свидетельство Геродота о вторжении скифов в Азию через Кавказ.

Развивая тезис Н. Я. Марра о теснейших связях скифов с Кавказом, автор справедливо отмечает, что правильно разрешить «скифскую проблему» можно, только изучая материал VIII—VI вв. до н. э. на широкой территории, в том числе и кавказской, ибо

Кавказ был связан со Скифией давно и не только стадильно.

Уже давно в культуре и искусстве скифов Причерноморья и Северного Кавказа отмечались древневосточные элементы (например золотые ножны из Келлермесского кургана и Мельгуновского клада). Одни исследователи полагали, что это вещи иранского происхождения, другие считали, что в них «ясно выражен ассиро-вавилонский характер»¹. Даже такой знаток скифских древностей, как М. И. Ростовцев, считал их «продуктом иранских или работавших в Иране восточных, негреческих мастеров, приспособившихся к вкусам и заданиям скифских заказчиков»². Рядом убедительных сопоставлений с урартскими памятниками Б. Б. Пиотровский доказал ошибочность всех этих версий. Ему удалось установить урартское происхождение некоторых орнаментальных мотивов и ряда изделий, обнаруженных в ранних скифских курганах Прикубанья, Тамани и Приднепровья («Литой Курган» и др.).

В заслугу Б. Б. Пиотровскому нужно поставить и исправление укоренившегося у некоторых археологов мнения о взаимосвязях западноевропейской культуры Гальштадта и скифской, основанных только на общности форм бронзовых сосудов с звериными ручками (так называемые ситулы из с. Жаботина на Украине). Проследив их широкое распространение на Кавказе, автор считает их кавказскими изделиями. В этой связи следует пересмотреть и другие материалы. Затронутая автором тема «Скифы на Кавказе» (стр. 307), очень интересно иллюстрированная рядом материалов и беглых замечаний, требует ещё дальнейшей разработки, но одно несомненно: что Б. Б. Пиотровским положены первые и прочные основания для успешного разрешения этой проблемы.

В начале VI в. Ванское царство перестало существовать. Ему на смену пришли новые государства Передней Азии. Центр Урарту сначала вошёл в состав Мидии, затем перешёл к Ахеменидской Персии. Состав населения древнего государства усложнился включением западных племён арменов. Последнее обстоятельство и породило ряд ошибочных положений и теорий, прочно укоренившихся даже в среде крупнейших историков Древнего Востока. Наибольшее влияние и распространение в зарубежной литературе имеет теория Леманн-Гаупта, считавшего, что урарты под давлением арменов отступили на север, где и сохранились в Понтийских горах под именем халдеев, упоминаемых античными и средневековыми писателями. Серьёзным основанием для этой связи с халдеями Леманн-Гаупту служил следующий довод. Частое упоминание в урартской клинописи бога Халда иног-

¹ Готье Ю. «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы», стр. 224. 1925.

² Ростовцев М. «Скифия и Босфор», стр. 470. 1925.

да встречается в формах «Халди-ни» и «Халди-ни-ни», осложнённых суффиксами «-ни», в которых многие востоковеды и прежде всего сам Леманн-Гаупт ошибочно усматривали показатели множественного числа. Отсюда делался ложный вывод о том, что урарты сами себя называли халдами.

Б. Б. Пиотровский, ссылаясь на лингвистические работы Фридриха, смело и последовательно разоблачает несостоятельность самого перевода термина «Халдини» как «дети Халда», указывая, что это есть не что иное, как устаревшая грамматическая форма имени бога Халда и что столь ответственный вывод о самоназвании урартов «халдами» был в своё время сделан на основании чтения неверной копии одного урартского текста (стр. 327). Каково же было самоназвание урартов, в точности неизвестно. Известно только, что страну свою в своих текстах они именовали Биайной (стр. 328). Поэтому лишёнными всякого основания нужно считать совершенно произвольные сопоставления «Халд—Халды—Халдеи» и выводить один термин из другого.

Одновременно Б. Б. Пиотровский вскрывает и методологические корни миграционной теории Леманн-Гаупта, согласно которой урарты вначале пришли в район озера Ван с запада, а затем перекочевали куда-то на север. Урарты, по мнению автора, и «после падения Урартского царства никуда не уходили, а остались жить в Ванском районе, сохраняя и своё племенное название, переданное Геродотом в греческой форме «Алародии» (стр. 332). Эти положения в книге звучат веско и убедительно.

Дальше рассматривается важнейший вопрос о преемниках урартов. Вывод, к которому приходит автор, показывает, насколько он осторожен в решении столь ответственной задачи. Он справедливо упрекает некоторых авторов наших учебников и учебных пособий в недопустимой вульгаризации вопросов, связанных с историей республик Закавказья, в частности в вопросе этногенеза закавказских народов. Совершенно верно отметил, что процесс образования современных закавказских народов — процесс очень сложный, который нельзя рассматривать в рамках одного Закавказья, ибо «он происходил на основе общего переднеазиатского субстрата» (стр. 332), автор отказывается от попытки установления какой-либо этнической преемственности народов Кавказа от урартов. На стр. 338 он пишет: «Нельзя ни один из современных закавказских народов непосредственно выводить от урартов, считая урартов его прямыми и единственными предками». Вместе с тем он приходит к заключению, что «все

народы Закавказья являются преемниками урартов только по культуре» (стр. 339). Очень показательна заключительная фраза книги Б. Б. Пиотровского: «Культурное наследие урартов велико не только у его прямых наследников, армян, государство которых выросло на территории Ванского царства, но и у других народов Кавказа» (стр. 364). Таким образом, признавая только культурную преемственность народов Закавказья от урартов (в частности армян), автор, при современном состоянии данных, не решается признать приоритета какого-нибудь одного из закавказских народов на генетическую связь с урартами.

Единственным слабо мотивированным положением автора является его утверждение о культурной обособленности племён Закавказья до вхождения их в состав Ванского царства (стр. 337). А это, естественно, привело автора и к чрезмерной переоценке культурно-исторической роли урартской экспансии на Кавказе. Но верно ли это? Ведь вновь выявленные древние культуры Армении и Грузии (Шингавит, Элар, Триаleti) указывают на более древние и широкие связи населения Закавказья с культурами классического Востока. Памятники материальной культуры (оружие, постройки) имеют общие черты здесь и там. Поэтому говорить об отличии местной культуры от урартской можно только с известной оговоркой, ибо если бы это отличие было разительным, вряд ли урартам удалось здесь успешно сыграть свою действительно культурно-посредническую роль. Успешно же выполненная ими миссия по приобщению закавказских племён к своей культуре была уже в известной мере обусловлена подготовленностью местного населения к восприятию достижений передовых культур древности. Здесь сказывались вековая преемственность и традиция.

В таком капитальном труде, естественно, не может не быть некоторых мелких недочётов. К числу их относятся: 1) нередкие повторения, допущенные автором на стр. 23 и 34, 68 и 91, 103 и 115, 68 и 194, 24 и 286, 188 и 350 и др.; 2) значительное несоответствие, наблюдаемое в расположении текста и связанных с ним рисунков, что несколько затрудняет чтение книги.

Рецензируемая книга Б. Б. Пиотровского — актуальное научное исследование по одному из важнейших разделов древней истории нашей страны. «История и культура Урарту», — безусловно, значительное явление в нашей исторической науке. Она заслуживает быстрого переиздания большим тиражом.

Е. Крупнов

РЕЦЕНЗИИ

БЕРЕЖКОВ Н. *Литовская метрика как исторический источник.*

Ч. I. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 г. Институт истории АН СССР. 1946.

Исследование Н. Бережкова, вышедшее под редакцией чл.-корр. АН СССР В. И. Пичеты, представляет, несомненно, весьма ценный научный труд. Работа Бережкова имеет двойное значение. Прежде всего необходимо отметить, что это—первое специальное исследование Литовской метрики с историковедческой точки зрения. В то же время исследование это имеет не меньшее значение и в смысле общей постановки историковедческой проблемы. Последнее обстоятельство представляет тем больший интерес, что, как это ни покажется странным, у нас до сих пор вопросам источниковедения уделялось и уделяется слишком мало внимания.

Поэтому публикация монографии Н. Бережкова приобретает особенно важное значение.

Автор прежде всего подчёркивает тот факт, что, в то время как богатейшие фонды Литовской метрики являются основным источником при изучении истории литовско-русского государства и широчайшим образом используются историками, сама эта Метрика до сих пор не была ещё предметом критического исследования, и авторы специальных трудов в указанной области в своих выводах без должной критики базировались на актовом материале Метрики. Указывая на работы М. К. Любавского, одного из выдающихся историков литовско-русского государства, автор справедливо замечает: «Перед нами один из убедительных приёмов (примеров? — Б. С.) того, то проблемы историковедческого порядка относительно больших, важных, многосторонних по своему содержанию памятников не могут быть с успехом разрешаемы «попутно», на основании впечатлений, полученных от памятника при разработке той или иной исторической темы, освещаемой его материалами. Историковедческое изучение такого памятника во всём том смысле, какой вкладывается в понятие «историковедческое изучение», должно ставиться и разрабатываться как особая самостоятельная проблема...» (стр. 15).

В 1-й главе своего исследования автор с большой убедительностью показывает, к каким печальным недоразумениям и роковым ошибкам приходят видные учёные вследствие некритического отношения к источникам. С особым вниманием он останавливается на работах И. И. Лаппо и М. К. Любавского. При этом он указывает, что И. И. Лаппо в своей оценке «Метрики делает шаг назад от Любавского» (стр. 10—23), особенно в вопросе о «систематическом распределении документов (Метрики. — Б. С.) по их содержанию между книгами нескольких типов» (стр. 16), чему Бережков посвящает в дальнейшем особую главу. Автор подчёркивает неразработанность вопроса о соотношении между книгами-копиями и подлинными книгами

Метрики, вопроса, который имеет важнейшее значение для решения целого ряда проблем, связанных с историей кодификации Метрики. Заключая свою первую главу, автор с полным основанием говорит, что «тема настоящего исследования является первоочередной темой историковедческого порядка в отношении Литовской метрики XV—XVI вв.», поскольку на этот раз исследование ограничивается «хронологической гранью» июля 1522 г., т. е. «первою половиною того периода, от которого книги Метрики сохранились в копиях» (стр. 25, 26).

Последующие главы книги Н. Бережкова (2—5-я) посвящены детальному анализу самой Метрики.

Во второй главе автор даёт, так сказать, внешний обзор Метрики. Как известно, несмотря на обширный документальный материал Метрики, далеко не вся она дошла до нас, так как отдельные её части погибли, при этом лишь небольшая часть уцелевших книг сохранилась в подлинниках, большинство же книг представляют копии официальных актов, нередко обветшавших и страдающих дефектами. Документы, относящиеся к периоду, исследуемому автором, были переписаны в конце XVI века. Анализируя состав книг, Бережков приходит к двум основным, весьма существенным выводам, устанавливающим ошибочность распространённых среди историков взглядов по вопросу об отношении копий к оригиналам и о так называемой «бессистемной системе» расположения материала в книгах Метрики. Автор, во-первых, устанавливает, что деление книг-копий не совпадает по своему составу с книгами подлинных актов: нередко книги-копии объединяют несколько книг с подлинными актами. Во-вторых, он показывает, что уже в собрании ранних документов имеет место не случайное и беспорядочное расположение материала, а известная систематизация документов («книги — данина короля», «книги посольств», «книги судовые» и т. п., стр. 34). Этим обстоятельством автор, между прочим, объясняет и наличие «перерывов», нарушающих хронологическую последовательность размещения документов по их «категориям» (стр. 41). В заключение Н. Бережков приходит к выводу, что сделанные им наблюдения «позволяют в основных чертах произвести работу по анализу состава книг-копий, по расчленению их на составные элементы» (стр. 44).

Третья глава работы Бережкова посвящена анализу «текущих книг Метрики», занимающих преобладающее место среди книг-копий. В результате детального анализа содержания этих книг автор приходит к выводу, что книги эти отличаются однородностью своего «типического» содержания и среди них нет книг «смешанного» типа. Правда, в отдельных случаях можно

констатировать некоторое нарушение типа книги и значительные нарушения хронологической последовательности записей, однако это не опровергает основного вывода автора (стр. 47—48, 50). По поводу этих нарушений автор высказывает ряд более или менее вероятных предположений (стр. 48, 51, 53 и др.), но он решительно воздерживается от всякой необоснованной «гадательности». Автор указывает при этом на целый ряд случайных обстоятельств — путаницу листов, их утрату, — которые, несомненно, затрудняют работу исследователя в его попытках реставрации первоначального текста книг-копий и установления их отношения к книгам подлинным как наличным, так и утраченным (стр. 69—70).

В четвёртой главе дан анализ книг Литовской метрики эпохи Казимира, что, как осторожно выражается автор, «позволяет наметить основные моменты начальной истории книг Литовской метрики» (стр. 71; разрядка моя. — Б. С.). Тема эта сообщает исключительный интерес данной главе. Не входя в подробности аргументации автора, мы укажем лишь на его главные выводы. Подвергая критике взгляды А. Ясинского, С. Бершадского и М. Довнар-Запольского, Бережков убедительно показывает их основную ошибку в отношении содержания и датировки «книги данин» Казимира (стр. 71—75). Автор при этом устанавливает, что в эту книгу, составленную не ранее 80-х годов XV в., вошли акты не всего периода княжения Казимира, а лишь первых 16 лет его правления (40—50-е годы), хотя хронологическая последовательность записей актов временами и нарушается. Книга при этом представляет свод более ранних «реестров», составивших отдельные «разряды», или группы книги, где они позднее и были объединены в общий свод. Таким образом, намечаются основные моменты начальной истории книг Литовской метрики.

Заключительная, пятая глава исследования Бережкова подводит итоги его кропотливой работе. Возвращаясь к исходному

своему положению, автор резюмирует свой окончательный вывод в следующих словах: «Анализ состава книг-копий приводит к убеждению в ошибочности традиционного представления о том, что при ведении книг Метрики «не было никакой сортировки» документов, что «в одну и ту же книгу вписывались вперемежку разнородные документы» (стр. 105). Автор показывает неправильность такого взгляда, характеризуя состав «книг данин», «книг справ судебных», «книг аренд», «реестров справ» и «книг посольств». Нельзя не согласиться с автором, что «рассмотрение содержания книг данин даёт некоторое основание сказать, что система распределения материалов была тогда недостаточно, с нашей точки зрения, дифференцированная. Но система недостаточно дифференцированная — не есть отсутствие системы» (стр. 106).

Но работа Бережкова на этом не завершается. К ней приложены: 1) «Таблицы состава книг-копий и сохранившихся подлинных книг Литовской метрики по 1522 г.» (стр. 116—139), 2) «Систематический перечень книг Литовской метрики в их первоначальном составе» (стр. 140—151), 3) «Хронологический перечень книг Литовской метрики в их первоначальном составе» (стр. 152—153). К тексту исследования приложены сверх того примечания (стр. 154—176).

Такова работа Н. Бережкова в целом. Хотя ряд отдельных вопросов, с которыми приходится иметь дело автору, как он и сам на это указывает, остаётся не решённым окончательно, тем не менее необходимо признать, что Литовская метрика Бережкова является образцовым исследованием, которое может служить прочным основанием изучения Литовской метрики «как исторического источника». Как мы указывали выше, работа Бережкова имеет существенное значение и для постановки источниковедческой проблемы в целом. В заключение нельзя не выразить пожелания о скорейшем появлении второй части ценного труда автора.

Проф. Б. Сыромятников

BY GEORGE VERNADSKY. *Bogdan, hetman of Ukraina*. New Haven. Yale University press. London, Oxford University press. 1941. 141 p.

ВЕРНАДСКИЙ Г. *Богдан — гетман Украины*.

В специальных аннотациях на супер-обложке рассматриваемого научно-популярного очерка Г. Вернадского издательство нашло нужным подчеркнуть актуальность украинской проблемы в условиях развернувшейся мировой войны: «Украина, полузабытая до недавнего времени страна, стала в центре внимания с 1939 г., и украинский вопрос приобрёл крупное значение во время войны». Чтобы удовлетворить интерес английского и американского читателя, издательство выпустило ещё раньше перевод «Истории

Украины» М. С. Грушевского с предисловием Г. Вернадского¹. Очевидно, этим интересам должна служить и «Выборочная библиография» в рецензируемой книге. Характерно, что в числе приведённых 13 названий автор указывает только старую украинскую историографию (Грушевского, Костомарова), украинскую эмигрантскую литературу (Дорошенко) и польские публикации; новейшая советская украинская историография обойдена молчанием.

Биографию Богдана Хмельницкого, рассказанную Г. Вернадским, издательство характеризует как «драматическую и красочную»,

¹ К сожалению, мы не имеем возможности познакомиться с этим предисловием.

констатировать некоторое нарушение типа книги и значительные нарушения хронологической последовательности записей, однако это не опровергает основного вывода автора (стр. 47—48, 50). По поводу этих нарушений автор высказывает ряд более или менее вероятных предположений (стр. 48, 51, 53 и др.), но он решительно воздерживается от всякой необоснованной «гадательности». Автор указывает при этом на целый ряд случайных обстоятельств — путаницу листов, их утрату, — которые, несомненно, затрудняют работу исследователя в его попытках реставрации первоначального текста книг-копий и установления их отношения к книгам подлинным как наличным, так и утраченным (стр. 69—70).

В четвёртой главе дан анализ книг Литовской метрики эпохи Казимира, что, как осторожно выражается автор, «позволяет наметить основные моменты начальной истории книг Литовской метрики» (стр. 71; разрядка моя. — Б. С.). Тема эта сообщает исключительный интерес данной главе. Не входя в подробности аргументации автора, мы укажем лишь на его главные выводы. Подвергая критике взгляды А. Ясинского, С. Бершадского и М. Довнар-Запольского, Бережков убедительно показывает их основную ошибку в отношении содержания и датировки «книги данин» Казимира (стр. 71—75). Автор при этом устанавливает, что в эту книгу, составленную не ранее 80-х годов XV в., вошли акты не всего периода княжения Казимира, а лишь первых 16 лет его правления (40—50-е годы), хотя хронологическая последовательность записи актов временами и нарушается. Книга при этом представляет свод более ранних «реестров», составивших отдельные «разряды», или группы книги, где они позднее и были объединены в общий свод. Таким образом, намечаются основные моменты начальной истории книг Литовской метрики.

Заключительная, пятая глава исследования Бережкова подводит итоги его кропотливой работе. Возвращаясь к исходному

своему положению, автор резюмирует свой окончательный вывод в следующих словах: «Анализ состава книг-копий приводит к убеждению в ошибочности традиционного представления о том, что при ведении книг Метрики «не было никакой сортировки» документов, что «в одну и ту же книгу вписывались вперемежку разнородные документы» (стр. 105). Автор показывает неправильность такого взгляда, характеризуя состав «книг данин», «книг справ судебных», «книг аренд», «реестров справ» и «книг посольств». Нельзя не согласиться с автором, что «рассмотрение содержания книг данин даёт некоторое основание сказать, что система распределения материалов была тогда недостаточно, с нашей точки зрения, дифференцированная. Но система недостаточно дифференцированная — не есть отсутствие системы» (стр. 106).

Но работа Бережкова на этом не завершается. К ней приложены: 1) «Таблицы состава книг-копий и сохранившихся подлинных книг Литовской метрики по 1522 г.» (стр. 116—139), 2) «Систематический перечень книг Литовской метрики в их первоначальном составе» (стр. 140—151), 3) «Хронологический перечень книг Литовской метрики в их первоначальном составе» (стр. 152—153). К тексту исследования приложены сверх того примечания (стр. 154—176).

Такова работа Н. Бережкова в целом. Хотя ряд отдельных вопросов, с которыми приходится иметь дело автору, как он и сам на это указывает, остаётся не решённым окончательно, тем не менее необходимо признать, что Литовская метрика Бережкова является образцовым исследованием, которое может служить прочным основанием изучения Литовской метрики «как исторического источника». Как мы указывали выше, работа Бережкова имеет существенное значение и для постановки источниковедческой проблемы в целом. В заключение нельзя не выразить пожелания о скорейшем появлении второй части ценного труда автора.

Проф. Б. Сыромятников

BY GEORGE VERNADSKY. *Bogdan, hetman of Ukraina*. New Haven. Yale University press. London, Oxford University press. 1941. 141 p.

ВЕРНАДСКИЙ Г. *Богдан — гетман Украины*.

В специальных аннотациях на супер-обложке рассматриваемого научно-популярного очерка Г. Вернадского издательство нашло нужным подчеркнуть актуальность украинской проблемы в условиях развернувшейся мировой войны: «Украина, полузабытая до недавнего времени страна, стала в центре внимания с 1939 г., и украинский вопрос приобрёл крупное значение во время войны». Чтобы удовлетворить интерес английского и американского читателя, издательство выпустило ещё раньше перевод «Истории

Украины» М. С. Грушевского с предисловием Г. Вернадского¹. Очевидно, этим интересам должна служить и «Выборочная библиография» в рецензируемой книге. Характерно, что в числе приведённых 13 названий автор указывает только старую украинскую историографию (Грушевского, Костомарова), украинскую эмигрантскую литературу (Дорошенко) и польские публикации; новейшая советская украинская историография обойдена молчанием.

Биографию Богдана Хмельницкого, рассказанную Г. Вернадским, издательство характеризует как «драматическую и красочную»,

¹ К сожалению, мы не имеем возможности познакомиться с этим предисловием.

как «страницу истории, полную крови, грома боёв и дипломатических интриг». Эта характеристика вполне отображает стиль очерка, переходящего в историческую повесть с ярко выраженным романтическим налётом. Последний наглядно проявляется даже в названиях глав: глава II — «Карьера казака» (речь идёт о биографии Богдана Хмельницкого), глава III — «Жизнь начинается в пятьдесят», глава IV — «Отмщение», глава V — «Путь к славе» и т. д.

Этот романтический налёт сказывается и в самом стиле повествования, которому автор старается придать своеобразную красочность и наглядность путём конкретно-бытовых зарисовок. Последнее при условии научной разработки материала было бы само по себе неплохо. Но у автора этот приём вылился в литературный штамп, очень напоминающий романы Сенкевича или очерки Кулиша, проникнутый характерной для этих авторов антинародной, шляхетской тенденцией. Казачество рисуется разгульной массой, занятой постоянными попойками с неизменной «горилкой». С другой стороны, польские деятели идеализируются. Таков «юный герой Стефан», сын гетмана Потоцкого; Иеремия Вишневецкий, жестоко истреблявший украинцев и разорявший украинскую землю, рисуется славным рыцарем, героем польского народа. Характеристика самого Богдана Хмельницкого полна двойственности: автор признаёт большое историческое значение политической деятельности Богдана Хмельницкого, а наряду с этим даёт совершенно неправильную личную характеристику, приписывая ему черты разбойничьего казачества, варварскую жестокость, склонность к политической интриге. Для этой цели автор широко использует соответствующие элементы характеристики Хмельницкого, данной Костомаровым.

Богдана Хмельницкого автор называет вождём и героем украинского народа, создавшим украинское национальное государство и отстаившим национальное бытие украинского народа, которому в начале XVII в. угрожало полное уничтожение со стороны Польши. «Богдан, — пишет он, — может быть назван отцом современной Украины» (стр. 121). В событиях 1648 г. родилась современная Украина, заявляет автор.

Но наряду с этим он проявил полную неспособность научно осмыслить сущность описываемых событий, выявить их движущие силы, допустив полное смещение основных научных понятий, методологическую путаницу. Начать с того, что национально-освободительную борьбу украинского народа в середине XVII в. против панской Польши он называет не иначе, как революцией, которую он при этом целиком отождествляет с казачьим движением. Он не видит никакой разницы между борьбой украинского народа против Польши и борьбой донского казачества с царским правительством. Крестьянскую войну под руководством Разина он также называет «демократической революцией» (стр. 122). Ему даже представляется, что главная беда и Украины и донского казачества заключается в том, что они не объе-

динились друг с другом. Подготовку восстания Богданом Хмельницким он модернизирует следующим образом: «Вернувшись в Чигирин, Хмельницкий начал усиленную агитацию среди казаков за организацию подпольного комитета (an underground committee), для руководства возмущением против магнатов».

У автора сказалась вредная склонность к более чем рискованным аналогиям, заменяющим научный анализ явлений. Первая же аналогия поражает своей предельной чудовищностью: чтобы пояснить сущность казачества как организации, автор сравнивает его... с Тевтонским орденом; он ссылается при этом на то, что, дескать, сами казаки называли себя «рыцарями» (стр. 6, 7). Основа сравнения — воинствующее братство и борьба за веру. Автор не понимает, что Орден был феодальной классовой организацией и что борьба рыцарей за веру была лишь идеологическим прикрытием политики феодальных захватов и расовой ненависти, тогда как движение казачества в своей основе было народным, демократическим, а его борьба за веру была борьбой за национальную и культурную самостоятельность.

Лишены научного значения и другие сравнения: «Украина — «новый свет» Восточной Европы» (стр. 14), казацкая колонизация Запорожья уподобляется движению американских «пионеров» (стр. 5). Речь Посполитая — польско-литовское «дуалистическое» государство — уподобляется позднейшей Австро-Венгрии и т. д.

История замечательной освободительной борьбы украинского народа свелась Вернадским, в сущности, к личной деятельности Богдана Хмельницкого, к его биографии. Мы не видим рядом с Хмельницким других сколько-нибудь крупных деятелей украинского народа. Нечай, Максим Кривонос и ещё два—три имени упоминаются мимоходом и лишь как исполнители директив гетмана. При этом, неизвестно почему, Максим Кривонос, один из самых ярких героев украинской народной войны, превратился у Г. Вернадского в «искателя приключений» (adventurer), «шотландца по происхождению» (стр. 43—44). Зато из окружения Хмельницкого особенно выделены шляхтичи Кричевский, Иван Выговский; к концу рассматриваемого периода последний выдвигается даже на первое место. Массовое народное движение, с его исключительным размахом, с его социальными и глубоко осознанными национальными стремлениями, не нашло отражения в повествовании автора. Народ изображается более статистом, историческим фоном, материалом для бытовых описаний в указанном выше стиле. Не удивительно, что при такой трактовке яркие зарисовки внешнего хода событий иной раз прикрывают непонимание самого существа их исторического развития.

Автор пытается выяснить исторические предпосылки освободительной борьбы XVII века. Поэтому он начинает с истории русской земли в первые века нашей эры; при этом вскрываются противоречия общей концепции автора, утверждающего автохтонность славян и южное происхождение имени

«русь» и в то же время норманно-скандинавское происхождение Киевского государства (гл. X).

В плане настоящей работы основное для автора — идея исконной украинской национальной природы казачества. Автор подмечает социально-историческое объяснение движения казаков национально-этнографическим. Так, по мнению автора, Святослав по своему неукротимому духу, своим привычкам и даже внешности был предшественником казацких вождей.

Зато события XIII—XVI вв., оказывается, не имеют никакого отношения к национально-освободительной борьбе украинского народа в XVII веке: «Мы пропустим теперь три столетия. Много событий имели место на Украине между приходом монголов и восстанием украинских казаков. Когда занавес снова поднялся, вся сцена оказалась вкоре изменённой».

В конечном счёте, по мнению Г. Вернадского, оказывается, что казачество выросло исключительно для борьбы и в борьбе с татарами, что Польша, в сущности, была самым свободным государством в Европе (особенно по сравнению с Москвой), а вся беда исходила от иезуитов, появившихся в Польше в конце XVI в. и взявших решительно за политику окатоличения и денационализации, направленную прежде всего против Руси.

Подготовка и начало освободительной войны 1648 г. изображаются исключительно делом самого Богдана Хмельницкого (гл. III и IV). Автор ни словом не упоминает о подъёме массового народного движения, о котором сам гетман и польские власти сообщали уже с начала 1648 года. «Всё было спокойно в казацком Запорожье... в холодные зимние дни декабря 1647 г.» — так начинается глава IV. В центре всего повествования — легенда о тайных переговорах Владислава с казаками и о похищении Хмельницким королевской грамоты у Барабаша.

V и VI главы дают очень краткое описание военных и дипломатических событий 1648—1649 гг., завершившихся Зборовским миром. В этих главах последовательно излагаются основные события первого периода борьбы. Но ясного представления о национально-освободительном характере войны украинского народа они всё же не дают. В самом повествовании как-то сталкиваются две линии: признание справедливости войны со стороны Украины и романтическая идеализация польских деятелей — Стефана Потоцкого, Иеремии Вишневецкого.

В связи с романтически-повествовательной трактовкой темы в центре развёртывающихся дипломатических переговоров Украины с Москвой (гл. VII) оказывается частный эпизод — появление на Украине самозванца Тимофея Акундинова, выдававшего себя за сына царя Василия Шуйского. Ради этого занимательного приключения отодвинуты на задний план факты действительного роста национальных и культурных связей украинского и русского народов.

Глава VIII рассказывает о Берестечкой катастрофе и Белоцерковском мире 1651 г.:

глава IX — о дипломатической активности Хмельницкого в Молдавии и браке его сына Тимоши с дочерью молдавского господара Лупула.

Повествовательный характер изложения снова даёт себя чувствовать при рассмотрении вопроса о присоединении Украины к России и при описании Переяславской рады. Автор отмечает роль народа, казацкой массы в разрешении вопроса, даже преувеличенно заостряя антагонизм между народом и всей украинской старшиной — шляхтой в целом. Но в основном и здесь в центре внимания оказываются личные характеристики. Личная политика Богдана и всё более выдвигаемая автором роль Выговского, с одной стороны, политика царя Алексея, образ которого при этом явно идёт от созданного Ключевским образа «тишайшего» царя — с другой. Тема об объединении украинского и русского народов и исторических предпосылках этого объединения оказалась фактически снятой.

Глава XI, посвящённая результатам рады, событиям 1654—1657 гг., говорит о разочаровании Хмельницкого московской политикой, о его поисках новых, самостоятельных путей (шведская ориентация). События снова переводятся в план личной биографии гетмана. Она завершается смертью гетмана в разгар надвигающегося кризиса.

В заключительной главе, XII («Завещание Богдана»), автор снова говорит об определяющем значении этой эпохи и прежде всего деятельности Богдана Хмельницкого как борца за единую и независимую (притом не только от Польши, но и от России) Украину. Последняя задача, по мнению автора, не была разрешена лишь потому, что гетман слишком рано умер и не имел достойного преемника: «Если бы Богдан прожил ещё десяток лет, ему, верно, удалось бы обеспечить прочность украинского государства» (стр. 118). В результате отсутствия настоящего вождя Украина не использовала выгодной политической ситуации, созданной крестьянской войной под руководством Разина в России (стр. 122). Точно так же несчастье Мазепы в начале XVIII в. состояло в том, что в борьбе с Петром он объединился не с Булавиным, а со шведами (стр. 124). При этом в духе националистической историографии автор как бы готов усматривать традиционную связь между политикой Хмельницкого и Мазепы. В общем выходит, что преемники Богдана испортили его большое дело. Всё же непосредственным результатом деятельности Хмельницкого явилось сохранение единства национального бытия украинского народа.

При этом характерно, однако, что из книги решительно выпадает другая сторона истории Украины XVII в. — великое историческое значение союза украинского и русского народов, скреплённое политическим присоединением Украины к России в 1654 году. Своей оценки этого вопроса автор не даёт. Но основные положения украинской буржуазно-национальной историографии проходят через всю концепцию Г. Вернадского и выступают сквозь всю его модернизированную фразеологию. Таково отнесение

истории Киевской Руси только к украинской истории (теория Грушевского), такова трактовка украинского казачества (Кулиш, отчасти Костомаров, Грушевский), такова в конечном счёте постановка вопроса о политике Мазелы. И невольно задумываешься над заключительной фразой книги: «Каково будет положение Украины в конце нынешней войны, предсказывать слишком рано, но, кажется, украинцы могут по меньшей мере (sic!) надеяться сохранить своё тяжело доставшееся им единство». Напомним снова,

что это писалось в 1941 г., когда народы Советского Союза в тесном содружестве вели совместную героическую борьбу за свою советскую родину, за свободу народов всего мира, против грабительской, захватнической политики германского фашизма.

В общем концепция Г. Вернадского продолжает националистическую концепцию украинского самостийничества.

Проф. Н. Рубинштейн

EBERHARD W. *Çin'in Simal Komsulani hir kaynak kitabı*. Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. VII seri, № 9, Türkçeye çeviren Nimet Uluğtuğ. Ankara. 1942. 281 p. + 2 tab.

ЭБЕРХАРД В. *Книга первоисточников о китайских северных соседях*. Турецкое историческое общество. VII серия, № 9. Перевёл на турецкий Нимет Улугтуг.

История тюркских племён и народов в китайских источниках — тема не новая в международном востоковедении и живо интересует советских учёных-востоковедов уже в силу того, что основная масса тюркских племён живёт в границах СССР.

Книга известного профессора Анкарского университета, факультета языка и истории, синолога Вольфрама Эберхарда, подвизавшегося в прошлом на собственно китаеведческих проблемах¹, посвящена извлечению из китайских источников сведений о тюркских племенах и народах. Настоящим сюжетом Эберхард занялся вплотную, видимо, во время своей эмиграции в Турции, где он издал ряд работ по этой тематике в 1940—1944 годах.

Книга подытоживает многолетние изыскания автора, а именно: «Muahhar Han devrinde Hun tarihine kronolojik bir bakış». «Belleten Türk Tarih Kurumu», 15. İstanbul. 1941 («Хронологическое обозрение истории гуннов в эпоху старших Хань»); «Çin kaynaklarına göre Orta ve Garbi Asya halklarının medeniyeti». *Türkiyat Mecmuası*, cilt 8. İstanbul. 1942 («Культура народов Центральной и Западной Азии по китайским источникам»);

«Çin kaynaklarına göre Orta Asyadaki at cinsleri ve beygir yetistirme hakkında malûmat», *Ülkü*, Bir. Tesrin, 1940. *Yki Tesrin* 1940 («Сведения китайских источников относительно вида лошадей и выращивания их в Средней Азии»); «Liu Jüan ve Liu Ts'ung'un» biyografisi. *Tarih, Dil Fakültesi, Sinoloji enstitüsü, nesriyatı*. 4. 1942 («Биография Лю Юаня и Лю Цзуна»); «Türk kavimleri hakkında Çince vesikalar II. ve III», *Tarih, Dil Fakültesi yıllık çalismaları dergisi*, 1940—41 («Тюркские племена в информациях китайских документов»). Этот труд состоит из двух разделов: а) «Chin-devrindeki (MS 265—318) Bes kavmin tarihine ait kronolojik bir bakış» («Хронологическое обозрение по истории пяти варварских племён Цзиньского времени»); б) «Chin-devrinde (245—419) Hsiung-nu-lar hakkında monografya» («Монография о гуннах в Цзиньскую эпоху»). По поводу последнего названия укажу, что впервые этот интересный текст о гуннах был нами переведён с китайского на русский и опубликован в нашей рецензии на труд Мк Говерна «The early Empires of Central Asia»².

Из работ, вышедших после издания книги, отмечу: «Türkistan Seyahatnamesi». «Belleten», Cilt VII, Sayı 26, Nisan, 1943. Ankara «Туркестанская книга путешествий».

«Hsiung-nu-larin Muttefikleri olarak Roma Askerleri» там же («Римское войско как союзник гуннов»); *Kay-lar Kabilesi Hakkında Sinolojik Mülâhazalar*, «Belleten», Cilt VIII, Sayı 32. I. Tesrin. 1944 («Синологические соображения относительно кайских племён»).

Начиная с 1936 г. свои работы Эберхард публиковал за пределами Германии — в Турции (Стамбул, Анкара), Китае (Пекин), Финляндии (Хельсинки) и Голландии (Лейден).

Широкое знание китайских источников характеризует Эберхарда с весьма положи-

¹ «Eine neue Arbeitshypothese über den Aufbau der frühchinesischen Kulturen». «Tagesbericht der Gesellschaft für Völkerkunde». 2. Tagung. Leipzig. 1936. Имется английский перевод 1938 года. G. W. B i s h o p; ср. «Untersuchungen an astronomischen Texten des chinesischen Tripitaka. Monumenta Serica». Вып. 5-й. Peking. 1940. «Bemerkungen zu statistischen Angaben der Hanzeit T'oung Pao». Вып. 36-й. Leyden. 1940. В основном настоящий труд повторяет его книгу «Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas». Leyden. 1942. Supplement zu T'oung Pao». Т. 36 (см. стр. 225 рецензируемой книги). С ранее изданным сочинением Эберхарда нам не удалось познакомиться.

² См. «Вестник древней истории» № 3—4 за 1940 год.

истории Киевской Руси только к украинской истории (теория Грушевского), такова трактовка украинского казачества (Кулиш, отчасти Костомаров, Грушевский), такова в конечном счёте постановка вопроса о политике Мазелы. И невольно задумываешься над заключительной фразой книги: «Каково будет положение Украины в конце нынешней войны, предсказывать слишком рано, но, кажется, украинцы могут по меньшей мере (sic!) надеяться сохранить своё тяжело доставшееся им единство». Напомним снова,

что это писалось в 1941 г., когда народы Советского Союза в тесном содружестве вели совместную героическую борьбу за свою советскую родину, за свободу народов всего мира, против грабительской, захватнической политики германского фашизма.

В общем концепция Г. Вернадского продолжает националистическую концепцию украинского самостийничества.

Проф. Н. Рубинштейн

EBERHARD W. *Çin'in Simal Komsulani hir kaynak kitabı*. Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. VII seri, № 9, Türkçeye çeviren Nimet Uluğtuğ. Ankara. 1942. 281 p. + 2 tab.

ЭБЕРХАРД В. *Книга первоисточников о китайских северных соседях*. Турецкое историческое общество. VII серия, № 9. Перевёл на турецкий Нимет Улугтуг.

История тюркских племён и народов в китайских источниках — тема не новая в международном востоковедении и живо интересует советских учёных-востоковедов уже в силу того, что основная масса тюркских племён живёт в границах СССР.

Книга известного профессора Анкарского университета, факультета языка и истории, синолога Вольфрама Эберхарда, подвизавшегося в прошлом на собственно китаеведческих проблемах¹, посвящена извлечению из китайских источников сведений о тюркских племенах и народах. Настоящим сюжетом Эберхард занялся вплотную, видимо, во время своей эмиграции в Турции, где он издал ряд работ по этой тематике в 1940—1944 годах.

Книга подытоживает многолетние изыскания автора, а именно: «Muahhar Han devrinde Hun tarihine kronolojik bir bakis». «Belleten Türk Tarih Kurumu», 15. Istanbul. 1941 («Хронологическое обозрение истории гуннов в эпоху старших Хань»); «Çin kaynaklarına göre Orta ve Garbi Asya halklarının medeniyeti». *Türkiyat Mecmuası*, cilt 8. Istanbul. 1942 («Культура народов Центральной и Западной Азии по китайским источникам»);

«Çin kaynaklarına göre Orta Asyadaki at cinsleri ve beygir yetistirme hakkında malumat», *Ülkü, Bir. Tesrin*, 1940. *Yki Tesrin* 1940 («Сведения китайских источников относительно вида лошадей и выращивания их в Средней Азии»); «Liu Jüan ve Liu Ts'ung'un» biyografisi. *Tarih, Dil Fakültesi, Sinoloji enstitüsü, nesriyatı*. 4. 1942 («Биография Лю Юаня и Лю Цзуна»); «Türk kavimleri hakkında Çince vesikalar II. ve III», *Tarih, Dil Fakültesi yıllık çalismaları dergisi*, 1940—41 («Тюркские племена в информациях китайских документов»). Этот труд состоит из двух разделов: а) «Chin-devrindeki (MS 265—318) Bes kavmin tarihine ait kronolojik bir bakis» («Хронологическое обозрение по истории пяти варварских племён Цзиньского времени»); б) «Chin-devrinde (245—419) Hsiung-nu-lar hakkında monografya» («Монография о гуннах в Цзиньскую эпоху»). По поводу последнего названия укажу, что впервые этот интересный текст о гуннах был нами переведён с китайского на русский и опубликован в нашей рецензии на труд Мк Говерна «The early Empires of Central Asia»².

Из работ, вышедших после издания книги, отмечу: «Türkistan Seyahatnamesi». «Belleten», Cilt VII, Sayı 26, Nisan, 1943. Ankara «Туркестанская книга путешествий».

«Hsiung-nu-larin Muttefikleri olarak Roma Askerleri» там же («Римское войско как союзник гуннов»); *Kay-lar Kabilesi Hakkında Sinolojik Mülâhazalar*, «Belleten», Cilt VIII, Sayı 32. I. Tesrin. 1944 («Синологические соображения относительно кайских племён»).

Начиная с 1936 г. свои работы Эберхард публиковал за пределами Германии — в Турции (Стамбул, Анкара), Китае (Пекин), Финляндии (Хельсинки) и Голландии (Лейден).

Широкое знание китайских источников характеризует Эберхарда с весьма положи-

¹ «Eine neue Arbeitshypothese über den Aufbau der frühchinesischen Kulturen». «Tagesbericht der Gesellschaft für Völkerkunde». 2. Tagung. Leipzig. 1936. Имется английский перевод 1938 года. G. W. B i s h o p; ср. «Untersuchungen an astronomischen Texten des chinesischen Tripitaka. Monumenta Serica». Вып. 5-й. Peking. 1940. «Bemerkungen zu statistischen Angaben der Hanzeit T'oung Pao». Вып. 36-й. Leyden. 1940. В основном настоящий труд повторяет его книгу «Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas». Leyden. 1942. Supplement zu T'oung Pao». Т. 36 (см. стр. 225 рецензируемой книги). С ранее изданным сочинением Эберхарда нам не удалось познакомиться.

² См. «Вестник древней истории» № 3—4 за 1940 год.

альной стороны как сиолога. Для нас, историков и особенно тюркологов, привлекательно большинство сюжетов научных статей Эберхарда, в работе которого следует ожидать много новинок, учитывая неисчерпаемость китайских источников. Однако в тех работах Эберхарда, с которыми нам удалось ознакомиться, мы пока наблюдаем пересмотр уже известных текстов. Задача порой затрудняется тем, что автор очень скуп в ссылках на своих предшественников, даже наиболее авторитетных. Целеустремлённость автора — изучение китайских текстов в связи с тюркскими племенами — предопределяет, с нашей точки зрения, справедливые требования и к определённым кругу тюркологических знаний Эберхарда. С этих позиций мы формируем наши требования к рецензируемому труду.

Книге Эберхарда предпослано краткое предисловие председателя Турецкого исторического общества проф. М. Шемседдина Гюяльтай (стр. XI—XIII). В предисловии характеризуются задачи данного научного произведения, указывается на необходимость извлечения из китайских источников сведений о тех народах, с которыми древнетюркские племена находились в тесных культурно-исторических связях, типа племен дунху и шивэй. Кроме того говорится о важности получения сведений также о племенах, которые населяли Монголию и Алтай и являлись древними предками тюрков, и о древнекитайской культуре, с которой тюрки также имели тесные связи (стр. XIII). Уже эти установки характеризуют весьма широкие границы исследования.

По существу, этим же проблемам посвящено и авторское предисловие стр. XV—XVI.

Основная часть книги состоит из следующих разделов: введение, в котором автор излагает принципы построения книги и методику работы (стр. 3—9), и метод транскрипции турецким алфавитом китайских названий.

Далее следует основное содержание книги, источники о северных народах (стр. 13—142) и специально о древних племенах (стр. 143—147).

Первая часть включает выдержки из китайских источников, касающихся племенных групп Кора, Сушень (названные прототунгусами), дунху (протомонголы А), Шивэй (протомонголы В), сюнну (прототюрки), северных племён, распространённых на севере, в которые включены, например, племена туюхунь, жуань-жуани, усунь, эфталиты, юечжи.

Вторая часть включает в себе выдержки, касающиеся главным образом географического описания районов распространения этих племён, расположенных в алфавитном порядке.

В заключении (стр. 143—147) отмечаются основные этапы формирования культуры племён Центральной Азии и отличия этнического порядка между ними. Культура гуннской группы племён рассматривается как первая тюркская культура (стр. 145).

Среди дополнений и вспомогательного аппарата книги (Ekleme, стр. 149—224) имеет значение список племенных названий в тран-

скрипции и китайскими иероглифами. В списке часто имеют место попытки отождествления с известными тюркскими названиями и отнесения данного племенного названия в ту или иную конфедерацию племён. Таблицы эти в количестве 11 относятся не только к тюркским, но и к маньчжурским, тобаским, киданьским, чжурчженьским, монгольским, тангутским и японским племенам. Последняя и наиболее обширная, 12-я таблица (566 названий) посвящена перечню собственных имён отдельных кланов.

Обширное заключение (Zusammenfassung, стр. 225—250) на немецком языке резюмирует всю оригинальную часть работы. Из него, в частности, явствует, что книга закончена 31 декабря 1941 года.

Настоящая книга заканчивается библиографией в 148 названий (стр. 251—259), хронологической таблицей китайских династий (стр. 260), списком сокращений (стр. 261), подробным индексом (стр. 263—281) и двумя фонетическими таблицами.

Основную часть книги составляют извлечения из китайских источников. Материал, приводимый автором, разбивается на тематические группы. Каждая тема шифруется общепринятым в книге шифром, а именно: J — Источники о распространении данного племени; K — Сообщения источников о культуре; B — Дополнительные сообщения других источников, особенно в европейской литературе; M — Примерное начало утверждения и первые сведения о данном племени в источниках; D — Критическая оценка показаний (стр. 9).

Материал, как явствует из книги, извлекался не непосредственно из лечжуаней (отдельные повествования) династийных историй о народах (типа глав бэйху, сюнну, или си юй, и т. п.), а главным образом из сводок. В рецензируемой книге автор часто не указывает издание текста, по которому он цитирует. Его сноски на китайские источники указывают название, как правило, династийной истории и главу, а, судя по ссылкам на страницы, материал извлекался не из собственно династийной истории, а из сводок-компиляций типа сочинения Шэнь Вэй-сян (Эрр-ши-у-ши бу-бянь), а также Ту-ши цзи-чэн, Вэнь-сянь-тун-као (в переводе Saint-Denys) и т. п. Список цитируемых сочинений на китайском языке приведён в библиографии.

Раздельную характеристику источников в настоящем труде Эберхард не приводит. Краткие замечания об используемых автором китайских источниках можно найти в его предварительных работах, список которых мы привели выше. Так например в статье об истории и хронологии «пяти племён цзиньской эпохи»¹ он отмечает, что хронологическая история пяти варварских племён эпохи Цзинь взята им из сочинения Шэнь Вэй-сян в Эрр-ши-у-ши бу-бянь, которая содержит весь материал, разбросанный в анналах Цзиньской династии, а кроме того включает

¹ Tarih Arasirmalari dil ve Tarih Cografya fakültesi, № 4. p. 157; ср. p. 216. Istanbul. 1941.

материал и других трудов, например Тун-цзянь-Ган-му. Приведённый материал представляет собой не подстрочный перевод, а более или менее точное переложение, редко купюры с переводом. Нельзя попутно не указать на то, что и то и другое обстоятельство являются фактами, снижающими научную ценность труда. Книга становится скорее аннотированным путеводителем по китайским источникам (главным образом сводкам), а не комментированным переводом, позволяющим неспециалисту-синологу делать собственные выводы и заключения.

Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что книга в большой степени отражает субъективные воззрения автора, что особенно подчёркивается многочисленными приложениями к работе. Всякий переводчик, как бы он ни старался аутентично передать тексты, всегда при их интерпретации накладывает на перевод свои философские и исторические взгляды. Самый перевод есть уже толкование текста и выражение концепции переводчика. Тем более это сказывается в настоящем труде, где перевод перемежается с реферативными экскурсами Эберхарда.

Следует отметить, что автор оказался мало подготовленным к этой работе с точки зрения формально научной. Мы имеем в виду не его блестящие знания китайского языка — чем автор широко зарекомендовал себя в научном мире, — речь идёт о специально источниковедческом подходе автора к текстам. Неподготовленность эта сказывается в следующем.

Большой бедой китайского исторического источниковедения является почти полное отсутствие первоисточников. Династийные истории, на которые чаще всего мы опираемся, являются уже критическим сводом первоисточников. Последние пока представлены в надписях и в тех богатейших коллекциях китайских документов, которые обнаружены главным образом на территории Синьцзяна и в изданиях которых столь успешно подвизались в первые десятилетия XX в. Э. Шаванн, Л. Джайльс¹ и др.

Лишённая возможности провести проверку династийных историй по первоисточникам, синология находила пути критического анализа сличением различных версий (там, где они имелись). Наше источниковедение отдаёт предпочтение древней, пусть более краткой, версии. На это в своё время обратил внимание наш крупнейший востоковед В. В. Бартольд² в рецензии на небезызвестный труд Э. Шаванна³. Действительно,

¹ Chavannes E. «Les documents chinvis d'ecouvets par Aurel Stein dans les sables du Turkestan Oriental». Oxford. L. Giles, 1913. «BSOS». Т. VIII, part 1—4. 1935, IX; part I. 1937.

² Аналогичные явления в отношении труда Сымацяня (Шицзы) и Баньгу (Цянь-ханьшу) по истории гуннов мы уже отмечали. См. Уйгурские юридические документы «Вопросы источниковедения», т. III, стр. 70. В первом случае отсутствует письмо Модэ императрице Гаохоу, во втором оно приведено полностью.

если взять две версии танской истории, более краткую Цзю-Таншу и более распространённую Син-Таншу, то в разделе лешжуаней обращает на себя внимание тот факт, что в Син-Таншу увеличение объёма происходит за счёт текстуального изложения донесений посллов, высказываний отдельных лиц — тюркских каганов, китайских полководцев и т. д.⁴

Неизвестно, в какой степени речь деятелей VI—VIII вв. могла текстуально дойти до составителя Син-Таншу Сунки XI в. (т. е. через четыре — пять веков), и нет ли больше оснований доверять Цзю-Таншу более ранней версии, где подобного типа материалы опущены. Возможно, что эти тексты в Син-Таншу являются как раз приёмом стилистической обработки более ранней версии Танской истории. Возможно и другое: что впоследствии стали известны ранее недоступные архивные материалы, — но для этого у нас нет прямых доказательств, и все заключения об исторической достоверности этих добавлений остаются ещё лишь догадками.

Влечение синологии к распространённым версиям (мы исключаем из поля зрения труды, построенные на китайских компиляциях, энциклопедиях и сводных историях) — весьма характерная черта от Эрбело (XVIII в.) до Шаванна, и, пожалуй, первой попыткой преодолеть эту традицию был труд де Гроота о гуннах⁵, заключавший в себе, правда, другие недостатки, отмеченные В. Бартольдом⁶ и Цахом⁷.

Но достоинством де Гроота являлось то, что он одно и то же событие проводил во всех ему доступных версиях, что уже помогало осуществлять первый этап критического восприятия текста.

Из сказанного вытекает, что труд Эберхарда уже в силу того, что он не учёл этот опыт исторической критики китайского текста, делает шаг назад в публикации тематических извлечений из китайских источников. Это усугубляется и реферированием текста и неполноценным изданием, тоже уже извлечением, включённым в китайскую компиляцию.

Таков основной и первый порок рецензируемого труда. Вторым существенным недостатком является неподготовленность автора в чисто историческом, точнее, тюркологическом, плане. Издание и комментирование этого типа текстов имеют солидную историю вопроса и высокие по научному уровню результаты. Нет такой страны, где существует китаеведческая наука, где бы литература по данному вопросу не насчитывала сотни, а иногда, быть может, и тысячи названий, накопившихся почти за три сто-

³ Documents sur les Tou-kiue occidentaux. S.-Petersbourg. 1903.

⁴ ЗВО. Т. XV.

⁵ De Groot «Die Hunnen der vorchristlichen. Zeit. Chinessische Urkunden zur Geschichte Asiens». Berlin — Lpz. 1921.

⁶ Рецензия В. Бартольда была напечатана в журнале «Анналы» за 1922 год.

⁷ Zach E. «Einige Verbesserungen zu de Groot. Di Hunnen der vorchristlichen Zeit» Asia Major. Bd. I, S. 125—133. Januar 1924.

летия штудий по этим проблемам. Многие из исследователей стали по этим вопросам вполне заслуженно бесспорными авторитетами, и их выводы не оспариваются и признаны уже, можно сказать, не одним поколением учёных. Нельзя не считаться с этими выводами науки, равно как и обходить их молчанием. Как следует из комментариев Эберхарда и указанной им литературы, нашему автору осталось неизвестным многое из основной литературы.

Как бы ни был авторитетен О. Франке в вопросах истории Китая (в отношении центрально-азиатских племён), его имя не может идти в сравнение с именем Пелльо, а по Средней Азии — с именем В. Бартольда. Однако оба они опущены в библиографии, и лишь первый по второстепенным вопросам изредка упоминается в комментариях к китайским текстам.

Вряд ли труды молодого учёного Орхуна Хуссейн Намика по древнетюркским памятникам¹ могут заменить работы В. Радлова, В. Томсена, П. Мелиоранского, С. Малова и В. Бартольда и других по этим же проблемам. Ведь признала же А. Габаин в своём труде о древнетюркской грамматике труды этих учёных основополагающими (Grundlegenden Arbeiten)².

Что же в результате? Ряд ошибок и неточностей в интерпретации этнонимов.

Укажем, например, явную неопределённость трактовки различных китайских транскрипций термина «кыргыз». Различные китайские транскрипции этого этнонима послужили причиной тому, что одни и те же кыргызские племена освещаются в разных частях книги по-разному. Китайские транскрипции гэгунь, гяньгунь, гегу, цигу, егу, гакас, хакяньсы, киликцизы, являющиеся одновременными транскрипциями имени «кыргыз», у Эберхарда фигурируют, по существу, как различные племена и отнесены в разных частях книги к разным племенным группам. Сделано это явно не в связи с несогласием автора с ранее высказанными точками зрения, а просто в связи с незнанием, видимо, литературы вопроса.

В таком же плане выступают его отождествления (или, наоборот, отсутствие таковых) по отношению к ряду других племён (например племён из конфедерации толес, т. е. племён уйгурского происхождения), хотя интерпретация их уже была блестяще исполнена впервые Ф. Хиртом и продолжена П. Пелльо. Эберхард обошёл молчанием такой важный для этой темы труд, как труд Ф. Хирта «Послесловие к надписи Тоньюкука»³, и предпочитает явно устаревшую и

тенденциозную работу Паркера⁴, используемую им в новом издании (1923).

Мы ограничили себя лишь этими примерами, хотя смеем уверить читателя: увеличить их в десятки раз было бы делом весьма несложным. Но приведённого достаточно для утверждения, что труд Эберхарда не открывает новой страницы в этой проблеме. Более того: Эберхард настойчиво игнорирует всё то лучшее, что по этому вопросу уже было сделано наукой.

Незачем особо подчёркивать, что особенно активно замалчивается русская (и советская) наука, занявшая (и сохраняющая) в области тюркологии одно из первых мест. Из знакомства с трудами нашей науки всякий объективный учёный понял бы, что история тюркских племён не начинается со времени известных древнетюркских литературных памятников Монголии VIII в., а намного раньше. Справедливо мнение С. Малова, что не с гунов, а с эпохи скифов (саков) складываются тюркоязычные племена. Следовательно, гуны — это уже не «прототюрки», а тюркоязычные племена. Углубление дат возникновения тюркоязычных племён, выдвигаемое советской наукой, принципиально отлично от утверждений современной турецкой науки о древности тюрков, ибо в основе наших заключений лежит идея исторического формирования различных этапов этногенеза и различных тюркских племён и народов, а не представление о мифическом едином, с глубоких времён тюркском мире, как это характерно для турецкой литературы 20 — 30-х годов XX века⁵.

В работе Эберхарда эти вопросы ставятся косвенно, в связи с интерпретацией китайских источников, но это не снимает с нас обязанности отметить и эту неприемлемую для нас концепцию, которая наложила отпечаток на труд Эберхарда.

Турецкая наука внимательно (хотя и не систематически) следит за советской исторической наукой в области тюркологии. Однако характерной чертой турецких учёных является игнорирование выводов нашей науки, естественно не совместимых с националистическими требованиями современного турецкого исторического фронта. На этом пути стоит и Эберхард.

Указанное свидетельствует о малом, собственно научном значении книги. Однако как популяризация богатств китайских источников о тюрках она для турецких историков должна сыграть определённую, положительную роль.

А. Бернштам

¹ Orkun Huseyin N. «Eski Türk Yazitlari». Istanbul. 1936—1941. См. рец. Малова С. «Язык и мышление». Т. IX.

² Gabain A. «Alttürkischen Gramatik mit Bibliographie, Lesenstücken und Wörterverzeichnis, auch neutürkisch». Leipzig. 1941 (предисловие, стр. VII).

³ Hirth F. «Nachworte zur Inschrift des Tonjuquq». ATIM, Zweite Folge. S.-Petersbourg. 1899.

⁴ «A thousand years of the Tartares».

⁵ Особенно в четырёхтомнике Tarih, 1933. и в основных докладах на I историческом съезде 1932 года. Ср. Birinci Türk Tarih Kongresi, стр. 18 и сл. Доклад Афет Ханым.

Исторические издания Болгарской академии наук (1940 — 1942 гг.).

Болгарская академия наук и искусств систематически издаёт ряд серийных изданий, давно приобретших репутацию серьёзных и интересных научных трудов, — это «Сборник на българската Академия на науките» и «Списание». Третье издание — «Летопис» — представляет интерес только для знакомства с жизнью самой академии. Поэтому мы остановимся на первых двух.

В наших руках были три тома Сборника по отделению историко-филологическому и философско-общественному за 1940—1942 гг. и пять томов «Списания» по тем же разделам. При оценке нужно прежде всего иметь в виду, что наступившая в эти годы фашистская диктатура наложила свою печать на официальные болгарские издания. В отличие от некоторых томов этих серий за прошлые годы, которые целиком посвящались какому-то лицу или вопросу, рассматриваемые томы представляют сборники в собственном смысле слова. Однако можно указать на две эпохи, два круга вопросов, которые по преимуществу привлекают внимание авторов. Это период второго болгарского царства и эпоха Возрождения. Мы не встречаем ни одной работы по более древнему периоду и только одну — по XX веку. До сих пор болгарская наука 20—30-х годов текущего столетия уделяла большое внимание как раз более ранним этапам истории болгарского народа, о чём ярко свидетельствует хотя бы состав статей «Македонского прегледа» за указанные годы. Усиление интереса к малоизученной поре истории Болгарии, какой является XIII в., особенно привлёкший внимание авторов, вполне отвечает требованиям науки. Характер же опубликованных работ соответствует установившейся в болгарской буржуазной литературе традиции изучать лишь политическое, культурное и национально-этническое развитие Болгарии. Указанная традиция объясняет чрезвычайно слабую изученность социально-экономической истории. Судя по некоторым статьям, появившимся в «Историческом прегледе» за текущий год, важность этой последней ясно осознаётся сейчас болгарскими учёными. Вероятно, разработка её привлечёт теперь больше внимания, чем раньше.

В одном из томов «Списания» (66/32) опубликованы две работы болгарских авторов на немецком языке и статья немецкого историка — на болгарском. Немецкий автор — им является византист Дёлгер (Dölger) — посвящает свою статью, называющуюся «Средневековое «семейство государей и народов» и болгарский государь», изучению вопроса об отношениях между правящими домами и заканчивает её фашистскими сентенциями по поводу гибели идей национальности и демократии, одушевлявших народы в XIX веке.

Компанию с Дёлгером разделили М. Мутафчиев, поместивший большую работу «Мнимое поселение сельджукских турок в Добрудже в XIII веке и легенды о Сазы Солтыке» (на немецком языке), Х. Дуда, на-

печатавший статью на близкую тему — о старомусульманских источниках — относительно мнимых турецких поселений в Добрудже в XIII в., и И. Дуйчев — статью «Приноси към историята на Иван Асень II».

Более многочисленны в рассматриваемых выпусках статьи и материалы, относящиеся к XIX веку.

В. Пундев посвящает специальное исследование деятельности малоизвестного писателя начала XIX в. Константина Огняновича, составителя первой болгарской книги, напечатанной в первой болгарской типографии в Константинополе в 1843 году¹. Автор даёт ряд интересных сведений о возникновении типографии и о попытках переговоров по этому вопросу с правительством Франции. Приводимая цитата из записки Ал. Экзарха, адресованной во французское министерство иностранных дел о желательной помощи в отношении стипендий учащимся и в создании типографии, заставляет сожалеть, что документ этот не опубликован полностью. Он представляет большой интерес не только для культурной, но и для политической истории Болгарии этого периода. Ведь записка Экзарха появилась после Нишского восстания 1841 г., побудившего Францию командировать на место событий академика Бланки. Поездка Бланки пробудила у болгар, придавших ей гораздо большее значение, чем она того заслуживала, некоторые расчёты на помощь Франции, свидетельством чего и была названная записка. Надежды эти не оправдались, но самый факт кратковременного существования их важен для понимания доосвободительных течений среди болгар. Наличие известного франкофильства В. Пундева отмечает и у Огняновича, издававшего свои «Забавники» в Париже. Историки болгарской культуры отметят кроме того соображения Пундева о происхождении константинопольского журнала «Новинна Българска».

К рассмотренной статье тесно примыкает другая работа данного автора, «Рибният буквар»², в которой излагается биография знаменитого деятеля Болгарии в области культуры и издателя первого болгарского учебника нового типа — Петра Беронича (Берона). В конце своей статьи автор даёт подробное описание «Рыбного букваря», с появлением которого в 1824 г. начинается эра светского просвещения в Болгарии, проводимого на родном языке.

Видный исследователь предосвободительной эпохи П. Орешков опубликовал не известную до сих пор переписку Сокольского и Рыльского монастырей с Н. Х. Палаузовым, относящуюся к 1845—1854 годам. Напечатанные документы характеризуют болгарские связи выдающегося представителя болгарской колонии в России, каким был Палаузов, и заинтересованность болгарской

¹ Сборник на българската Академия на науките, кн. 36/19 за 1942—1943 годы.

² Списание на българската Академии на науките и изкуствата, кн. 63/31.

церкви в русской поддержке. Часть материалов, относящаяся к началу Восточной войны и представленная письмом Палаузова к генералу С. А. Хрулёву, даёт дополнительные подробности к уже известной из публикации Н. Барсова¹ характеристике роли Палаузова по осведомлению русских военных властей о положении в Болгарии и по представительству болгарских интересов.

Этнографу может быть интересна статья П. Динкова о Кузмане Шапкареве², болгарском фольклористе XIX в. (1834—1909), тесными узами связанным с Д. Миладиновым. Автор прослеживает основные этапы его биографии, выясняет роль русской помощи в публикации его сборников песен, разбирает состав его изданий, приёмы записи материалов.

Интересны опубликованные проф. Г. Капаровым и И. Кеповым документы о Кресненском восстании 1878 года. После заключения Сан-Стефанского мирного договора Россия предполагала и в Македонии создать ту же систему гражданского управления, как и в Болгарии. Были уже намечены лица — до 70 офицеров, — кому предполагалось поручить это дело. Однако изменившиеся политические обстоятельства заставили сначала повременить, а затем и совсем отказаться от предположенного. Берлинский трактат оставил Македонию в руках Турции и развязал руки туркам, начавшим всевозможные бесчинства. Последние побудили болгар создать ряд благотворительных комитетов, возникших и в Македонии и в Болгарии. Комитеты и стали в дальнейшем центрами руководства и организации восстания. Македонские деятели, не учитывая существенного изменения международно-политического положения, полагали, что восстание может сыграть и в 1878 г. такую же роль, какую имело апрельское восстание 1876 года. Поэтому 5 октября 1878 г. они начали борьбу, признанную турецким правительством русской провокацией, хотя в действительности русские власти стояли в стороне от возникшего движения. Борьба была кратковременной несмотря на помощь из Болгарии. К концу года движение замерло. До сих пор это восстание лишь бегло отмечалось в литературе. Имевшаяся мемуарная литература не восполняла пробелов в наших сведениях о нём. Публикуемые документы позволяют детально изучить внутреннюю организацию восстания, его силы, связь с Болгарией и другие вопросы.

Этому же периоду посвящена небольшая статья П. Динкова — «К вопросу об отношении болгар к сочинению Ф. Каница»³. Она является дополнением к монографии о Канице, написанной Фехером и изданной Болгарской академией в 1936 году. Автор отмечает недостаточное освещение Фехером вопроса об отношении болгар к Каницу и его книге и публикует некоторые письма, говорящие о содействии болгар Каницу во

время его путешествия, а также неоконченную рецензию Н. Бончева на русское издание книги Каница о Болгарии, из которой явствует отрицательное к ней отношение болгарских деятелей, близких к России. Не только Бончев, но М. Дрянов и другие видели в Канице австрийского агента и невысоко оценивали научные достоинства его труда.

Только одна работа посвящена XX в. — это исследование И. Янулова «Социальная политика Болгарии во время войны 1915—1918 гг.»⁴. Автор изучает законодательство болгарского правительства времени первой мировой войны. Большую часть своей работы он посвящает рассмотрению вопроса об обеспечении семейств военнослужаших и законодательству по борьбе с эпидемиями. Кроме того он даёт обзор мероприятий по обеспечению жертв войны, организации труда и трудовому законодательству.

И. Янулов приходит к следующим выводам. Во время балканских войн в Болгарии отсутствовала какая бы то ни было помощь семьям военнослужащих. Она была создана только во время войны 1915—1918 годов. Определяя размер расходов на это в 221 млн. левов, автор считает значительной помощью, оказанную семьям военнослужащих. Poleмизуя с теми левыми политическими кругами, которые считали её недостаточной, он пытается доказать, что она осуществлялась добросовестно, хотя не может не отметить критики, вызывавшейся деятельностью комитетов помощи. Надо сказать, что изображение деятельности в рассматриваемой автором области носит апологетический по отношению к правительству Фердинанда характер. Наличие критики правительственных мероприятий само по себе является лучшим доказательством, что в деятельности комитетов помощи далеко не всё было столь удовлетворительно, как утверждает автор. Классовый характер правительственной помощи автором не вскрыт.

Очень кратко автор касается изменений в законодательстве по социальному страхованию и единственной сессии Верховного совета по труду 1919 г., заслуживающей гораздо большего внимания.

Помимо отмеченных работ в рассмотренных томах есть исследования на историко-литературные темы, могущие представлять известный интерес для историка. Мы их только укажем. Это большая работа Цветаны Вранской «Апокрифы о Богородице и болгарская народная песня»⁵, продолжение работы Ст. Аргирова, ранее печатавшейся в «Периодическом списании», — «Из моих находок в Святогорских монастырях Хиландерском и Зографском»⁶. В ней он публикует текст повести о создании Зографского монастыря и нападении латинян на Св. Гору, в другой главе работы он оспаривает мнение Стоилова и И. Иванова, что рукопись

¹ «Тридцатилетие Одесского болгарского настоятельства» и «Материалы к истории освобождения Болгарии». Одесса. 1895.

² Сборник, кн. 34/18.

³ «Списание...», кн. 63/31.

⁴ «Вопросы истории» № 7.

⁴ Там же, кн. 62/1. София. 1941.

⁵ Сборник, кн. 34/18.

⁶ «Списание...», кн. 63/31.

паисиевой истории, принадлежащая Зографскому монастырю, является черновиком самого Паисия.

Помимо рецензируемых сборников, Болгарская академия выпустила несколько отдельных изданий, представляющих значительный интерес. К ним относится прежде всего том дополнений, поправок и замечаний, сделанных Иречком после составления его классической «Истории Болгарии»¹. Текст его сочинения, до сих пор во многих частях не потерявший значения, подвергается в этом издании модернизации: ставятся на разрешение новые вопросы, приводятся ссылки на новую литературу. Это издание особенно интересно в историографическом отношении.

Ценную работу проделали М. Попруженко и С. Романский, опубликовавшие продолжение и частичное исправление выпущенной в 1934 г. Болгарской академией книги Г. А. Ильинского «Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии». Она называется «Кирилло-методиевска библиография за 1934—1940 гг.» (София. 1942). Опубликованная статья покойного проф. Н. П. Грацианского² свидетельствует об усилении интереса советских историков к проблеме, которой касается названная библиография, учитывающая работы на разных языках, как вышедшие отдельными изданиями, так и помещённые в журналах.

Заслуживает быть особо отмеченным большой том мемуаров бывшего начальника штаба болгарской армии во время балканской войны 1912—1913 гг. — Ив. Фичева, вышедший под заглавием «Балканската война 1912—1913. Преживелици, бележки документи» (София. 1940). Это документ большого исторического интереса, содержащий огромное количество фактического материала как по политической, так и по военной истории этих лет. Воспоминания начинаются характеристикой международной обстановки и внутренней борьбы в

Болгарии. Автор сообщает ряд характерных эпизодов: выступление Стамболийского по поводу нарушения конституции 3 июня 1911 г., обстоятельства отставки кабинета Малинова и др. Хорошо показано заключение военной конвенции с Сербией. Ход военных действий, изложение которых иллюстрируется картами, составляет главное содержание книги. В изображении межсоюзнических отношений Фичев идёт на признание ошибок болгарского правительства, которые привели к краху тогдашней болгарской политики, горько им оплакиваемому. «Мы, болгары, — пишет он, — стали жертвой наших недостатков и собственных ошибок» (стр. 473). Вину автор возлагает на кабинет Данева.

Книга заканчивается рассказом о бухарестских переговорах и заключении мирного договора. Автор — представитель болгарских великодержавно-шовинистических военных кругов. Его взгляды отчётливо видны в рассматриваемых записках. Однако большое количество ценного фактического материала делает воспоминания Фичева одним из важных источников по истории балканских войн.

Рассматриваемые издания рисуют состояние болгарской исторической науки периода второй мировой войны и фашистской диктатуры в Болгарии. Академический круг болгарских историков дал ряд публикаций и мелких монографий, которые в своей совокупности характеризуют застойное состояние болгарской науки в этот период. Основные идеи, проблематика авторов — всё это сложилось довольно давно. И в чисто литературной трактовке тем из области болгарского возрождения не чувствуется тех новых веяний, какие стали проникать в последнее время в болгарскую научную литературу, не чувствуется интереса к социально-экономической и политической стороне процесса возрождения (работы Жака Натана, Гандева, Димитрова). Ещё менее удовлетворителен единственный обзорчик работ из истории XX века.

Немногие имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что характеризуемое выше состояние болгарской науки является уже пройденным этапом её развития.

С. Никитин

Краткая история Канады. Составил И. М. Малания. Издание Главного правления федерации русских канадцев. Торонто. 1945. 142 стр.

На втором Всеканадском русском съезде, состоявшемся в ноябре 1944 г., было высказано пожелание, чтобы русские люди, проживающие в Канаде, «знакомились как с историей, так и с культурными достижениями Канады, страны, гражданами которой они являются» (из предисловия автора). Во исполнение этого пожелания съезда и «было предпринято составление настоящей книги — краткой истории Канады» (там же).

Эта цель определила и сравнительно небольшой объём книги и характер изложения:

очерк написан простым, но в то же время хорошим русским литературным языком¹.

Автор излагает историю Канады со времени её открытия и первых шагов француз-

¹ Лишь в одном случае можно отметить выражение, неправильное с точки зрения русского языка: на стр. 52 автор пишет: «Чтобы спасти их (кооперативные зернохранилища. — В. Я.) от полного краха, правительство должно было занять им деньги».

паисиевой истории, принадлежащая Зографскому монастырю, является черновиком самого Паисия.

Помимо рецензируемых сборников, Болгарская академия выпустила несколько отдельных изданий, представляющих значительный интерес. К ним относится прежде всего том дополнений, поправок и замечаний, сделанных Иречком после составления его классической «Истории Болгарии»¹. Текст его сочинения, до сих пор во многих частях не потерявший значения, подвергается в этом издании модернизации: ставятся на разрешение новые вопросы, приводятся ссылки на новую литературу. Это издание особенно интересно в историографическом отношении.

Ценную работу проделали М. Попруженко и С. Романский, опубликовавшие продолжение и частичное исправление выпущенной в 1934 г. Болгарской академией книги Г. А. Ильинского «Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии». Она называется «Кирилло-методиевска библиография за 1934—1940 гг.» (София. 1942). Опубликованная статья покойного проф. Н. П. Грацианского² свидетельствует об усилении интереса советских историков к проблеме, которой касается названная библиография, учитывающая работы на разных языках, как вышедшие отдельными изданиями, так и помещённые в журналах.

Заслуживает быть особо отмеченным большой том мемуаров бывшего начальника штаба болгарской армии во время балканской войны 1912—1913 гг. — Ив. Фичева, вышедший под заглавием «Балканската война 1912—1913. Преживелици, бележки документи» (София. 1940). Это документ большого исторического интереса, содержащий огромное количество фактического материала как по политической, так и по военной истории этих лет. Воспоминания начинаются характеристикой международной обстановки и внутренней борьбы в

Болгарии. Автор сообщает ряд характерных эпизодов: выступление Стамболийского по поводу нарушения конституции 3 июня 1911 г., обстоятельства отставки кабинета Малинова и др. Хорошо показано заключение военной конвенции с Сербией. Ход военных действий, изложение которых иллюстрируется картами, составляет главное содержание книги. В изображении межсоюзнических отношений Фичев идёт на признание ошибок болгарского правительства, которые привели к краху тогдашней болгарской политики, горько им оплакиваемому. «Мы, болгары, — пишет он, — стали жертвой наших недостатков и собственных ошибок» (стр. 473). Вину автор возлагает на кабинет Данева.

Книга заканчивается рассказом о бухарестских переговорах и заключении мирного договора. Автор — представитель болгарских великодержавно-шовинистических военных кругов. Его взгляды отчётливо видны в рассматриваемых записках. Однако большое количество ценного фактического материала делает воспоминания Фичева одним из важных источников по истории балканских войн.

Рассматриваемые издания рисуют состояние болгарской исторической науки периода второй мировой войны и фашистской диктатуры в Болгарии. Академический круг болгарских историков дал ряд публикаций и мелких монографий, которые в своей совокупности характеризуют застойное состояние болгарской науки в этот период. Основные идеи, проблематика авторов — всё это сложилось довольно давно. И в чисто литературной трактовке тем из области болгарского возрождения не чувствуется тех новых веяний, какие стали проникать в последнее время в болгарскую научную литературу, не чувствуется интереса к социально-экономической и политической стороне процесса возрождения (работы Жака Натана, Гандева, Димитрова). Ещё менее удовлетворителен единственный обзорчик работ из истории XX века.

Немногие имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что характеризуемое выше состояние болгарской науки является уже пройденным этапом её развития.

С. Никитин

Краткая история Канады. Составил И. М. Малания. Издание Главного правления федерации русских канадцев. Торонто. 1945. 142 стр.

На втором Всеканадском русском съезде, состоявшемся в ноябре 1944 г., было высказано пожелание, чтобы русские люди, проживающие в Канаде, «знакомились как с историей, так и с культурными достижениями Канады, страны, гражданами которой они являются» (из предисловия автора). Во исполнение этого пожелания съезда и «было предпринято составление настоящей книги — краткой истории Канады» (там же).

Эта цель определила и сравнительно небольшой объём книги и характер изложения:

очерк написан простым, но в то же время хорошим русским литературным языком¹.

Автор излагает историю Канады со времени её открытия и первых шагов француз-

¹ Лишь в одном случае можно отметить выражение, неправильное с точки зрения русского языка: на стр. 52 автор пишет: «Чтобы спасти их (кооперативные зернохранилища. — В. Я.) от полного краха, правительство должно было занять им деньги».

ских колонистов на канадской земле и до второй мировой войны. Частично освещено и участие Канады в этой войне.

В основу изложения положен рассказ о политических событиях канадской истории. Но и экономической истории и социальным движениям, в особенности истории рабочего движения последних десятилетий, уделено большое внимание. Автор не забывает отметить и появление первого парохода в Канаде и переход в денежном обращении с фунта стерлингов на доллар (1853 г.) для большего удобства торговых сношений с США. Показано значение в истории Канады железнодорожного строительства, иммиграции, освоения прерий Запада. Дана яркая характеристика хозяйственного кризиса 1929—1933 годов. Описана всеобщая забастовка в Виннипеге в 1919 г., закончившаяся арестом её руководителей и их последующим осуждением, так как судья и присяжные были напуганы «московской опасностью» (кавычки автора книги). Изложены основные этапы в развитии канадской коммунистической партии и описаны преследования, которым она подвергалась со стороны канадских властей.

Меньше внимания уделено автором истории культуры Канады. В основном тексте книги автор ограничивается отрывочными замечаниями о состоянии школьного дела и указанием, что в 1923 г. канадский учёный д-р Фредерик Бантинг получил нобелевскую премию за открытие инсулина (инсулиновый препарат составил эпоху в лечении сахарной болезни). Некоторой компенсацией в этом отношении может служить присоединённый к книге в качестве приложения краткий очерк истории канадской литературы, в котором автор рассматривает историю как англо-канадской, так и франко-канадской литературы. Характеризуя последнюю, автор с особенной любовью говорит о выдающемся произведении Луи Эмона «Мария Шапделен», получившем мировую известность¹.

Излагая историю Канады как целое, автор не забывает и особенностей в развитии её отдельных частей. Он даёт обстоятельную характеристику истории быта, национального самосознания и особенностей политической истории французской Канады. Хотя и бегло, он касается также и особенностей в развитии других провинций Канады. Особая глава книги посвящена судьбе канадских индейцев. Автор относится к ним с большой симпатией, даёт характеристику их фольклора, рассказывает некоторые легенды индейцев.

Особенностью книги является внимание, которое автор уделяет русским в Канаде. Русских в Канаде немного, и естественно, что канадские историки как англо-канадцы, так и франко-канадцы, а также американские историки Канады или совсем ничего не говорят о русских канадцах или говорят о них очень коротко, всего в нескольких

словах. Но и эти краткие упоминания, в том случае, когда они имеются, к сожалению, не всегда с достаточной точностью соответствуют историческим фактам.

Для подтверждения сказанного можно сослаться на книгу Charles G. D. Roberts «History of Canada», где автор отмечает лишь, что в колонизации Западной Канады приняли участие в числе других иностранцев также галичане и духоборы (стр. 402), или на книгу George M. Wrong «The Canadians; the story of a People», где указано только, что в противоположность украинцам духоборы не поддаются ассимиляции (стр. 435).

Carl Wittke, труд которого «A History of Canada» широко использован автором рецензируемой книги, говорит о духоборах (русских не духоборов и он не касается) чуть больше, чем только что названные два историка, но он безоговорочно утверждает, что канадское правительство относилось к духоборам очень хорошо и что последние в Канаде стали благоденствовать почти с самого момента их поселения в ней (стр. 280). Между тем из рецензируемой книги видно, что дело обстояло не столь идилично.

Истории русских в Канаде И. М. Маланин посвящает две главы: 25-ю, в которой он рассказывает о жизни духоборов в Канаде, и предпоследнюю, 38-ю, где он говорит о русских канадцах-недухоборах и об общерусских общественных организациях в Канаде и их помощи СССР в годы Отечественной войны, а также об их культурно-просветительной работе среди русского населения Канады.

Автор даёт интересные характеристики исторических деятелей Канады. Наиболее яркой из них является характеристика Лорье. Автор умеет так же живо и с юмором описывать исторические ситуации. Рассказывая, например, об основании в 1867 г. столицы доминиона Оттавы, И. М. Маланин указывает, что по просьбе первого канадского парламента королева выбрала местом для его заседаний «местечко Бан Таун на р. Оттаве, где единственным большим зданием была лесопилка. Так была создана новая столица Канады, переименованная в Оттаву, подальше от больших и беспокойных городов. Тут собрался 6 ноября 1867 г. первый парламента доминиона под аккомпанемент распиливаемых брёвен».

Некоторым недостатком структуры книги является отсутствие в ней деления истории Канады на крупные исторические периоды. При имеющемся делении книги на значительное количество глав, не объединённых в группы по большим историческим периодам, на первый план выступают исторические детали, и основные моменты в историческом развитии Канады усваиваются сознанием читателя в меньшей степени, чем это было бы при наличии деления на крупные исторические периоды. Такая структура, повидимому, навеяна вышеназванным трудом проф. Wittke.

Всё изложение исторических фактов в книге проникнуто демократическим настрое-

¹ Имеется русский перевод, выпущенный в СССР в 1924 г. издательством «Иностранная литература».

нием и горячим канадским патриотизмом автора. Демократические убеждения автора проявляются при описании социальных противоречий и политической борьбы в Канаде, в положительном отношении к муниципальным предприятиям, в критике политики Канады в Лиге наций, в подчёркивании необходимости для Канады содействовать тесному единению великих союзников — Британской империи, США и СССР. Канадский

патриотизм автора особенно ярко проявляется при рассказе об участии Канады в первой мировой войне (вторая мировая война затрагивается лишь бегло, в заключительной главе).

Книга будет полезной для советского читателя-неспециалиста, желающего ознакомиться с историей Канады.

В. Яцунский

„*Selections from the works of Gerard Winstanley*“ (London. The Cresset press, 1944).

Новое издание сочинений Г. Уинстэнли

В исторических работах по английской революции в последние годы пробивается новое направление. Его характеризует не «аристократическая и спиритуалистическая складка», которая лежала на прежней историографии, а интерес к социальным движениям в Англии 40—50-х годов XVII века. В 1930 г. появилось в свет большое исследование Маргариты Джемс «Социальные проблемы и политика в период пуританской революции» (M. James «Social problems and policy during the puritan revolution»), в котором нарисована картина экономического положения Англии в 40—50-е годы XVII в., борьба за земельную реформу, за отмену торговых и промышленных монополий, демократическое движение в гильдиях и городском самоуправлении. В 1940 г. вышла в свет книга Петегорского «Левое крыло демократии в английской гражданской войне» (D. W. Petegorsky «Left wing in the English civil war». Gollanéz. 1940).

Оба автора уделили большое внимание деятельности и взглядам Уинстэнли. Совершенно своевременным и логичным явилось теперь новое издание самих произведений этого автора. Новое издание называется «*Selections from the works of Gerard Winstanley*». Памфлеты изданы Л. Гамильтоном с введением Христофора Хилла (London. The Cresset press, 1944). В изданный сборник вошли один памфлет 1648 г. «Выше голову, не бойся срама»; 6 памфлетов 1649 г.: «Новый закон справедливости», «Поднятое знамя истинных левеллеров», «Декларация бедного утеснённого народа Англии», «Письмо лорду Ферфаксу и его военному совету», «Обращение к Палате общин», «Предостерегающее слово к Сити Лондона и армии»; 4 памфлета 1650 г.: «Пылающий куст», «Новогодний подарок парламенту и армии», «Воззвание ко всем англичанам», «Смирненная просьба к преподавателям обоих университетов и ко всем юристам судов». Последнюю часть издания занимает «Закон свободы», трактат 1651 г., помещённый почти полностью.

Не вошли в сборник ранние сочинения Уинстэнли, так называемого «мистического» характера.

В русской исторической литературе интерес к сочинениям Уинстэнли был проявлен

А. Е. Кудрявцевым в его книге «Великая английская революция», где приведены цитаты из произведений Уинстэнли. Акад. В. П. Волгин дал анализ коммунистической теории Уинстэнли в своей «Истории социалистических идей», а В. Стальный дал изложение главного труда Уинстэнли—его «Закона свободы» («Исторический журнал» № 3—4 за 1942 г.).

Во введении к избранным сочинениям Уинстэнли Христофор Хилл даёт краткое изложение его жизни, наиболее яркие и выдающиеся годы которой падают на 1648—1652; тогда Уинстэнли встретился с Бильямом Эверардом, оказавшим на него большое влияние. В. Эверард, по мнению Хилла, скорее чем Уинстэнли может считаться лидером диггеров в начале движения. Первые месяцы 1649 г. — кульминационный пункт английской революции. «Старый мир», как выражается Уинстэнли, «свёртывается подобно пергаменту на огне». Однако попытка Уинстэнли и Эверарда создать около Кобгема в Серри коллективное хозяйство на пустоши привела к репрессиям правительства и насилиям толпы богатых фригольдеров. Но Уинстэнли убеждён, что солдаты, осуществившие репрессию и получившие от лендлордов 10 шиллингов «на водку», были в своём сердце «диггерами». Зимой 1649 г. диггеровские эмиссары были отправлены во внутренние графства для пропаганды и сбора средств. Выступления диггеров имели место в Норземптоншире, Букингамшире, Кенте и Глостершире, но везде они были подавлены. Роль Уинстэнли в этом движении неизвестна; однако это был момент его усиленной литературной деятельности. Она завершается опубликованием трактата «Закон свободы», которому было предпослано обширное обращение, адресованное «его превосходительству Оливеру Кромвелю, генералу республиканской армии в Англии», 5 ноября 1651 года. После этого Уинстэнли сходит с исторической сцены, живёт в Кобгеме, становится заурядным мелким торговцем. Никто не знает, где и когда он умер.

В введении говорится, что интерес к произведениям Уинстэнли не исчез и в наши дни. Уинстэнли — острый критик общества, изображающий Англию своего времени с

нием и горячим канадским патриотизмом автора. Демократические убеждения автора проявляются при описании социальных противоречий и политической борьбы в Канаде, в положительном отношении к муниципальным предприятиям, в критике политики Канады в Лиге наций, в подчёркивании необходимости для Канады содействовать тесному единению великих союзников — Британской империи, США и СССР. Канадский

патриотизм автора особенно ярко проявляется при рассказе об участии Канады в первой мировой войне (вторая мировая война затрагивается лишь бегло, в заключительной главе).

Книга будет полезной для советского читателя-неспециалиста, желающего ознакомиться с историей Канады.

В. Яцунский

„*Selections from the works of Gerard Winstanley*“ (London. The Cresset press, 1944).

Новое издание сочинений Г. Уинстэнли

В исторических работах по английской революции в последние годы пробивается новое направление. Его характеризует не «аристократическая и спиритуалистическая складка», которая лежала на прежней историографии, а интерес к социальным движениям в Англии 40—50-х годов XVII века. В 1930 г. появилось в свет большое исследование Маргариты Джемс «Социальные проблемы и политика в период пуританской революции» (M. James «Social problems and policy during the puritan revolution»), в котором нарисована картина экономического положения Англии в 40—50-е годы XVII в., борьба за земельную реформу, за отмену торговых и промышленных монополий, демократическое движение в гильдиях и городском самоуправлении. В 1940 г. вышла в свет книга Петегорского «Левое крыло демократии в английской гражданской войне» (D. W. Petegorsky «Left wing in the English civil war». Gollanéz. 1940).

Оба автора уделили большое внимание деятельности и взглядам Уинстэнли. Совершенно своевременным и логичным явилось теперь новое издание самих произведений этого автора. Новое издание называется «*Selections from the works of Gerard Winstanley*». Pamфлеты изданы Л. Гамильтоном с введением Христофора Хилла (London. The Cresset press, 1944). В изданный сборник вошли один памфлет 1648 г. «Выше голову, не бойся срама»; 6 памфлетов 1649 г.: «Новый закон справедливости», «Поднятое знамя истинных левеллеров», «Декларация бедного угнетённого народа Англии», «Письмо лорду Ферфаксу и его военному совету», «Обращение к Палате общин», «Предостерегающее слово к Сити Лондона и армии»; 4 памфлета 1650 г.: «Пылающий куст», «Новогодний подарок парламенту и армии», «Воззвание ко всем англичанам», «Смирная просьба к преподавателям обоих университетов и ко всем юристам судов». Последнюю часть издания занимает «Закон свободы», трактат 1651 г., помещённый почти полностью.

Не вошли в сборник ранние сочинения Уинстэнли, так называемого «мистического» характера.

В русской исторической литературе интерес к сочинениям Уинстэнли был проявлен

А. Е. Кудрявцевым в его книге «Великая английская революция», где приведены цитаты из произведений Уинстэнли. Акад. В. П. Волгин дал анализ коммунистической теории Уинстэнли в своей «Истории социалистических идей», а В. Стальный дал изложение главного труда Уинстэнли—его «Закона свободы» («Исторический журнал» № 3—4 за 1942 г.).

Во введении к избранным сочинениям Уинстэнли Христофор Хилл даёт краткое изложение его жизни, наиболее яркие и выдающиеся годы которой падают на 1648—1652; тогда Уинстэнли встретился с Бильямом Эверардом, оказавшим на него большое влияние. В. Эверард, по мнению Хилла, скорее чем Уинстэнли может считаться лидером диггеров в начале движения. Первые месяцы 1649 г. — кульминационный пункт английской революции. «Старый мир», как выражается Уинстэнли, «свёртывается подобно пергаменту на огне». Однако попытка Уинстэнли и Эверарда создать около Кобгема в Серри коллективное хозяйство на пустоши привела к репрессиям правительства и насилиям толпы богатых фригольдеров. Но Уинстэнли убеждён, что солдаты, осуществившие репрессию и получившие от лендлордов 10 шиллингов «на водку», были в своём сердце «диггерами». Зимой 1649 г. диггеровские эмиссары были отправлены во внутренние графства для пропаганды и сбора средств. Выступления диггеров имели место в Норземптоншире, Букингамшире, Кенте и Глостершире, но везде они были подавлены. Роль Уинстэнли в этом движении неизвестна; однако это был момент его усиленной литературной деятельности. Она завершается опубликованием трактата «Закон свободы», которому было предпослано обширное обращение, адресованное «его превосходительству Оливеру Кромвелю, генералу республиканской армии в Англии», 5 ноября 1651 года. После этого Уинстэнли сходит с исторической сцены, живёт в Кобгеме, становится заурядным мелким торговцем. Никто не знает, где и когда он умер.

В введении говорится, что интерес к произведениям Уинстэнли не исчез и в наши дни. Уинстэнли — острый критик общества, изображающий Англию своего времени с

Важнейшие библиографии по истории Франции.

Историческая библиография возникла во Франции в «эрудитном» XVII в. одновременно или даже ранее некоторых других вспомогательных исторических дисциплин. Уже в 1618 г. Андре дю Шен опубликовал «Библиотеку авторов, писавших историю и топографию Франции»¹. Эта работа давала описание около тысячи исторических трудов. В течение XVII в. она выдержала несколько переизданий с последовательными дополнениями. Но через сто один год после выхода в свет первого издания книги дю Шена появилась новая библиографическая работа, составленная крупным эрудитом Жаком Ле-Лонгом, библиотекарем конгрегации Оратория. Его работа совершенно устранила необходимость обращаться к указателю дю Шена. Уже в первом своём издании (1719) «Историческая библиотека Франции» Ле-Лонга учитывала около 17 500 трудов исторического содержания. Последнее же, пятое издание того же труда, пересмотренное и дополненное советником дижонского парламента Шарлем-Мари Февре де Фонтетом, потребовало пяти томов in folio и описывало около 50 тыс. книг и рукописей исторического содержания². Первые четыре тома дают расположенную в систематическом порядке библиографию, основные разделы которой следующие: работы вспомогательного характера (preliminaires généraux) и история древней Галлии, история церкви; политическая история; гражданская история; история литературы и история искусств. Описания книг и рукописей снабжены критическими и историко-литературными примечаниями. Пятый том состоит из добавлений к предыдущим томам и, главное, из ряда весьма тщательно разработанных вспомогательных указателей: географического, хронологического и некоторых других.

Труд Ле-Лонга не полностью утратил своё значение и до наших дней, так как он отличается исключительной полнотой и даёт описание очень многих, совершенно забытых старинных работ, а также и рукописей, существовавших ещё в XVIII в., но до нашего времени не дошедших.

Таким образом, как XVII, так и XVIII века оставили ценные свидетельства своего интереса к вопросам исторической библиографии. Первая половина XIX в., напротив, не дала каких-либо крупных работ в интересующей нас области. Этот факт представляется до известной степени парадоксальным, если учесть, что на первую половину прошлого века приходится расцвет исторической науки во Франции, ознаменовавшийся деятельностью таких крупных историков, как Огюстен и Амедей Тьерри,

Минье, Гизо, Мишле и др. Однако явление это вполне объясняется состоянием высшего исторического образования во Франции этих десятилетий. В самом деле, в годы революции и Наполеона во Франции вовсе не было ни специально-исторического высшего учебного заведения, ни даже исторических факультетов. В университетах история преподавалась (и преподаётся и ныне) на «гуманитарных» факультетах (facultés des lettres), в центре внимания которых находились литературоведческие науки. То же замечание относится к «Высшей нормальной школе» (Ecole normale supérieure), основанной в 1795 году. Притом эта последняя готовила и готовит специально учителей среднеучебных заведений. От своих воспитанников школа требовала безупречного усвоения читаемых им курсов, такого же знания фактов, но не готовила их к исследовательской работе, а в библиографии нуждается прежде всего именно работа исследователя. Только в 1821 г. Франция получила своё первое, и пока единственное, историческое высшее учебное заведение — «Школу хартий» (Ecole des chartes). Но это учебное заведение с самого начала имело вполне определённые специальные задачи — подготовку архивных работников и палеографов. Это специальное назначение сужает всю программу Школы хартий и, в частности, заставляет её обращать преимущественное внимание на один период истории Франции — средние века. Наконец, число учащихся в Школе крайне незначительно: в 20-х годах нашего века оно равнялось всего шестидесяти. Тем не менее, Школа хартий сыграла, как видно будет из последующего, огромную роль в развитии исторической библиографии во Франции. Но роль эта приходится на более поздний период и кроме того имеет специфический характер³.

При указанных условиях естественно, что в области исторической библиографии первые десятилетия XIX в. отличались едва ли не полной бесплодностью.

Первым значительным достижением XIX в. в области французской исторической библиографии мы обязаны не высшим школам и не отдельным историкам-библиографам, а Национальной (ранее императорской) библиотеке. Эта библиотека с 1855 г. начала создавать под главной редакцией Ж. Ташро каталог своего исторического отдела⁴. Издание затянулось на сорок лет. Первые два тома его

¹ Du Chesne A. «Bibliothèque des auteurs qui ont escript l'histoire et topographie de la France». 1618. 236 p.

² Le Long J. «Bibliothèque historique de la France». Nouvelle édition, revue, corrigée et considérablement augmentée par Fevret de Fontette. Paris. 1768—1778. 5 vols in folio.

³ Постановка высшего исторического образования во Франции в последние годы XIX в. хорошо охарактеризована Ланглуа: Langlois Ch.-V. et Seignobos Ch. «Introduction aux études historiques». Paris. Hachette, 1898, App. II: «L'enseignement supérieur de l'histoire en France», p. 293—306.

⁴ Taschereau J., Marchal P. et autres «Catalogue des imprimés de la Bibliothèque Nationale. Histoire de France». Paris. 1855—1895. 12 vols.

охватывают историю Франции до свержения Людовика XVI, III и IV — политическую историю с 1792 по 1856 гг., V — религиозную историю, VI и начало VII — конституционную историю, остальная часть VII тома — административную, дипломатическую и военную историю, историю быта и археологию; VIII том — историю отдельных областей и колоний, IX и часть X посвящены истории отдельных классов и сословий, генеалогиям дворянских семей и биографиям. Конец X и XI том продолжают политическую историю до 1875 года. Наконец, том XII даёт общий алфавит авторов. Что касается анонимных работ, то алфавит их заглавий дан в особом указателе, вышедшем ещё десятилетием позднее¹.

Как и следовало ожидать от библиотечного каталога, а не библиографии в точном смысле этого слова, характеризуемое издание описывает только книги, а не статьи в журналах.

Однако список самих журналов дан в конце IV тома. Объём каталога огромен: его определяют в 247 500 названий². И всё же этот громадный каталог даже в годы своего появления, когда его нельзя было ещё упрекнуть в устарелости, встретил только весьма сдержанный приём. Причина его неуспеха — в чисто формальном подходе к решению поставленной задачи. В каталог механически попали все труды, классифицированные библиотекой под рубрикой L (История Франции), и не попали другие, весьма ценные, но отнесённые систематическими авторами библиотеки в другие рубрики. Например в каталоге нет некоторых работ даже крупнейших деятелей французской буржуазной революции конца XVIII в.: Робеспьера, Барнава и др.³.

В 1877 г. вышла книга историка Франклена «Источники по истории Франции»⁴. Эта книга представляет собой нечто весьма своеобразное. Обычное название «библиография» совершенно недостаточно для её характеристики. Она представляет собрание весьма подробных и тщательно оформленных оглавлений некоторых библиографий

и печатных описей архивных материалов, и в своей большей части — потонных оглавлений различных крупных печатных публикаций историков, таких, как знаменитое «Recueil des historiens des Gaules et de la France» (даны оглавления томов I—XXII, вышедших в 1737—1865 гг.), как издания «Общества истории Франции» (оглавления ста тридцати томов, вышедших в 1835—1875 гг.) и др. Не лишне отметить, что Франклен дал оглавления не только собраний источников, вышедших во Франции, но и некоторых вышедших в других странах, поскольку они имеют значение для истории Франции.

В конце книги Франклена весьма подробный предметный указатель. Труд Франклена встретил весьма суровую и насмешливую оценку со стороны других историков и библиографов, подчеркнувших чисто формальный и механический характер этой «компиляции»⁵. Но критики Франклена недооценили всего практического удобства, которое представляет этот весьма добросовестный труд для читателя, освобождённого благодаря ему от утомительного занятия разыскивать оглавления многотомных серий, для того чтобы найти нужную ему публикацию в каком-нибудь одном томе. Помимо того несомненное значение имеют те краткие очерки истории каждого из таких изданий, которые Франклен предпосылает перепечатке оглавления.

В 1888 г. известный французский историк Габриель Моно, занимавший с 1868 г. кафедру истории в «Ecole pratique des hautes études» (он сохранил её до 1905 г.), выпустил систематическую «Библиографию истории Франции... от возникновения до 1789 года»⁶.

Много и успешно трудившийся над реорганизацией постановки исторического образования в своей стране⁷, Моно преследовал в этой работе цели прежде всего педагогические. Это придало его библиографии чрезмерно выборочный характер. Специалист-историк не найдёт в ней многих весьма нужных данных. Отметим при этом, что Моно — как это ни неожиданно для основателя лучшего исторического журнала Франции, «Revue historique», — включил в свой указатель только книги, а в отношении журналов ограничился выборочным списком, совершенно не учитывая статей, в них помещённых. Всё это, включая приём отмечать звёздочкой особо важные, по мнению Моно, работы, заставляет расценивать его труд

⁵ См., например, Langlois Ch.-V. «Manuel de bibliographie historique». 2-me ed. Paris. Hachette. 1901, p. 226—227; Stein H. «Manuel de bibliographie générale». Paris. 1897. P. 422.

⁶ Monod G. «Bibliographie de l'histoire de France. Catalogue methodique et ethologique des sources et des ouvrage relatifs a l'histoire de France depuis les origines jusqu'en 1789. Paris. Hachette, 1888. XI, 420 p.

⁷ Характеристику деятельности Моно в этом направлении см. в статье Halphen L. в сборнике «Histoire et historiens depuis cinquante ans», Paris. 1927—1928, fasc. I, p. 149—151.

¹ В нашем описании мы не учли томов XIII, XIV и XV, не размноженных типографским способом, не поступивших в продажу и не имеющих в наших библиотеках. Эти томы доводят учёт исторической литературы до 1885 года.

² На 1 января 1897 г. число книг и комплектов журналов по истории Франции, хранящихся в Национальной библиотеке, достигало 279 408. См. Deslisle. Introduction. In: «Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale». Paris. 1897. P. XLIV.

³ См. Гонкова Р. «Основные библиографические источники для изучения французской буржуазной революции XVIII века». «Советская библиография» № 1(18) за 1940 г. стр. 35.

⁴ Franklin A. L. A. «Les sources de l'histoire de France. Notices bibliographiques et analytiques des inventaires et des recueils de documents relatifs a l'histoire de France». Paris. F. Didot. 1877. XIX, 681 p.

только как превосходное в своё время, но ныне неизбежно устаревшее пособие для студентов.

«Библиография» Моно делится на две основные части: работы общего характера и работы по отдельным периодам истории Франции. Внутри этих основных частей дальнейшие подразделения: в первой части — по тематике и типам литературы (вспомогательные науки, источники и т. д.), во второй части — по периодам, на которые Моно разбивает историю Франции. В конце книги алфавитный указатель авторов и подробное оглавление.

В конце прошлого века центром библиографических изысканий по истории Франции становится группа историков — преподавателей Школы хартий. Руководящая роль принадлежит при этом известному медиевисту Ш. В. Ланглуа, который сам ранее был питомцем школы, а деятельным сотрудником его явился преподаватель Школы хартий Анри Стейн. Разработанный и в конечном счёте осуществлённый ими и их продолжателями план библиографических работ был специально приспособлен к потребностям преподавания в этой школе.

Первым результатом сотрудничества Ланглуа и Стейна был составленный ими указатель «Архивы по истории Франции»¹. Этот труд в первой своей части даёт характеристики различных французских архивов (национальных, архивов отдельных министерств, департаментских и муниципальных архивов и т. д.). Кроме общих сведений о фондах того или другого архива даются описания печатных каталогов и инвентарных описей каждого из них, а также печатных изданий хранящихся в них документов. Во второй части по той же программе характеризуются иностранные архивы, в которых имеются материалы, имеющие значение для истории Франции. Третья часть описывает рукописные материалы, хранящиеся во французских и иностранных библиотеках. В конце — «Указатель имён» (географических названий, имён собственных и юридических лиц) и подробное оглавление.

«Архивы по истории Франции» были первым выпуском запрокированной Ланглуа и Стейном серии библиографических пособий по истории Франции. Второй выпуск был составлен единолично Стейном. Как видно из самого его заглавия — «Руководство по общей библиографии»², он не является специально исторической библиографией. Тем показательней, что эта работа вошла в указанную выше серию. Инициаторы её полагали, на наш взгляд, вполне справедливо, что знакомство с общей библиографией обязательно для всякого лица, специализирующегося в области истори-

ческого исследования. Однако общий характер «руководства» Стейна позволяет нам ограничиться в данной связи упоминанием, что специальный интерес для историков представляют в нём глава XIII, стр. 401—432 («Исторические науки») и глава XIV, стр. 433—466 («Вспомогательные исторические науки»). Для большей ясности добавим, что труд Стейна является не обычной библиографией, т. е. указателем литературы по тому или другому предмету, а библиографией библиографий, объектами описания которой являются библиографические указатели³.

Основное значение для историка Франции имеют последующие выпуски, составляющие в совокупности третью и наиболее важную часть всей серии — «Источники по истории Франции». Эта часть состоит из 18 томов. Первые 6 составлены крупным специалистом по французскому средневековью — Молинье⁴. В них описаны и охарактеризованы печатные источники по истории Франции — французские и иностранные, — и важнейшие источниковедческие работы от древнейшего периода до последних лет XV века. Пятый том начинается с «Общего введения» — источниковедческого обзора. В томе VI помещён предметный указатель ко всему труду, составленный Л. Пуленом.

Последующие четыре тома (VII—X) посвящены источникам по истории Франции XVI в. и составлены крупнейшим авторитетом по французскому Возрождению, учеником Моно, — А. Озе⁵. Отметим попутно, что термин «XVI век» употреблён в данном случае не вполне точно: труд Озе охватывает период от итальянских походов Карла VIII (1494) до смерти Генриха IV (1610). Материал в этих 4 томах расположен по хронологическому признаку, как и в первых 6 томах. Отбор источников и источниковедческих работ и характеристика их проведены едва ли не с ещё большей тщательностью и продуманностью, чем в томах, составленных Молинье.

С наибольшей полнотой освещены печатные источники и источниковедческая литература по «XVII веку» (от 1610 — года смерти Генриха IV, до 1715 — года смерти Людовика XIV). Этому периоду посвящены последние 8 томов третьей части всё той же серии.

Они составлены Э. Буржуа и учеником

¹ Langlois Ch.-V. et Stein J. «Les archives de l'histoire de France». Paris. Picard. 1891. XVII+1000 p. «Manuels de bibliographie historique. I».

² Stein H. «Manuel de bibliographie générale» (Bibliotheca bibliographica nova). Paris. Picard. 1898. XX. 895 p. (Manuels de bibliographie historique. II).

³ Характеристика «руководства» Стейна как общей библиографии библиографий дана автором настоящей статьи в его пособии для библиотечных вузов «Иностранная общая библиография». М. Библиотечно-библиографическое изд-во НКПроса РСФСР. 1941, стр. 130—132.

⁴ Molinier A. «Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie (1494)». Paris. Picard. 1901—1906. 6 vols. (Manuels de bibliographie historique. III).

⁵ Hauser H. «Les sources de l'histoire de France. XVI siècle (1494—1610)». Paris. Picard. 1906—1915. 4 vols. (Manuels de bibliographie historique. III).

последнего Л. Андре¹, последние томы после смерти Буржуа, составлены одним Андре. Общий характер и приёмы изложения в этих томах не совпадают с предшествующими, серьёзнейшее отличие существует в расположении материала. Считаясь с обилием и разнообразным характером его, Буржуа и Андре предпочли расположить его по отдельным отраслям исторической науки и отчасти по типам источников. Первый том посвящён географии и общей истории, второй — мемуарам и письмам, третий — биографическим материалам, четвёртый — периодическим изданиям и памфлетам, пятый — политической и военной истории, шестой — истории войн на море, истории колониальных владений и религиозной истории, седьмой — экономической и административной истории и, наконец, восьмой — истории отдельных провинций и городов. В пределах каждого тома — дальнейшие подразделения по подобным же признакам. В конце VIII тома добавления к предыдущим и предметный указатель.

В целом запроектированную Ланглуа и Стейном и осуществлённую ими и учениками их серию библиографических указателей следует расценивать весьма высоко. При этом, однако, нужно отметить, во-первых, что серия носит односторонне источниковедческий характер, объясняемый происхождением и ближайшим назначением её, и что большая часть входящих в неё томов (не только труды Ланглуа, Стейна и Молицье, но в известной степени и указатель Озе) к настоящему времени уже значительно устарели.

Все характеризованные выше библиографии по истории Франции учитывали, с различной степенью полноты, с различными критериями отбора, всю массу накопившейся к моменту их появления литературы. В отличие от них описываемый ниже труд является текущей библиографией, т. е. учитывает с установкой на возможную полноту только литературу, вышедшую за определённый, краткий период. Мы говорим о «Библиографическом репертуаре по истории Франции», выходящем с 1923 года².

Каждый том этого продолжающегося издания учитывает литературу, вышедшую за два года: том I (1923 г.) — литературу 1920—1921 гг.; том II — литературу 1922—1923 гг. и т. д. Шестой, последний том (1938 г.) учитывает литературу 1930—1931 годов. Как видим, регистрация литературы всё значительнее отставала от момента её появления. Наступление второй мировой войны вызвало неизбежный перерыв в издании.

Редакторами «Репертуара» были один из крупнейших специалистов по истории французской революции 1789—1794 гг. Пьер Карон и известный нам уже Анри Стейн. Учитывались книги, статьи и — это следует

отметить особо — рецензии на новые работы. Каждый том разбит на следующие основные разделы: литература общего характера и вспомогательные исторические науки; общие работы по отдельным периодам, история учреждений, религиозная история, экономическая и социальная история, колониальная история, биографии, история отдельных провинций и городов. Как видим, это систематическая библиография источников и исследовательской литературы, весьма близкая по плану к чисто источниковедческой библиографии Буржуа и Андре. В конце каждого тома — вспомогательные указатели авторов и имён исторических персонажей и географических названий.

Следует отметить, что история доводится Кароном и Стейном только до 1914 г.: литература по первой мировой войне ими уже не учитывается.

Ряд дальнейших рассматриваемых нами библиографических трудов так или иначе связан с именем Карона. Нельзя не поражаться неутомимой и многосторонней деятельности этого крупнейшего архивного работника, исследователя и библиографа.

Отметим, во-первых, капитальный указатель, составленный единолично Кароном и охватывающий литературу по истории Франции с 1789 г., вышедшую за 1866—1897 годы³. Указатель, подобно только что охарактеризованному, учитывает как публикации, так и исследовательские работы (всего дано 13 496 описаний книг и статей). Расположение материала в основном также весьма близко к «Репертуару» Карона и Стейна. Исходным пунктом учёта литературы Карон выбрал 1866 год по той причине, что, как он указывает в предисловии к своему труду, именно с 1866 г. — эры «либеральной империи» — началось оживление интереса к новой (с 1789 г.) истории Франции. В частности на этот год приходится основание двух первых французских исторических журналов «учёного типа» (стр. III) — «Revue des questions historiques», «Revue critique d'histoire et de la littérature».

Что касается предельного момента учёта (1897 г.), то Карон выбрал его ввиду того, что литература, вышедшая в 1898 и в последующие годы, была уже им ранее учтена в особой работе. Речь идёт о библиографическом ежегоднике «Систематический репертуар новой (с 1500 г.) и новейшей (с 1789 г.) истории Франции»⁴. Ежегодник выходил с

³ Caron P. «Bibliographie des travaux publiés de 1866 à 1897 sur l'histoire de France depuis 1789». Paris. Cornely. 1912. XXXII, 830 p. (Publications de la Société d'histoire moderne).

⁴ Caron P. et autres «Répertoire méthodique de l'histoire moderne et contemporaine de la France pour l'année 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904—1906, 1910—1911 (1-re moitié), 1911—1912, 1912—1913». Paris. Bellais. 1899; 1905; Bieder. 1914. Библиография за 1910—1911 и 1911—1912 гг. не выходила отдельными произведениями, а печаталась в «Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1912, t. 17; 1919, t. 18.

¹ Bougeois E. et Andre L. «Les sources de l'histoire de France. XVII siècle (1610—1715)». Paris. Picard. 1913—1935. 8 vols (Manuels de bibliographie historique, III).

² Caron P. et Stein H. «Répertoire bibliographique de l'histoire de France». Paris. Picard. 1923—1938. Vol. 1—6.

большими перебоями: 7 первых его томов охватывают девять лет (1898—1906 гг.), затем следует перерыв в регистрации, возобновлённой в отношении литературы, вышедшей в 1910 г. и оборвавшейся на литературе, вышедшей в первой половине 1913 года. Расположение материала схоже с другими аналогичными работами Карона. В составлении данного ежегодника участвовало, помимо него, несколько других лиц: Бриэр, Бурно и др.

В своём уже цитированном выше предисловии к «Библиографии трудов, опубликованных с 1866 по 1897 гг.», Карон выражал надежду, что современем будет составлен указатель литературы и по «новой» истории Франции за те же годы. Надежде этой суждено было осуществиться только весьма поздно и притом не полностью. С 1932 г. два историка и библиографа — Сонье и Мартен — стали выпускать соответствующий указатель, во всём аналогичный своему образцу — указателю Карона. Однако к началу второй мировой войны им удалось выпустить только первые 2 тома, охватывающие внутреннюю историю, историю учреждений, дипломатическую историю, военную историю, историю военного флота, религиозную, экономическую и социальную историю¹.

Таким образом, остались (будем надеяться, временно) без учёта труды по истории колониальных владений, по истории отдельных провинций и городов, по биографическим материалам.

По периоду от смерти Людовика XIV до французской буржуазной революции конца XVIII в. имеется специальный указатель дю Пелу². Указатель этот, учитывающий послевоенную литературу с 1800 по 1925 г., весьма неудачен по отбору литературы, и библиографические описания в нём составлены весьма небрежно, поэтому он не заслуживает подробного анализа.

Естественно, что лучше всего библиографически освещено крупнейшее событие в истории Франции: революция 1789 и последующих годов. Тут мы имеем ряд ценных работ начиная с «Практического руководства по изучению французской революции» Карона³. Эти работы уже получили свои вполне компетентные оценки в советской печати в статье Р. М. Тонковой «Основные библиографические источники для изучения французской буржуазной революции XVIII века»⁴. Ограничимся ввиду этого указанием на эту статью, тем более что с момента её опубликования не появилось новых библиографических работ по французской револю-

ции, и даже незаконченные к 1940 г. труды (каталог Национальной библиотеки и указатель Монглиона) оборвались на отмеченных Р. М. Тонковой томах.

Периоду наполеоновских войн посвящена библиография Кирхейзена, вышедшая одновременно во Франции и Германии⁵. Работа включает до 8 тыс. описаний книг и статей на разных языках, посвящённых не только истории Франции, но и других стран в 1795—1815 годах. Большое место занимает история войн. Работа среднего достоинства.

Франко-прусская война и Парижская коммуна отражены в библиографии весьма несовершенно. Из нескольких работ по этой тематике отметим библиографию Шульца, имеющую то достоинство, что в ней дано много описаний публицистических материалов эпохи Коммуны. Надо, однако, иметь в виду, что значительная часть указываемых Шульцем⁶ брошюр отличается ярко реакционным характером и авторами их являются версальцы или победители-немцы.

Экономической и социальной истории Франции в годы первой мировой войны посвящён обширный труд Камилла Блока⁷, директора специальной библиотеки по истории войны, профессора Сорбонны, недавно избранного членом института. Библиография эта является одним из выпусков обширной серии исследований и библиографических работ, которую выпускало в годы первой мировой войны известное «Carnegie endowment for international peace». Работа отличается едва ли не исчерпывающей полнотой учёта литературы, вышедшей во Франции с 1 августа 1914 г. по 31 декабря 1921 года. Всего дано 16 229 библиографических описаний.

Материал систематизирован в одиннадцати основных разделах.

Подводя итоги настоящему краткому обзору, отметим, что во французской исторической библиографии хорошо освещены работы по истории Франции с древнейшего времени до смерти Людовика XIV и не хуже — годы французской буржуазной революции.

Предреволюционные десятилетия XIX и XX вв. ещё ждут своего библиографа.

К. Симон

¹ Saulnier E. et Martin A. *Bibliographie des travaux publiés de 1866 à 1897 sur l'histoire de la France de 1500 à 1789*. Paris. Les presses univers de France, 1932—1938. 2 vols.

² Du Peloux Ch. «*Répertoire général des ouvrages modernes relatifs au XVIII siècle français (1715—1789)*». Paris. Grund. 1926—1927. I vol. + suppl. 306 + 62 p.

³ Caron P. «*Manuel pratique pour l'étude de la révolution française*». Paris. Picard. 1912. 294 p.

⁴ «Советская библиография» № 1/18, стр. 29—37. 1940 год.

⁵ Kircheisen F. «*Bibliographie du temps de Napoléon*». Paris, H. Champion. 1908—1912. 2 vols; «*Bibliographie des Napoleonischen Zeitalters*». Berlin. Mittler. 1908—1912. 2. Bdc.

⁶ Schulz A. «*Bibliographie de la guerre franco-allemande (1870—1871) et de la Commune de 1871*». Paris. Le Soudier. 1886, 128 p.

⁷ Block C. «*Bibliographie méthodique de l'histoire économique et sociale de la France pendant la guerre*». Paris. Les presses universelles de Paris; New Haven, Yale University press. 1925. XXXVI + 903 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

НОВЫЕ ИНОСТРАННЫЕ КНИГИ И СТАТЬИ

Начиная с № 7 нашего журнала редакция приступает к публикации выборочного списка новой иностранной литературы научно-исследовательского характера по всеобщей истории. Список разбивается на разделы: история первобытного общества и археология, история древнего мира, история средних веков, история нового времени, новейшая история и история второй мировой войны.

Этот список состоит из иностранных книг, поступивших в нижеследующие московские библиотеки в 1945—46 гг.: Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР (ФБОН); Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина (ЛБ); Государственная публичная историческая библиотека (ИБ); Научная библиотека им. Горького при Московском ордена Ленина государственном университете им. М. В. Ломоносова (МГУ). Сверх того, в список включены книги, не полученные к настоящему времени в Москве, но установленные по библиографическим и тому подобным источникам. Наконец, в списке указаны и важнейшие статьи из исторических журналов, поступивших в ФБОН АН СССР за 1945—46 годы.

Как видно из указанного, список ни в какой степени не исчерпывает работ по всеобщей истории. В нём сказались трудности комплектования в условиях военного времени и в ближайшие по окончании войны месяцы.

Список по всем разделам составлен фундаментальной библиотекой общественных наук АН СССР.

История древнего мира

Общие работы

CUNY A. Recherches sur le vocalisme, le consonantisme et la formation des racines en «Nostratique». Ancêtre de l'Indo-européen et du Chamito-sémitique. Paris. 1943. 162 p.

JANSSENS E. Histoire ancienne de la Mer du Nord. Bruxelles. 1943. 98 p.

SACHS C. Rise of music in the ancient world. East and West. London. 1943, 7, 324 p. МГУ.

SMITH S. Middle Minoan. I—II and Babylonian chronology.— «American Journal of archaeology». 1945. Vol. XLIX, N. I, p. 1—24.

WALTZ P. La question d'Orient dans l'antiquité. Paris. 1943.

Древний Восток. Общие труды

ALBRIGHT W. An indirect synchronism between Egypt and Mesopotamia ca 1630 B. C.— «Bulletin of the American school of oriental research». 1945, October, p. 9—18.

Древний Египет

BREASTED CH. Pioneer to the past. The story of G. H. Breasted archaeologist told by his son Ch. Breasted. New York. 1945. X. 436 p. ФБОН.

GLANVILLE S. (ed.). The legacy of Egypt. Oxford. 1943. XX. 424 p. ФБОН.

HORNBLOWER F. The establishing of Osiris.— «Man. a record of anthropological science». 1945. Vol 45. 37—51, p. 59—63.

Late Egyptian and Coptic art; an introduction to the Brooklyn museum. Brooklyn. Institute of arts and sciences. 1943. 24, 54 pl. ФБОН.

WOOD L. The Kahun papyrus and the date of the XII — th dynasty (with a chart).— «Bulletin of the American schools of oriental research». 1945, October, p. 6—9.

Ассиро-Вавилония

ALEXANDER J. Early Babylonian letters and economic text. New Haven. 1943. VII, 39 p. 74 pl. (Babylonian inscriptions in the Collection of James B. Niess Vol. 8. ФБОН.

Catalogue of the Babylonian tablets in the libraries of Columbia University... by J. Mendelsohn. New York. 1943. 84 p.

KRAMER S. Sumerian mythology. A study of spiritual and literary achievement in the third millennium B. C. Philadelphia. 1944. XIV, 125 p.

LEWY H. A propos of babylonian metrology.— «Bulletin of the American schools of oriental research». 1945, № 98, April p. 25—26.

STEPHENS F. Old Assyrian letters and business documents. Oxford. 1944. VII. 30 p. of James B. Niess, Vol. 6).

PORADA E. An unknown representation of a ziggurat.— «Bulletin of the American Schools of oriental research». 1945, October, p. 18—20.

Сирия и Палестина

ALBRIGHT W. The excavation of Tell Beit Mursim. Vol. III. The Iron age. New Haven. 1943. XXV, 229 p. 73 pl.

GLUECK N. A chalcolithic settlement in the Jordan valley.— «Bull. of American schools of oriental research». 1945, № 97, February,

p. 10—22.

GLUECK N. *The other side of the Jordan*. New Haven, Connecticut. 1945. XVII, 208 p. ill. ФБОН

HAMILTON R. *Khirbat Mafjar. Stone sculpture*. II. — «Quarterly of the department of antiquities in Palestine». 1945, Vol. XII, № 1—2, p. 1—19.

HEALD TH. *The Earlier form of the story of Cain's birth*. — «Folk-Lore». 1945. Vol. LVI, March, p. 193—199.

MCCOWN CH. *The ladder of progress in Palestine. A story of archaeological adventure*. New York. 1943. XVI, 387, 27 p., 2 maps.

NOUFELD E. *Ancient Hebrew marriage laws; with special references to general Semitic laws and customs*. London. 1944. XIX, 304 p.

ORY J. *A middle bronze age tomb at El-Jisr*. — «Quarterly of the department of antiquities in Palestine». 1945. Vol. XII, № 1—2, p. 31—42.

MIRASHI V. *The age of the Bagh caves*. — «The Indian historical Quarterly». 1945. Vol. 21, N 2, p. 79—85.

Psalms. Hebrew text; English translation and commentary. Ed. by A. Cohen. Hindhead. 1945. 504 p.

ROBINSON G. *The bearing of archaeology on the Old testament*. New York. 1944. 207 p.

SCHWABE M. *Khirbat Mafjar. Greek inscribed fragments*. — «Quarterly of the department of antiquities in Palestine». 1945. Vol. XII, № 1—2, p. 20—30.

The Westminster historical atlas to the Bible edited by G. Wright and F. Filson, with an introductory article by W. Albright. Philadelphia. 1945. 114 p. 18 pl.

Малая Азия и Иран

GHIRSMAN R. *Shapur, royal city*. — «Asia and the Americas» 1945, October. Vol. 45, N 10, p. 492—493.

KRAPPE A. *The Anatolian Li on God*. — «Journal of the American oriental society». 1945. Vol. 65, № 3, p. 144—154.

MCCOWN C. *The long-room house at Tell en Nasbeh*. — «Bull. of American Schools of oriental research» 1945, № 98, April p. 2—15.

Древняя Индия

DANDEKAR R. (ed.) — *Progress of India studies; survey of work done in several branches of Indology in India and outside during the twenty-five years (1917—1942)*. Poona. 1943. 406 p.

DIKSHITER V. *Ramachandra. War in ancient India*. London — New York, 1945. XV, 416 p.

DUTT N. *Some unorthodox marriages in the family of Yadu*. — «The Indian historical Quarterly». 1945. Vol. 21, № 2, p. 86—90.

LA VIOLETTE W. *Bhagavad gita: an immortal song; an interpretation of a sacred epic*. Los Angeles. 1945. 13, 209 p.

LAW B. *Tribes in ancient India*. Poona. 1943. 4428 p. (Bandarkar oriental series, № 4).

МАСКАУ Е. *Chanku-Daro excavations. 1935—36*. New Haven. 1943. XV, 338 p. XCIV pl. ФБОН; ИБ.

SHASTRI VISHVA BANDHU. *Vedic word*

concordance. I, I; II, 1—2; III, 1—2. Lahore. 1935—45 (Shanta Kuti Vedic series, N 1—4).

Древний Китай

BAILEY H. *The knotan Dharmapada*. — «Bulletin of the School of oriental and African studies». 1945. Vol. XI, Pt. 3, p. 488—512.

BENEDICT P. *Chines and Thai Kin numeratives*. — «Journal of the American oriental society». 1945. Vol. 65, № 1, p. 33—37.

BRIGGS L. *Dvaravati the most ancient kingdom of Siam*. — «Journal of American oriental society». 1945, Vol. 65, № 2, p. 98—107.

CHENG TE'KUN. *The royal tomb of Wang Chien*. — «Harvard Journal of Asiatic studies». 1945. Vol. 8, № 3—4, p. 235—240.

CHOU YI-LIANG. *Tantrism in China*. — «Harvard Journal of Asiatic studies». 1945. Vol. 8, № 3—4, p. 241—332.

DARBS H. *Chinese imperial designations*. — «Journal of American oriental society». 1945. Vol. 65, N 1, January—March, p. 26—33.

HUGSHES E. *The elreat bearning. The Mean in action. Newly translated from the chinese with an introductory essay on the history of Chinese philosophy*. New York. 1943. 176 p.

INGRAMS H. *Life in ancient Hadhramaut*. — «Antiquity». Quarterly Review of Archaeology. 1945, № 76, p. 187—193.

MAENCHEN-HELFEN O. *The Yüeh-Chih problem*. — «Journal of American oriental society». 1945. Vol. 65, N 2, p. 71—81.

PENNIMAN J. AND COHN W. *A steatite figure of the K'ang Hsi perbod in the Pitt Rivers Museum at Oxford*. — «Man. a report of anthropological science». 1945. Vol. 45, 52—78, p. 73—74.

WILBUR C. *Slavery in China during the former Han Dynasty*, 206 B. C. — A. D. 25. Chicago. 1943. 490 p. ФБОН.

История Греции и Рима (в целом)

COCHRANE CH. *Christianity and classical culture: a study of thought and action from Augustus to Augustine*. New York. 1944. VII, 523 p. ФБОН.

E. C. A. *William Abbott Oldfather. 1880—1945*. — «Classical Journal». 1945. Vol. 41, N. 1 p. 9—11.

MARSH F. *Modern problems in the ancient world*. Austin. 1943. 123 p.

Древняя Греция

BALOGH E. *Political refugees in ancient Greece from the period of the tyrants to Alexander the Great*. Johannesburg. 1943. XVI, 134 p. ФБОН.

BURN A. *Pericles and the Athenian tragedy*. London. 1945.

CALLMER C. *Studien zur Geschichte Arkadiens. Bis zur Gründung des arkadischen Bundes*. Lund. 1943. XV, 138 p.

GLOVER T. *Springs of Hellas and other essays; with memoirs by S. Roberts*. Cambridge. 1945. XVI, 210 p.

GROMME A. *Historical commentary on Thucydides*. Vol. I Introduction and commentary on book I. Oxford. 1944. XI, 479 p.

HORN R. *The constitution of the Atheni-*

ans. — «Classical weekly». 1945. Vol. 38, № 23, p. 182 — 183.

HUGHES H. (ed.). *Glory that is Greece; with a foreword by Sir David Ross*. London. 1945. 200 p. ill.

PRITCHETT W. *The five attic tribes after Kelisthenes*. Baltimore. 1943.

Археология и история искусства древней Греции

BLEGEN C. *The Roof of the Mycenaean Megaron*. — «American Journal of Archaeology». 1945. Vol. XLIX, № 1, p. 35 — 44.

CORINTH. *Results of excavations conducted by the American School of classical studies at Athens. Vol. 7, Pt. 1. The geometric and orientalized pottery by S. S. Weinberg*. Cambridge Mass. 1943. XIV, 104 p. 45 plates.

GRINNELL I. *Greek temples*. New York. 1943. XVI, 60 p. 54 pl.

HOLMBERG E. *The Swedish excavations at Asea in Arcadia*. Lund. 1944. XV, 192 p. 6 pl. (Skrifter utgiva av Svenska Institutet i Rom — XI).

LEVI D. *Early Hellenic pottery of Crete*. Princeton — Oxford. 1945. 32 p. 32 pl. (Princeton monographs in art and archaeology. Quarto series № 23).

MCDONALD W. *The political meeting places of the Greeks*. Baltimore. 1943. XIX, 308 p. 19 pl. (The Johns Hopkins University studies in archaeology № 34).

Религия, философия и наука

CHERNISS H. *Aristotle's criticism of Plato and the Academy*. Baltimore. 1944. XXVII, 610 p. ФБОН.

CHERNISS H. *Riddle of the early Academy (Lectures delivered 1942)*. Berkeley. 1945. 103 p.

DE WITT N. *Epicurus and Leucippus*. — «Classical weekly». 1945. Vol. 38, № 20, p. 155 — 157.

GREENE W. *Moira: Fate, Good and Evil in greek thought*. Cambridge. 1944. X, 450 p.

POTEAT H. «Epicurus, my enemy». — «Classical weekly». 1945. Vol. 38, № 20, p. 155.

Эпоха эллинизма

BELLINGER A. *King Antiochus in 151/0. B. C.* — «Hesperia». 1945. Vol. XIV, № 1, p. 58 — 59.

FONTEROSE J. *Philemon, Lot and Lycaon*. Berkeley. 1945. 93 — 119 p. (Publications in classical philology. Vol. 13, N 4).

LUDIN J. *Die politik Antiochos'des IV*. Oslo. 1943. 53 S. (Skr. otg. av. Det Norske Vid-Akad. Oslo 2. Hist. fil. Kl. 1942, 3).

Michigan papyri. Vol. V. Papyri from Tebtunis, part II. Ed. by F. Huxelman, A. Boak, W. Edgerton. Ann Arbor. The University of Michigan press. 1944. XX, 446 p. 6 pl.

Michigan papyri. Vol. VI. Papyri and ostraka from Karanis. Ed. by H. Chayyim Youtie and O. Merrill Pearl. Ann Arbor. The University of Michigan press. 1944. XXI, 252 p. 7 pl.

Древний Рим.

Источники. Вспомогательные дисциплины.

DIONYSIUS OF HALICARNASSUS. *The Roman Antiquities, with an English translation on the basis of the version of Edward Spelman. Vol. IV. Books VI and VII*. «Loeb classical Library». Cambridge Mass. 1943. 385 p.

JOSEPHUS FLAVIUS. Ed. with an English translation by Ralph Marcus. Vol. VII. *Jewish Antiquities book XII — XIV*. VIII, 788 p. Cambridge Mass — London. 1943 (Loeb classical library).

LIVY. *Roman History. With an English translation by Frank Gardner Moore. Vol. VII. Books XXVI and XXVII*. «Loeb classical library». Cambridge Mass. 1943. 424 p. 8 maps and plans.

MATTINGLY H. *The first age of Roman Coinage*. — «Journal of Roman studies». 1945. Vol. XXXV, Pt. I — II, p. 65 — 77.

MERLIN A. *Inscriptions latines de la Tunisie*. Paris. 1944. XII, 340 p.

RICHARDS G. *Polybius of Megalopolis. Greek admirer of Rome*. — «Classical Journal». 1945. Vol. XL, N 5 p. 274 — 291.

ROGERS R. C. I. L. VI, 903. *A note on Tiberius'itinerary. A. D. 37* — «Classical weekly». 1945. Vol. 38, N 23, p. 183.

WEST L. AND JOHNSON A. *Currency in Roman and Byzantine Egypt*. Oxford. 1944. IX, 195 p.

История Рима

BOAK A. *A history of Rome to 565 A. D.* 3 ed. New York. 1943. XXII, 552 p. Index. ФБОН.

HARMAND L. ET BOSSUAT A. *Rome et la fin de la civilisation méditerranéenne*. Paris. 1943.

RIDLEY F. *Spartacus; a study in revolutionary history*. London. 1944, 79 p. ФБОН.

ROGERS, R. *Studies in the Reign of Tiberius*. Baltimore. 1943, IX, 181 p. ФБОН.

SALMON E. *History of the Roman world from 30 B. C. to A. D. 138*. New York. 1944. XIII, 363 p. (Macmillan's history of the Greek and Roman world, 6). ФБОН.

SECHER J. *Rome et son Empire*. Paris. 1943. 524 p.

WELLS J. *Short history of Rome to the death of Augustus*. London. 1943. 353 p. ФБОН.

Римская археология

TILLY B. *Vergilian cities of the Roman Campagna*. — «Antiquity». A Quarterly Review of Archaeology. 1945. N 75, p. 125 — 134.

Религия и наука в древнем Риме

KAN A. *Juppiter Dolichenus. Sammlung der Inschriften und Bildwerke*. Leiden. 1943. X, 159 S. 16 pl.

SOURY G. *La démonologie de Plutarque. Essai sur les idées religieuses et les mythes d'un platonicien éclectique*. Paris. 1943. 242 p.

TAVENNER E. *Roman religion with a special relation to Vergil*. — «Classical Journal». 1945. Vol. XL, N 4, p. 198 — 220.

Римская литература

ALEXANDER S. *War in the Aeneid.* — «Classical journal». 1945. Vol. XL, N 5, p. 261 — 273.

DUNHAM F. *The Younger Pliny — Gentleman and Citizen.* — «Classical journal». 1945. Vol. XL, N 7, p. 417 — 426.

FORBES C. *Vergilian echoes in Priscian.* — «Classical Weekly». 1945. Vol. 38, N 22, p. 172.

FRANKEL H. *Ovid; a poet between two worlds.* Berkeley. 1945. VIII, 282 p. (Sather classical lectures, vol. 18).

HADZSITS G. *A Great Roman rebel.* — «Classical Journal», 1945. Vol. XL, N 8, p. 449 — 466. (Характеристика Лукреция).

HIRST G. *Note on Vergil, Georgics 131.* — «Classical Weekly» 1945. Vol. 38, N 22, p. 170 — 171.

HRITZU J. *Piety in the character of Aeneas.* — «Classical Weekly». 1945. Vol. 38, N 22, p. 171—172.

HUNT E. *Laudatores temporis acti.* — «Classical Journal». 1945. Vol. XL, N 4, p. 221—233.

KNIGHT W. *Roman Vergil.* London. 1944. VIII, 348 p. ФБОН.

LOYEN A. *Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gaule aux derniers jours de l'Empire.* Paris. 1943.

MURPHY F. *Rutfninus of Aquileia (345—411), his life and works.* Washington. 1945. XVIII, 248 p. («Studies in mediaeval history. New series. Vol. 6).

RAYMENT C. *Varro versutus* — «Classical Journal». 1945. Vol. XL, N 349, p. 349—357.

Римские провинции

ARAGUISTAIN L. *Some survivals of ancient Iberia in modern Spain.* — «Man. A record of anthropological science». 1945. Vol. 45 19—36, p. 30—38.

CROWFOOT J. *Dura — Europos.* — «Antiquity». A. Quarterly Reveiw of Archaeology. 1945. N 75, p. 113—124.

DUNNING G. *Two fires of Roman London.* — «Antiquaries Journal». 1943. Vol. XXV, N 1, 2, p. 48—77.

HERRLING W. *The romanization of Raetia.* A part of a dissertation. Chicago university press. 1943. 95 p.—

RICHMOND L. *The Sarmatae, Bremetennacum veteranorum and the Regio Bremetennacensis.* — «Journal of Roman studies», 1945. Vol. XXXV. Pt. I—II, p. 15—29.

ROSTOVTZEFF M., BELLINGER A. AND WELLES C. *The excavations at Dura — Europos. Final report IV. Part I fasc. I: The green glazed pottery.* By N. Toll. With Technical notes by F. R. Matson. New Haven. 1943. IV, 45 p. 20 pl. ФБОН; ЛБ.

SCULLARD H. *Charops and roman policy in Epirus.* — «Journal of Roman studies». 1945. Vol. XXXV. Pt. I — II, p. 58—64.

Раннее христианство

BARTLET J. *Church-life and church order during the first four centuries with special reference to the early Eastern church orders.* Oxford. 1943. 207 p. ФБОН.

BOURKE V. *Augustine's quest of wisdom; life and philosophy of the Bishop of Hippo.* Milwaukee. 1945 г. XI, 323 p.

GRANT F. *The earliest Gospel. Studies of the evangelib tradition at its point of crystallization in writing.* New York. 1943. 270 p.

Древние кельты

BOWEN E. *The settlements of the Celtic saints in South Wales.* — «Antiquity». A. Quarterly Review of Archaeology». 1945, N 76, p. 175—186.

CRAWFORD O. *Corpus inscriptionum insularum Cellicarum.* — «Antiquity. A Quartely Review of Archaeology». 1945. N 76, p. 207—209.

DOBLE O. *Saint Gongar.* — «Antiquity. A Quarterly Review of Archaeology». 1945. N 73, p. 32—43.

DOBLE C. *Saint Congar (Contin. from p. 43. March 1945, N 73).* «Antiquity. A. Quarterly Review of Archaeology». 1945, N 74, p. 85—95.

HAWKES C. AND JAGOBSTHAL P. A. *Celtic bird — brooch from Red Hill, near Long Eaton, Notts.* — «Antiquaries Journal». 1945 Vol. XXV, N 3, 4, p. 117—124.

JACOBSTHAL P. *Early celtic art 2 vols.* Oxford. 1944. 256 p. 279 pl.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

75-летие Парижской коммуны. Сессия Отделения истории и философии АН СССР

В связи с 75-й годовщиной Парижской коммуны 18 марта 1946 г. состоялось заседание Отделения истории и философии Академии наук СССР. С докладами выступили проф. С. Б. Кан и проф. А. И. Молок (Ленинград).

Проф. С. Б. Кан осветил в своём докладе тему «Проблемы истории Парижской коммуны в новейшей литературе». Отметив, что Ленин и Сталин не раз обращались к великому историческому примеру коммунаров, неоднократно давали блестящий анализ первого в истории опыта диктатуры пролетариата, докладчик указал на то, что многие мысли Маркса, оставшиеся до недавнего времени неизвестными, поразительно совпадают с идеями, позднее высказанными Лениным относительно задач и целей пролетариата в ходе социальной революции. Соответствующие материалы Маркса — два неизвестных варианта его «Гражданской войны во Франции» — были впервые опубликованы ИМЭЛ'ом несколько лет тому назад.

В СССР были опубликованы также и многие другие важнейшие источники по истории Парижской коммуны: протоколы Генерального совета I Интернационала, письма и мемуары участников движения, переведён и напечатан первый том протоколов заседаний Совета Коммуны.

Советские научные учреждения и советские историки, разумеется, не только издавали документы. Докладчик делает краткий обзор той большой работы по изучению истории и отдельных сторон деятельности Коммуны, которая была произведена учёными нашей страны.

Он указывает на научно-популярный труд — историю Коммуны, изданную вскоре после Октябрьской революции И. И. Степановым-Скворцовым, говорит о большой книге П. М. Керженцева, изданной в 1940 году. Керженцев, подчёркивает докладчик, действительно воссоздал историю героических 72 дней Коммуны и сумел дать детальный анализ как причин её возникновения, так и причин её быстрого падения.

Но ещё до появления книги Керженцева ряд советских историков подверг глубокому анализу отдельные стороны революции 1871 г. и многое сделал для того, чтобы осветить героическую деятельность восставших коммунаров. С. Б. Кан называет известные не только специалистам-историкам работы и публикации проф. А. И. Молока по ряду вопросов истории Коммуны, проф. О. Л. Вайнштейна о социально-экономиче-

ской политике Коммуны (в частности о Коммуне и Французском банке), Ю. И. Данилина о театральной политике Коммуны, А. Гушина о художниках Коммуны, наконец, о своих собственных работах по истории Парижской коммуны.

Дав обзор работ французских буржуазных учёных Буржена, Ларонза и Лорана, С. Б. Кан переходит к тем узловым вопросам истории революции 18 марта, которые в свете трудов историков-марксистов и вновь опубликованного документального материала получили новое решение.

Наиболее важной является проблема непосредственных предпосылок событий 18 марта. Об обстоятельствах, приведших к захвату власти пролетариатом и бегству из Парижа буржуазного правительства, писали и Вайнштейн, и Керженцев, и Кан. Из французских историков этой проблеме особое внимание уделил, как известно, Буржен. Вновь опубликованные и собранные советскими историками материалы позволили точнее установить связь между деловыми кругами Франции и правительством Тьера, выяснить и проследить мероприятия Тьера и подчинённых ему генералов, имевшие целью окружение Парижа и его насильственное разоружение. Как известно, эти действия привели к тому, что утром 18 марта рабочие Парижа ответили на провокацию буржуазного правительства стихийно начавшимся восстанием. Однако в стихийно начавшееся народное восстание скоро были внесены, как показывают новейшие данные, некоторые элементы организованности и сознательности. Это в значительной степени обусловило дальнейший успех движения и позволило парижским рабочим уже к вечеру того же самого дня изгнать правительство Тьера из города и приступить к захвату власти.

Опубликованные материалы и новейшие исследования вносят существенные коррективы в вопрос о соотношении стихийности и сознательности в ходе революции 18 марта, заставляя нас отбросить как несоответствующую исторической действительности ту старую концепцию, согласно которой ЦК Национальной гвардии, пассивно следивший за развитием событий до 18 марта, будто бы в этот решающий день оставался лишь безучастным зрителем разыгравшихся событий.

Советскими историками многое сделано и в области правильного понимания Коммуны как первого в мире опыта диктатуры пролетариата. Поэтому социально-экономи-

ческие мероприятия Коммуны всегда привлекали их особое внимание. Теперь уже редко кто пытается представить Коммуну в виде путча заговорщиков-бланкистов. Однако, не усматривая в Коммуне государства нового типа, многие историки-буржуа и среди них даже добросовестнейший радикальный профессор Буржен считали Коммуну лишь особой формой обычной демократической республики, весьма, с их точки зрения, далёкой от социалистических и, тем более, коммунистических идеалов. При этом они обычно ссылались на неопределённость социально-экономических воззрений Коммуны и отмечали, что её программа была густо окрашена в прудонистские тона. Советских историков, говорит проф. Кан, не смущает прудонистская фразеология тех или других документов Коммуны. Они умеют видеть за этой словесной шелухой новое, подлинно пролетарское содержание деятельности коммунаров. Много в этой области ещё не доведено до конца, но в трудах советских историков проблема социально-экономической политики Коммуны впервые поставлена на прочные, научные основания и в общих чертах получила правильное решение. Далее С. Б. Кан анализирует итоги исследований советских учёных в различных областях деятельности Коммуны, правильную, научную интерпретацию ими материалов буржуазных историков в отношении жилищной политики Коммуны, её судебной практики, развития искусств и т. д.

Не знаю, достаточно ли известно, говорит докладчик, что Энгельс в 1881 г. пророчески связывал дело коммунаров с русским революционным движением и с грядущей победой русских рабочих: «Когда... Парижская коммуна была подавлена... защитниками «порядка», — писал он вскоре после казни Александра II народолюбцами, — победители меньше всего думали о том, что не пройдёт и десяти лет, как в далёком Петербурге произойдёт событие, которое после борьбы, — быть может, длительной и жестокой, — в конце концов должно неизбежно привести к созданию Российской Коммуны»¹.

Замечательные победы «Российской Коммуны» на полях мирного труда и на полях недавней великой битвы ещё ярче оттеняют для нас, современников Ленина и Сталина, бессмертный подвиг «штурмовавших небо» парижан. Мы не можем, не должны забывать, что среди многих знамён, склонённых у гроба Ленина в его мавзолее, находится и небольшое, простреленное пулями тёмно-красное знамя парижских коммунаров, заканчивает проф. Кан.

Проф. А. И. Молок сделал доклад на тему «Парижская коммуна 1871 г. и Европа». Он подробно остановился на откликах, вызванных установлением и деятельностью Парижской коммуны со стороны европейских правительств, господствующих классов, прогрессивных слоёв общества, со стороны международного рабочего класса.

Правящие круги европейских государств заняли по отношению к Коммуне открыто

враждебную позицию. Почти весь дипломатический корпус перебрался в Версаль, куда бежало правительство Тьера. Послы иностранных держав отказались вступить в сношения с Коммуной и оставили без ответа ноту, в которой Коммуна уведомляла их о переходе власти в её руки. Особенно враждебно отнеслось к Коммуне германское правительство. Докладчик приводит ряд интересных деталей о сговоре Бисмарка с Тьером против революционного Парижа. Большая часть английской печати освещала деятельность Коммуны во враждебных тонах. Однако с течением времени даже некоторые весьма консервативные органы английской прессы стали более критически относиться к действиям «законного» французского правительства и более справедливо оценивать акты Коммуны. Яркое представление о враждебности правящих кругов Российской империи к Парижской коммуне дают пометки Александра II на полях доносений Окунева из Версаля: в этих пометках чувствуется нетерпеливое желание царя поскорее увидеть Париж в руках Тьера и его генералов.

Прогрессивные слои буржуазной ответственности Европы относились к Коммуне довольно сочувственно и оказали ей известную моральную поддержку. Особенно одобрительно отнеслись к политическим стремлениям коммунаров английские радикалы — решительные противники полицейско-бюрократического централизма, убеждённые сторонники широкого самоуправления. Характерно, что именно с этой точки зрения рассматривали и приветствовали Коммуну участники сорокатысячного митинга в Гайд-парке 16 апреля.

В России известный либеральный публицист Е. Н. Утин, автор серии статей «Франция и французы после войны», всю вину за конфликт возлагал на версальское правительство. Осуждали Тьера за его нежелание пойти навстречу требованиям Парижа и «С.-Петербургские ведомости», усматривавшие в Коммуне чисто муниципальное движение. Такую же позицию занимали и «Русские ведомости». Ближе других органов русской либеральной печати подошли к пониманию сущности Коммуны «Биржевые ведомости». «Нынешние французские события, — писала газета, — указывают нам на попытку решить вопрос, который на западе Европы имеет свою жизненную основу в ненормальности общественных отношений и особенно в давлении капитала на труд». Газета успокоительно добавляла, что социальная борьба, происходящая в Западной Европе, не может коснуться России. «Безземельного пролетариата у нас почти нет — великая реформа 19 февраля оградила наш народ от тяжкой необходимости связывать своё существование с вопросом о капитале. Мы на всякие там парижские коммуны и прочее можем смотреть совершенно спокойно», — наивно резюмирует газета².

Русская народническая интеллигенция безоговорочно высказывалась за Коммуну, она тяжело переживала её подавление, она

¹ Маркс и Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 552.

² «Биржевые ведомости» № 76, 19/31 марта 1871 года.

О работе сектора новой истории Института истории Академии наук СССР

Работа сектора новой истории в истекшем году была сконцентрирована вокруг ряда основных важнейших проблем: проблемы генезиса и развития германского империализма, истории революций конца XVIII—XIX столетий, англо-русских отношений в эпоху империализма и др.

Из крупных коллективных работ, над которыми работал сектор, следует отметить следующие.

Том Всемирной истории «Канун французской буржуазной революции конца XVIII в.» (1763—1788 гг.) под редакцией В. П. Волгина, С. Д. Сказкина и Ф. В. Потёмкина (около 70 печ. л.); в настоящее время закончена работа по редактированию этого тома.

Том этот посвящён мировой истории второй половины XVIII в., периоду начала промышленной революции в Англии, подготовки буржуазной революции во Франции, борьбы за независимость североамериканских колоний и возникновения Соединённых Штатов, — тому историческому этапу, когда создавались предпосылки для вступления в период победы и утверждения капитализма.

Большая глава посвящена истории России XVIII в., её экономическому развитию — состоянию основанных на крепостном труде сельского хозяйства и развивающейся мануфактуры. Особое внимание уделено здесь вопросам истории крестьянского движения. Значительное место занимает история борьбы Англии, Франции и других колониальных государств Европы за колониальную гегемонию. Исключительно большое внимание уделяется в этом труде истории культуры главнейших стран Европы во второй половине XVIII в., истории науки, литературы, изобразительных искусств и музыки.

Начата работа по подготовке большого тома, посвящённого приближающемуся 100-летию юбилею европейских революций 1848—1849 гг. (70 печ. л.) (под редакцией акад. В. П. Волгина и доктора исторических наук Ф. В. Потёмкина). Этот труд должен осветить с марксистско-ленинской точки зрения вопрос о предпосылках революции и показать ход революционных событий в отдельных европейских странах. По-новому ставится и разрабатывается проблема участия в революции славянских народов.

На большом конкретно-историческом материале здесь показано отношение передовых слоёв русского общества к революции 1848 г. и к революционному движению в России.

Много внимания уделено созданию учебника по новой истории для вузов. В 1945 г. под редакцией академика Е. В. Тарле и доктора исторических наук Ф. В. Потёмкина закончена подготовка и редактирование первой части этой работы (70 печ. л.). Учебник является результатом совместной работы Института истории Ака-

демии наук СССР и кафедры новой истории исторического факультета Московского государственного университета. В соответствии с новой периодизацией новой истории изложение событий начинается здесь не с Французской буржуазной революции конца XVIII в., а с XVII в., с английской буржуазной революции. Настоящий учебник отличается от прежнего и тем, что в нём значительное место занимает освещение развития идеологии в XVII—XIX вв., а также и тем, что в нём последовательно излагается история славянских народов. Кроме того здесь имеется ряд историографических очерков и прежде всего историография буржуазных революций XVII, XVIII и XIX веков.

Что касается второй части учебника по новой истории для вузов (под редакцией академика Е. В. Тарле, доктора исторических наук В. М. Хвостова и кандидата исторических наук З. К. Эггерта), то в 1945 г. была закончена работа лишь по некоторым главам, и подготовка его будет продолжаться в текущем году.

В состав авторского коллектива по этой части учебника входят В. М. Хвостов, Ф. И. Ногович, В. И. Пичета, А. В. Ефимов, А. З. Манфред, С. В. Захаров и А. В. Георгиев.

Наряду с этими большими, коллективными трудами в секторе новой истории всё более серьёзное внимание уделяется научно-исследовательской работе над рядом монографий.

Акад. В. П. Волгин продолжает работу над своей монографией «Социалистические и коммунистические идеи 30—40-х годов во Франции» (30—40 печ. л.). Для формирования классового самосознания пролетариата эти годы — время большого роста французской капиталистической промышленности и французского пролетариата — имели исключительное значение. В этом труде автор ставит своей целью показать, как эти процессы отражаются на развитии социалистических и коммунистических идей, как, с одной стороны, под воздействием классовой борьбы пролетариата возрождаются и крепнут традиции коммунизма, а с другой стороны, как вырождаются в сектантские движения и утрачивают своё прогрессивное значение основные направления утопического социализма.

Акад. Ф. А. Ротштейн начал работу над II томом своего большого труда «Международные отношения в эпоху империализма», который должен осветить международные отношения в период 1900—1909 гг. в тесной связи с внутренним экономическим и политическим развитием важнейших империалистических держав. В основу работы положены дипломатические документы, мемуарная литература и ряд специальных экономических исследований.

Доктор исторических наук Ф. В. Потёмкин работает над своей монографией «Промышленная революция во Франции», в кото-

рой освещается социально-экономическая история Франции с конца XVIII в. до 40-х годов XIX века. Работа основана на материалах французских архивов и книгохранилищ.

Большую монографию на тему «Англо-русское соглашение 1907 г.» готовит доктор исторических наук Ф. И. Нотович. В ней на основе разработки огромного архивного материала, дипломатических документов и прессы исследуются условия, подготавливавшие этот важный международный договор в течение десятилетия, предшествовавшего его заключению. В подготовляемой кандидатом исторических наук А. З. Манфредом монографии на тему «Франко-русские отношения в 80-х годах XIX в. и образование франко-русского союза» рассматриваются развитие политических и культурных связей и дипломатических отношений между Францией и Россией, возникновение и оформление франко-русского союза (1867—1894 гг.). Работа основана на разработке архивных документов, мемуаров и официальных публикаций.

Доктор исторических наук С. Б. Кан ведёт работу по изучению истории промышленного переворота в Германии. В настоящее время им закончен раздел, посвящённый мануфактурной стадии развития капитализма в Германии XVIII—XIX веков.

Доктор исторических наук Р. А. Авербух работает над монографией «Демократическое движение в Вене в 1848 году». В работе даётся освещение вопроса о революционных выступлениях венгерских рабочих и мелкой буржуазии в 1848 году. Исследование построено на изучении прессы, специальной литературы, а также на неопубликованных архивных материалах.

Кандидат исторических наук З. К. Эггерт готовит монографию на тему «Июльский кризис в Германии в 1917 году» (20 п. л.), в которой ставится задача — исследовать на основе документального и литературного материала борьбу различных группировок буржуазии и юнкерства в Германии в годы первой мировой империалистической войны.

Кандидат исторических наук Э. А. Желубовская работает над монографией «Франко-прусская война 1870—71 гг.». Цель работы — осветить политическую борьбу, разгоревшуюся во Франции вокруг проблемы национальной обороны между различными группировками французской буржуазии, с одной стороны, и между французской буржуазией в целом и французскими народными массами — с другой. Большое внимание в работе уделяется роли Гамбетты в 1870—1871 годы.

Подготавливаемая кандидатом исторических наук Е. И. Рубинштейн монография «Польский вопрос в Германии накануне мировой империалистической войны 1914—1918 гг.» ставит своей задачей осветить на основе архивных и печатных источников, мемуарной и монографической литературы германизаторскую политику в Познани, Восточной и Западной Пруссии и Верхней Силезии в 1900—1914 гг., политику, способствовавшую обострению внутривосточного

кризиса в Германии накануне первой мировой войны.

Докторант Института истории кандидат исторических наук А. Л. Нарочницкий работает над темой «Россия и державы на Дальнем Востоке в годы 1870—1895». Эта монография, основанная на неопубликованных архивных материалах, раскрывает основные линии внешней политики России и позиции других держав на Дальнем Востоке в указанные годы.

Докторант Института проф. И. И. Зильберфарб подготавливает докторскую диссертацию на тему «Учение Шарля Фурье и его место в истории социалистической мысли первой половины XIX века». Работа освещает историю возникновения учения Фурье, основные этапы его развития и его влияние на социалистическую мысль Франции 30—40-х годов XIX века.

Докторант института кандидат исторических наук Н. Е. Застенкер работает над монографией «Социально-политические идеи и политическая деятельность Прудона» (1848—1864 гг.). Автор ставит своей целью исследовать развитие социально-политических идей Прудона в период революции 1848 г. во Франции; особое внимание уделяется отношению Прудона к проблеме демократической республики во Франции, идейным и политическим связям прудонизма с бонапартизмом и роли Прудона и его идей в период подготовки и проведения бонапартистского переворота 2 декабря 1851 года.

Для более полной характеристики научной жизни и работы сектора новой истории необходимо отметить, что за истекший год на его заседаниях был заслушан ряд важных научных докладов. В ходе этих научных заседаний поднимались большой важности методологические вопросы. Так, в докладе проф. З. Р. Неелды был поставлен вопрос о роли славянских народов в революции 1848—1849 годов. На большом материале истории национальных движений славянских народов, особенно чешского народа в 30—40-х годах XIX в., проф. Неелды показал, что обычно для немецкой реакционной историографии рассмотрение славянских народов в эти годы исключительно как контрреволюционной силы означает фальсификацию истории. Попытки немецких оппортунистов «опереться» на высказывания Маркса и Энгельса по вопросу о роли славянских народов в революции основаны на одностороннем и недобросовестном использовании работ классиков марксизма и на непонимании подлинной роли национальных движений славянских народов в период подготовки и развития революции 1848—1849 годов. Наряду с этим проф. З. Р. Неелды подчеркнул необходимость при исследовании этих вопросов делать выводы также и из источников и документации по вопросу об истории славянских народов и их национальных движений, появившихся после смерти Маркса и Энгельса, и из того нового, что внесли в разрешение этого вопроса Ленин и Сталин.

В чрезвычайно интересном и содержательном докладе проф. Ф. В. Потёмкина на тему «Изучение экономической истории за рубежом в новейшее время и наши задачи»

на очень большом историографическом материале показаны основные направления в изучении экономической истории на Западе в период между первой и второй мировыми войнами. Докладчик показал, что значительная часть этих работ имеет своей целью борьбу против материалистического понимания истории, борьбу против марксизма, ведущуюся иногда в завуалированной форме, а иногда и совершенно открыто. В последней части своего доклада Ф. В. Потёмкин наметил задачи, которые стоят перед советскими историками в области изучения экономической истории.

А. З. Манфред сделал на заседании сектора доклад «К вопросу о внутренней борьбе в якобинском блоке весной 1794 года», в связи с которым развернулись интересные прения по вопросу о роли отдельных групп внутри якобинского блока и, в частности, о характере деятельности и исторической роли эбертистов в последние месяцы накануне 9 термидора.

Большой интерес вызвал доклад С. Б. Кана на тему «Освещение мануфактурного периода истории Германии в немецкой историографии», сделанный на совместном заседании сектора новой истории с научной группой экономической истории и группой по истории Германии.

Показав беспомощность немецких буржуазных историков в разрешении вопроса о характере германской промышленности в первой половине XIX в., докладчик подчеркнул, что мелкий производитель в своей основной массе был уже подчинён капиталистическому предпринимателю и что Германия этого периода переживала стадию капиталистической мануфактуры.

На секторе были заслушаны ещё доклады В. М. Лавровского «Историография английской буржуазной революции XVII века», Б. Ф. Поршнева «Франция в период царствования Людовика XIV», Р. А. Авербух «Революционный подъём в Вене в мае 1848 г.», А. В. Ефимова «Война за независимость и образование США», А. Л. Нарочницкого «Венский конгресс 1814—1815 гг.», Н. Е. Застенкера «Социально-политические идеи и деятельность Прудона», З. К. Эггерт «Борьба за реформу прусского избирательного права в 1914—1918 гг.», А. Б. Георгиева «Основные вопросы истории США в 1870—1914 гг.», Е. И. Рубинштейн «Польские рабочие в Пруссии в начале XX века», О. А. Старо-

сельской «Влияние Вольтера на историческую науку во Франции XVIII века», Н. И. Мицкун «Основные черты аграрного строя Испании начала XIX века», Ж. Б. Черныка «Экономический кризис в Англии в 1816—1819 гг.» и ряд других.

Следует также особо отметить организованную сектором новой истории чрезвычайно содержательную сессию, посвящённую пятидесятилетию со дня смерти Ф. Энгельса.

На сессии этой были заслушаны интересные сообщения сотрудников института Маркса — Энгельса — Ленина: И. А. Бах «Последние годы жизни Ф. Энгельса» (по материалам XXIX тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса) и Л. П. Гольман о неопубликованных рукописных материалах Ф. Энгельса (из подготовляемого к печати IX тома Архива К. Маркса и Ф. Энгельса).

Говоря о работе сектора новой истории, нужно сказать несколько слов об его совместной работе с рядом смежных специальных научных групп, организованных в Институте истории. Это прежде всего группа по истории идей (руководитель — академик В. П. Волгин), группа по истории Германии (руководитель — член-корр. Академии наук СССР С. Д. Сказкин) и недавно организованная по инициативе сектора новой истории группа по экономической истории (руководитель — доктор исторических наук Ф. В. Потёмкин).

Ряд сотрудников сектора новой истории активно участвует в заседаниях этих научных групп и выступает там со своими сообщениями и докладами. Нередко организуются совместные заседания сектора с той или другой научной группой. Сектор поставил перед собой задачу — шире чем до сих пор привлекать к своим научным заседаниям и к участию во всей своей творческой работе специалистов по новой истории, работающих в других научных и учебных организациях Москвы, а также в других научных центрах СССР. Теперь, на новом историческом этапе, когда перед советскими историками стоит задача «...не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны» (Сталин) и, в частности, успешно выполнить недавно разработанный пятилетний план Академии наук СССР, от советских историков требуется концентрация всех научных сил, требуется хорошо организованная, напряжённая творческая работа.

Е. Рубинштейн

Отделение Востока исторического факультета
Московского государственного университета
в 1945—1946 гг.

Как известно, на историческом факультете МГУ с осени 1944 г. действует специальное отделение, имеющее своей задачей изучение истории стран Востока. Введение истории Востока (средневековой, новой, новейшей) как полноценной и обязательной исторической дисциплины — факт, в достаточной мере новый для всего высшего исторического образования. История Востока впервые становится неотъемлемой частью высшего исторического образования, а общее историческое образование — обязательным для востоковеда.

В прошлом учебном году особое внимание отделения было направлено на постановку преподавания восточных языков. В этом году наряду с продолжающимся включением в преподавание новых языков (малайский) наиболее заметным в работе отделения явлением была организация общих и специальных исторических курсов. Был прочитан общий курс по истории Востока — обязательный для всех студентов-историков, охватывающий историю стран Востока с первых веков н. э. до наших дней. Профессорско-преподавательский состав отделения вместе с ленинградскими специалистами в настоящее время приступает к подготовке издания учебника по истории Востока для вузов. Учебник будет состоять из трёх частей: средние века, новое время, новейшее время.

Существенное место в программе отделения занимают курсы по истории отдельных стран: история Турции читалась профессорами А. Ф. Миллером и Н. А. Смирновым; арабских стран — профессорами Е. А. Беляевым и Б. Н. Заходером и доц. В. Б. Луцким; Ирана — доцентами А. Г. Бокшаниным и М. М. Дьяконовым (древняя), проф. Б. Н.

Заходером, доц. Н. М. Фильрозе (средневековая), доц. П. В. Милоградовым (новая); Индии — доц. А. М. Осиповым (древняя), проф. И. М. Рейсзром (средневековая и новая); Афганистана — проф. И. М. Рейснером; Монголии — проф. Л. И. Берлином; Китая — доцентами Л. В. Симановской и Г. Б. Эренбургом; Японии — проф. Е. М. Жуковым; Индокитая и Индонезии — проф. А. А. Губером.

Профессорами и доцентами отделения был прочитан ряд научных докладов и сообщений как на общих собраниях отделения, так и на заседаниях кафедр. Из таких докладов следует отметить: доклад проф. Е. М. Жукова «Послевоенные проблемы Восточной Азии», доц. А. Г. Бокшанина «К вопросу о падении античной государственности в странах Переднего Востока», доц. А. М. Осипова «Феодальные институты средневековой Индии по эпиграфике», доц. Гальперина «Политические партии Японии и вопросы внешней политики» (конец XIX — начало XX в.) и др.

Успешно закончили аспирантуру и защитили диссертации два молодых научных работника: Н. М. Фильрозе и И. М. Эльтерман. Тов. Фильрозе была выполнена работа на тему «Шахский домен сефевидского Ирана XVI—XVII ст. ст.». В основу диссертации были положены персидские хроники и описания путешествий европейцев. Тов. Эльтерман выполнил работу на тему «Посольство Кутузова в Турцию в 1793—94 гг.». В основу работы были положены ценные, публикуемые впервые архивные документы. Авторам обеих работ учёный совет факультета единогласно присудил учёную степень кандидата исторических наук.

Проф. Б. Заходер

О работе Института истории партии при Ленинградском комитете ВКП(б) — филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)

Ленинградский Институт истории партии в годы Великой Отечественной войны занимался преимущественно собиранием материалов о работе ленинградских партийных, советских, военных, хозяйственных организаций в период войны и блокады Ленинграда, а также изданием агитационной литературы. За это время институтом было собрано очень большое количество документов, освещающих жизнь и борьбу ленинградцев в годы вражеской блокады: несколько десятков тысяч печатных материалов (газеты, многотиражки, брошюры, плакаты, листовки и т. п.) и свыше 70 тыс. экземпляров рукописных материалов (дневники, стенограммы, записи бесед, воспоминания, отчёты, докладные записки, письма, стенгазеты и т. п.)

Одновременно было выпущено 19 агитационных брошюр о героях гражданской войны, о боевых традициях питерских рабочих, о Красной Армии, о борьбе с немцами и с белофиннами в 1918 г. и т. д. Кроме того институт выпустил в 1943 г. сборник статей «Героический Ленинград», а в 1944 г. — сборник документов и материалов «Ленинград в Отечественной войне Советского Союза», том I, охватывающий период с начала войны до июня 1943 г., а также небольшой документальный сборник «Петроградские листовки гражданской войны».

С 1944 и особенно с 1945 г. характер работы института в корне изменился. Институт возвращается к своей прямой задаче — углублённому изучению и разработке истории Ленинградской партийной организации. Были извлечены старые рукописи, над которыми научные сотрудники института работали до войны и издание которых задержалось в связи с войной. Приступили также к разработке ряда тем, начатых до войны, но потом отставленных.

В 1946 год институт вступил с большим издательским планом. Ряд рукописей слан в производство, над другими заканчивается редакционная работа, все они уже получили одобрение ИМЭЛ и должны быть изданы в течение текущего года. Сюда относятся: работа старшего научного сотрудника кандидата исторических наук Э. А. Корольчук «Северный союз русских рабочих и рабочее движение в Петербурге в 70-х годах XIX века» (пошла в производство); монография гг. Э. А. Корольчук, К. Г. Шарикова и Н. П. Паялина «Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса»; монография кандидата исторических наук М. Б. Павлова «Думская тактика большевиков в годы первой русской революции (1905—1907 гг.)»; работа К. Г. Шарикова и Г. Л. Шидловского «Сталин в Петербурге (места жизни и деятельности товарища Сталина в Петербурге — Петрограде 1905—1918 гг.)»; сборник статей научных сотрудников института «Калинин и питерские рабочие» (о революционной деятельности М. И. Калинина в Петрограде, о свя-

зях его с трудящимися Ленинграда, начиная с 90-х годов и до 1945 г.); работа старших научных сотрудников Н. Б. Крушкол и Т. К. Треноговой «Большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Хроника событий в Петрограде». Т. I (апрель — ноябрь 1917 г.), (пошла в производство); монография кандидата исторических наук Т. К. Треноговой «Борьба петроградских рабочих за крестьянство в 1917 г.» (в ближайшие месяцы выйдет из печати); сборник документов и материалов «Ленинград в Отечественной войне Советского Союза», охватывающий период с июня 1943 до марта 1944 г. Т. II (находится в производстве).

Научно-исследовательский план института на 1946 г. имеет разносторонний характер. Он включает ряд больших тем, разработка которых будет закончена только в 1947 году. Этим планом охвачены почти все основные периоды истории партии досоветского и отчасти советского периодов. Сюда входят монографии: Э. А. Корольчук «Первые марксистские кружки и группы в Петербурге в 80-х и в начале 90-х годов»; Е. В. Алексеевой «Петербургская организация большевиков в годы нового революционного подъёма»; Д. М. Лебедева «Петроградская большевистская организация в годы первой мировой войны 1914—1917 гг.»; С. И. Цукерман «Правда» в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции»; Н. Б. Крушкол «Петроградские большевики в первые месяцы советской власти»; Е. Ф. Пашкевич «Ленинградская партийная организация в период борьбы за индустриализацию страны (1926—1929 гг.)»; Д. С. Бердниковой «Ленинградские большевики — организаторы и руководители партизанского движения в Ленинградской области»; «Большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Хроника событий в Петрограде», ноябрь 1917 — июль 1918 г. Т. II. Авторы: Н. Б. Крушкол и Т. К. Треногова; «Петроградская большевистская организация в годы гражданской войны. Хроника событий». Ч. I-я. Работа бригады сотрудников института и партийного актива.

Кроме того в план включено ещё составление краткой летописи событий «Ленинградская большевистская организация в период Великой Отечественной войны».

Перед институтом поставлена важнейшая задача — написать «Очерки по истории Ленинградской партийной организации». В текущем году весь коллектив старших научных сотрудников института работает над составлением подробного «Проспекта» этих «Очерков», в будущем же году институт приступит к непосредственной работе над составлением «Очерков».

Продолжается работа и по собиранию материалов по истории Ленинграда в период

Отечественной войны и блокады. Работа приняла более чёткий и целеустремлённый характер: теперь собираются материалы не вообще о Ленинграде, а о ленинградской партийной организации в период Отечественной войны и героической обороны Ленинграда. Основное внимание уделено получению нужного материала путём стенографирования, записи бесед, собрания воспоминаний и дневников руководящих партийных работников. Эту работу ведут в большинстве слу-

чаев младшие научные сотрудники института.

По постановлению ЦК ВКП (б) в ведение института передан партийный архив Ленинградского горкома и обкома ВКП (б). Институту предстоит огромная работа по освоению и разработке богатейших фондов архива, включающих свыше двух миллионов единиц хранения.

Н. Крушкoл

Работа исторических кафедр Харьковского государственного педагогического института имени Г. С. Сковороды

В институте работают три исторические кафедры: истории СССР и Украины, истории Средних веков и Нового времени и истории Древнего мира.

Основное внимание историки института уделяют проблемам, связанным с историей народов СССР и братских славянских народов и их борьбе с немецкими захватчиками. Этим проблемам посвящены докторские и кандидатские диссертации, над которыми работают сейчас историки института. Доцент А. П. Ковалевский заканчивает докторскую диссертацию на тему «Записка Ибн-Фадлана как исторический источник и литературное произведение». Над докторскими диссертациями также работают: доцент И. И. Шерман — «Очерки по истории Советской Украины в период гражданской войны (1919)», доцент Ф. О. Ещенко — «Южнорусский рабочий союз». Доцент К. К. Шиян заканчивает кандидатскую диссертацию «Столыпинская аграрная политика на Украине». Старший преподаватель С. М. Воронель пишет кандидатскую диссертацию «Из истории сельскохозяйственного машиностроения г. Харькова (1900—1917)». Большой интерес представляет работа профессора Р. Н. Бабун «СССР как союзное государство».

Доцент А. П. Ковалевский закончил работу «Славяне и германцы в X в. по Масуди» (объёмом в 4,5 печ. листа). Автор на основании тщательного изучения приведённых им арабских источников, в частности рукописей Масуди, и всей существующей по этому вопросу литературы показывает грабительно-захватнический характер действий немецких разбойников в их стремлении подчинить себе и уничтожить славянские народы в X веке.

Доцент Ф. О. Ещенко подготовил в качестве самостоятельной работы главу своей диссертации «Основание Южнорусского союза» (объёмом в 2 печ. листа). Автор привлёк новый материал по этому очень важному в истории рабочего класса вопросу.

Старший преподаватель С. И. Сидельников работает над историей Болгарии. Он закончил и сдал к защите кандидатскую диссертацию «Воссоединение княжества Болгарии и Восточной Румелии (1878—1886 гг.)» (объёмом в 20 печ. листов). Рабо-

та написана им на основании болгарских, русских и немецких документальных публикаций, прессы, мемуаров, статистических сборников и других материалов. Значительное место занимает показ роли русского народа в деле создания самостоятельного, независимого болгарского государства. Кроме того С. И. Сидельников готовит работы: «Борьба течений в болгарском национально-освободительном движении 70—80-х годов XIX века» и «Экономическое развитие княжества Болгарии и Восточной Румелии (1878—1886 гг.)».

Доцент Г. В. Фризмэн работает над докторской диссертацией «Итальянская политика средневековой германской империи» — о захватнических планах германских империалистов в Италии. По этому же вопросу им закончена статья «Восстание герцога Лиудольфа Швабского в 952—954 годах» (объёмом в 1 печ. лист) и скоро будет закончена работа «Итальянская политика Оттона II». В другой своей работе — «О характере религиозных войн во Франции» (объёмом в 1 печ. лист) — автор ставит перед собой задачу пересмотреть существующие точки зрения на характер гугенотской и католической партий. Одновременно доцент Фризмэн работает над темой «Проблема рейнской границы на Версальской конференции (1919 г.)».

Вопросам древней истории посвящены работа профессора А. А. Ивановского «Грот и его история Греции» (подготавливается к столетию выхода в свет первых двух томов «Истории Греции» Грота) и кандидатская диссертация старшего преподавателя Г. В. Гаевского «Греко-персидские войны и предательская роль Спарты».

Вопросам методики преподавания истории в высшей школе посвящены статья доцента А. П. Ковалевского «Города и даты в Новой истории» (из опыта преподавания новой истории стран Востока) (объёмом 0,5 печ. листа) и подготавливаемая им более обширная работа «Методы преподавания истории стран Востока».

Старший преподаватель С. М. Воронель работает над статьёй «Методика преподавания истории СССР в средней школе».

При всех кафедрах созданы и работают научные студенческие кружки.

С. Сидельников

Научная студенческая конференция, посвящённая 75-летию Парижской коммуны

19 марта на историческом факультете Московского государственного педагогического института имени Ленина состоялась научная студенческая конференция, посвящённая празднованию 75-летия Парижской коммуны.

В кратком вступительном слове заведующий кафедрой новой истории проф. С. Б. Кан отметил всемирное значение опыта революции 18 марта 1871 года.

С докладом об отношении Маркса и руководимого им I Интернационала к Парижской коммуне и коммунарам выступила студентка IV курса М. Гарина. На основании документов эпохи и прежде всего дошедшей до нас переписки, малоизвестных произведений и тетрадей Маркса она показала, какую большую помощь оказывал Генеральный совет Интернационала парижанам. Особенное внимание докладчицей было уделено вопросу о материальной и моральной поддержке, которую Маркс и Генеральный совет Интернационала оказали после поражения Коммуны жертвам версальского белого террора. В исключительно трудных условиях 1871 г. они сумели при наличии ограниченных материальных средств создать целую организацию помощи, напоминающую по характеру и задачам своей деятельности МОПР современной нам исторической эпохи. Докладчица осветила также малоисследованный вопрос о борьбе Интернационала против выдачи эмигрантов Коммуны версальскому правительству. Тов. Гарина привела интересные факты о деятельности Маркса, направленной на разоблачение членов антинационального и контрреволюционного версальского правительства и других врагов Коммуны.

Далее на конференции были заслушаны два доклада об откликах на Парижскую коммуну в России. Один доклад был сделан проф. С. Д. Куниским. Докладчик на основании архивного материала (фонды III отделения, Зимнего дворца и др.) и прессы 1870—1871 гг. дал характеристику различного отношения русского общества к

франко-прусской войне. Царь и его ближайшее окружение держались прусской ориентации; престолонаследник (будущий император Александр III) и его друзья держались французской ориентации. Французской ориентации придерживалась и подавляющая часть русского общества. Уже революция 4 сентября 1870 г. вызвала тревогу среди официальных русских верхов. К Коммуне царское правительство, естественно, отнеслось с ненавистью. В прессе Коммуна истолковывалась по-разному: Катков считал, что Коммуна — создание бонапартовских агентов, действовавших по указке Бисмарка; это соответствовало его антипрусским настроениям. Либералы-публицисты истолковывали Коммуну как стремление Парижа к автономии. Русские народники-анархисты (Кропоткин, Бакунин) видели основное значение Коммуны в том, что она была воплощением анархии, безгосударственности.

Студентка Гинзбург, работавшая под руководством проф. Кушского, сделала на основе анализа мемуарной литературы, прокламаций и листовок доклад о влиянии Коммуны на современное ей революционное движение. Опираясь на мемуары Аптекмана, на воспоминания Веры Фигнер, Шебалина, Деникера, Лукашевича и др., тов. Гинзбург показала, какое сильное воздействие оказала Коммуна на различные общественные слои: рабочих, революционную интеллигенцию, ремесленников и т. д. Об этом же свидетельствуют Лавров и Степняк-Кравчинский, которые были одновременно и исследователями и современниками революционного движения начала 70-х годов. Докладчица сумела показать, что различные направления тогдашнего русского революционного движения — лавристы, бакунисты, чайковцы, долгушинцы — по-разному истолковывали Коммуну.

Научная конференция вызвала большой интерес студентов, живо реагировавших на выступления докладчиков.

Проф. С. Куниский.

Научные конференции в Государственном Историческом музее

На систематически проводившихся в Государственном Историческом музее открытых научных конференциях обсуждались результаты научно-исследовательской работы научного коллектива музея. Наряду с отчётами о текущей научной работе и очередными научными докладами музей за последние четыре месяца 1945 г. особо отметил на своих научных конференциях некоторые крупные даты общественной и научной истории нашей страны.

В конце сентября 1945 г. состоялось открытое заседание Учёного совета музея, по-

свящённое 200-летию со дня рождения великого русского полководца М. И. Кутузова.

С докладом на тему «Кутузов и русская армия в 1812 г.» выступил старший научный сотрудник музея П. Г. Рындзюнский¹.

После окончания доклада были просмотрены

¹ Доклад был повторен П. Г. Рындзюнским на кафедре истории СССР истфака МГУ 12 октября 1945 года. Изложение доклада см. в «Вопросах истории» № 3—4, стр. 150—151, 1945 г.

рены открытые музеем в эти юбилейные дни новые экспозиции музея по истории Отечественной войны 1812 г. и общей истории России в первой четверти XIX века.

28 ноября Учёный совет Государственного Исторического музея отметил 125-летие со дня рождения выдающегося русского историка и археолога Ивана Егоровича Забелина. Директор музея А. С. Карпова, открывая заседание, указала на особое значение И. Е. Забелина для Исторического музея: он руководил его организацией и возглавлял его до самой своей смерти — в 1908 году. С его деятельностью связаны многие ценнейшие коллекции музея. В музее хранятся обширный личный архив И. Е. Забелина, его большая иконография, коллекция его авторских экземпляров и небольшая коллекция подаренных ему учёными и писателями книг, с их автографами, характеризующая широту его научно-общественных связей. Часть этих материалов была представлена на небольшой выставке в зале заседаний музея.

Заседание заслушало два доклада: проф. Н. Л. Рубинштейна — «Исторические труды Ивана Егоровича Забелина» и проф. А. В. Арцыховского — «Иван Егорович Забелин и русская археология».

Профессор Рубинштейн в своём докладе проследил исследовательский, научный путь Забелина-историка. Вопреки утвердившемуся неверному представлению о Забелине только как о самоучке-практике, ушедшем в описание и любование старинным бытом, докладчик показал, что в творчестве Забелина сказались напряжённые теоретические искания 40—50-х и 60-х годов. Это видно не только из его печатных трудов, но и ценных дневников, отразивших остроту научных исканий его самого и его эпохи².

На основе этого материала докладчик устанавливает тесную связь Забелина с передовыми кружками 40—50-х годов и прежде всего с кружком Грановского. Забелин пристально изучал произведения Белинского и Герцена, «Сущность христианства» Фейербаха; среди его бумаг сохранились рукописные тексты книги Фейербаха (напечатанной в России только в 60-х годах) и «С того берега» Герцена. Он вращался среди западников и славянофилов, будучи по своим симпатиям ближе к первым. В его статьях и заметках находятся критические замечания и на славянофилов (полемика с Аксаковым), и на Погодина (о его математической методе), и на Соловьёва (о его отказе делить историю на периоды). Он пытается найти собственный путь в решении вопроса об отношении частного к общему, личности — к народу, археологии — к истории.

На данном этапе он видит, правда, в «археологии» лишь «главу», часть общей истории, но всё же отстаивает её и как особый, самостоятельный путь познания истории. В этот период Забелин приступил уже к разработке своих основных тем: 1) «История

домашнего быта русских царей в XVI—XVII вв.», 2) «История производства (металлического производства и финифтяного дела)», 3) «История Москвы».

Расцвет научной деятельности Забелина относится к 60—70-м годам, составляющим второй период деятельности Забелина. Этот период характеризуется прежде всего признанием кризиса в исторической науке, стремлением освободиться от абстрактных, идеалистических теорий и обращением к материальным основам исторической жизни. Частное — материальная культура — теперь объявляется основным, определяющим; исторические события — только производное, результат, внешние вехи. Отмечается и рост демократических тенденций, идея «народасироты», «дольного начала», внесённого в русскую историю Петром. На этой основе Забелин пытался перейти к большим систематическим работам: от «домашнего быта русских царей» к «домашнему быту русского народа», раскрываемому последовательно в быту царей и царств, в быту помещиков («Русский боярин в своём вотчинном хозяйстве»), в быту посада (Кунцево и Сетунский стан) и т. д. Обратившись к археологии, Забелин ищет в археологических памятниках истоки русской народной культуры. Изучение древнерусских памятников он обобщает в работе «Черты самобытности в древнерусском зодчестве» (1879 г.). Наконец, в 70-е годы он делает попытку общеполитического синтеза на новой основе в своей «Истории русской жизни», из которой издал два тома (в 1876 и 1879 гг.), доведённые до XI века.

Однако именно в этой последней работе Забелина особенно резко сказалась полная неудача его попытки синтеза. Фактически он не нашёл пути от частного к общему, от личности к народу. Забелин в духе позитивизма искал решение в формальной трактовке каждого исторического явления как «естественного организма» и в теории «народопсихологии», прикрывавшей на деле механический скачок от частного к общему. В «Истории русской жизни» история и быт были соединены чисто механически.

Внутренний кризис характеризует третий период исторической деятельности Забелина. С 80-х годов он отказывается от больших синтетических задач. Одновременно со страниц его дневников исчезают теоретические, методологические вопросы. Его дальнейшая научная работа ограничивается конкретной темой истории Москвы («История» и публикация документов) и собиранием памятников материальной культуры, а также организацией Исторического музея.

Здесь сказался общий кризис буржуазной научной мысли конца XIX и начала XX века. Характерен одновременный кризис общественно-политических взглядов Забелина, сближавшихся с передовыми, демократическими течениями в 50—60-х годах и резко отсталых и реакционных в начале XX века.

Докладчик считает, что большое историческое наследие Забелина заслуживает серьёзного изучения.

Ярко характеризовал археологическую деятельность И. Е. Забелина проф. Арцыховский.

² Эти дневники собраны в бумагах И. Е. Забелина в фонде ГИМ.

Забелин, не имея школьного образования, начал свою деятельность служителем второго разряда Оружейной палаты и, очарованный ещё в юности прекрасными вещами этого удивительного музея, сумел стать их исследователем.

Первый период его деятельности как археолога-историка материальной культуры тесно связан с московским Кремлём. Уже тогда он чередовал общенсторические работы с археологическими, истолковав, например, сюжеты рельефов царского места Успенского собора, исследовав металлическое производство древней Руси и разобравшись в финифтях и ценинах.

Во второй период своей деятельности И. Е. Забелин расширил круг своих научных интересов, производя большие раскопки курганов на юге нашей страны. Руководствуясь указаниями Геродота, он работал главным образом за днепровскими порогами, где хоронили своих царей скифы.

Ему пришлось заново создавать методику раскопок больших курганов, которая была до него у нас и на Западе довольно примитивна. Он установил много приёмов, сохранивших донныне своё значение, показал важность курганных профилей и сделал ряд тончайших наблюдений над лёгкими следами древних вещей. Лучшие находки сделаны им в кургане Чертомлык близ Никополя, всемирно знаменитом по найденным в нём шедеврам эллинского и эллино-скифского ювелирного искусства. От скифских курганов он перешёл к собственно эллинским, вскрыв на Таманском полуострове, в кургане Близнецы, известное погребение царицы Деметры, где найдены золотые фигурки, изображающие празднества в честь этой богини. Снимки вещей из Чертомлыка и Близнецов вошли во все исторические работы по античному искусству; если бы не энергия и не археологическое умение Забелина, они едва ли сохранились бы для науки.

Третий период деятельности И. Е. Забелина был снова всецело посвящён Московской Руси. С большой страстностью он отстаивал самобытность русской культуры, борясь против переоценки иноземных влияний.

Ему удалось рядом убедительных аргументов доказать, что каменные шатровые храмы, эти лучшие создания русской архитектуры, воспроизводят формы русского деревянного зодчества. Археологические исследования Забелина рассеяны по ряду его работ: в книге о Кунцеве он дал общее исследование о русских городищах, в статье о московских садах собрал важные данные по истории культурных растений; в книге о Минине и Пожарском доказал, что Козьма Минин запечатывал свои письма подлинной римской античной геммой; в статье о первоначальном населении Москвы правильно комментировал найденные в Кремле курганные семилопастные височные кольца и т. д. 24 года он был директором Исторического музея в Москве. Древности всех эпох собирались им там по строго научному плану. Много государственных и частных коллекций его стараниями вошло в музей.

★

Два дня — 18 и 19 декабря — продолжалась научная конференция, посвящённая сорокалетию Московского вооружённого восстания в декабре 1905 года. Конференция заслушала четыре доклада научных сотрудников музея.

Проф. И. Э. Разгон в докладе на тему: «Московский Совет и вооружённое восстание в Москве в 1905 г.» рассмотрел деятельность Московского совета рабочих депутатов в 1905 г. в свете письма В. И. Ленина в редакцию первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь», издававшейся в Петербурге с ноября 1905 г., — «Наши задачи и Совет рабочих депутатов». В «Новой жизни» письмо В. И. Ленина напечатано не было, и впервые оно было опубликовано в газете «Правда» 5 ноября 1940 года.

Деятельность руководимого большевиками Московского совета рабочих депутатов, его роль и место в революционных событиях в Москве в ноябре — декабре 1905 г. являются живой иллюстрацией и прекрасным доказательством правильности положений, выдвинутых в письме В. И. Ленина в редакцию «Новой жизни».

В сообщении Е. К. Касимовцевой «Листовки Московских большевиков 1905 г.» была показана мобилизующая и организующая роль Московской партийной организации в революционных событиях 1905 года. Листовки Московского комитета дают большой фактический материал о революционных выступлениях 1905 г. в Москве. По этим листовкам можно проследить, как в сложных условиях подполья Московская партийная организация боролась за укрепление и расширение связей с массами.

Листовки вскрывали истинный смысл и давали большевистскую оценку правительства, акта 18 февраля, закона о Государственной думе («О царском манифесте 18 февраля» — февраль, «Ко всем рабочим города Москвы» — февраль, «Проект резолюции» — март).

Они показывают борьбу партии за крестьянина как союзника рабочего класса в революции («Крестьяне, к вам наше слово» — июнь, «К товарищам крестьянкам»), борьбу против попыток либеральной буржуазии вести за собой революционные массы, разоблачали контрреволюционную сущность либеральной буржуазии. («По поводу земского съезда» — сентябрь.)

Листовки призывали массы к вооружённому восстанию, разъясняли его необходимость и значение («Накануне вооружённого восстания» — июль, «Царские «Свободы» — декабрь).

Темой доклада тов. Блюмфельд О. А. послужило «Дело о Прохоровском восстании» — о восстании на бывшей Прохоровской, Трёхгорной мануфактуре, главным документом которого является обвинительный приговор Московской судебной палаты 68 участникам вооружённого восстания на Пресне. Приговор этот в печати известен лишь в отрывках.

Дело о Прохоровском восстании — одно из пяти судебных дел, которые были поставлены царской юстицией в связи с декабрь-

скими событиями 1905 г. в Москве. Три процесса происходили год спустя после событий — один вслед за другим. В ноябре 1906 г. слушается «Дело о вооружённом восстании в Москве», по которому суду было предано 32 человека, захваченных в разных районах города.

По второму процессу Прохоровской боевой дружины следственные органы намеревались привлечь более 80 человек, но 14 активных участников дружины сумели скрыться. Среди них были: старый большевик, ныне здравствующий З. Я. Литвин-Седой, и казнённый в 1907 г. эсер «Медведь» (Соколов), руководившие прохоровскими дружинниками. Едва в судебной палате прозвучал приговор прохоровцам, началось дело фидлеровцев в связи с разгромом 9 декабря 1905 г. реального училища Фидлера — 99 обвиняемых. Эти процессы должны были, по мнению царского правительства, исчерпать московские события, связанные с попыткой вооружённого свержения самодержавия.

Доклад тов. Боркум Г. И. «Убийство доктора Воробьёва приставом Ермоловым»

вём» построен на хранящемся в фондах музея деле пристава Ермолова, убившего в декабре 1905 г. приват-доцента Московского университета доктора Воробьёва. Дело имело общественно-политический характер и составляет одну из страниц декабрьских событий на Пресне.

Убийство вызвало волну возмущения не только среди революционных масс, но и всего русского общества, что заставило царское правительство привлечь Ермолова к судебной ответственности. Судейские чиновники приняли все меры, чтобы изобразить убийство Воробьёва как частное преступление, совершённое по неосторожности, что должно было смягчить вину и приговор. Ермолов отделался чрезвычайно лёгким приговором: он был осуждён к четырём годам исправительной тюрьмы и небольшому денежному вознаграждению семье убитого. Но и этот приговор не был приведён в исполнение: Ермолов был помилован и отправлен на Кавказ.

Проф. Н. Рубинштейн

Работа кафедры древней истории Томского государственного университета

Научно-исследовательская и методическая работа кафедры древней истории Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева протекала в 1945 году в трёх направлениях: полевая работа, камеральная работа и подготовка молодых кадров. Первые месяцы года были заняты окончанием аналитического отчёта о раскопках, производившихся в 1944 году в Басандайке, близ Томска. Общее руководство раскопками осуществлял зав. кафедрой проф. К. Э. Гриневич. С составлением отчёта были связаны изучение коллекции и подготовка к выставке. Был издан «Путеводитель по отчётной выставке результатов раскопок в Басандайке» (Томск, 1945), в котором помещён краткий отчёт с рисунками. Выставка была организована в университете в апреле 1945 г. и привлекла более 2 тысяч посетителей. Возглавляемая кафедрой раскопочная экспедиция в Басандайке объединила вокруг кафедры всех молодых историков-археологов Томска. В процессе камеральной обработки наметились темы, над которыми работал ряд молодых учёных: старший преподаватель З. Я. Бояршинова, бывшая секретарём курганной группы, работала над темой «Обряд погребения в басандайских курганах», ассистент В. Н. Минаева-Гриневич — «Басандайская керамика», лаборант Е. М. Пеняев (студент IV курса) — «Палеолит Томска», доц. Трухин (декан истфака пединститута) и начальник партии по раскопкам городища — «Могильники и городища в окрестностях Томска», доц. Рагозин — над темой по геологии Басандайки. Раскопки привлекли к себе внимание и старых кадров: проф. А. П. Дульзон, бывший начальником партии по раскопкам курганов, на основании раскопок напи-

сал работу по этнологии Западной Сибири и проф. К. А. Кузнецов — работу о почвах Басандайки. Все эти работы к апрелю 1946 г. были закончены. Вместе с дневниками раскопок Г. В. Трухина и А. П. Дульзона и отчётом кафедры о результатах двухлетних раскопок они составляют содержание подготовленного к печати кафедрой сборника «Басандайка» в «Трудах Томского государственного университета и Педагогического института».

Зав. кафедрой проф. К. Э. Гриневич принял участие в работах Всесоюзного археологического совещания в Москве в феврале — марте 1945 г. и сделал два доклада: «Раскопки в Басандайке в 1944 г.» с демонстрацией наиболее ценных находок и «Памятники Гераклеяского полуострова» на основании раскопок, произведённых автором в 1928—1929 годах. В Историческом музее (Москва) была организована выставка наиболее ценных предметов из басандайских раскопок.

Летом 1945 г. кафедра вновь организовала совместно с кафедрой истории народов СССР и кафедрой всеобщей истории Томского педагогического института проведение раскопок в Басандайке¹.

Раскопки позволяют сделать ряд любопытных выводов относительно культуры обитавших здесь народов. В этих работах участвовало 35 студентов Томского государственного университета и Томского госу-

¹ См. журнал «Вопросы истории» № 2—3 за 1946 г. Проф. К. Гриневич «Работа кафедры древней истории Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева».

дарственного педагогического института, которые прошли подготовку к раскопкам в специальном студенческом археологическом кружке при кафедре.

В настоящее время кафедра работает над исследовательской темой «Датировка басаидайской керамики».

В ноябре 1945 г. в Томске проходила пятая конференция молодых учёных, организованная областным союзом работников высшей школы и научно-исследовательских учреждений совместно с горкомом ВКП(б). Из 10 докладов, заслушанных на историко-филологической секции, 4 были посвящены басаидайским раскопкам, причём тезисы всех докладов были изданы в виде особой книжки. Доклады Г. В. Трухина, В. Н. Ми-

наевой-Гриневиц, З. Я. Бояршиной и Е. М. Пеняева были удостоены почётных грамот горисполкома и оргкомитета конференции.

Кафедра имела в течение 1945 г. несколько открытых заседаний, на которых были заслушаны следующие доклады: доц. А. В. Маракуева «Материалистическая философия древнего Китая» и «Китайский амулет типа календарных чехов из раскопок в Басаидайке» и проф. К. Э. Гриневица «Раскопки в Басаидайке в 1944 году». Последнее заседание проходило совместно со студенческим археологическим кружком. Зав. кафедрой проф. К. Э. Гриневиц работал кроме того над темой «История обороны Боспора Киммерийского» и закончил первую часть этой работы — «Исследование Тиритакекого вала и его датировка».

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Библиотека Конгресса (Вашингтон, США) организовала хранение нового вида исторических документов — кинофильмов и радиопередач. Начало хранению кинофильмов было положено ещё в 1942 г., когда на средства, отпущенные фондом Рокфеллера (специальное ассигнование Рокфеллера на ведение научной работы), совместно с нью-йоркским музеем был организован специальный подбор кинокартин высокой художественной ценности. Ныне, как сообщает библиотекарь Конгресса Л. Эванс, отбор кинофильмов будет производиться на совсем иных основаниях: хранению будут подлежать документальные фильмы вне зависимости от их художественной значимости. Для хранения кинофильмов при библиотеке создаётся специальный отдел. Отбор будет производиться ежегодно из числа современных американских фильмов, выпущенных за последние год — два. Задача отбора, по словам Эванса, — «сохранить те фильмы, которые наиболее верно отражают тем или иным путём современную жизнь, взгляды и вкусы американского народа». В 1945 г. отобрано 197 кинофильмов; из них 45 полнометражных кинокартин, 48 короткометражных и 104 фильма кинохроники: предпочтение последнему виду кинопродукции объясняется документальным значением кинохроники. Для создания нового отдела хранения библиотеки понадобится санкция Конгресса; в ближайшее время соответствующий законопроект будет внесён в обе палаты Конгресса. Другой вид документов — записи на плёнку радиопередач — до сих пор ещё никогда и нигде не собирался и не хранился. Предполагается сохранение радиопередач, записанных на плёнку; эти плёнки затем будут микрофильмированы и размножены; для их хранения также создаётся особый отдел. Первые материалы поступили в конце 1945 г.: библиотека приобрела большое количество лент звукозаписи серии передач крупнейшей американской радиоконпании «Columbia Bro-

adcasting Corporation», почти все её передачи по короткой волне за период с 1939 до 1945 года. В общей сложности за этот период записано около 20 миллионов слов. Предполагается заключить договоры и с другими крупными американскими радиоконпаниями о передаче в библиотеку всех записанных на плёнку радиопередач этих станций.

◆ В последнем квартале 1945 г. в США состоялось несколько очередных конференций ряда американских исторических ассоциаций, объединяющих историков в локальном масштабе. В конце октября в г. Балтиморе состоялась конференция преподавателей и профессоров истории штата Мериленд. Центральное место на конференции заняли вопросы о постановке изучения социальных проблем и о политическом воспитании учащихся. 8 декабря в Бостоне состоялась конференция преподавателей социальных дисциплин штата Новая Англия. Помимо доклада о Франции и её современном положении участники конференции обсудили вопрос об изучении социальных дисциплин в высшей школе.

◆ В американской школе при преподавании истории широко применяется демонстрация кинокартин, посвящённых отдельным эпизодам исторического прошлого, деятельности исторических личностей, событиям войн, развитию культуры и пр. В помощь преподавателю истории для пользования и подбора таких кинокартин ещё в 1940 г. выпущен специальный справочник (Hartley W. H. Selected films for American history and problems, N. Y. 1940). В начале 1946 г. вышло новое, сильно дополненное издание этой книги; в этом издании помещён помимо прежнего материал о кинокартинах, вышедших со времени составления книги до июня 1945 года. Всего помещено 161 название кинокартин с кратким либретто; отдельные разделы содержат следующие материалы: биографии, историю культуры, войны, заселение американского Запада и т. д.

дарственного педагогического института, которые прошли подготовку к раскопкам в специальном студенческом археологическом кружке при кафедре.

В настоящее время кафедра работает над исследовательской темой «Датировка басаидайской керамики».

В ноябре 1945 г. в Томске проходила пятая конференция молодых учёных, организованная областным союзом работников высшей школы и научно-исследовательских учреждений совместно с горкомом ВКП(б). Из 10 докладов, заслушанных на историко-филологической секции, 4 были посвящены басаидайским раскопкам, причём тезисы всех докладов были изданы в виде особой книжки. Доклады Г. В. Трухина, В. Н. Ми-

наевой-Гриневиц, З. Я. Бояршиной и Е. М. Пеняева были удостоены почётных грамот горисполкома и оргкомитета конференции.

Кафедра имела в течение 1945 г. несколько открытых заседаний, на которых были заслушаны следующие доклады: доц. А. В. Маракуева «Материалистическая философия древнего Китая» и «Китайский амулет типа календарных чехов из раскопок в Басаидайке» и проф. К. Э. Гриневица «Раскопки в Басаидайке в 1944 году». Последнее заседание проходило совместно со студенческим археологическим кружком. Зав. кафедрой проф. К. Э. Гриневиц работал кроме того над темой «История обороны Боспора Киммерийского» и закончил первую часть этой работы — «Исследование Тиритакекого вала и его датировка».

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Библиотека Конгресса (Вашингтон, США) организовала хранение нового вида исторических документов — кинофильмов и радиопередач. Начало хранению кинофильмов было положено ещё в 1942 г., когда на средства, отпущенные фондом Рокфеллера (специальное ассигнование Рокфеллера на ведение научной работы), совместно с нью-йоркским музеем был организован специальный подбор кинокартин высокой художественной ценности. Ныне, как сообщает библиотекарь Конгресса Л. Эванс, отбор кинофильмов будет производиться на совсем иных основаниях: хранению будут подлежать документальные фильмы вне зависимости от их художественной значимости. Для хранения кинофильмов при библиотеке создаётся специальный отдел. Отбор будет производиться ежегодно из числа современных американских фильмов, выпущенных за последние год — два. Задача отбора, по словам Эванса, — «сохранить те фильмы, которые наиболее верно отражают тем или иным путём современную жизнь, взгляды и вкусы американского народа». В 1945 г. отобрано 197 кинофильмов; из них 45 полнометражных кинокартин, 48 короткометражных и 104 фильма кинохроники: предпочтение последнему виду кинопродукции объясняется документальным значением кинохроники. Для создания нового отдела хранения библиотеки понадобится санкция Конгресса; в ближайшее время соответствующий законопроект будет внесён в обе палаты Конгресса. Другой вид документов — записи на плёнку радиопередач — до сих пор ещё никогда и нигде не собирався и не хранился. Предполагается сохранение радиопередач, записанных на плёнку; эти плёнки затем будут микрофильмированы и размножены; для их хранения также создаётся особый отдел. Первые материалы поступили в конце 1945 г.: библиотека приобрела большое количество лент звукозаписи серии передач крупнейшей американской радиокomпании «Columbia Bro-

adcasting Corporation», почти все её передачи по короткой волне за период с 1939 до 1945 года. В общей сложности за этот период записано около 20 миллионов слов. Предполагается заключить договоры и с другими крупными американскими радиокomпаниями о передаче в библиотеку всех записанных на плёнку радиопередач этих станций.

◆ В последнем квартале 1945 г. в США состоялось несколько очередных конференций ряда американских исторических ассоциаций, объединяющих историков в локальном масштабе. В конце октября в г. Балтиморе состоялась конференция преподавателей и профессоров истории штата Мериленд. Центральное место на конференции заняли вопросы о постановке изучения социальных проблем и о политическом воспитании учащихся. 8 декабря в Бостоне состоялась конференция преподавателей социальных дисциплин штата Новая Англия. Помимо доклада о Франции и её современном положении участники конференции обсудили вопрос об изучении социальных дисциплин в высшей школе.

◆ В американской школе при преподавании истории широко применяется демонстрация кинокартин, посвящённых отдельным эпизодам исторического прошлого, деятельности исторических личностей, событиям войн, развитию культуры и пр. В помощь преподавателю истории для пользования и подбора таких кинокартин ещё в 1940 г. выпущен специальный справочник (Hartley W. H. Selected films for American history and problems, N. Y. 1940). В начале 1946 г. вышло новое, сильно дополненное издание этой книги; в этом издании помещён помимо прежнего материал о кинокартинах, вышедших со времени составления книги до июня 1945 года. Всего помещено 161 название кинокартин с кратким либретто; отдельные разделы содержат следующие материалы: биографии, историю культуры, войны, заселение американского Запада и т. д.

◆ В ноябре 1945 г. в торжественной обстановке состоялось первое заседание новой организации, посвящённое развитию экономических и культурных связей между странами западного полушария.— Межамериканского экономического и социального совета (Inter-American economic and social council). Этот совет заменит существовавший ранее Межамериканский финансово-экономический совещательный комитет, который был создан в 1939 г. на совещании министров иностранных дел американских республик. В частности этот совет намеревается поставить на широкую ногу всестороннее сотрудничество американских стран в области науки: обмен научной информацией, взаимные командировки учёных, координацию и совместное планирование деятельности научных учреждений, взаимное предоставление архивов и материалов, издание научных журналов, справочных и библиографических изданий и т. п. Первое заседание Межамериканского совета состоялось в Вашингтоне 15 ноября 1945 года. Председателем совета избран Бреден (заместитель Бирнса на посту государственного секретаря США); в совет избрано 10 человек, главным образом дипломатических представителей латино-американских стран, аккредитованных в Вашингтоне.

◆ По приглашению бразильского правительства, в Рио-де-Жанейро находится группа американских учёных, прибывших для ознакомления с бразильской национальной библиотекой и для помощи в её реорганизации. Как сообщил один из американцев, установлено, что свыше миллиона томов, находящихся в библиотеке, не учтено, не систематизировано и не используется. Среди этого фонда уже при первом знакомстве обнаружены богатейшие материалы, печатные и рукописные. В частности имеется богатейшая коллекция старинных португальских рукописей и книг из португальской королевской библиотеки; эта коллекция была привезена в Бразилию из Европы в эпоху наполеоновских войн королём Иоанном VI.

◆ Научная общественность Лондона готовится в декабре 1946 г. отметить столетний юбилей известного научного общества, разрабатывающего историю великих путешествий и открытий, так называемого Хаклюйтовского общества (Hakluyt society). Общество было создано в 1846 г. в целях изучения и популяризации географических открытий, в частности совершённых английскими путешественниками и мореплавателями. Общество названо в честь известного английского учёного елизаветинского века — Ричарда Хаклюйта (1553—1616), выпустившего в 1589 г. сборник «Главные путешествия и открытия английской нации». За время своего существования Хаклюйтовское общество издало несколько серий сборников общим числом свыше 300 томов. Обществом изданы ценнейшие материалы экспедиций великих мореплавателей XVI, XVII и XVIII веков, дневники и письма Колумба, работы географов и космографов эпохи

великих открытий, труды путешественников XIX в., в частности завоевателей Арктики. При публикации сборников обществом было широко использован огромный документальный материал английских, французских, испанских, итальянских и американских архивов, а также бумаги и письма, хранящиеся в частных собраниях и недоступные широкому кругу исследователей. Столетний юбилей общества предполагается отметить очень широко, придав ему широкую огласку. Намечен созыв специальной конференции с приглашением зарубежных учёных.

◆ В г. Кентербери (Англия) при расчистке площади, на которой находилась церковь, уничтоженная во время налёта германской авиации, была обнаружена любопытная археологическая находка — фундамент римской стены, сложенной из камней; благодаря находке здесь же обломков некоторых предметов римского обихода (черепки посуды и пр.) удалось довольно точно датировать и время сооружения стены, которую относят к середине II в. н. э.

Ещё более интересная находка была сделана близ Лондона при расчистке площади в Гоунслоу: здесь были найдены остатки кельтского храма из дерева. Была найдена также посуда. Учёные датируют храм 500—330 г. до н. э. Это открытие представляет особый интерес для древнейшей истории Англии, поскольку до сих пор в этой части Англии кельтских построек никогда не находили.

◆ Официальные бельгийские учреждения в настоящее время подводят итоги и выясняют масштабы ущерба, нанесённого германским вторжением и германской оккупацией Бельгии. Целый ряд городов страны тяжело пострадал от обстрела и военных действий, происходивших в стране дважды — в 1940 и 1944 годах. Особенно сильно пострадали города: Лувен, Турне, Нивель, Куртре, Малин, Анвер (Антверпен), Льеж и ряд других; в большей своей части эти города ныне обращены в груды развалин; древние здания, соборы, монастыри, дворцы, памятники старины и искусства погибли. Особенно печальна судьба Нивеля и Турне: в этих городах находились самые важные и ценные памятники романской архитектуры — кафедральный собор в Турне, монастырь св. Гертруды со знаменитыми росписями — всё это погибло безвозвратно. Гитлеровские варвары, как официально установлено, в ряде случаев намеренно стремились нанести максимальный вред и разрушения. Особенно неистовствовали гитлеровцы, отступая в 1944 г. под натиском англо-американских войск. Города Анвер и Льеж были уничтожены немцами уже после их эвакуации. В ряде случаев перед отступлением немцы закладывали динамит и взрывали ценнейшие старинные здания, руководясь исключительно жадной бессильной мести и страстью разрушения. Таким совершенно бессмысленным актом было разрушение знаменитого университета в Лувене и его библиотеки. Разрушение немцы сопровож-

дали грабежом: были увезены богатейшие коллекции картин. Часть последних была обнаружена в тайниках на территории Австрии; однако в настоящее время значительное число материалов, коллекций и произведений искусства ещё не разысканы.

◆ В 1946 г. исполняется столетие деятельности так называемого французского института в Афинах (*Ecole française d'Athènes*). Институт был создан в 1846 г. в целях изучения культуры, искусства и языка древней Греции. Институт широко развернул археологические работы на территории Греции, с 1860 г. сосредоточив усилия на раскопке Дельф, где были сделаны серьёзные и важные открытия.

Результаты раскопок и их изучения систематически публиковались.

◆ Археологические работы, проводимые в последние годы в Бельгийском Конго (Африка) под руководством бельгийского учёного Ф. Кабю, дали интересные материалы о древнейшем пребывании человека в этом районе. Находки, сделанные в разных геологических слоях, позволяют отнести древнейший каменный век в Африке к значительно более древней эпохе, чем до сих пор обнаруженные слои в Европе, Северной и Южной Африке. В связи с этим открытием генерал-губернатор Бельгийского Конго предложил в ближайшее время созвать в Елизабетвилле (Бельгийское Конго) специальную конференцию археологов, работающих над изучением древней Африки.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Козьмин Б. , проф. — Н. Г. Чернышевский и М. И. Михайлов. (К истории их взаимоотношений)	3
Лазилевич К. , проф. — К вопросу об исторических условиях образования Русского государства (по поводу статьи проф. П. П. Смирнова)	26
Ошков С. , проф. — К вопросу о дофеодалном («варварском») государстве	45
Иванандян Я. , акад.—Цель и направление подготовлявшегося Цероном кавказского похода	66
Иволок А. , проф. — Ордонысы 25 июля 1850 г. и их подготовка	75

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Пичета В. , проф. — Н. П. Грацианский и его труды по истории славянских народов	96
Иеусыхин А. , проф. — Грацианский как историк средних веков	99

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Берхин И. — О XXXV Ленинском сборнике	104
Левин Ш. — Плоткин Л. А. Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов	107
Крупнов Е. — Пиотровский «История и культура Урарту»	113

РЕЦЕНЗИИ

Сыромятников Б. , проф. — Бережков Н. Литовская метрика как исторический источник. Ч. I. О первоначальном составе книг литовской метрики по 1522 г.	120
Рубинштейн Н. , проф. — Вернадский Г. Богдан — гетман Украины	121
Бернштам А. — Эберхард Д. Книга первоисточников о китайских северных соседях	124
Якитин С. — Исторические издания Болгарской академии наук (1940—1942 гг.)	128
Джунский В. — Маланина И. Краткая история Канады	130
Архангельский С. , проф. — Новое издание сочинений Г. Уинстенли	132
Симон К. — Важнейшие библиографии по истории Франции	134
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	139

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Альтман В. — 75-летие Парижской Коммуны. Сессия отделения истории и философии АН СССР. Никифоров М. — В комиссии по истории Академии наук СССР. Рубинштейн Е. — О работе сектора новой истории Института истории АН СССР в 1945 г. Заходер Б. , проф. — Отделение Востока исторического факультета МГУ в 1945—1946 гг. Крушкол Н. — О работе института истории партии при Ленинградском комитете ВКП(б) — филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Сидельников С. — Работа исторических кафедр Харьковского Госуд. педагогич. института им. Г. С. Сковороды. Куниский С. , проф. — Научная студенческая конференция, посвящённая 75-летию Парижской Коммуны. Рубинштейн Н. — Научные конференции в Государственном Историческом музее. Работа кафедры древней истории Томского государственного университета	143
Историческая наука за рубежом	156

CONTENTS:

ARTICLES: Kozmin B., prof. — N. G. Tchernishevski and M. I. Mikhailov, Bazilevich K., prof. — Regarding the historic conditions of the formation of the Russian State. Yushkov S., prof. — The pre-feudal state. Manandyan Ya., acad. — The aim and route of the Caucasian expedition planned by Neron. Molok A., prof. — The Ordonance of July 25, 1830, and its preparation. COMMUNICATIONS, PUBLICATIONS, NOTES: Picheta V., prof. — N. P. Grazianski and his works on the history of the Slavonic peoples. Neussikhin A., prof. — Grazianski as historian of the Middle Ages. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CALENDAR OF EVENTS.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Kozmine B., prof. — N. G. Tchernychevski et M. I. Mikhailov, Bazilevitch K., prof. — A propos des conditions historiques de la constitution de l'Etat russe. Iouchkov S., prof. — L'Etat préféodal ou „barbare“. Manandiane Ya., acad. — Buts et itinéraire de l'expédition au Caucase, méditée par Néron. Molok A., prof. — Les ordonnances de 25 juillet 1830 et leur préparation. COMMUNICATIONS, PUBLICATIONS, NOTES: Picheta V., prof. — N. P. Grazianski et ses travaux sur l'histoire des peuples slaves. Néoussikhine A., prof. — Grazianski comme historien du Moyen âge, CRITIQUES ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (отв. редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Тел. Д 3-31-04.

А-08561. Изд. № 518. Заказ № 1669. Тираж 33.200.

Подписано к печати 27/VIII 1946 г. 10 печ. л. 68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.